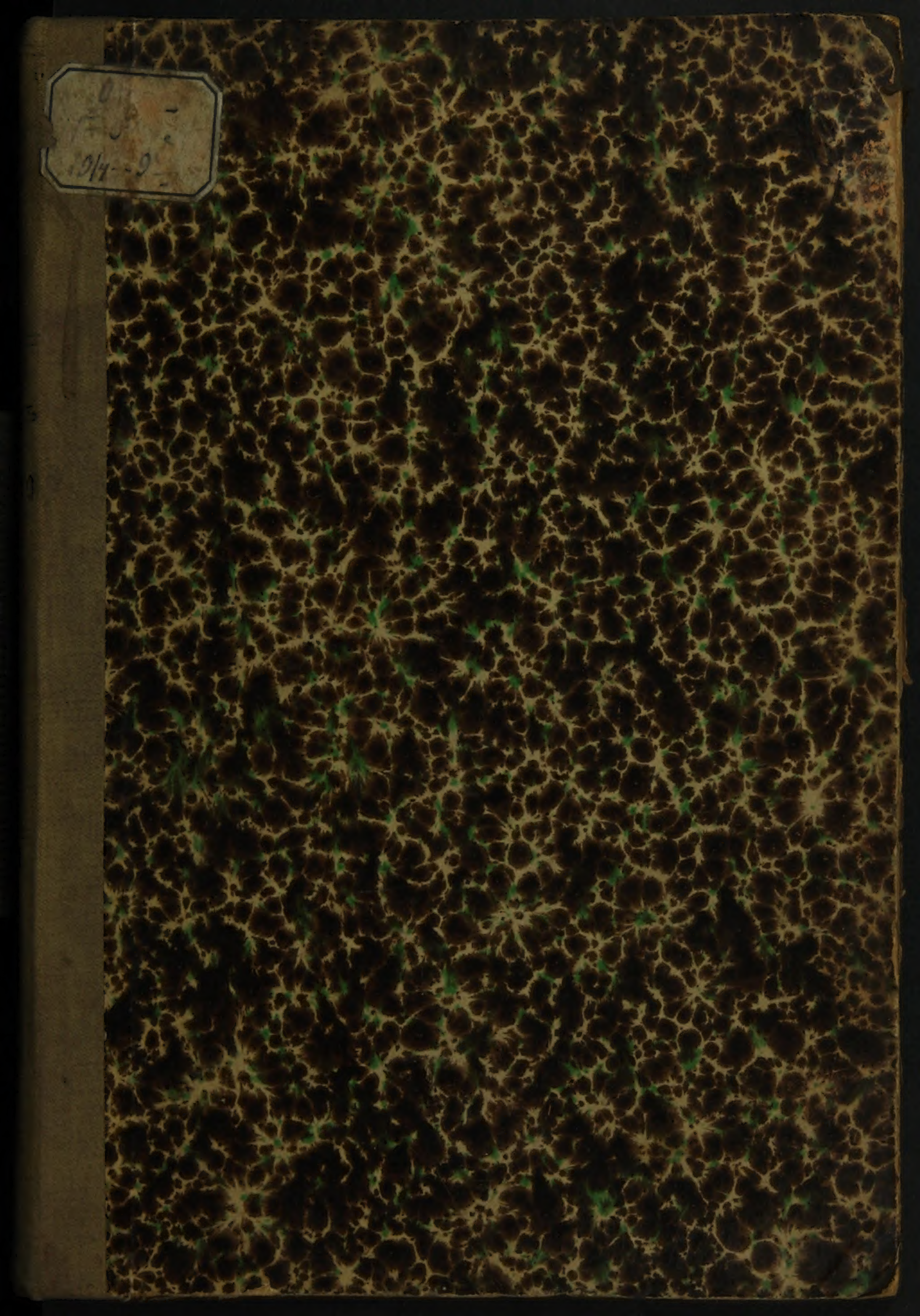
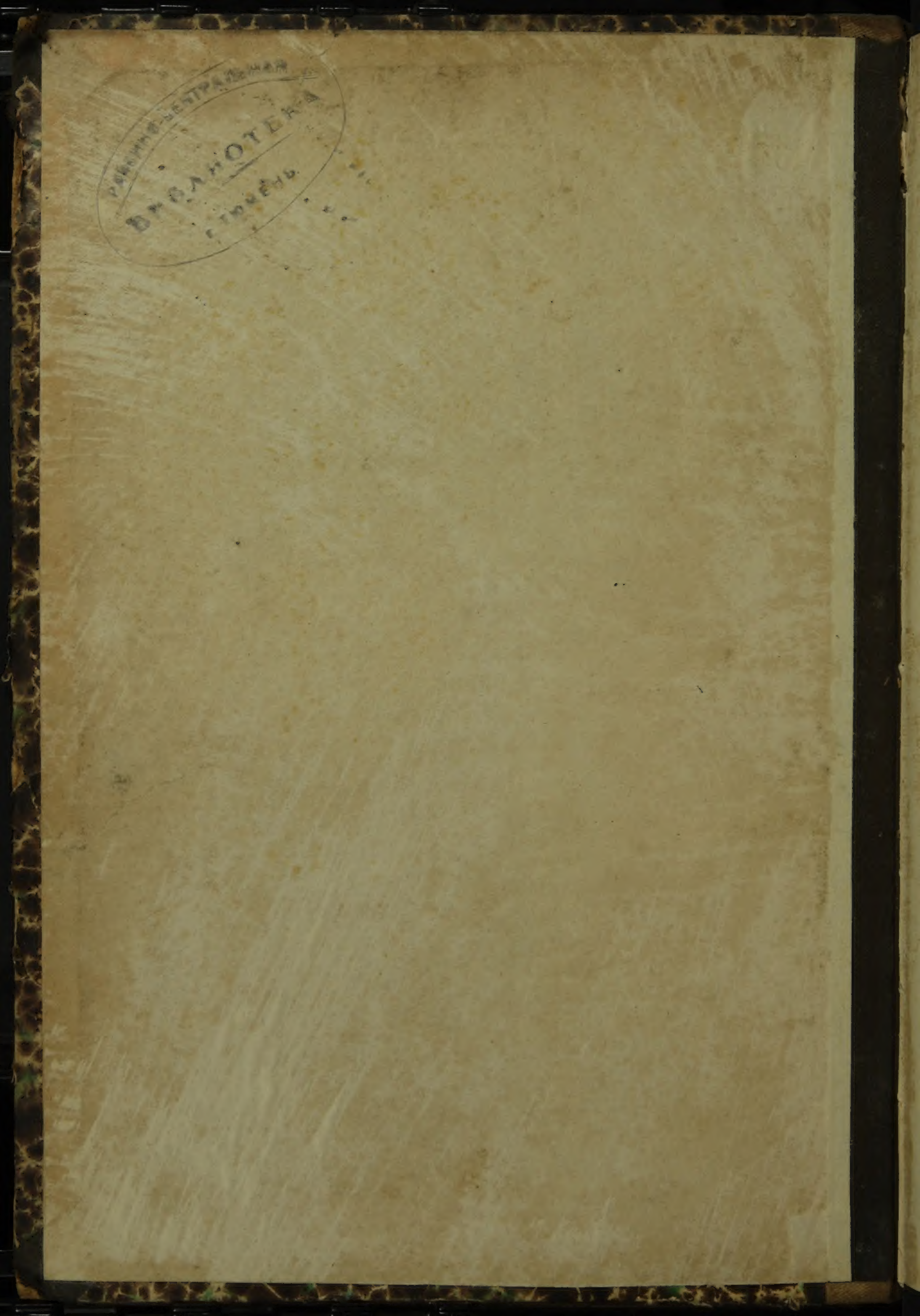
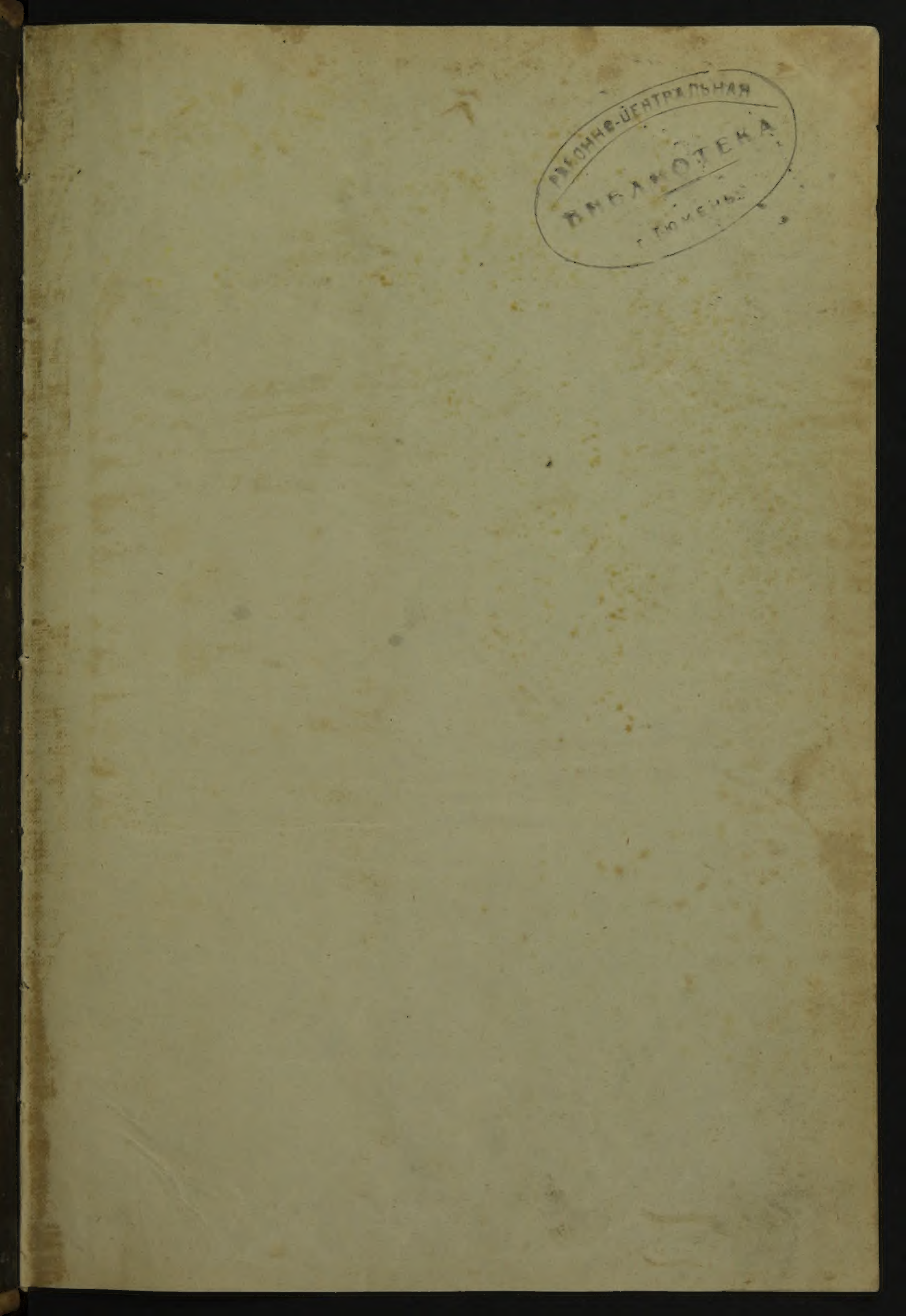
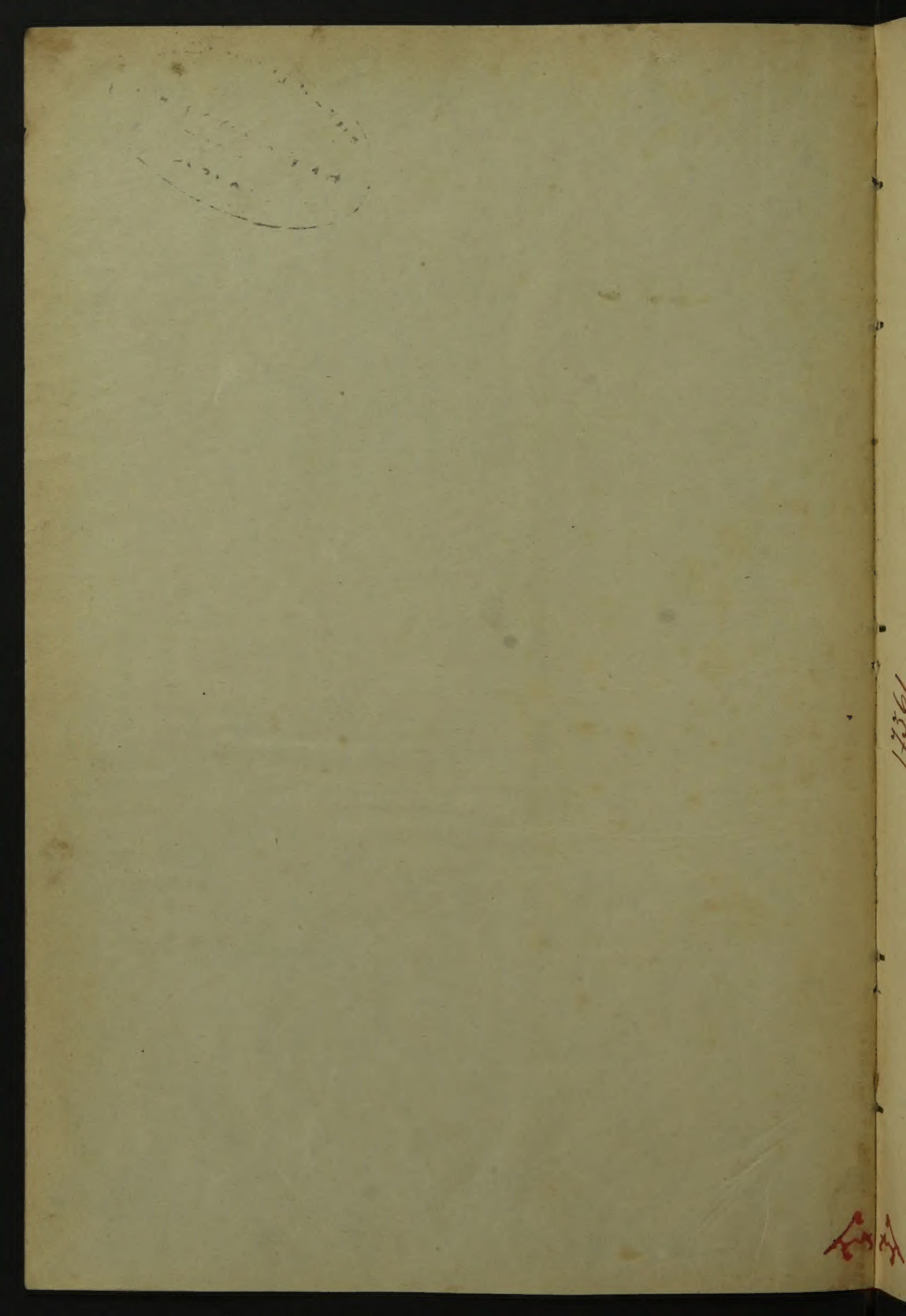

центральная
Библиотека
г. Тюмень

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія II)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 9. Сентябрь. 1914.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной б., Путинковскій пер., соб. д.
1914

ОГЛАВЛЕНІЕ.

)o(

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ.

(† 25 сентября 1864 г.).

> «Не разобщаются люди съ современностью безнаказанно, какъ бы ни было искренне разобщеніе».
>
> *Аполлонъ Григорьевъ.*

Съ легкой руки Некрасова, Бѣлинскаго часто называютъ многострадальнымъ русскимъ критикомъ. Но какъ ни печально въ общемъ сложилась жизнь Бѣлинскаго, судьба одного изъ его учениковъ и страстныхъ поклонниковъ была еще безотраднѣе. Переживши острый періодъ идейныхъ блужданій во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, Бѣлинскій потомъ никогда не чувствовалъ себя «лишнимъ человѣкомъ», никогда не сомнѣвался въ пользѣ своей литературной дѣятельности, никогда не думалъ о самоубійствѣ, никогда не топилъ своего горя и своихъ неудачъ въ винѣ, какъ это было съ Аполлономъ Григорьевымъ. Редакторскія поправки и цензурныя урѣзки отравляли существованіе великаго критика, но онъ все-таки имѣлъ возможность печатать свои статьи въ лучшихъ журналахъ своего времени, тогда какъ Аполлонъ Григорьевъ всю свою жизнь «скитался», переходя изъ одного изданія въ другое. Бѣлинскій въ теченіе всей своей жизни терпѣлъ матеріальную нужду, но онъ ни разу не сидѣлъ въ долговой тюрьмѣ, какъ это не разъ случалось съ Ап. Григорьевымъ.

Далѣе, Бѣлинскій имѣлъ удовольствіе видѣть широкое распространеніе своихъ взглядовъ среди русской молодежи, тогда какъ статьи Ап. Григорьева нерѣдко оставались непрочитанными и даже неразрѣзанными. Вскорѣ послѣ смерти Бѣлинскаго его

сочиненія получили самое широкое распространеніе, и въ настоящее время немыслимъ мало-мальски образованный русскій человѣкъ, незнакомый со статьями великаго критика. Сочиненія же Ап. Григорьева до настоящаго времени остаются, большею частью, разбросанными въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ; не имѣется даже отдѣльнаго изданія *всѣхъ* его критическихъ статей. Наконецъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ приличной біографіи этого замѣчательнаго русскаго человѣка. Даже матеріаловъ для такой біографіи въ теченіе цѣлаго полувѣка издано очень мало.

Но въ этомъ небольшомъ матеріалѣ мы имѣемъ драгоцѣннѣйшія признанія самого Ап. Григорьева въ его автобіографическихъ сочиненіяхъ и въ его письмахъ къ Гоголю, Погодину, Страхову, Бородиной и другимъ лицамъ — признанія, которыя даютъ намъ возможность заглянуть въ самую глубь его души страдающей и бурной. Эти признанія, дополненныя фактическими данными изъ немногочисленныхъ воспоминаній и біографическихъ трудовъ объ Ап. Григорьевѣ, и положены въ основу предлагаемаго читателямъ очерка [1]).

I. Дѣтство.

Дѣдъ Ап. Григорьева по отцу происходилъ изъ духовнаго сословія и пришелъ въ Москву пѣшкомъ «въ нагольномъ полушубкѣ» [2]), чтобы усердной службой добиться дворянства и умереть домовладѣльцемъ и помѣщикомъ. По семейнымъ преданіямъ, это былъ деспотъ въ родѣ Степана Михайловича Багрова, отъ котораго онъ отличался только нѣкоторымъ стремленіемъ къ просвѣщенію и тяготѣніемъ къ мистицизму. Онъ былъ лично знакомъ съ Нови-

[1]) Автобіографическія сочиненія Ап. Григорьева: неоконченныя «Мои литературныя и нравственныя скитальчества» и «Краткій послужной списокъ на память моимъ старымъ и новымъ друзьямъ» — напечатаны въ журналахъ «Время» 1862 г., №№ 11 и 12, и «Эпоха» 1864 г., №№ 3,5 и 9. Письма Ап. Григорьева къ Гоголю напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1907 г., №. 10, письма къ Погодину — въ сочиненіи Барсукова «Жизнь и труды Погодина», томы VIII—XVIII, письма къ Страхову, съ воспоминаніями Страхова и съ примѣчаніями Достоевскаго,—въ «Эпохѣ» 1864 г., № 9, письма къ Бородиной — въ «Эпохѣ» 1865 г., № 2. Кромѣ воспоминаній Фета («Ранніе года моей жизни») и А. П. Милюкова («Литературныя встрѣчи и знакомства»), бѣглыя упоминанія объ Ап. Григорьевѣ встрѣчаются въ воспоминаніяхъ Боборыкина, Галахова, Головачевой, Панаевой, Горбунова, Григоровича, С. Максимова, Полонскаго, Сѣченова и др. Изъ біографическихъ трудовъ заслуживаютъ вниманія статья «Одинокій критикъ», напечатанная въ «Книжкахъ Недѣли» 1895 г., №№ 8 и 9, сыномъ Ап. Григорьева, и книжки Шахъ-Паронiанца «Критикъ-самобытникъ А. А. Григорьевъ» (Спб. 1899) и Д. Михайлова «Аполлонъ Григорьевъ» (Спб. 1900).

[2]) Слова, отмѣченныя кавычками, принадлежатъ вездѣ, гдѣ не сдѣлано указанія, Ап. Григорьеву. Курсивъ въ этихъ цитатахъ также его.

ковымъ, былъ даже членомъ какой-то масонской ложи, имѣлъ библіотеку, былъ большимъ знатокомъ духовныхъ книгъ и вступалъ въ споры съ архіереями. Отъ своего дѣда Ап. Григорьевъ могъ унаслѣдовать и любовь къ просвѣщенію, и тяготѣніе къ мистицизму, и неистовую натуру, проявлявшуюся по временамъ «звѣрообразными взрывами».

Отецъ Ап. Григорьева получилъ образованіе въ Благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, гдѣ учились многіе видные русскіе дѣятели первой половины XIX вѣка, но вынесъ онъ изъ этой школы очень немного, если не считать знанія иностранныхъ языковъ, «суевѣрнаго уваженія» къ Карамзину, нѣкоторой склонности къ стихотворству и любви къ чтенію романовъ. «Кряжевой деспотизмъ» Григорьева-дѣда и событія 1825 г. пагубно отразились на характерѣ Григорьева-отца: онъ боялся, какъ огня, всякаго буйства и вольнодумства и старался всю жизнь слѣдовать пословицѣ: «ласковое теля двухъ матокъ сосетъ».

Будь у Григорьева-отца вмѣстѣ съ этой молчалинской философіей еще энергія Григорьева-дѣда, онъ высоко поднялся бы по лѣстницѣ служебной іерархіи; но энергіи-то какъ разъ и не хватало «морально забитому» отцу нашего критика, и по службѣ онъ не ушелъ дальше секретаря московскаго магистрата и чина титулярнаго совѣтника.

Мать Ап. Григорьева была дочерью крѣпостного кучера, принадлежавшаго родителямъ ея мужа. По словамъ ея сына, это была женщина, одаренная отъ природы замѣчательнымъ здравымъ умомъ и эстетическимъ чувствомъ, но въ то же время лишенная почти всякаго образованія. Она еле читала по складамъ и, по свидѣтельству Фета, жившаго у Григорьевыхъ во время студенчества, воздерживалась при незнакомыхъ «отъ всякаго рода сужденій». Кромѣ того она страдала какой-то періодически возвращавшейся психической болѣзнью, во время которой «переставала быть человѣкомъ».

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что «ипохондрическіе припадки» матери отразились и на психическомъ складѣ сына, который до конца своей жизни страдалъ отъ приступовъ «неестественной тоски».

Имѣя не вполнѣ нормальныхъ родителей, Ап. Григорьевъ и на свѣтъ Божій явился въ 1822 г. при не совсѣмъ обычныхъ условіяхъ. Встрѣтивъ со стороны своей родни противодѣйствіе браку съ дочерью кучера, отецъ Ап. Григорьева предался сильному пьянству, потерялъ мѣсто въ сенатѣ и обвѣнчался съ предметомъ своей страсти уже послѣ рожденія нашего критика, который,

благодаря этому обстоятельству, до окончанія университетскаго курса числился въ мѣщанскомъ сословіи.

Выросъ Ап. Григорьевъ въ Москвѣ среди обстановки, сильно напоминающей гончаровскую «обломовщину». Домъ былъ наполненъ старой родней и праздной дворней, мать была всецѣло погружена въ хозяйство, обѣдъ былъ «священнодѣйствіемъ, къ которому приготовлялись еще съ утра, заботливо заказывая и истощая всю умственную дѣятельность въ изобрѣтеніи различныхъ блюдъ». Маленькій Аполлонъ былъ общимъ любимцемъ и баловнемъ: онъ былъ окруженъ всевозможными заботами и попеченіями, заваленъ игрушками, его закармливали сластями, никогда не наказывали розгой; до тринадцати лѣтъ его обувала и одѣвала нянька; даже когда онъ сдѣлался студентомъ, его попрежнему держали на привязи и пускали въ театръ не иначе, какъ въ сопровожденіи Фета.

И въ моральномъ отношеніи мальчикъ былъ окруженъ такой же «обломовщиной», какъ въ матеріальномъ. Старая нянька «апокрифически-легендарно» объясняла ему «страсти Господни» на воротахъ Страстного монастыря; братъ бабушки днемъ безпрестанно молился Богу и читалъ священныя книги, а по вечерамъ разсказывалъ своему внучку «съ полнѣйшею вѣрою исторіи о мертвецахъ и колдуньяхъ». Въ этомъ же направленіи развивали фантазію юнаго Аполлона разсказы московской дворни и пріѣзжихъ крѣпостныхъ, привозившихъ припасы деревенскаго хозяйства.

«На безобразно-нервную натуру мою—говоритъ Ап. Григорьевъ въ своихъ «Скитальчествахъ» — этотъ міръ, полный суевѣрій, подѣйствовалъ такъ, что въ четырнадцать лѣтъ, напитавшись еще кромѣ того Гофманомъ, я истинно мучился по ночамъ на своемъ мезонинѣ... и засыпалъ всегда только послѣ двѣнадцати, послѣ крика предразсвѣтнаго пѣтуха».

Кромѣ болѣзненнаго развитія фантазіи, интимная близость съ дворней содѣйствовала знакомству Ап. Григорьева со всѣми тонкостями крѣпкой русской рѣчи и преждевременному пробужденію въ немъ полового инстинкта. Семи-восьми лѣтъ онъ чувствовалъ подлѣ женщинъ «что-то странное», и по его тѣлу пробѣгали «колючія и сладкія искры». Это были первыя смутныя проявленія страстной натуры, которая впослѣдствіи увлекала Ап. Григорьева на путь самаго необузданнаго распутства и до конца жизни заставляла его мучиться отъ горькаго сознанія, что онъ не можетъ «истребить въ себѣ тоски пса по женщинѣ».

Но были въ этомъ сближеніи съ народомъ и хорошія стороны. «А много, все-таки много — говоритъ Ап. Григорьевъ — обязанъ я тебѣ въ своемъ развитіи, безобразная, распущенная, своеко-

рыстная дворня!» Эта дворня познакомила мальчика не только съ народными суевѣріями и пороками, но также съ народными пѣснями, сказками, играми. Впослѣдствіи онъ съ благодарностью вспоминалъ и деревенскую дѣвочку Марину, которая разсказывала ему въ осеннія сумерки сказки о животныхъ, и кучера Василія, котораго онъ называетъ во многихъ отношеніяхъ своимъ воспитателемъ и на половину первымъ учителемъ.

Это общеніе съ народомъ не менѣе, чѣмъ примѣсь «плебейской» крови, содѣйствовало развитію у Ап. Григорьева «мужицкаго сердца», которое еще въ дѣтствѣ заставляло его «ревѣть до истерики», когда наказывали дворовыхъ, а впослѣдствіи заставляло его пьянствовать и цѣловаться съ фабричными въ московскихъ погребкахъ и восторгаться «нашимъ добрымъ, умнымъ и *широкимъ* народомъ съ его загулами, запоемъ и колоссальнымъ распутствомъ». Изъ этого же «мужицкаго сердца» вышелъ и тотъ девизъ: «демократическая и прогрессивная народность», который Ап. Григорьевъ выставилъ на своемъ литературномъ знамени.

Своеобразный міръ Замоскворѣчья, гдѣ протекла ранняя молодость Ап. Григорьева, также оказалъ на него немалое вліяніе. Еще ребенкомъ онъ видѣлъ и кулачные бои, и хороводы фабричныхъ, и старинные типы купцовъ и «стрюцкихъ», съ которыми впослѣдствіи, какъ со старыми знакомыми, встрѣтился въ драмахъ Островскаго.

Къ вліянію семейной «обломовщины», замоскворѣцкаго быта и народной поэзіи очень рано присоединились и литературныя воздѣйствія. Любимымъ времяпровожденьемъ Григорьева-отца было чтеніе романовъ, производившееся вслухъ. Читались романы чопорной г-жи Жанлисъ, слезливой г-жи Коттенъ, сентиментальнаго Дюкре-Дюмениля, щедрыхъ на фантастическіе ужасы Шписа и Анны Ратклифъ, циничныхъ Пиго-Лебрена и Поля де Кока, правоучительнаго до приторности Лафонтена и тому подобныхъ писателей и писательницъ. За такого рода чтеніемъ въ домѣ Григорьевыхъ проводились цѣлые вечера, а иногда захватывалась и значительная часть ночи.

Въ числѣ слушателей этихъ сентиментальныхъ, грубо-романтическихъ и даже скабрезныхъ романовъ почти всегда былъ и маленькій Апполонъ, не знавшій и не любившій дѣтскихъ книгъ. Только когда чтеніе доходило до особенно неприличныхъ мѣстъ, мальчика удаляли изъ комнаты, но не заботились о томъ, чтобы онъ не подслушивалъ у дверей или не отыскивалъ на другой день книги и не прочитывалъ запретныя главы.

Это «поистинѣ азартное чтеніе — говоритъ Ап. Григорьевъ — имѣло огромное вліяніе на мое моральное развитіе».

II. Годы ученья.

Когда Ап. Григорьеву исполнилось семь лѣтъ, въ домѣ появился въ качествѣ наставника нѣкій Сергѣй Ивановичъ, студентъ-медикъ изъ семинаристовъ, ограничившійся задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ и вліявшій на своего ученика болѣе отрицательными, чѣмъ положительными сторонами своей личности. Но къ этому наставнику часто собирались его товарищи, студенты московскаго университета, которые зачитывались «Московскимъ Телеграфомъ» и «Телескопомъ», восхищались стихами Пушкина и Полежаева, прозой Марлинскаго и игрой Мочалова.

Хотя, по суровому приговору Ап. Григорьева, большинство посѣтителей Сергѣя Ивановича принадлежало къ числу людей умѣренныхъ и аккуратныхъ, явно осужденныхъ на то, чтобы «прокиснуть въ тинѣ всяческихъ благонравій», однако среди нихъ оказались и личности, имѣвшія большое вліяніе на вдумчиваго, не по лѣтамъ развитого, мальчика, относившагося съ отвращеніемъ къ школьнымъ грамматикамъ и ариѳметикамъ. Въ этомъ студенческомъ кружкѣ Ап. Григорьевъ впервые услышалъ горячіе споры о классицизмѣ и романтизмѣ, о нѣмецкой философіи и французской литературѣ.

Въ то время какъ Григорьевъ-отецъ въ своихъ симпатіяхъ къ русской литературѣ застылъ на карамзинской эпохѣ, а по части иностранныхъ литературъ не могъ осилить даже Вальтеръ Скотта, Григорьевъ-сынъ еще въ родительскомъ домѣ познакомился съ новѣйшей русской литературой, не исключая ходившихъ въ рукописяхъ запретныхъ стихотвореній Пушкина и Полежаева, и положилъ начало своему знакомству съ величайшими нѣмецкими, французскими и англійскими писателями. Въ своихъ «Скитальчествахъ» онъ упоминаетъ Гете, Шиллера, Байрона, Мура, Шатобріана, Ламартина, Гюго и особенно подчеркиваетъ свое увлеченіе Гофманомъ и Вальтеръ Скоттомъ. Шекспиръ почему-то не упоминается, хотя мы знаемъ, что на шестнадцатомъ году своей жизни Ап. Григорьевъ перевелъ трагедію «Ромео и Юлія» съ французскаго языка, усвоеннаго имъ отъ дядьки-француза, который также не оставилъ слѣдовъ въ воспоминаніяхъ своего ученика.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что, благодаря кружку своего наставника, Ап. Григорьевъ очень рано сумѣлъ понять могущественный голосъ «великаго борца Виссаріона Бѣлинскаго», раздавшійся въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», которыя онъ первый не задумался печатно назвать впослѣдствіи геніальнымъ произведеніемъ, схватывающимъ въ одно цѣлое все прошедшее и закидывающимъ сѣти въ будущее.

Подготовленный Сергѣемъ Ивановичемъ и извѣстнымъ ученымъ юристомъ Бѣляевымъ, Ап. Григорьевъ въ 1838 г. поступилъ въ московскій университетъ — «университетъ Рѣдкина, Крылова, Морошкина, Крюкова, университетъ таинственнаго гегелизма съ тяжелыми его формами и стремительной, тянущейся неодолимо впередъ силой—университетъ Грановскаго»—и черезъ четыре года окончилъ курсъ юридическаго факультета первымъ кандидатомъ съ золотою медалью, обративъ на себя вниманіе попечителя гр. Строганова сочиненіемъ, написаннымъ на французскомъ языкѣ.

Усердно занимаясь юридическими науками, Ап. Григорьевъ въ то же время страстно увлекался театромъ, оперой, балетомъ, а также литературой и философіей. Онъ изучалъ философію Шеллинга, а отъ Шеллинга перешелъ къ Гегелю, чтобы впослѣдствіи опять возвратиться къ Шеллингу и навсегда остаться его ученикомъ и послѣдователемъ, особенно въ вопросахъ религіи и искусства. Много безсонныхъ ночей провелъ онъ за сочиненіями этихъ, какъ онъ впослѣдствіи писалъ, «безумныхъ искателей и показывателей абсолютнаго хвоста». Не мало также времени ушло на горячіе споры объ искусствѣ, философіи и религіи въ студенческомъ кружкѣ, въ составъ котораго входили такія лица, какъ Фетъ, Полонскій, С. Соловьевъ, Кавелинъ, кн. В. Черкасскій.

Въ этомъ студенческомъ кружкѣ, съ одной стороны, доказывалось бытіе Бога математическимъ путемъ, съ другой проповѣдывалось яркое невѣріе. Ап. Григорьевъ мучительнѣе всѣхъ переживалъ религіозныя сомнѣнія и «физически болѣлъ, худѣлъ, желтѣлъ отъ этого процесса». По окончаніи университетскаго курса онъ былъ «самымъ отчаяннымъ атеистомъ» и своимъ «отчаяннымъ безвѣріемъ» приводилъ въ ужасъ Погодина, но скоро, по свидѣтельству Фета, «однимъ скачкомъ» перешелъ въ крайній аскетизмъ и усердно сталъ молиться передъ иконами, «налѣпляя и зажигая на всѣхъ пальцахъ по восковой свѣчкѣ». Въ это же время онъ писалъ стихи, въ которыхъ Полонскій находилъ «смѣсь метафизики и мистицизма».

Колеблясь въ религіозномъ отношеніи между атеизмомъ и христіанскимъ аскетизмомъ, въ общественно-политическомъ отношеніи Ап. Григорьевъ долженъ былъ дѣлать выборъ между западничествомъ, съ одной стороны, славянофильствомъ и погодинскимъ національизмомъ — съ другой. На первыхъ порахъ онъ болѣе склонялся къ западничеству. Его любимыми профессорами были западники, которые возлагали на него надежды, поощряли его готовиться къ профессурѣ, а пока устроили его въ московскомъ университетѣ, сначала библіотекаремъ, а потомъ секретаремъ совѣта.

Но общеніе съ Грановскимъ, Никитой Крыловымъ и другими профессорами-западниками не мѣшало Ап. Григорьеву помѣщать свои первые стихотворные опыты въ журналѣ Погодина и увлекаться своеобразнымъ демократизмомъ этого, по выраженію Сергѣя Соловьева, «Болотникова во фракѣ министерства народнаго просвѣщенія». Уже въ 1843 г. Ап. Григорьевъ писалъ Погодину такія строки: «Подъ вліяніемъ разговоровъ съ вами я былъ долго счастливъ. Много вѣры въ назначеніе поселяете вы въ меня. Да воздастъ вамъ за это Богъ!» Уже въ это время онъ повѣрялъ Погодину свою неудовлетворенность профессорами-западниками, въ которыхъ видѣлъ «циническое рабство, прикрытое лохмотьями западной науки». Уже въ это время Погодинъ въ глазахъ Ап. Григорьева — «единый представитель старшаго поколѣнія, сочувствующій стремленіямъ поколѣнія новаго».

III. Петербургъ.

Служба Ап. Григорьева въ московскомъ университетѣ продолжалась только нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1843 г., спасаясь отъ невыносимой семейной опеки, а также и отъ несчастной любви, онъ тайкомъ отъ родителей уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы «гордо и смѣло искать истины и свободы». Въ Петербургѣ онъ также служилъ въ управѣ благочинія и въ сенатѣ, но въ 1845 г. покинулъ службу, такъ какъ чувствовалъ въ себѣ силы дѣлать на свѣтѣ «что-нибудь лучшее, чѣмъ вести настольные реестры», и всецѣло предался лихорадочной литературной дѣятельности.

Въ петербургскомъ журналѣ «Репертуаръ русскаго и Пантеонъ всѣхъ иностранныхъ театровъ» онъ печаталъ стихотворенія, разсказы, повѣсти, театральныя рецензіи, наконецъ переводы. Въ это же время онъ напечаталъ характерную для его положенія между славянофилами и западниками драму въ стихахъ «Два эгоизма», гдѣ осмѣяны и Константинъ Аксаковъ подъ именемъ Баскакова, и Петрашевскій въ лицѣ фурьериста Пѣтушевскаго.

Напряженная литературная дѣятельность Ап. Григорьева не удовлетворяла его нравственно и не обезпечивала матеріально. Въ то же время его страшно возмущала россійская дѣйствительность съ ея «рабствомъ и гнусностями», съ «подлостью и филистеріей», которыя встрѣчались «на каждомъ шагу», и онъ одно время хлопоталъ даже о полученіи мѣста учителя гимназіи въ Сибири, чтобы расплатиться съ долгами и уѣхать изъ «гоголевскаго Петербурга».

Родители звали его обратно въ Москву и прельщали его профессурой въ московскомъ университетѣ. «Но скажите ради Бога, — писалъ онъ Погодину, — что я буду тамъ дѣлать? Служить я не

могу, филистерствовать тоже, ибо вы сами слишкомъ хорошо знаете, какъ пошлъ, глупъ и цинически подлъ юридическій факультетъ. Когда оставите университетъ вы, Давыдовъ, отчасти Шевыревъ, тогда, за исключеніемъ добраго, хотя ограниченнаго, Грановскаго и свѣжаго еще, благороднаго, хотя исполненнаго предразсудковъ и византійской религіи, Соловьева, останется стадо скотовъ, богохульствующихъ на науку».

Тяжелая работа и матеріальная нужда, нравственное броженіе и неопредѣленное будущее — все это крайне вредно отражалось на моральномъ состояніи Ап. Григорьева. По временамъ онъ былъ боленъ «припадками хандры» и спасался отъ нихъ, только погружаясь въ омутъ столичныхъ развлеченій всякаго рода, гдѣ ему нерѣдко приходилось «забывать человѣческое достоинство». Къ этому именно времени относится и начало той болѣзни (запоя), которая расшатала богатырское здоровье Ап. Григорьева и свела его въ преждевременную могилу.

Угнетенное душевное состояніе Ап. Григорьева отразилось и въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1846 году. Не даромъ Бѣлинскій назвалъ молодого поэта «пѣвцомъ вѣчно одного и того же предмета — собственнаго страданія» — и упрекалъ его за то, что онъ черезчуръ часто говоритъ о «гордости страданія», о «безумномъ счастіи страданія» и вообще «силится сдѣлать изъ своей поэзіи апоѳеозу страданія», явно подражая притомъ Лермонтову.

Въ этихъ же стихотвореніяхъ Бѣлинскій отмѣтилъ и тѣ недостатки Ап. Григорьева, отъ которыхъ онъ не освободился до конца своей жизни — его мистицизмъ и претензіи на «самобытность», выразившіеся въ туманно-мистическихъ фразахъ, которыя напомнили великому критику старую эпиграмму:

Ужъ подлинно Бибрусъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ бо его никто не разумѣлъ.

Стихамъ и прозѣ, которыя печатались въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», и самъ Григорьевъ не придавалъ особеннаго значенія. «Въ 1846 г. — говоритъ онъ въ своемъ «послужномъ спискѣ» — я редактировалъ «Пантеонъ» и со всѣмъ увлеченіемъ и азартомъ городилъ въ стихахъ и повѣстяхъ ерундищу непроходимую». Первымъ своимъ «честнымъ» трудомъ онъ считалъ стихотворный переводъ «Антигоны» Софокла, напечатанный въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1846 г., и впослѣдствіи съ горечью вспоминалъ, что за этотъ честный трудъ онъ былъ обруганъ Бѣлинскимъ «хуже всякаго школьника».

«Едва ли Софоклъ — писалъ Бѣлинскій въ обзорѣ русской литературы 1846 г. — узналъ бы себя въ этомъ торопливомъ

исполненномъ претензій и крайне невѣрномъ переводѣ Григорьева. Величавый древній сенаръ (шестистопный ямбъ) превратился въ какую-то рубленую неправильную прозу... Мелодическіе хоры являются пустозвоннымъ наборомъ словъ, часто лишенныхъ всякаго смысла» и т. д.

IV. Москва.

Запутавшійся въ долгахъ, закружившійся въ вихрѣ петербургской жизни, Ап. Григорьевъ въ 1847 г. былъ возвращенъ родителями въ Москву. Тамъ онъ получилъ уроки законовѣдѣнія въ Александровскомъ сиротскомъ институтѣ и въ первой московской гимназіи и сталъ сотрудничать въ періодическихъ изданіяхъ различныхъ направленій. Онъ велъ политическій отдѣлъ въ «Москвитянинѣ» Погодина, составлялъ лѣтопись московскаго театра для «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго, печаталъ переводы въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и особенно дѣятельно работалъ въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» 1847 года.

Въ этомъ изданіи Ап. Григорьевъ напечаталъ, между прочимъ, статью о «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя, къ которой отнесся съ большимъ сочувствіемъ, потому что она нападала на тотъ «недугъ безволія», «недугъ распущенности», который онъ считалъ главнымъ своимъ недостаткомъ и объяснялъ его, какъ «слѣдствіе ранняго пресыщенія жизнью». «Отсюда — раскрывалъ онъ свою душу Гоголю — сознаніе идеала и сознаніе своего собственнаго безсилія сообразоваться идеалу, состояніе души, можетъ быть, самое безотрадное, самое скорбное состояніе вѣры и разума и апатіи сердца».

Хотя за сочувствіе къ «Перепискѣ» Гоголя Ап. Григорьевъ, говоря его словами, «былъ оплеванъ буквально именемъ *подлеца* Герценомъ и его кружкомъ», хотя онъ не скрывалъ своего «безконечнаго уваженія» къ Погодину, — эти обстоятельства не помѣшали ему жениться въ 1848 г. на Лидіи Өедоровнѣ Коршъ и сдѣлаться зятемъ и свякомъ такихъ близкихъ къ Герцену западниковъ, какъ Евгеній Коршъ и Кавелинъ. Но бракъ этотъ, сдѣлавшій Ап. Григорьева отцомъ двухъ сыновей, только увеличилъ его матеріальныя затрудненія и не внесъ мира и порядка ни въ его мятежную душу, ни въ его домашнюю обстановку.

Воспитанная подъ вліяніемъ западниковъ, увлекавшаяся идеаломъ свободной женщины въ духѣ Жоржъ Зандъ, Лидія Өедоровна, по свидѣтельству ея сына, во многомъ не сочувствовала тѣмъ взглядамъ, которымъ ея мужъ былъ преданъ до фанатизма, и не могла обуздать его бродячихъ инстинктовъ и укротить его неистовую натуру, искавшую забвенія въ кутежахъ и разнаго

рода оргіяхъ не только съ друзьями и студентами, но также съ фабричными и цыганами.

Если вѣрить Ап. Григорьеву, была только одна женщина, страсть къ которой терзала его до конца жизни и которая могла бы успокоить и остепенить его. «Для одной только женщины въ мірѣ — писалъ онъ въ 1859 г. — могъ я изъ *бродяги-безсемейника, кочевника*, обратиться въ *почтеннаго* и можетъ быть (чего не можетъ быть?) въ нравственнаго *мѣщанина*». И дѣйствительно, въ обществѣ любимой женщины Ап. Григорьевъ, по свидѣтельству Сѣченова, «былъ всегда трезвъ», тогда какъ собственная жена не только не могла удержать его отъ пьянства, но даже сама, слѣдуя примѣру мужа и его друзей, пристрастилась къ вину.

На первыхъ порахъ послѣ женитьбы Ап. Григорьевъ, по свидѣтельству Сѣченова, не выставлялъ себя ни врагомъ западниковъ, ни отъявленнымъ славянофиломъ, онъ поклонялся только нравственнымъ доблестямъ русскаго народа и любилъ декламировать нѣкоторыя стихотворенія Некрасова. Но постепенно, послѣ возвращенія въ Москву, «все народное, даже мѣстное, — говоритъ онъ въ своихъ «Скитальчествахъ», — что окружало мое воспитаніе, все, что я на время успѣлъ почти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣяніямъ науки и литературы, — поднимается въ душѣ съ нежданною силою и растетъ, растетъ до фанатической исключительной мѣры, до нетерпимости, до пропаганды».

Эта «народность», подогрѣваемая общеніемъ съ Погодинымъ, доводитъ Ап. Григорьева до подражанія недавно осмѣянному имъ Константину Аксакову. По свидѣтельству Фета, онъ сталъ щеголять въ черной венгеркѣ со шнурами, напоминавшей боярскій кафтанъ, и въ сапогахъ съ высокими голенищами, вырѣзанными подъ колѣнями сердечкомъ. Впослѣдствіи, по словамъ С. Максимова, его можно было видѣть и въ широкомъ армякѣ, и въ сапогахъ съ напускомъ, и въ барашковой шапкѣ мужицкаго покроя.

Казалось, что въ это время, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, настало конецъ для «литературныхъ и нравственныхъ скитальчествъ» Ап. Григорьева. «Явился Островскій, — писалъ онъ въ своемъ «послужномъ спискѣ»,— и около него, какъ центра, кружокъ, въ которомъ *нашлись* всѣ мои дотолѣ смутныя вѣрованія». На одномъ вечерѣ у Островскаго послѣ одушевленно пропѣтой Тертіемъ Филипповымъ народной пѣсни Ап. Григорьевъ упалъ на колѣни и просилъ, чтобы ему позволили бросить якорь въ этомъ кружкѣ, гдѣ онъ нашелъ ту правду, которой давно искалъ и нигдѣ не находилъ.

И Ап. Григорьевъ былъ принятъ въ кружокъ, составившій

такъ называемую молодую редакцію «Москвитянина», несмотря на крайне безцеремонную характеристику Погодина. «Господинъ Григорьевъ — сказалъ онъ — золотой сотрудникъ, борзописецъ, много хорошаго вездѣ скажетъ онъ, и съ чувствомъ, но не знаетъ, ни гдѣ ему *высморкаться* (Погодинъ выразился болѣе грубо), ни гдѣ молитву прочесть. Первое онъ исполнитъ всегда въ переднемъ углу, а второе — подъ лѣстницею».

Въ обновленномъ «Москвитянинѣ» Ап. Григорьевъ занялъ мѣсто перваго критика. «Съ 1851 по 1854 годъ включительно — значится въ его «послужномъ спискѣ» — энергія дѣятельности и ругань на меня неимовѣрная, до пѣны у рта». Особенно плодовитъ былъ у него 1852 годъ, когда онъ, кромѣ обзора русскихъ журналовъ, кромѣ лѣтописи московскаго театра и библіографіи, напечаталъ переводъ «Вильгельма Мейстера» Гете и четыре статьи о русской литературѣ, гдѣ смѣло заявилъ, что онъ ждетъ «новаго слова» отъ Островскаго.

Въ слѣдующемъ году Ап. Григорьевъ подвергъ подробному разбору «Бѣдную невѣсту» и поставилъ автора этой комедіи «во главѣ современнаго литературнаго движенія». Въ 1854 г. появляется новая драма Островскаго «Бѣдность — не порокъ», и энтузіазмъ Григорьева переходитъ всякія границы. Для выраженія своего восторга онъ не ограничивается смиренной прозой и печатаетъ въ «Москвитянинѣ» длинную «элегію-оду-сатиру» подъ заглавіемъ «Искусство и правда», гдѣ называетъ Островскаго «глашатаемъ новой правды», олицетвореніемъ которой въ глазахъ восторженнаго критика явился Любимъ Торцовъ, —

Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но съ русской, чистою душой.

Въ слѣдующемъ году Ап. Григорьевъ захотѣлъ высказать свой взглядъ на Островскаго и въ прозѣ, но читатели ясно поняли только двѣ мысли критика, первая, что драмы Островскаго создали народный театръ, вторая, что «новое слово Островскаго есть самое старое слово — народность». Хотѣлъ было Григорьевъ объяснить, что такое народность, но успѣлъ остановиться только на русскихъ лѣтописяхъ, на Домостроѣ, на сочиненіяхъ Посошкова, а дальше не пошелъ: статья осталась неоконченной.

Ап. Григорьевъ немного преувеличилъ, когда впослѣдствіи писалъ о «неимовѣрной ругани», вызванной его прозаическими и стихотворными славословіями Островскому. Такъ, напримѣръ, «Отечественныя Записки» въ апоѳеозѣ Любима Торцова усмотрѣли «невѣжественную хулу на русскую литературу», «искаженіе вкуса и совершенное забвеніе всѣхъ чистыхъ литературныхъ преданій». Но это неумѣренно восторженное отношеніе къ Любиму

Торцову объясняется не столько «искаженіемъ вкуса», сколько сочувствіемъ критика къ собрату по несчастной судьбѣ.

Дѣло въ томъ, что ни дѣятельное сотрудничество въ «Москвитянинѣ», ни уроки въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ не спасали Ап. Григорьева, при его крайне безалаберной жизни, отъ матеріальной нужды. Педагогическій трудъ оплачивался крайне скудно, а Погодинъ платилъ первому критику за оригинальныя статьи по 15 рублей, а за переводы по 6 рублей съ печатнаго листа, да и то крайне неаккуратно. Неудивительно, что письма Ап. Григорьева къ Погодину наполнены просьбами о денежной помощи и о протекціи для полученія разныхъ мѣстъ, напр., инспектора гимназіи, редактора «Московскихъ Вѣдомостей» и т. д.

Въ 1855 г. Григорьевъ просилъ Погодина выхлопотать ему мѣсто учителя исторіи, такъ какъ законовѣдѣніе для него предметъ — «чуть что не отвратительный». «Я знаю себя хорошо, — писалъ онъ, — знаю, что только и гожусь въ учителя и въ литераторы... Ни на что другое я не гожусь, но это — мое дѣло... Я буду однимъ изъ лучшихъ преподавателей исторіи, особенно русской, по любви моей къ дѣлу, по способности къ одушевленію въ передачѣ фактовъ и по моей несомнѣнной опытности въ дѣлѣ преподаванія... Возьмитесь, *Христа ради*, спасти меня отъ такого душевнаго ада, который вамъ и невообразимъ. Я, какъ Любимъ Торцовъ, прошу вѣдь честнаго куска хлѣба... Я запутался и морально и запутался денежно... *Назябся ужъ я, наголодался ужъ я* морально, хуже чѣмъ Любимъ Торцовъ физически».

Но Погодинъ въ большинствѣ случаевъ оставался глухимъ къ отчаяннымъ просьбамъ своего главнаго сотрудника, ученика и поклонника, или же вмѣсто денегъ и протекціи преподносилъ ему упреки за «безпутное житіе не по средствамъ». Иногда же издатель «Москвитянина» доходилъ до такой патріархальности, что посылалъ «перваго критика» созывать своихъ сотрудниковъ на блины, забывая, что у него «даже и средствъ нѣтъ быть разсыльнымъ». «Въ настоящую минуту — писалъ раздраженный Григорьевъ въ февралѣ 1853 г. — вы довели меня до того, что я мечтаю только раздѣлаться съ моимъ долгомъ, бросить опротивѣвшую мнѣ литературу и опять навьючить себя, какъ кляча, уроками».

Сотрудничество въ «Москвитянинѣ» опротивѣло Григорьеву не только потому, что издатель этого журнала отличался «адской скупостью» и держалъ своихъ сотрудниковъ въ черномъ тѣлѣ, но и потому еще, что онъ позволялъ себя дѣлать въ статьяхъ главнаго критика такія поправки и вставки, которыя приводили автора въ бѣшенство.

«Напишешь, бывало, статью о современной литературѣ, — вспоминалъ впослѣдствіи Григорьевъ, — ну, положимъ, хоть о лирическихъ поэтахъ — и вдругъ къ изумленію и ужасу видишь, что въ нее къ именамъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Хомякова, Огарева, Фета, Полонскаго, Мея втесались въ сосѣдство имена графини Растопчиной, г-жи Каролины Павловой, г. М. Дмитріева, г. Ѳедорова... и—о ужасъ! Авдотьи Глинки! Видишь и глазамъ своимъ не вѣришь! Кажется — послѣднюю корректуру и сверстку даже прочелъ, а вдругъ точно по манію волшебнаго жезла явились въ печати незваные гости!»

А то былъ и такой случай въ 1853 году. Григорьевъ помѣстилъ въ свою статью «позорное имя Ѳадейки Булгарина», а Погодинъ вмѣсто него поставилъ имя Николая Полевого. «Неужели потому только, — язвительно спрашивалъ Григорьевъ своего «политическаго и общественнаго учителя», — что Ѳадейка служилъ *кое-гдѣ*, а Полевой — покойникъ?» (Булгаринъ служилъ въ III отдѣленіи). Неуваженіе Погодина къ главному критику «Москвитянина» доходило до такой безцеремонности, что въ 1854 г., напечатавъ упомянутое стихотвореніе Григорьева «Искусство и правда», въ слѣдующей книгѣ онъ помѣстилъ и эпиграмму на него, сочиненную М. Дмитріевымъ, да еще съ примѣчаніемъ, что редакція печатаетъ эту эпиграмму «съ удовольствіемъ».

Третируя такимъ непозволительнымъ образомъ главнаго сотрудника своего журнала, Погодинъ не только проявлялъ свою топорную натуру, но и невольно считался съ крайне неблагосклоннымъ отношеніемъ къ Григорьеву петербургскихъ журналистовъ и даже сотрудниковъ и читателей самого «Москвитянина». Такъ, Писемскій писалъ Погодину, что Ап. Григорьеву нельзя вѣрить на слово, потому что «онъ завирается иногда». Тихонравовъ сообщалъ, что въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» фактами доказано, что Григорьевъ перемѣшалъ названія романовъ, позабылъ ихъ содержаніе и смѣшалъ двухъ различныхъ писателей.

Особенно возмущалась статьями Григорьева гр. Растопчина. «Чортъ знаетъ, — писала она Погодину, — что ваши дикіе бегемоты дѣлаютъ изъ «Москвитянина»!.. Что за безпрестанныя, до тошноты пошлыя хваленья и куренья *своимъ*... И какъ устоитъ слава бѣднаго Островскаго противъ такихъ неумѣстныхъ всесожженій, похожихъ на булыжникъ крыловскаго медвѣдя?.. Прилично ли, чтобъ подъ вашей фирмою издавались такія глупости, произведенія пьяной и шальной бездарности?.. Прогоните всю эту сволочь писакъ и марателей бумаги, довѣрьте критику кому-нибудь подѣльнѣе, хоть бы Алмазову, который несравненно умнѣе, образованнѣе и приличнѣе».

Даже чиновники цензурнаго вѣдомства находили, что статьи Григорьева, по своему неудобопонятному изложенію, кромѣ наборщика и корректора, едва ли найдутъ себѣ другихъ читателей, и что русская литература и читатели «Москвитянина» ничего не потеряютъ, если эти статьи вовсе не появятся въ печати.

Но самъ Ап. Григорьевъ до фанатизма вѣрилъ въ правду своего направленія и въ необходимость своихъ туманныхъ статей для процвѣтанія журнала. Въ 1855 г., когда «Москвитянинъ» уже доживалъ послѣдніе дни, Ап. Григорьевъ для спасенія своего органа просилъ у Погодина сначала «вице-редакторства», а потомъ «хоть на одинъ годъ диктаторства», обязываясь за 75 рублей ежемѣсячно доставлять не менѣе четырехъ листовъ и редактировать журналъ. Погодинъ не согласился, и «Москвитянинъ» прекратилъ свое существованіе.

«Адская скупость» Погодина, какъ думалъ Ап. Григорьевъ, погубила журналъ, съ которымъ у него были связаны самыя свѣтлыя воспоминанія жизни. «Я оживалъ душою, — писалъ онъ въ 1864 г., — я вѣрилъ... всѣми отправленіями рвался навстрѣчу къ тѣмъ великимъ откровеніямъ, которыя сверкали въ начинавшейся дѣятельности Островскаго, къ тѣмъ свѣжимъ ключамъ, которые били въ «Тюфякѣ» и другихъ вещахъ Писемскаго да въ ярко-талантливыхъ и симпатическихъ набросках... И. Т. Кокорева; — передо мной какъ будто изъ-подъ спуда возникалъ міръ преданій, отринутыхъ только логически рефлексіей; со мной заговорили вновь и заговорили внятно, ласково и старыя стѣны стараго Кремля и безыскусственно-высоко-художественныя страницы старыхъ лѣтописей; меня, какъ что-то растительное, сталъ опять обвѣвать, какъ въ года дѣтства, органическій міръ народной поэзіи».

Легко понять, какія чувства волновали «неистоваго Аполлона» въ первое время послѣ прекращенія «Москвитянина», единственнаго органа, направленію котораго онъ сочувствовалъ. «Я лично— писалъ онъ Погодину — истерзанъ до того, что желаю только покоя смерти, безъ малѣйшей фразы; если что воздерживаетъ меня отъ самоубійства, такъ это — право, не *дѣти*... не *страхъ* смерти, не вѣра въ будущую жизнь... а вопросъ: къ чему же дана эта жажда дѣятельности, эта раздражительная способность жить высшими интересами?»

Пожираемый жаждой дѣла, жаждой борьбы за свое направленіе, за «демократическую и прогрессивную народность» Ап. Григорьевъ хотѣлъ войти въ составъ редакціи возникшаго въ 1856 г. славянофильскаго органа «Русская Бесѣда», но издатель ея Кошелевъ отказался предоставить «исключительное завѣды-

ваніе» критическимъ отдѣломъ человѣку, который смотрѣлъ на новый журналъ, какъ на возстановленіе «Москвитянина» и расходился со славянофилами во взглядахъ на искусство и народность.

Въ то время какъ для славянофиловъ искусство имѣло значеніе только служебное, для Ап. Григорьева оно имѣло значеніе вполнѣ самостоятельное и стояло даже выше науки по своему вліянію на жизнь. Въ то время какъ славянофилы сочувствовали всему разноплеменному славянству, Ап. Григорьевъ превозносилъ «начало великорусское» и подозрительно относился или, по крайней мѣрѣ, готовъ былъ относиться къ началамъ «ляхитскому и хохлацкому». Въ то время какъ славянофилы считали хранителемъ вѣры, нравовъ и языка отцовъ — крестьянство, Ап. Григорьевъ видѣлъ «старую, извѣчную Русь» преимущественно въ купечествѣ.

Явилась въ это время для Ап. Григорьева возможность сдѣлаться сотрудникомъ «Современника», гдѣ о немъ хорошо отзывался даже Чернышевскій, цѣнившій его живой, энергическій умъ и искреннее, горячее увлеченіе истиной и ставившій его выше Дружинина и Дудышкина, — но преданный до фанатизма своему направленію, несмотря на «адски-запутанное положеніе» своихъ дѣлъ, онъ не рѣшился перейти вслѣдъ за Островскимъ въ «тушинскій лагерь».

Ап. Григорьевъ все еще продолжалъ вѣрить, что при его помощи «Москвитянинъ» можетъ возстать изъ мертвыхъ. Этою вѣрою онъ заразилъ и Погодина, и лѣтомъ 1857 г. была отправлена въ главное управленіе цензуры просьба объ утвержденіи Ап. Григорьева редакторомъ «Москвитянина», который долженъ былъ возобновиться съ 1858 года. Директоръ училищъ Московской губерніи далъ отзывъ, что Григорьевъ—«человѣкъ благонамѣренный и въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ замѣченъ не былъ»; со стороны III Отдѣленія также никакихъ препятствій не встрѣтилось, и Григорьевъ былъ утвержденъ редакторомъ погодинскаго журнала.

V. За границей.

Пока о новомъ редакторѣ наводились офиціальныя справки, самъ онъ очутился уже въ Италіи наставникомъ въ семействѣ кн. Трубецкого.

Если трудно представить себѣ «неистоваго Аполлона» въ роли учителя гимназіи, то его наставничество въ аристократической семьѣ кажется чѣмъ-то невѣроятнымъ. И тѣмъ не менѣе, когда Погодинъ предложилъ ему это мѣсто, онъ ухватился за него, какъ утопающій за соломинку. «Если бы мнѣ предложили вы тогда ѣхать въ Гренландію, — писалъ онъ Погодину, — я бы

точно такъ же охотно согласился, какъ согласился ѣхать въ Италію. Душа моя была совсѣмъ разбитая, и не было въ ней ни одного мѣста, которое бы не наболѣло».

Позже, въ «Скитальчествахъ», въ оправданіе своего наставничества Григорьевъ писалъ: «гувернеромъ я не былъ бы и никогда бы, по чистой совѣсти, не только мальчика, но даже щенка не принялъ бы подъ свое руководство, но быть образователемъ я взялся и даже охотно взялся, потому что я люблю это дѣло да и не лишенъ къ нему способностей».

По дорогѣ въ Италію Ап. Григорьевъ посѣтилъ Берлинъ и Вѣну и, какъ широкая русская натура, остался страшно недоволенъ «копеечными, разсчетливыми удовольствіями» нѣмецкихъ столицъ. Онъ «истерически хохоталъ надъ пошлостью и мизеріей Берлина и нѣмцевъ вообще», и только передъ зданіемъ университета благоговѣйно снялъ шапку, потому что «тамъ на цѣлый міръ звучали имена вѣнценосныхъ Гегеля и Шеллинга».

Въ Прагѣ онъ плакалъ отъ умиленія при видѣ чешскаго кремля и «страха ради австрійскаго» замѣнилъ русскій кафтанъ кургузымъ европейскимъ пиджакомъ; въ Вѣнѣ публично ругалъ и городъ и жителей; въ Венеціи «буквально одурѣлъ», едва не утонулъ въ Canal Grande, шагнувши изъ отеля прямо въ воду; наконецъ вмѣстѣ съ Трубецкими онъ основался во Флоренціи, гдѣ и начались его педагогическія занятія.

На первыхъ порахъ Григорьевъ былъ очень доволенъ своимъ новымъ положеніемъ. «Меня покоятъ, — писалъ онъ Погодину,— уважаютъ всѣ мои привычки, даже просили меня остаться при моемъ костюмѣ... Князекъ привязывается ко мнѣ, ибо двухъ часовъ прожить безъ меня не можетъ. Барыня со мною деликатна и предупредительна».

Въ противоположность гувернеру юнаго князька, чопорному англичанину, Ап. Григорьевъ не докучалъ своему ученику «моралью строгой» и занимался съ нимъ урывками русской и славянской грамматикой, латинскимъ языкомъ, русской исторіей и даже Закономъ Божьимъ, удѣляя на всѣ эти предметы часа полтора въ день. Кромѣ того послѣ обѣда онъ часа полтора читалъ семьѣ князя произведенія русской литературы, а все остальное время употреблялъ по своему усмотрѣнію, отдаваясь «съ неистовствомъ» театру, оперѣ, картиннымъ галлереямъ, изучая итальянскій языкъ и обдумывая статьи для «Москвитянина».

Въ то же время онъ писалъ много стиховъ и составлялъ «цѣлую книгу думъ» подъ заглавіемъ «Друзьямъ издалека», гдѣ хотѣлъ изложить всѣ результаты своей внутренней жизни, всѣ свои философскіе, историческіе и литературные взгляды.

Ап. Григорьевъ жилъ (до переселенія на отдѣльную квартиру) въ великолѣпномъ палаццо, «гдѣ плюнуть некуда — все мраморъ да мраморъ», всякій день катался верхомъ, наслаждался красотами природы и чудесами искусства, имѣлъ возможность дать матеріальное обезпеченіе семьѣ и спокойно работать надъ приведеніемъ въ стройную систему своихъ задушевныхъ мыслей; изъ Россіи шли радостныя извѣстія о приступѣ къ освобожденію крестьянъ; наконецъ, въ ближайшемъ будущемъ ему предстояло сдѣлаться главнымъ руководителемъ любимаго журнала.

Болѣе благопріятныя внѣшнія условія трудно и придумать для Ап. Григорьева; но и теперь не было мира въ его бурной и мятежной душѣ. И во Флоренціи, какъ раньше въ Москвѣ и позже въ Петербургѣ и вообще вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, онъ или задыхался отъ порывовъ лиризма или терзался безумной тоской, о которой говорится почти въ каждомъ изъ его заграничныхъ писемъ.

«Съ Венеціей уже я вкусилъ извѣстнаго блюда, называемаго хандрой». «Опять хандрю, какъ всегда». «Мнѣ порой невыносимо тоскливо». «Я хандрю, злобствую, боленъ душевно-постоянно». «Хандра загрызла меня до того, что стало наконецъ невтерпежъ». «Я рыдалъ цѣлый часъ, какъ женщина, до истерики... Опять тоска подступила». Такими признаніями пересыпана письма Ап. Григорьева къ Бородиной.

Эта отчаянная хандра, преслѣдовавшая горемычнаго критика съ юныхъ лѣтъ до конца жизни, была результатомъ столько же органическаго предрасположенія — наслѣдія психически-ненормальной матери, сколько и рѣзко аналитическаго склада ума, заявлявшаго о себѣ рефлексіями съ пятилѣтняго возраста. И самъ онъ прекрасно сознавалъ этотъ печоринскій складъ своего ума, когда писалъ: «всякое впечатлѣніе обращается у меня въ думу, всякая дума переходитъ въ сомнѣніе, и всякое сомнѣніе въ тоску».

Безпощадный анализъ заставлялъ Ап. Григорьева временами ставить крестъ и надъ своей всей жизнью, и надъ русской журналистикой и литературой, и надъ лучшими русскими людьми, и даже надъ той зарей, которая занималась тогда въ Россіи.

Себя онъ называлъ «нравственнымъ уродомъ», свою душу — «безпутной», свою жизнь — «искалѣченной, запутанной и перепутанной во всякомъ отношеніи». «Личная жизнь потеряла для меня всякій интересъ». «Есть минуты, когда я все проклинаю». «На мнѣ лежитъ печать каиновскаго проклятія». «Успокоить подобныя натуры могутъ только двѣ вещи: Аѳонская гора или петля». — Такія страшныя признанія шлетъ Ап. Григорьевъ своей «сестрѣ по духу». А своему отцу по духу, Погодину, онъ

дѣлаетъ еще болѣе страшное признаніе: «Меня... никакія усилія человѣческія не могутъ ни спасти ни исправить... Ничего такъ не жажду я, какъ смерти».

Не радовала Ап. Григорьева и перспектива возвращенія на родину, изданія журнала и пропаганды своего направленія. На родинѣ его ждала «хамская полемика» и «тина грязи, называемой русской литературой». Въ его озлобленной, «какъ цѣпная собака», душѣ кипѣли «желчь и ненависть» при сознаніи полнаго безсилія того направленія, которое онъ считаетъ истиннымъ и единоспасающимъ, и которое въ то же время оказывалось крайне неопредѣленнымъ и туманнымъ.

«Будущее темно, — писалъ онъ Погодину, — въ настоящемъ какая-то безвыходная бездна вопросовъ и сомнѣній, какія-то слѣпыя, но страшныя ненависти, какія-то смутныя, но пламенныя вѣрованія... во что? Вотъ въ этомъ-то и вопросъ... Въ русское начало? Да что оно такое? Цѣлую книгу исписалъ я мечтами по его поводу и анализомъ самымъ безстрашнымъ, а въ головѣ и сердцѣ все еще тьма-тьмущая».

Не выдерживали безпощаднаго анализа Ап. Григорьева и лучшіе представители русскаго духа. «Личности наши никуда, никуда не годны... Самыя лучшія тѣ, которыя спиваются, странничаютъ и пр.». «Истинно русскій человѣкъ — смѣсь фанатика съ ерникомъ». Грановскій — «блестящій пустоцвѣтъ»; Хомяковъ— «нашъ великій софистъ», «даромъ расточающаяся сила»; Константинъ Аксаковъ — «наивное и вредное дѣтство»; Сергѣй Аксаковъ, Писемскій и Левъ Толстой — «слѣпыя дарованія»; Герценъ — человѣкъ, «обманутый самолюбіемъ или безумнымъ увлеченіемъ». Сошелся было Ап. Григорьевъ во Флоренціи съ Тургеневымъ и не одну ночь провелъ съ нимъ въ идейныхъ разговорахъ, но и Тургеневъ, принявшій «начала», уклонился отъ «послѣдствій».

Наиболѣе симпатичными проявленіями русскаго духа и представителями русской натуры въ глазахъ Ап. Григорьева были Островскій, затѣмъ Погодинъ, наконецъ откупщикъ Кокоревъ (!). Только въ этихъ трехъ человѣкъ еще вѣрилъ Ап. Григорьевъ, но, увы! и эти люди оказывались съ большими изъянами. Погодинъ по своей «адской скупости» неспособенъ на матеріальныя жертвы для пропаганды единоспасающаго направленія; Кокоревъ не развитъ настолько, чтобы понять, что «кровныя основы его предпріятій тѣсно связаны... съ историческими и эстетическими принципами» Ап. Григорьева; наконецъ, Островскій (даже Островскій!) — «великая, чисто пророческая, но совсѣмъ стихійная... сила». «Это ужасно, повторяю вамъ, это ужасно»! — восклицаетъ Ап. Григорьевъ.

Первое извѣстіе о задуманномъ освобожденіи крестьянъ привело Григорьева въ восторгъ. «Христосъ воскресе!.. Ура — Александру II, благоденствіе — великому отечеству!» — писалъ онъ Погодину 18 сентября 1857 года. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ дѣлаетъ Бородиной такія признанія: «Безнадежность обуяла меня во время, исполненное, повидимому, великихъ надеждъ... Для меня эти надежды... пахнутъ сѣрою подземной вулканической лавы». «Не вѣрю я — писалъ онъ Погодину — ни во что, что у насъ дѣлается, ибо вездѣ вижу шагъ впередъ да три назадъ. Кажется бы — завязалъ глаза и бѣжалъ еще за тридевять земель, хотя бы въ тридесятомъ государствѣ истосковался до бѣснованія по проклятой и вмѣстѣ милой родинѣ».

Въ это тяжелое время Григорьевъ получилъ отъ гр. Кушелева-Безбородко приглашеніе въ сотрудники журнала «Русское Слово», который долженъ былъ выходить съ 1859 года. Убѣдившись, что воскрешеніе «Москвитянина» невозможно, Григорьевъ принялъ предложеніе въ надеждѣ, что онъ будетъ «душою» журнала съ большими матеріальными средствами. Но прежде, чѣмъ вернуться въ Россію, онъ посѣтилъ съ Трубецкими сначала Римъ, а потомъ Парижъ.

Въ Италіи Ап. Григорьевъ велъ жизнь «самую цѣломудренную и трезвенную», хотя и увѣрялъ Погодина, что цѣломудріе при его темпераментѣ страшно вредно. Зато въ Парижѣ онъ, «очертя голову, ринулся въ омутъ». Но если для «неистоваго Аполлона» вредно было воздержаніе, то «оргіи и всяческія мерзости», которымъ онъ отдавался во французской столицѣ, оказались еще вреднѣе.

Чтобы заглушить «каинскую тоску одиночества», онъ пилъ цѣлыя ночи коньякъ и не могъ напиться. Въ эти страшныя минуты онъ то молился, то богохульствовалъ. Между прочимъ, мучимый своимъ неистовымъ темпераментомъ, онъ не разъ въ Луврѣ молилъ Венеру Милосскую — «и чрезвычайно искренно (особенно послѣ пьяной ночи)» — послать ему женщину, которая была бы «жрицей, а не торговкой сладострастія». Такое признаніе дѣлаетъ Ап. Григорьевъ въ своей неоконченной «Исповѣди», написанной для Погодина по возвращеніи въ Россію (Барсуковъ, XVI, 378 и сл.).

Какъ это ни странно, оргіи не мѣшали Григорьеву продолжать педагогическія занятія съ юнымъ княземъ, при чемъ нерѣдко они вмѣстѣ посѣщали заведенія въ родѣ Château des fleurs. Еще удивительнѣе, что парижскія похожденія Григорьева не помѣшали Трубецкимъ пригласить его опять въ Италію, и Григорьевъ готовъ былъ махнуть рукой и на журналъ гр. Кушелева и на всю Россію.

Быть душой журнала, не стѣсненнаго «адской скупостью» издателя, — но что̀ скажетъ своимъ читателямъ Ап. Григорьевъ, когда онъ дошелъ до глубокаго сознанія своей безполезности въ настоящую минуту, когда онъ считалъ себя «честнымъ рыцаремъ безуспѣшнаго, на время погибшаго дѣла»? Вернуться въ Россію, — но что ему дѣлать тамъ, гдѣ онъ видѣлъ «повтореніе эпохи междуцарствія», видѣлъ «воровскихъ людей, клевретовъ Сигизмунда, мечтателей о Владиславѣ», видѣлъ «шайки атамана Хлопки», видѣлъ «тушинскій лагерь» въ редакціи «Современника»—и нигдѣ не видѣлъ «земскихъ людей, людей порядка, разума, дѣла»?

«Черезъ два года — писалъ онъ Погодину — все это надоѣстъ и огадится, всѣ эти обличенія, всѣ эти узкія теоріи!.. Черезъ два года!.. Но будемъ ли мы-то на что-нибудь способны черезъ два года? Лично я за себя не отвѣчаю. Православный по душѣ, я по слабости могу кончить самоубійствомъ».

Но Григорьеву не удалось возвратиться во Флоренцію, гдѣ онъ собирался сверхъ педагогическихъ занятій читать еще въ семействѣ Трубецкихъ лекціи религіозно-философскаго характера. На одномъ обѣдѣ въ Пале-Роялѣ онъ «напился, какъ сапожникъ», въ аристократическомъ обществѣ и послѣ этого скандала закутилъ еще больше.

«30 августа нашего стиля — говоритъ онъ въ своей «Исповѣди» — я проснулся послѣ страшной оргіи съ демагогами изъ нашихъ, съ отвратительнымъ чувствомъ въ душѣ... Я вспомнилъ, что это 30 августа, именины Островскаго — постоянная годовщина сходки людей, крѣпко связанныхъ сходствомъ смутныхъ вѣрованій, — годовщина попоекъ безобразныхъ, но святыхъ своимъ братскимъ характеромъ, духомъ любви, юморомъ, единствомъ съ жизнію народа, богослуженіемъ народу. Въ Россію! раздалось у меня въ ушахъ и въ сердцѣ».

«Разбитый, безъ средствъ, безъ цѣли, безъ завтра» поѣхалъ Ап. Григорьевъ въ Россію; но такъ какъ онъ ѣхалъ не просто, а «съ безобразіемъ», то денегъ у него хватило только до Берлина. Какъ онъ выбрался изъ Берлина, мы не знаемъ: его «Исповѣдь» какъ разъ обрывается на этомъ интересномъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ осенью 1859 г. онъ очутился въ Петербургѣ.

VI. Опять Петербургъ.

Ап. Григорьевъ возвратился въ Россію съ громадной жаждой дѣятельности. «Дѣлать, дѣлать, дѣлать хочется мнѣ теперь — писалъ онъ Бородиной:—будетъ безплодно бѣсноваться, мучиться, враждовать, любить и ненавидѣть». И онъ, дѣйствительно, много

работаетъ. Первыя книжки «Русскаго Слова» были переполнены его статьями. Тамъ, между прочимъ, онъ помѣстилъ неоконченную статью «Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина» и рядъ статей о литературной дѣятельности Тургенева по поводу его «Дворянскаго гнѣзда».

Но и теперь нѣтъ мира въ душѣ Ап. Григорьева, и теперь еще его міросозерцаніе не сложилось въ сколько-нибудь опредѣленную систему, и теперь еще онъ находитъ въ своихъ вѣрованіяхъ «ужаснѣйшій хаосъ» и знаетъ себя «только отрицательно». Онъ знаетъ, что онъ — не западникъ и не славянофилъ, что онъ не можетъ примириться ни «съ отрицающимъ все артистическое соціализмомъ Чернышевскаго», ни съ «тупымъ и безносымъ, да вдобавокъ еще начиненнымъ всякой поповщиной соціализмомъ славянофиловъ». Но что̀ же онъ такое — это ему неизвѣстно.

Понятно, что у него нѣтъ и вѣры въ торжество своей мысли, нѣтъ и цѣли въ жизни, и ни во что онъ не вѣритъ «кромѣ художественной ироніи жизни». Въ результатѣ — хандра и тоска, тоска по Италіи, тоска по Москвѣ, наконецъ «тоска по цѣли жизни». Чтобы избавиться отъ этой тоски, онъ окружаетъ себя студентами и «распутными, но еще вѣрящими въ жизнь пьяницами», хотя самъ пьетъ пока сравнительно мало.

Между тѣмъ статьи Григорьева въ «Русскомъ Словѣ» вызвали «градъ насмѣшекъ» со стороны Добролюбова и «взрывъ хохота» въ «Искрѣ», — и положеніе осмѣяннаго автора въ редакціи журнала поколебалось. Когда гр. Кушелевъ-Безбородко уѣхалъ въ Парижъ, Хмѣльницкій, которому онъ поручилъ завѣдываніе «Русскимъ Словомъ», вымаралъ въ одной изъ статей Ап. Григорьева дорогія для него имена Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова, Погодина и Шевырева. «Я упорно, какъ жидъ, изъ веси въ весь, изъ страны въ страну понесу всегда мою святыню, мое убѣжденіе», —заявилъ Ап. Григорьевъ и не задумался ради этой святыни пожертвовать тѣмъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, которое ему доставлялось «Русскимъ Словомъ».

Снова начались журнальныя скитальчества Ап. Григорьева, сопряженныя съ характерными для него неудачами. Въ 1860 г. онъ выступилъ сначала въ газетѣ «Русскій Міръ» съ рядомъ статей объ Островскомъ по поводу его «Грозы», гдѣ снова взялся за разрѣшеніе стараго вопроса: что такое народность? Но вопросъ не получилъ разрѣшенія, потому что авторъ разошелся съ редакціей, и статьи его остались неоконченными.

Изъ «Русскаго Міра» Ап. Григорьевъ перешелъ въ «Сынъ Отечества» Старчевскаго и въ «шутовской формѣ фельетоновъ» сталъ громить «разныя современныя безобразія мысли». Но послѣ

второго же фельетона Старчевскій возопилъ въ ужасѣ: «не надо, не надо!»

Лѣтомъ 1860 г., по приглашенію Каткова, Ап. Григорьевъ переселился въ Москву, получилъ въ свое распоряженіе критическій и беллетристическій отдѣлы «Русскаго Вѣстника» и радовался, что будетъ проповѣдовать съ каѳедры, у которой шесть-семь тысячъ слушателей. Но получилось нѣчто неожиданное и странное. «Статей моихъ — говоритъ Ап. Григорьевъ — не печатали, а заставляли меня дѣлать какія то недоступныя для меня выписки о воскресныхъ школахъ и читать рукописи, не печатая впрочемъ ни одной изъ мною одобренныхъ (между прочимъ «Ярмарочныхъ сценъ» Левитова) и печатая... вещи Раисы Гарднеръ, обруганныя мною».

Само собою разумѣется, что Ап. Григорьевъ не выдержалъ такого издѣвательства и покинулъ редакцію «Русскаго Вѣстника».

Всѣ неудачи подобнаго рода Григорьевъ объяснялъ своей вѣрностью направленію *зеленаго* «Москвитянина», т.-е. «Москвитянина» молодой редакціи. «Потеря самостоятельности и чистоты своего взгляда, измѣна своимъ старымъ привязанностямъ и вѣрованіямъ» страшили его гораздо больше, чѣмъ вѣчные долги и долговое отдѣленіе, тѣмъ болѣе, что теперь онъ фанатически вѣрилъ въ «единственную правоту» и побѣду своего направленія.

Чтобы получить возможность защищать и проводить свое единоспасающее направленіе и вести борьбу съ «консервативными и либеральными безобразіями», Ап. Григорьевъ снова обратился къ «главѣ своего направленія» — къ Погодину съ настойчивыми просьбами возобновить изданіе «Москвитянина». Была подана новая просьба о возобновленіи «Москвитянина», но сверхъ ожиданія получился отказъ, и главной причиной отказа было редакторство Григорьева. Что было возможно въ 1857 г., оказалось невозможно три года спустя.

А между тѣмъ жажда дѣятельности прямо пожирала пламенную натуру «неистоваго Аполлона». «Вамъ и мнѣ нужна *дѣятельность*: — писалъ онъ Погодину 28 октября 1860 года — мнѣ нужна она такъ, что либо въ петлю, либо въ Лондонъ, либо *что-нибудь* дѣлать», т.-е. топить свою тоску въ винѣ. Онъ бомбардировалъ своего духовнаго отца новыми журнальными проектами, но Погодинъ велъ переговоры объ изданіи газеты уже съ другими лицами, между прочимъ, съ Кошелевымъ, который ставилъ условіемъ не дѣлать редакторомъ такого «нелѣпаго человѣка», какъ Ап. Григорьевъ.

Разочаровавшись даже въ Погодинѣ, впрочемъ не въ первый разъ, Ап. Григорьевъ снова вернулся въ Петербургъ, «не зная,

гдѣ писать, что̀ писать» и чѣмъ жить. Неудивительно, что въ январѣ 1861 г. горемычный критикъ оказался въ долговой тюрьмѣ, гдѣ ему не разъ приходилось бывать и раньше гдѣ онъ пользовался привилегированнымъ положеніемъ, благодаря протекціи смотрителя, большого почитателя пишущей братіи, — и гдѣ за недостаткомъ развлеченій онъ усердно работалъ и, по словамъ А. Милюкова, «высылалъ статьи въ редакціи съ необычайной для него въ другое время аккуратностью».

Въ долговомъ отдѣленіи писалъ Григорьевъ и свои статьи для возникшаго въ 1861 г. журнала братьевъ Достоевскихъ: «Время». Кромѣ мелкихъ статей и замѣтокъ, онъ напечаталъ въ этомъ журналѣ рядъ обширныхъ статей, объединенныхъ общимъ заглавіемъ «Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина» и посвященныхъ все тому же понятію *народность*, сущность которой авторъ пытался формулировать въ теченіе всей своей литературной дѣятельности.

Но и этотъ издалека начатый и широко задуманный курсъ русской литературы потерпѣлъ такую же печальную участь, какъ и прежніе подобные же курсы Ап. Григорьева. Критикъ снова остановился на полдорогѣ вслѣдствіе недоразумѣній съ редакціей, которая не раздѣляла всѣхъ его симпатій и антипатій, между прочимъ, заводила «срамную дружбу» съ «Современникомъ» и не считала глубокими мыслителями славянофиловъ.

«Я дошелъ — писалъ онъ Страхову — до глубокаго презрѣнія къ литературѣ прогресса. Да иначе и быть не могло. Искатель абсолютнаго, я столь же мало понимаю рабство передъ минутой, рабство демократическое, какъ рабство передъ деспотами. Лучше я буду киргизовъ обучать русской грамотѣ, чѣмъ обязательно писать въ такой литературѣ, въ которой нельзя подать смѣло руку, хоть бы даже Аскоченскому, въ томъ, въ чемъ онъ правъ, и смѣло же спорить—хоть даже съ Герценомъ. Цинизмъ мысли, право, дошелъ уже до крайнихъ предѣловъ. Слова человѣка очень честнаго и хорошаго, каковъ М. Достоевскій: «какіе же глубокіе мыслители Кирѣевскій, Хомяковъ, о. Ѳеодоръ (Бухаревъ)?» — для человѣка мыслящаго — термометръ довольно ужасающій».

И дѣйствительно, какъ только эпитетъ «глубокіе» оказался вычеркнутымъ въ статьѣ «Оппозиція застоя», Ап. Григорьевъ, несмотря на всѣ уговоры и просьбы, прервалъ свои статьи о народности въ русской литературѣ и уѣхалъ въ Оренбургъ учителемъ русскаго языка въ Неплюевскій кадетскій корпусъ. Онъ рѣшилъ, что «гораздо честнѣе обучать киргизовъ, чѣмъ свирѣпствовать съ тушинцами». «Пока не пройдутъ Добролюбовы, — писалъ онъ Страхову изъ Оренбурга, — честному и уважающему

свою мысль писателю нельзя обязательно литераторствовать. Негдѣ! Рано или поздно мысль его или форма его мысли встрѣтятъ сильный толчокъ».

VII. Оренбургъ.

Освѣжившись путешествіемъ по Волгѣ, Ап. Григорьевъ въ іюнѣ 1861 г. пріѣхалъ въ городъ «безъ исторіи, преданій и памятниковъ», въ городъ, который ему показался «смѣсью скверной деревни съ казенными домами». Чѣмъ сильнѣе было разочарованіе Григорьева въ современной ему журналистикѣ, тѣмъ съ большимъ «азартомъ и упоеніемъ» принялся онъ «донкихотствовать» на педагогическомъ поприщѣ. Онъ «честно и ревностно» старался будить въ своихъ ученикахъ «любовь къ народности, къ преданію, къ церкви, къ изящному» и чувствовалъ на первыхъ порахъ, что онъ, «по крайней мѣрѣ, небезполезный рабочій».

Правда онъ былъ недоволенъ «безобразіемъ, общимъ всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ», онъ не могъ привыкнуть къ распредѣленію времени по барабану и нерѣдко опаздывалъ на первые уроки, онъ возмущался дѣленіемъ корпуса на дворянскій и недворянскій эскадроны. Но зато начальство корпуса предоставило Ап. Григорьеву нѣкоторую свободу и позволило ему произвести нѣкоторыя перемѣны въ преподаваніи.

Считая себя «пророкомъ гуманизма и борцомъ за него», онъ далъ исходъ своей ненависти къ реализму и изгналъ изъ приготовительныхъ классовъ книжку Разина «Міръ Божій», замѣнивъ ее «историческимъ чтеніемъ». Въ старшихъ классахъ вмѣсто уроковъ онъ читалъ лекціи и электризовалъ слушателей своими вдохновенными импровизаціями. «Зато во всякое свободное время — писалъ онъ Страхову — моя тѣсная квартира набита страстно преданными мнѣ учениками, и я то посвящаю ихъ слегка въ философскіе вопросы, то читаю «Минина», — и я плачу и все кругомъ меня плачетъ, и до ночи вѣрится, что въ жизни есть что-нибудь повыше личнаго страданія».

На святкахъ 1861—1862 г. Ап. Григорьевъ выступилъ и передъ оренбургской публикой съ четырмя лекціями о Пушкинѣ, въ которыхъ, нисколько не считаясь съ настроеніемъ своей аудиторіи, громилъ «теоретиковъ», т.-е. дѣятелей «Современника», «ругался» надъ поэзіей Некрасова и импровизировалъ свои задушевные взгляды о значеніи Пушкина, какъ гражданина, народнаго поэта и нашего «эстетическаго и нравственнаго воспитателя». Первая и третья лекціи, по сообщенію Ап. Григорьева въ письмахъ къ Страхову, вызвали недоумѣніе и «мрачное молчаніе», зато вторая и четвертая — «сильнѣйшія рукоплесканія».

Возобновилось и сотрудничество Ап. Григорьева въ журналѣ «Время», для котораго онъ написалъ въ Оренбургѣ статью о Львѣ Толстомъ, но чуть было опять не произошло новаго разрыва. Общее предубѣжденіе противъ осмѣяннаго въ стихахъ и прозѣ критика было такъ велико, что даже лучшія его статьи оставались непрочитанными и неразрѣзанными. Чтобы разрушить это предубѣжденіе, Ѳ. М. Достоевскій предложилъ употребить такую хитрость: напечатать нѣсколько хорошихъ статей Григорьева безъ подписи или подъ псевдонимомъ, а когда статьи привлекутъ вниманіе, раскрыть имя ихъ автора. Но Ап. Григорьевъ не только не согласился на эту хитрость, но еще страшно обидѣлся. «Я, слава Богу, еще не Ѳ. В. Булгаринъ, чтобы мое имя компрометировало журналъ», съ негодованіемъ писалъ онъ Страхову и до выясненія вопроса задержалъ вторую статью о Толстомъ, которая появилась во «Времени» девять мѣсяцевъ спустя послѣ первой.

Подобныя предложенія тѣмъ болѣзненнѣе задѣвали самолюбіе Ап. Григорьева, что сознаніе собственной безполезности и ненужности было самой мучительной раной его сердца, и рана эта съ особенной силой давала себя чувствовать въ Оренбургѣ. Сознавая себя «ненужнымъ человѣкомъ», Ап. Григорьевъ ясно видѣлъ свое «разобщеніе съ современностью», откровенно признавалъ явное торжество своихъ литературныхъ противниковъ и съ тѣмъ большею грустью вспоминалъ невозвратное время *зеленаго* «Москвитянина». «О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, — писалъ онъ Страхову, — какія высокія пророческія рѣчи лились бывало на попойкахъ изъ устъ Островскаго, какъ безбоязненно принималъ тогда старикъ Погодинъ отвѣтственность за свою молодежь, какъ сознательно, несмотря на пьянство и безобразіе, шли мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли!»

А теперь? Теперь Островскій, главный литературный кумиръ Ап. Григорьева, русскій Шекспиръ въ его глазахъ, пожалъ руку «тушинцамъ»; Погодинъ, «единственный политическій вождь» Ап. Григорьева, «такъ падокъ до популярности, что изъ рукъ вонъ». Вмѣсто *зеленаго* «Москвитянина» съ его «демократическою и прогрессивною народностью», въ русской журналистикѣ господствуютъ «празднословіе западниковъ, суесловіе «Дня» (газета И. С. Аксакова), хохлословіе Костомарова, буесловіе «Современника» и какое-то непечатное даже «словіе» «Русскаго Вѣстника», а вмѣсто истинной поэзіи господствуетъ «Некрасовскій откупъ народныхъ слезъ».

Ни въ журналистикѣ, ни въ поэзіи, ни въ русской жизни «эпохи великихъ реформъ» Григорьевъ не находилъ ничего соотвѣтствующаго своимъ симпатіямъ и надеждамъ. Ни освобожденіе

крестьянъ, ни толки о политической свободѣ и новыхъ преобразованіяхъ не трогали его сердца и не занимали его ума. Для него «глубже и обширнѣе» всѣхъ этихъ временныхъ вопросовъ, волновавшихъ тогдашнее русское общество, — вопросъ о нашей умственной и нравственной самобытности.

Но и возрожденіе «Москвитянина» пятидесятыхъ годовъ и возможность ломать копья въ честь русской народности и самобытности едва ли теперь успокоили бы Григорьева. Въ Оренбургѣ такъ же, какъ и въ Италіи, онъ переживалъ не только муки «во всемъ сомнѣвающагося и озлобленнаго сердца», но еще болѣе страшныя муки во всемъ сомнѣвающагося ума. Теперь его грызла «хандра полнѣйшей безнадежности съ неумолимой жаждой *какой-нибудь* вѣры». Теперь ему казалось, что въ его натурѣ находятся такія «заложенія аскетизма и піэтизма», которыя не могутъ удовлетвориться «ничѣмъ земнымъ». «Если бъ я былъ богатъ, — писалъ онъ Страхову, — я бы вѣроятно вѣчно странствовалъ и, конечно, преимущественно съ религіозными цѣлями, къ великому горю и, можетъ быть, даже смѣху васъ всѣхъ».

Результатомъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ переживаній было по временамъ полное отчаяніе «неистоваго Апполона», заставлявшее его дѣлать Страхову такія признанія: «я не больше, какъ старая, никуда уже негодная кобыла», «мысль о суетѣ суетствій... возникаетъ все явственнѣе и рѣзче и неутомимѣй передъ душою», «струя моего вѣянія отшедшая, отзвучавшая — и проклятіе лежитъ на всемъ, что я ни дѣлалъ».

Если къ этому сознанію собственной «никчемности» присоединить еще «гибель уроковъ», «адски скучное» обученіе киргизовъ русской грамотѣ, явное недоброжелательство оренбургской интеллигенціи и сослуживцевъ по корпусу, наконецъ, долги, отъ которыхъ онъ убѣжалъ изъ Петербурга, но которые нашли его и въ Оренбургѣ, то мы поймемъ, почему Ап. Григорьевъ по временамъ испытывалъ невыносимую тоску, почему онъ *три раза* покушался на самоубійство и спасся отъ него только загуломъ.

Въ концѣ концовъ Ап. Григорьевъ опустился до того, что если у него не было на что выпить, онъ спокойно являлся въ чей-нибудь знакомый домъ, безъ церемоніи требовалъ водки и напивался до положенія ризъ. О себѣ онъ нисколько не заботился, ходилъ въ старомъ сюртукѣ, грязный, оборванный, съ длинными нечесанными волосами (см. статью Юдина въ «Историч. Вѣстникѣ» 1894 г., № 12).

Доживши такимъ жалкимъ образомъ до іюня 1862 г., Григорьевъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Петербургъ, откуда уже не возвратился несмотря на принятое имъ на себя обязательство прослужить въ Неплюевскомъ корпусѣ не менѣе трехъ лѣтъ.

VIII. Послѣдніе годы.

Въ Петербургѣ Ап. Григорьевъ опять надѣлъ на себя лямку журналиста, опять, скрѣпя сердце, сдѣлался сотрудникомъ «Времени». Онъ велъ тамъ театральную хронику, напечаталъ вторую статью о Толстомъ и статью о Некрасовѣ, котораго онъ неожиданно назвалъ «поэтомъ почвы, поэтомъ народности», — помѣстилъ начало своихъ «Скитальчествъ», наконецъ, въ послѣднихъ трехъ номерахъ журнала за 1862 годъ, слѣдуя примѣру Бѣлинскаго, перепечаталъ свои прежнія мнѣнія о Лермонтовѣ, за что подвергся обвиненію въ «неизвинительной распущенности».

Значительный заработокъ далъ Григорьеву возможность устроиться болѣе или менѣе прилично въ матеріальномъ отношеніи; онъ сталъ даже допускать нѣкоторое щегольство въ своемъ костюмѣ. Но «Время» неожиданно подверглось запрещенію за статью Страхова о польскомъ вопросѣ, и Ап. Григорьевъ снова остался безъ журнала и безъ средствъ. Правда, какъ разъ въ это время ему удалось устроиться редакторомъ еженедѣльной газеты «Якорь», но вскорѣ онъ бросилъ это изданіе и предался самой безпорядочной жизни. «Я играю въ послѣднюю серьезную игру жизни», писалъ онъ своему «Гораціо» — Страхову передъ выходомъ «Якоря», — и эта послѣдняя игра была проиграна!

Послѣднимъ журнальнымъ пріютомъ Ап. Григорьева была «Эпоха», возникшая вмѣсто запрещеннаго «Времени». Въ «Эпохѣ» онъ выступилъ съ тѣми же культами и съ тѣми же достоинствами и недостатками. Онъ попрежнему считалъ Островскаго «послѣднимъ нашимъ словомъ», попрежнему писалъ темно и невразумительно, съ длиннѣйшими отступленіями отъ главной темы и съ гигантскими прыжками отъ Бѣлинскаго къ отцу Парѳенію, отъ В. Гюго къ Хомякову. Такова, напримѣръ, статья «Парадоксы органической критики», которая, по собственному заявленію Григорьева, должна была составить «пропилеи» къ обширному зданію «органической» критики.

Но и эта послѣдняя попытка Ап. Григорьева дать стройное, связанное и полное изложеніе своей критической теоріи потерпѣла неудачу. Онъ успѣлъ только указать поразительные по разнообразію источники этой теоріи. Кромѣ «исходной громадной руды» этой теоріи — сочиненій Шеллинга «во всѣхъ фазисахъ его развитія», — тутъ и Бокль, и Льюисъ, и Карлейль, и Эмерсонъ, и Ренанъ, и В. Гюго, а изъ русскихъ Бѣлинскій до 1844 г., Шевыревъ, Надеждинъ, Венелинъ, Хомяковъ, Кирѣевскій, К. Аксаковъ.

Въ изложеніи своихъ взглядовъ Григорьеву, повидимому, была предоставлена въ «Эпохѣ» бóльшая свобода, чѣмъ во «Времени».

По крайней мѣрѣ, онъ могъ печатно назвать русскихъ славянофиловъ «истинно-глубокими умами», а Хомякова даже пророкомъ. Но полной свободы не было для него и въ «Эпохѣ», и здѣсь его донимала редакторская цензура. «Видно и съ «Эпохой», какъ критику, а не какъ другу, конечно, приходится разставаться», — съ грустью записалъ онъ въ своемъ «послужномъ спискѣ» за три недѣли до смерти.

Этотъ «послужной списокъ» Ап. Григорьевъ составилъ въ долговомъ отдѣленіи, гдѣ онъ провелъ послѣдніе три мѣсяца своей горемычной жизни. «Что-то странное — говоритъ Страховъ — сбывалось съ Григорьевымъ въ это время. Помогать Григорьеву было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и для редакціи и для его пріятелей, такъ какъ онъ безпрестанно попадалъ въ бѣду; приходилось часто его пріятелямъ даже ходить за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ; все это оканчивалось тѣмъ, что, послѣ бóльшихъ или меньшихъ хлопотъ и стараній, онъ наконецъ приходилъ къ самообладанію и не имѣлъ уже нужды въ помощи. Но въ это послѣднее время казалось всякія хлопоты и старанія были безплодны; помощь не была помощью, потому что не дѣйствовала; деньги, которыя онъ бралъ, исчезали, какъ будто падали въ воду, и на другой день онъ опять нуждался и просилъ».

Только за четыре дня до своей смерти вышелъ Ап. Григорьевъ изъ «ямы», выкупленный одною его поклонницей, А. И. Бибиковой. А 25 сентября 1864 г. онъ скончался отъ удара во время непріятнаго объясненія съ однимъ издателемъ. Такимъ образомъ, судьба избавила Ап. Григорьева отъ того жалкаго прозябанія и трагическаго конца, которые выпали на долю другой жертвы алкоголизма среди русскихъ писателей — на долю Николая Успенскаго. Похоронили Ап. Григорьева на Митрофаніевскомъ кладбищѣ рядомъ съ поэтомъ Меемъ, котораго также свелъ въ преждевременную могилу алкоголизмъ. Похороны, по свидѣтельству Боборыкина, были «самыя бѣдныя и бездомныя». Изъ писателей присутствовало пять-шесть человѣкъ, въ томъ числѣ Ѳ. М. Достоевскій.

Такъ несчастно сложилась и такъ печально окончилась жизнь одного изъ талантливыхъ и широко-образованныхъ русскихъ писателей. Глубокимъ трагизмомъ вѣетъ отъ этого Любима Торцова русской критики, который въ частной жизни не могъ совладать со стихійными порывами своей «неистовой натуры», а въ своей литературной дѣятельности не сумѣлъ примѣниться къ современнымъ требованіямъ, не могъ даже стройно и послѣдовательно формулировать свою теорію критики и свое пониманіе народности.

И самъ Ап. Григорьевъ ясно сознавалъ и мучительно чувство-

валъ трагизмъ своего положенія, когда называлъ «струю своего вѣянія отжившей и отзвучавшей», когда онъ подписывалъ свои статьи: «одинъ изъ ненужныхъ людей», когда онъ жаловался, что ему негдѣ писать, и заявлялъ о своемъ полномъ разобщеніи съ современностью. Но трудно представить такую современность, которая вполнѣ удовлетворила бы «неистоваго Аполлона», совмѣщавшаго въ себѣ рыцарскую вѣрность «отжившей струѣ» съ муками во всемъ сомнѣвающагося ума и сердца. Не даромъ онъ считалъ себя «вѣчнымъ Донъ-Кихотомъ», а Достоевскій назвалъ его «однимъ изъ русскихъ Гамлетовъ нашего времени».

IX. Посмертная оцѣнка.

Смерть Ап. Григорьева была отмѣчена цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе сочувственныхъ некрологовъ, указавшихъ достоинства и недостатки какъ личности, такъ и литературной дѣятельности покойнаго писателя.

«Несмотря на многія странности, — писалъ, между прочимъ, Иванъ Аксаковъ въ своей газетѣ «День», — на рѣзкія увлеченія въ мнѣніяхъ и выраженіяхъ, это былъ человѣкъ искренно, благородно мыслившій и писавшій, горячо преданный русскому искусству во всѣхъ его проявленіяхъ — въ музыкѣ, въ живописи, въ словѣ и въ особенности на русской сценѣ. И мысль и рѣчь его отличались постоянно странностью; похвалѣ и порицанію отдавался онъ съ такою пылкостью, что приговоры его теряли на половину своего значенія; отъ одной крайности бросался онъ нерѣдко въ другую, противоположную, — но во всѣ 15 или болѣе лѣтъ его литературно-журнальнаго поприща никто ни разу не могъ заподозрить Ап. Григорьева въ неискренности, въ двусмысленности, въ нечистотѣ побужденій».

Подъ этими словами Аксакова не отказался бы подписаться ни одинъ изъ литературныхъ противниковъ Ап. Григорьева, не исключая Писарева, который считалъ его «послѣднимъ крупнымъ представителемъ россійскаго идеализма», «чистымъ и честнымъ фанатикомъ отжившаго романтическаго міросозерцанія».

Но не такъ думали не въ мѣру восторженные друзья и поклонники покойнаго писателя: имъ захотѣлось поднять его на такую высоту, о какой онъ и самъ не мечталъ. Прежде всего выступилъ Аверкіевъ въ «Эпохѣ» съ заявленіемъ, что, исходя изъ философіи Шеллинга, «Аполлонъ Григорьевъ положилъ основанія научной критики», что онъ былъ несравненно шире, глубже и даровитѣе Добролюбова, и что въ массѣ читателей у него было много поклонниковъ. А затѣмъ выступилъ Страховъ и назвалъ Ап. Григорьева «великимъ и единственнымъ мастеромъ въ дѣлѣ критики», а объ его

сочиненіяхъ заявилъ, что въ нихъ заключены «цѣлыя громады мыслей удивительной глубины и ширины».

Итакъ, Ап. Григорьевъ выше Бѣлинскаго? — могъ спросить тогдашній читатель. На этотъ вопросъ Страховъ далъ еще болѣе положительный отвѣтъ пять лѣтъ спустя, въ статьяхъ о «Войнѣ и Мирѣ» Л. Толстого, гдѣ Ап. Григорьевъ названъ «лучшимъ нашимъ критикомъ, дѣйствительнымъ основателемъ русской критики». Положивши въ основу своей критики тѣ глубокія начала, которыя завѣщаны намъ нѣмецкимъ идеализмомъ и которымъ на Западѣ слѣдовали Ренанъ, Карлейль и Тэнъ, Ап. Григорьевъ, по мнѣнію Страхова, лучше Бѣлинскаго оцѣнилъ національное значеніе Пушкина и всей русской литературы, въ которой видѣлъ постоянную борьбу европейскихъ идеаловъ со стремленіемъ къ созданію чисто русскихъ идеаловъ и типовъ, другими словами, борьбу *хищныхъ* и *смирныхъ* типовъ.

И позже, при всякомъ удобномъ случаѣ, — и въ предисловіи къ отдѣльному изданію сочиненій Ап. Григорьева въ 1876 г., и въ предисловіи къ изданію своихъ статей о Тургеневѣ и Львѣ Толстомъ, и въ спеціальной статьѣ 1889 г., — Страховъ заявлялъ, что «въ чуткости къ жизни и къ художеству никто у насъ не превзошелъ Ап. Григорьева», а потому всѣ серьезно интересующіеся критикой должны прежде всего прилежно читать его сочиненія, а не сочиненія Бѣлинскаго.

Такое непомѣрное превозпесеніе Ап. Григорьева не могло, конечно, не вызвать рѣзкихъ протестовъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, между прочимъ, протестовалъ Писаревъ, усмотрѣвшій въ прославленіи Ап. Григорьева ни болѣе, ни менѣе, какъ «литературное самоубійство» того направленія, котораго онъ былъ главнымъ представителемъ, т.-е. полуславянофильской школы такъ называемыхъ *почвенниковъ*. По заявленію Писарева, Ап. Григорьевъ съ мучительною ясностью сознавалъ себя неизлѣчимо влюбленнымъ въ отжившую идею. Какъ вѣрный, но несчастный рыцарь мертвой красавицы, онъ равнодушно относился къ самымъ великимъ и грознымъ запросамъ дѣйствительности и имѣлъ полное право называть себя ненужнымъ человѣкомъ («Прогулка по садамъ россійской словесности»).

Въ 1876 г. выходъ перваго тома сочиненій Ап. Григорьева вызвалъ крайне несочувственныя статьи на страницахъ такихъ противоположныхъ по направленію органовъ, какъ радикальное «Дѣло» и консервативный «Русскій Вѣстникъ».

Шелгуновъ въ статьѣ «Пророкъ славянофильскаго идеализма» («Дѣло» 1876 г., № 9) доказывалъ, что Ап. Григорьевъ былъ очень неглубокій мыслитель, путавшійся въ самыхъ основныхъ поня-

тіяхъ, и что вліяніе его было вреднымъ, такъ какъ «онъ парализовалъ всякій дѣятельный порывъ, всякую мысль, способную на активность, и создавалъ мечтательное безвѣріе въ настоящее и философское самоуглубленіе въ безплодное исканіе того, чего нѣтъ».

Авсѣенко въ статьѣ «Блужданія русской мысли» («Русскій Вѣстникъ» 1876 г., № 10) писалъ, что въ изданіи сочиненій Ап. Григорьева не было никакой надобности, что равнодушіе къ этому «славянофильскому критику» вполнѣ законно, потому что онъ очень мало отвѣчаетъ на запросы жизни, обладалъ «очень ограниченнымъ кругозоромъ» и писалъ крайне пространно, запутанно и невразумительно вслѣдствіе «замаскированной скудости мысли». Неудовлетворительность «органической» критики ясно обнаружилась въ непомѣрномъ превознесеніи Островскаго, въ признаніи поэзіи Лермонтова случайнымъ и фальшивымъ явленіемъ русской жизни и особенно въ пониманіи *народности*, которую Ап. Григорьевъ подъ вліяніемъ «фальшиваго демократизма» отожествлялъ съ простонародностью.

Изданіе сочиненій Ап. Григорьева предполагалось въ четырехъ томахъ, но дальше перваго тома дѣло не пошло, потому что и для перваго тома оказалось очень мало читателей. Такъ было въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, несмотря на то, что, кромѣ Страхова, сочиненія Ап. Григорьева рекомендовались еще съ каѳедры такими профессорами, какъ Галаховъ, Орестъ Миллеръ и Незеленовъ. Но въ девяностыхъ годахъ отношеніе къ Ап. Григорьеву рѣзко измѣнилось, и пропаганда Страхова нашла поддержку среди критиковъ консервативнаго лагеря.

Розановъ, въ 1892 г., въ статьѣ «Три момента въ исторіи русской критики» («Русское Обозрѣніе» 1892 г., № 8) назвалъ Ап. Григорьева «начинателемъ и полнымъ выразителемъ» *научнаго* фазиса нашей критики, который явился на смѣну фазисовъ эстетическаго и публицистическаго, главными представителями которыхъ были Бѣлинскій и Добролюбовъ.

Говоруха-Отрокъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1894 и 1895 г.г. пошелъ еще дальше. Онъ провозгласилъ Ап. Григорьева основоположникомъ русской самостоятельной литературной критики, который предвосхитилъ идею исторической критики и понялъ смыслъ этой идеи «гораздо глубже, нежели Тэнъ», а потому сказалъ «новое слово» и для Европы.

Консервативная критика отреклась отъ грубо-несправедливыхъ сужденій Авсѣенка и критика противоположнаго лагеря перестала смотрѣть на Ап. Григорьева глазами Добролюбова, Писарева и Шелгунова. Одною изъ первыхъ попытокъ прогрес-

сивной печати отнестись къ Григорьеву болѣе безпристрастно была статья С. А. Венгерова «Молодая редакція «Москвитянина» («Вѣстникъ Европы» 1886 г., № 2). Въ этой статьѣ доказывалось, что, хотя Хомяковъ, Кирѣевскіе и Константинъ Аксаковъ были для Ап. Григорьева «святыя имена», онъ никогда не былъ славянофиломъ чистой крови, потому что восторженно относился къ Бѣлинскому, Герцену, Жоржъ Зандъ, Ренану и былъ чуждъ грубаго націонализма и «византійскихъ созерцаній», а потому ни въ коемъ случаѣ не заслуживалъ той вражды, съ которой къ нему относились «Современникъ» и особенно «Отечественныя Записки». Признавая запутанность и темноту статей Ап. Григорьева, Венгеровъ отмѣтилъ также «обиліе и глубину мыслей, въ нихъ положенныхъ».

Еще рѣшительнѣе признано Венгеровымъ выдающееся значеніе Ап. Григорьева въ «Общемъ очеркѣ исторіи новѣйшей русской литературы», гдѣ мы находимъ такія строки: «Если очистить міросозерцаніе Григорьева отъ мистическаго жаргона и отъ болѣзненнаго свойства его опутывать и окутывать всякую самую ясную мысль туманнѣйшими вѣщаніями, то «органическая» критика сводится къ требованіямъ вполнѣ безспорнымъ. За десять лѣтъ до Тэна Григорьевъ доказывалъ, что каждый писатель есть не только органическій продуктъ своего народа и времени, но даже той мѣстности, гдѣ онъ родился. Отсюда вытекло и то «органическое» требованіе самобытности, которое онъ предъявлялъ къ каждому литературному произведенію, и тотъ восторгъ, въ который онъ пришелъ, когда въ произведеніяхъ Островскаго увидѣлъ полное осуществленіе своихъ мечтаній о бытовой окраскѣ литературы».

Правда, другіе критики и историки литературы изъ прогрессивнаго лагеря не рѣшились итти такъ далеко, какъ Венгеровъ, приблизившійся въ оцѣнкѣ Ап. Григорьева къ Страхову и его послѣдователямъ.

Протопоповъ въ статьѣ «Критики Некрасова» («Сѣверный Вѣстникъ» 1888 г., № 3) призналъ Ап. Григорьева «чуткимъ и искреннимъ критикомъ», но въ то же время заявилъ, что никто не въ состояніи сказать, каковы принципы, критеріи и цѣли его *органической* критики, потому что ея творецъ обладалъ умомъ аналитика и былъ лишенъ всякой способности къ синтезу.

Скабичевскій восторгался живымъ демократическимъ духомъ Ап. Григорьева и причислялъ его, какъ человѣка, «къ лику литературныхъ праведниковъ», но, какъ критика, готовъ былъ поставить его ниже даже чистыхъ славянофиловъ, потому что послѣдніе въ лицѣ К. Аксакова и Хомякова были сторонниками

теоріи искусства для жизни, тогда какъ *органическая* критика подавала руку поборникамъ чистаго искусства.

Гольцевъ видѣлъ въ Ап. Григорьевѣ одного изъ талантливѣйшихъ, честнѣйшихъ и наиболѣе образованныхъ представителей русской критики, но въ то же время находилъ, что онъ не обладалъ достаточно опредѣленной, сильной и ясной мыслью, чтобы создать собственную школу («Починъ» 1895 года).

Даже такой поклонникъ философскаго идеализма, какъ г. Волынскій, въ своей книгѣ «Русскіе критики» призналъ, что «теорія органической критики, сведенная къ ученію о народности, не представляетъ серьезной научной цѣнности». Вся критическая дѣятельность Ап. Григорьева, по мнѣнію г. Волынскаго, вылилась «въ незаконченныя, расплывчатыя, часто прямо уродливыя формы», въ которыхъ отразилась его безпорядочная, неряшливая жизнь.

А въ глазахъ г. Иванова, автора «Исторіи русской критики», Ап. Григорьевъ — не болѣе, какъ «смѣшной энтузіастъ, плохо отдающій отчетъ въ предметахъ своего восторга и безпрестанно попадающій впросакъ». Отсюда такіе недостатки его статей, какъ «смута противорѣчій и неправдъ», «словесное молодечество и разгильдяйство», «напряженно разухабистый характеръ», «поразительная путаница мысли» и т. п.

Но какими бы болѣе или менѣе существенными оговорками ни сопровождались оцѣнки Ап. Григорьева въ прогрессивной печати, въ XX вѣкѣ ему было отведено почетное мѣсто въ краткихъ и полныхъ обзорахъ русской литературы за истекшее столѣтіе и даже въ новѣйшихъ учебникахъ по исторіи русской словесности.

Переживаемое нами время, съ его тяготѣніемъ къ мистицизму, съ популярностью интуитивной философіи, съ пропагандой націонализма, особенно благопріятно для культа Аполлона Григорьева; но очень мало надежды, чтобы этотъ культъ получилъ такое же широкое распространеніе, какъ культъ Бѣлинскаго и даже Добролюбова. «Неистовый Виссаріонъ» и «неистовый Аполлонъ»— это не только противоположность общечеловѣческаго и націоналистическаго идеализма, это противоположность логики и интуиціи, противоположность ясной и туманной рѣчи. И въ то время, какъ Бѣлинскій въ большинствѣ своихъ статей доступенъ и понятенъ всякому образованному человѣку, даже школьнику, Аполлонъ Григорьевъ, и вслѣдствіе туманности своихъ идей, и вслѣдствіе безпорядочности своего изложенія, навсегда останется писателемъ «для немногихъ».

С. Ашевскій.

Республиканцы и парламентаризмъ въ Италіи[1].

III.

Почему и для чего республиканцы пошли въ парламентъ.

Мы знаемъ уже, какъ мало итальянское королевство, провозглашенное 14 марта 1861 г., соотвѣтствовало чаяніямъ, надеждамъ и стремленіямъ республиканской демократіи. Чѣмъ рѣзче новый порядокъ вещей расходился съ республиканскимъ соціальнымъ и политическимъ идеаломъ, тѣмъ болѣе острымъ долженъ былъ представляться этой демократіи вопросъ объ участіи ея въ политическихъ и административныхъ учрежденіяхъ страны. Дозволительность участія въ коммунальныхъ выборахъ, правда, не возбуждала сомнѣній: такое участіе было прочно установившеюся традиціею еще со времени австрійскаго господства, когда на ряду съ рѣшительной и явной враждой къ режиму считалось обязательнымъ содѣйствовать всему тому, что служило дѣлу умственнаго развитія народныхъ массъ и подготовкѣ ихъ къ сверженію иноземнаго ига, пользуясь для этой цѣли всѣми мѣстными административными учрежденіями. Но можно ли было занимать должность синдика, который до 1895 г. назначался королемъ? Можно ли было республиканцу приносить присягу, которая требовалась отъ вступающаго въ эту должность? По свидѣтельству А. Гислери[2]), даже въ концѣ семидесятыхъ годовъ, почти двадцать лѣтъ спустя послѣ провозглашенія королевства, къ нему, бывшему тогда секретаремъ ломбардскаго республиканскаго союза, многіе обращались съ просьбою повергнуть ихъ сомнѣнія на этотъ счетъ

---

[1]) См. № 8. «Гол. Мин.».

[2]) Профессоръ А. Гислери, извѣстный географъ и одна изъ самыхъ крупныхъ фигуръ итальянской республиканской партіи. Вездѣ, гдѣ онъ цитируется безъ ближайшей ссылки на источникъ, имѣется въ виду его открытое письмо анконскому республиканскому конгрессу 1912 г., изданное затѣмъ отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: «*Arcangelo Ghisleri:* Il Parlamentarismo e i Repubblicani. Lettera esplicativa ai delegati del Congresso Nazionale di Ancona.—Libreria Politica Moderna. Roma 1912».

на судъ партійныхъ авторитетовъ. Любопытны отвѣты, которые давали въ такихъ случаяхъ тогдашніе руководители и вдохновители республиканскаго движенія. Альбертъ Маріо, идейный глава республиканцевъ-эволюціонистовъ, обыкновенно отвѣчалъ: «Это вопросъ психики. Я не чувствовалъ бы себя въ состояніи присягнуть. Но если бы кому-нибудь казалось, что для блага коммуны онъ сможетъ перешагнуть черезъ эту формальность, то я не поощрилъ бы, но и не отговаривалъ бы его»... Габріель Роза, не осуждая принимавшихъ присягу, предпочиталъ, однако, тактику тѣхъ, которые избѣгали ея, вступая и оставаясь въ должности, только въ качествѣ «исполняющихъ обязанности» синдика... Ауреліо же Саффи стоялъ на томъ, что «можно быть полезнымъ странѣ, не ставя себя въ затруднительное положеніе по отношенію къ собственной политической совѣсти»... Несравненно болѣе рѣшительнымъ и опредѣленнымъ было отношеніе республиканцевъ къ вопросу объ участіи въ политическихъ выборахъ. «Воздержаніе» (l'astensionismo), т.-е. бойкотъ ихъ, тогда былъ общей нормой. Ея строго придерживались тогда и тѣ, которые не считали революціонныхъ методовъ единственно цѣлесообразными или даже совершенно отвергали ихъ. Съ точки зрѣнія республиканцевъ-эволюціонистовъ допустимость участія въ выборахъ исключалась ограниченностью избирательнаго права, создававшею огромное различіе между страной *легальной* и страной *реальной* и обезпечивавшей почти безконтрольную власть правыхъ. Понятно, что «парламентская революція 18 марта 1876 г.», поставившая у власти лѣвыхъ, должна была явиться благопріятнымъ аргументомъ для тѣхъ, которыхъ почему-либо тяготила необходимость оставаться въ сторонѣ отъ парламентской жизни. На мадзиніанскомъ конгрессѣ, происходившемъ въ Генуѣ въ сентябрѣ 1876 г., Фортисъ—впослѣдствіи министръ въ кабинетѣ Пеллу, затѣмъ глава кабинета и наконецъ лидеръ джіолиттіанскаго большинства—пытается убѣдить республиканцевъ отказаться отъ бойкота и принять активное участіе въ избирательной борьбѣ. Но попытка его не имѣетъ успѣха: конгрессъ своею резолюціей подтверждаетъ для республиканцевъ обязательность абсолютнаго воздержанія отъ участія въ политическихъ выборахъ. Практика первыхъ двухъ лѣвыхъ министерствъ только укрѣпляетъ позицію непримиримыхъ, давая наглядное доказательство основательности ихъ убѣжденія въ томъ, что «дурное правительство—продуктъ не той или другой части палаты, а самой системы». Не поколебало ихъ непримиримости и появленіе у власти человѣка высокихъ личныхъ качествъ и республиканскаго образа мыслей, Кайроли, такъ какъ, по ихъ глубокому убѣжденію, при данной

системѣ «Кайроли-министру не удастся осуществить надеждъ и желаній Кайроли-депутата». Они воистину пророчески предвидѣли, что всѣ личныя достоинства новаго предсѣдателя кабинета министровъ, всѣ благопріятствующія ему обстоятельства «ни въ малѣйшей мѣрѣ не воспрепятствуютъ тому, чтобы его кабинетъ скончался отъ того же самаго органическаго порока, который со дня рожденія разлитъ въ жилахъ итальянскаго королевства и истощаетъ силы его наиболѣе здоровыхъ и крѣпкихъ защитниковъ». Ибо «вопросъ не въ людяхъ, не въ реформахъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ, а въ самомъ основаніи, въ самой сущности системы»; ибо «самыя лучшія намѣренія самаго лучшаго изъ кабинетовъ, какой только можно себѣ вообразить—въ силу самой природы системы—осуждены на то, чтобы дать результаты, несравненно болѣе мизерные, чѣмъ тѣ, какихъ ожидали министры и еще болѣе—можно себѣ представить—чѣмъ тѣ, какихъ желаетъ и въ какихъ нуждается страна»; ибо, предположивъ даже возможнымъ нелѣпое, предположивъ даже возможнымъ министерство Саффи-Кампанеллы,—«это послѣднее должно будетъ низвести свою программу до тѣхъ лилипутскихъ размѣровъ, которые были бы терпимы для надъ ними возвышающейся власти». И на этомъ стояли не только антимонархисты, во что бы то ни стало, не только тѣ увлекающіеся идеалисты республиканскаго движенія, для которыхъ «слово республика было фетишемъ», для которыхъ «республика была цѣлью сама по себѣ», которые «воскуряли ей фиміамъ, какъ высшему совершенству всякаго добра и абсолютному исключенію всякаго зла», но и такіе трезвые позитивисты, какъ Ф. Камерони, у котораго заимствованы приведенныя цитаты и который считалъ республику только «средствомъ для матеріальнаго и интеллектуальнаго улучшенія массъ, сопряженнымъ съ ошибками, непріятными неожиданностями и опасностями». «По нашему мнѣнію,—писалъ онъ,—заблуждаются въ одномъ направленіи тѣ мадзиніанцы, которые сдѣлали изъ республики мистико-догматическій культъ, какъ если бы они были легитимистами демократіи. И сбиваются съ пути въ сторону противоположную тѣ соціалисты, которые мечтаютъ о торжествѣ своихъ идей независимо отъ формы правленія, какъ будто бы такое торжество возможно безъ предварительнаго завоеванія необходимой для него почвы—республики». Въ противоположность же радикаламъ онъ полагаетъ, что «кульминаціонныя точки демократической программы несогласимы съ самымъ либеральнымъ династическимъ правительствомъ, что въ Совѣтахъ короны, какъ равно въ рядахъ депутатовъ даже самые лучшіе могутъ быть полезны только монархическому принципу». «Содѣйствуете вы

развѣ дѣлу республики,—спрашиваетъ Камерони,—когда принимаете присягу на вѣрность династіи, когда распространяете недоразумѣніе и пагубную вѣру въ конституціонныя функціи и фикціи, когда пытаетесь при посредствѣ реформъ сдѣлать переносной систему, противниками которой во имя блага страны вы себя признаете? Зачѣмъ усиливаться реставрировать зданіе, фундаментъ котораго вы считаете неправильнымъ? Правая, чѣмъ болѣе она авторитарна, тѣмъ болѣе ускоряетъ осуществленіе нашихъ желаній; лѣвая служитъ его замедленію, создавая видимость прогресса. Развѣ не неопровержимая истина, что будущее принадлежитъ тѣмъ партіямъ, которыя пишутъ на своемъ знамени принципъ, а не компромиссъ? Окружая себя передовымъ министерствомъ, корона приноситъ двойной вредъ республиканской партіи, такъ какъ дешево пріобрѣтаетъ популярность и увеличиваетъ поддавшееся обману большинство къ невыгодѣ демократіи. Для того, чтобы результатъ борьбы (въ любомъ порядкѣ идей) былъ рѣшительнымъ, необходимо, чтобы каждая сторона могла сказать: кто не со мною, тотъ противъ меня. Напротивъ, принимая участіе въ монархическомъ парламентаризмѣ, демократія истощаетъ самое себя ко благу противника. Не только противорѣчитъ принципамъ, но въ такой же мѣрѣ практически вредно то, что республиканцы составляютъ часть палаты, которая представляетъ собою отнюдь не страну, а привилегированное меньшинство подданныхъ и является предохранительнымъ клапаномъ для той безотвѣтственной власти, которой она служитъ въ качествѣ податного агента и отвѣтственнаго редактора. Предположимъ въ настоящемъ случаѣ, что министерство Кайроли сотворитъ чудеса. Развѣ большая часть выгодъ отъ этого не выпадетъ на долю короны, которая соблаговолила призвать въ свой совѣтъ даже представителей передовой лѣвой? А если министерство, какъ предыдущія, обманетъ надежды наивныхъ, развѣ наиболѣе лестная роль въ парламентской комедіи не достанется именно на долю короны? «Я сдѣлала,—скажетъ она,—все возможное для того, чтобы править при посредствѣ людей лѣвой, невзирая на ихъ бунтовское прошлое, и всѣ три опыта не удались исключительно по ихъ винѣ. Кто же можетъ бросить мнѣ сколько-нибудь основательный упрекъ за то, что я вынуждена для блага моихъ подданныхъ возвратиться къ правой?»[1]). Прозорливость Камерони не шла такъ далеко, чтобы на четверть вѣка впередъ

---

[1]) Il *Pessimista* — «Il partito repubblicano e il regio Parlamento», въ «Rivista Repubblicana», № 1 отъ 9 апрѣля 1878 г. Il *Pessimista* — псевдонимъ *Felice Cameroni* — крупнаго мадзиніанскаго публициста, извѣстнаго, между прочимъ, тѣмъ, что выступилъ противъ Мадзини въ защиту парижской коммуны.

предвидѣть возможность для короны достигнуть тѣхъ же ей близкихъ цѣлей, не только не возвращаясь къ правой, но даже, какъ будто, еще болѣе подвинувшись влѣво. Во всякомъ случаѣ, этого рода аргументація была мало убѣдительна для тѣхъ, которые стояли на принципѣ, гласившемъ, что «учрежденія изнашиваются, развиваясь», которые, какъ Альберто Маріо, были твердо увѣрены въ возможности притти къ возстановленію народнаго суверенитета «косвеннымъ путемъ какой-нибудь реформы», напр., избирательной, каковую онъ сравнивалъ со взломомъ воротъ, черезъ которыя непріятель проникаетъ въ крѣпость и беретъ ее. Понятно, что съ избирательной реформой 1882 г. оказалась устраненной та единственная причина, которая заставляла эволюціонистовъ уклоняться отъ участія въ выборахъ. Теперь ихъ главная забота—использовать, какъ можно шире и полнѣе, новый избирательный законъ. Когда въ палатѣ идетъ еще обсужденіе его. Маріо уже волнуется вопросомъ о мѣрахъ противъ возможнаго абсентеизма будущихъ избирателей и противъ той пользы, которую могутъ извлечь изъ нихъ клерикалы. Онъ горячо настаиваетъ на необходимости энергично заняться разъясненіемъ народу тѣхъ выгодъ, которыя дастъ ему участіе въ выборахъ. Необходимо путемъ устной проповѣди и при посредствѣ брошюръ «дать понять,—пишетъ онъ въ своемъ органѣ[1]),—что возможность избирать депутатовъ въ парламентъ даетъ каждому гражданину возможность видѣть хорошо управляемымъ дѣло всѣмъ принадлежащее, слѣдовательно, и платить меньше налоговъ, и имѣть лучшее образованіе, а также имѣть лучшее и болѣе обильное питаніе для дѣтей. При условіи избирательнаго права, дѣйствительно осуществляемаго, никогда не прошли бы ни несправедливый законъ о налогѣ на помолъ, ни разорительный принудительный курсъ, ни законъ о ссылкѣ на поселеніе,—ибо народъ не вотируетъ законовъ, которые вредятъ народу». Обращаясь затѣмъ къ различнымъ классамъ гражданъ, онъ считаетъ необходимымъ «дать понять рабочимъ, что теперь уже отъ нихъ самихъ зависитъ имѣть или не имѣть справедливыхъ законовъ, которые установили бы гармонію въ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, урегулировали бы рабочіе часы, препятствовали бы женщинамъ и дѣтямъ погибать отъ переутомленія, которые... разрѣшали бы стачки и другіе способы коалицій въ видахъ принужденія предпринимателей хорошо вознаграждать тѣхъ, которые отдаютъ имъ свой потъ» и т. д. Но особенно заботятъ его крестьяне, «невѣжество которыхъ равняется ихъ нищетѣ». «Среди крестьянъ,—

---

[1]) «Lega della Democrazia» отъ 8 іюля 1881 г.; въ статьѣ: «La nuova legge elettorale».

говоритъ онъ,—необходима серьезная, терпѣливая и основательная пропаганда, которую должны вести тѣ, кто разумѣетъ ихъ языкъ, знаетъ ихъ нравы и ихъ неслыханныя страданія. Нужно заставить ихъ понять, что теперь въ ихъ власти радикально измѣнить ихъ положеніе; покончить съ ужасающимъ бѣдствіемъ пеллагры, положить конецъ жестокой мукѣ эмиграціи и пыткѣ видѣть своихъ женъ и дѣтей умирающими отъ голода и мучительнаго труда на землѣ, въ буквальномъ смыслѣ орошенной ихъ потомъ. Нынѣ парламентъ, составленный изъ людей, имѣющихъ сердце и разумъ, преобразуетъ долину слезъ, въ которой земледѣлецъ проводитъ свою жизнь, въ истинный эдемъ, гдѣ для всѣхъ будетъ пища и для всѣхъ будетъ работа, гдѣ у одного не будетъ возможности тиранствовать надъ тысячами и располагать по своему капризу ихъ руками и ихъ жизнью»... Быть можетъ, говорящіе этимъ языкомъ сами не такъ уже вѣрятъ въ чудодѣйственную силу парламентской работы независимо отъ условій, въ которыхъ она протекаетъ? Достаточнымъ отвѣтомъ на это служитъ заявленіе, сдѣланное Альбертомъ Маріо въ полемикѣ его съ Гислери какъ разъ именно по поводу реформы 1882 г. «Дайте мнѣ,—сказалъ онъ,—сильное меньшинство въ сто депутатовъ на крайней лѣвой, и музыка заиграетъ октавой выше. Народъ на митингахъ, сотня въ залѣ парламента достигнули бы на курьерскихъ и отмѣны присяги, и всеобщаго избирательнаго права»[1]). А изъ послѣдняго, какъ мы знаемъ уже, по ученію эволюціонистовъ, и учредительное собраніе и т. д. Конечно, стоитъ сравнить только что приведенныя выдержки съ вышецитированными строками Камерони, чтобы убѣдиться, что дѣло идетъ о двухъ тенденціяхъ, между которыми примиреніе невозможно и ужиться которымъ въ рамкахъ одной партіи немыслимо. Расхожденіе между представителями обѣихъ тенденцій съ каждымъ годомъ усиливается и къ концу девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка разрывъ становится неминуемымъ. Въ конечномъ итогѣ начало нынѣшняго царствованія, совпадающее съ началомъ двадцатаго вѣка, застаетъ въ Италіи двѣ республиканскихъ партіи: во 1) италіанскую мадзиніанскую партію и, во 2) итальянскую національную республиканскую партію [2]). C r e d o первой,

---

[1]) Вотъ еще любопытное свидѣтельство проф. Колаянни: «Пишущій эти строки помнитъ гипотезы и оптимистическіе расчеты, которые дѣлалъ Альберто Маріо по поводу республиканцевъ, долженствовавшихъ будто бы войти въ палату со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. И нужно было видѣть, какъ у него сверкали глаза». («Rivita Popolare», № 11, отъ 15 іюня 1912 г., pag. 288). Характерно, что звавшіе къ урнамъ и въ парламентъ, какъ Маріо, Габріелъ Роза, Гислери, сами ни подъ какимъ видомъ въ него итти не хотѣли и всегда рѣшительно отклоняли постановку своихъ кандидатуръ.

[2]) Послѣдняя сформировалась въ 1895 г., мадзиніанская же — 1901 г.

мадзиніанской, наиболѣе полно и въ то же время наиболѣе сжато изложено въ манифестѣ, выпущенномъ этой партіей послѣ ея флорентинскаго конгресса, состоявшагося 25—27 мая 1912 г. Вотъ его наиболѣе существенная часть, вполнѣ опредѣляющая ту позицію, которую заняла эта партія по отношенію къ вопросамъ внѣшней и внутренней политики итальянской монархіи. «Въ области *общественной морали*,—гласитъ манифестъ,—мы вѣримъ, что жизнь есть миссія, борьба, война противъ всѣхъ препонъ, которыя лежатъ на пути неограниченнаго прогресса человѣчества, и что *долгъ* является нормой, высшимъ закономъ жизни. Въ области *соціальной политики* мы вѣримъ, что вопросъ экономическій и вопросъ политическій неразрывно связаны между собою, и потому вѣримъ, что безъ республики *невозможно* соціальное преобразованіе всѣхъ человѣческихъ установленій—государства, коммуны, семьи, собственности,—имѣющее цѣлью превращеніе наемныхъ рабочихъ въ свободныхъ производителей, въ членовъ свободныхъ ассоціацій, въ хозяевъ продуктовъ своего труда. Въ области *международной политики* мы вѣримъ, что карта Европы должна быть передѣлана на основѣ національной ради достиженія высокой цѣли человѣческой—братства народовъ въ Соединенныхъ Штатахъ Европы, которая нынѣ, по винѣ монархическихъ государствъ, стала наглой, аггрессивной, милитаристской съ ея политикой имперіализма и расширенія владѣній,—и потому мы настаиваемъ на необходимости распаденія реакціонной австро-венгерской имперіи, настаиваемъ на необходимости національнаго возстановленія Польши, настаиваемъ на необходимости изгнанія расположившагося лагеремъ въ Европѣ турка, ради основанія великой федераціи всѣхъ славянскихъ народовъ съ Константинополемъ, превращеннымъ въ городъ международный, оплотъ противъ насильственно вторгающагося царизма,—настаиваемъ на присоединеніи къ нашему отечеству всѣхъ неискупленныхъ земель, угнетаемыхъ иноземцемъ, и на необходимости возстановить албанскую національность. Въ области *колонизаціи* мы рѣшительные противники колоніальной политики на основѣ завоеванія, милитаризма и гнета, и являемся сторонниками мирной колонизаціи, торговой и промышленной, дѣйствительно культурной и гуманитарной. Мы не *пацифисты* и объявляемъ войну не войнѣ, а всѣмъ причинамъ войны. Мы желаемъ отечества сильнаго, въ которомъ всѣ—воины и никто—солдатъ, потому что мы вѣримъ, что на Италіи лежитъ великая цивилизаторская миссія въ Европѣ и въ мірѣ. Въ области *женскаго вопроса* мы вѣримъ въ единство семьи и въ моральное и легальное равенство женщины и мужчины.

Всеобщее избирательное право не приводитъ насъ въ восторгъ, потому что мы вѣримъ, что безъ республики воспитывающей оно будетъ орудіемъ господства въ рукахъ монархіи. И прежде всего и больше всего мы вѣримъ, что никакое обновленіе религіозное, моральное, политическое и соціальное невозможно безъ республиканской формы государства, которая должна быть завоевана при посредствѣ національной революціи,—единственнаго средства для реализаціи грандіозной программы, начертанной увѣренною рукою великаго учителя»... Партія, которая вѣритъ исключительно и единственно въ революцію, естественно, не имѣетъ основанія для участія въ парламентскихъ выборахъ. «Непримиримая мадзиніанская партія,—гласитъ предвыборный манифестъ, изданный мадзиніанцами въ февралѣ 1909 г.,—въ силу логики и послѣдовательности программѣ, въ силу искренности ея отношенія къ политическому воспитанію народа, въ силу разумнаго уваженія къ пятидесятилѣтнему опыту итальянской общественной жизни,—и на этотъ разъ воздерживается отъ избирательной борьбы, какъ и всегда будетъ воздерживаться отъ нея до тѣхъ поръ, пока въ Италіи будутъ терпимы дѣйствующія установленія. Мученики и воины республики—мадзиніанцы никогда не пойдутъ къ урнамъ монархіи. Нынѣ мы остались уже единственною изъ политическихъ и народныхъ партій, продолжающею упорствовать въ своей непреклонной непримиримости по отношенію къ дѣйствующей системѣ, послѣ того какъ даже клерикалы, отказавшись отъ былого воздержанія, теперь рѣшительно подступаютъ къ урнамъ». Поведеніе клерикаловъ является вполнѣ логичнымъ. Они бойкотировали выборы, пока полагали, что «монархія несовмѣстима съ Ватиканомъ», когда же обнаружилось, что итальянская монархія является, по существу, государствомъ конфессіональнымъ, то они, естественно, измѣнили тактику. «Клерикалы (теперь) принимаютъ монархію, потому что она, въ соотвѣтствіи съ 1-мъ параграфомъ *своего* Статута, возвращается въ лоно католическаго силлабуса, и потому ихъ участіе въ королевскомъ парламентѣ въ такой же мѣрѣ послѣдовательно и раціонально, какъ и ихъ прежнее воздержаніе». Разобравъ затѣмъ детально избирательные манифесты, выпущенные республиканскою, соціалистическою и радикальною партіями и установивъ, что эти манифесты въ дѣйствительности также «представляютъ собою не что иное, какъ страшный обвинительный актъ противъ монархіи», мадзиніанцы спрашиваютъ: «Почему все это? Потому, что въ Италіи народная воля—*ничто*, воля монархіи—*все*. Мадзиніанцы утверждаютъ это, начиная съ 1860 г. Захвативъ врасплохъ душу народа, сжатаго въ тискахъ окружающихъ его

обстоятельствъ, плебисциты оборвали работу революціи и использовали ее въ чужихъ интересахъ: господство низвергнутыхъ съ трона деспотовъ смѣнилось господствомъ появившейся вдругъ счастливой династіи. Италія воскресла территоріально единою, но итальянцы не сдѣлались гражданами свободной страны: они остались подданными монархіи, по существу, обреченной—въ силу традицій и жизненной для нея необходимости—Ватикану и интернаціональной реакціи. Итальянская демократія обольщается возможностью реформировать ее; это стало иллюзіей соціалистовъ, самихъ республиканцевъ; но монархія не могла измѣнить существа своего и послѣ періода поочередно слѣдовавшихъ пререканій возвращается нынѣ окончательно къ своему источнику. И возвращается она къ нему, именно, послѣ продолжительнаго эксперимента, въ теченіе котораго у депутатовъ республиканцевъ, соціалистовъ и радикаловъ не было недостатка ни въ числѣ, ни въ доблести для того, чтобы затѣять бой не противъ министерствъ, которыя *повинуются,* а прямо противъ монархіи, которая *распоряжается.* Но они этого не могли, не могутъ и не смогутъ, потому что въ монархическомъ парламентѣ выше воли народной стоитъ желѣзная воля королевская». Напомнивъ предостереженія, которыя дѣлалъ Мадзини, его руководящую точку зрѣнія и методъ, которому онъ рекомендовалъ слѣдовать въ отношеніи монархіи, манифестъ продолжаетъ: «Итальянская мадзиніанская партія поэтому является строго почтительной по отношенію къ великому учителю не менѣе, чѣмъ по отношенію къ исторіи, когда настаиваетъ, какъ настаивала на своихъ конгрессахъ, начиная съ 1901 г. по нынѣшній день, на воздержаніи отъ участія въ выборахъ». Это воздержаніе—«не лѣность и не побѣгъ съ поля сраженія», ибо мѣсто республиканцевъ «внѣ парламента, внѣ орбиты дѣйствующихъ установленій, а единственно и всегда среди народа» ибо «только изъ учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ республиканскаго всеобщаго избирательнаго права, можетъ выйдти національный договоръ, а изъ послѣдняго— собраніе, единственно являющееся выразителемъ народнаго суверенитета. Раньше — нѣтъ». Въ виду сказаннаго уже выше о тѣхъ причинахъ, которыя привели къ образованію двухъ отдѣльныхъ республиканскихъ партій, само собою понятно, что различіе между ними должно заключаться не въ цѣли, а въ методѣ. Въ противоположность мадзиніанской, для итальянской республиканской партіи революція не является единственнымъ и исключительнымъ методомъ дѣйствія. Правда, подобно мадзиніанской и республиканская партія называетъ себя партіею

революціонною. Она совсѣмъ не думаетъ, по словамъ Мирабелли[1]), что «революція, которая занимаетъ такое видное мѣсто въ исторіи человѣчества и цивилизаціи, загнана на заплеснѣвшее дно политической археологіи» и что «святой карабинъ» Гарибальди не заслуживаетъ ничего, кромѣ той насмѣшки, которой онъ подвергся со стороны итальянскихъ марксистовъ. «Языкъ,—говорилъ братъ Кампанелла изъ Стилы,—долженъ предшествовать шпагѣ. Нужны значитъ, и языкъ и шпага, и если языкъ долженъ предшествовать, то и шпага должна сверкать»... Однако революція не значитъ всегда и непремѣнно: выстрѣлы, динамитъ, гильотина и т. п., равно какъ «нѣтъ на свѣтѣ революціи, которая не была бы подготовлена долгою эволюціею, и нѣтъ на свѣтѣ эволюціи, которая не закончилась бы революціею. Это термины нераздѣлимые —говорилъ Бовіо послѣ болонскаго конгресса 1893 г.— и только благодаря игрѣ абстракцій они могутъ образовать двѣ отдѣльныхъ школы. Революція—не школа, она взрывъ, и когда говорятъ о революціонной школѣ, значитъ, революція находится еще въ своей эволюціонной фазѣ. Посмотрите на эволюцію церкви и на французскую революцію. Эволюція церкви, которая казалась въ своей суровости уклоняющеюся отъ какой бы то ни было соціальной трансформаціи, имѣла результатомъ протестантскую революцію, а французская революція, которая была наиболѣе смѣлымъ провозглашеніемъ правъ, созрѣла въ теченіе долгой эволюціи въ Энциклопедіи и въ Возрожденіи... «Когда соединяютъ вмѣстѣ монархію и демократію,—сказалъ Бовіо,—то смѣшиваютъ вещи несоединимыя, когда же отдѣляютъ революцію отъ эволюціи, то разрушаютъ два взаимно связанныхъ положенія». Нѣтъ поэтому «никакого существеннаго антагонистическаго различія между реформаторскою и революціонной дѣятельностью», и потому «республиканская партія не должна быть одностороннею». Единственное, что для нея важно,—имѣть за себя страну, и для этого «необходимо революціонизировать сердце и мозгъ страны—книгою, газетою, словомъ, жизнью. Завоеваніе этой силы должно стать цѣлью партіи». Въ свою очередь другой наиболѣе, послѣ Маріо, рѣшительный противникъ бойкота выборовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не самый строгій хранитель республиканскаго огня на алтарѣ, А. Гислери разъяснялъ, что, идя на выборы, итальянская республиканская партія совсѣмъ не намѣрена создавать

---

[1]) Здѣсь цитируется рѣчь, произнесенная имъ 16 сентября 1910 г. на съѣздѣ республиканскихъ экономическихъ организацій въ Равеннѣ и заключающая въ себѣ почти дословное повтореніе тѣхъ соображеній, которыми онъ въ началѣ 900-хъ годовъ обосновалъ тактику республиканской партіи. (Ср. рѣчь, произнесенную имъ 5 октября 1902 г. на 6-мъ пизанскомъ, конгрессѣ. «Resoconto del 6-o Congresso Nazionale Repubblicano», pag. 43—45, Milano, 1903).

иллюзій, а имѣетъ въ виду единственно воспользоваться всѣми обстоятельствами и возможностями, открываемыми избирательною борьбой, для того, чтобы дѣйствовать «въ качествѣ воспитателя, двигателя и трансформатора на существующій порядокъ вещей». Эта партія стремится къ той же цѣли, что и мадзиніанская, но,— замѣчалъ онъ, обращаясь къ послѣдней,—«со слѣдующимъ единственнымъ различіемъ, что вы, дабы не обманывать народа, *стоите себѣ въ сторонкѣ* (тактика, которую мы считаемъ абсурдною, свойственной безсильнымъ или же удивительнымъ образомъ служащею для внушенія народу мнѣнія о нашей неспособности и о нашемъ безсиліи), между тѣмъ какъ мы считаемъ удобнымъ, полезнымъ и необходимымъ проникать въ толчею враждебныхъ партій, высказывать свое слово по поводу всѣхъ выдвигаемыхъ ими проблемъ, накладывать наше клеймо на всѣ движенія, сдѣлать такъ, чтобы насъ чувствовали, чтобы насъ находили повсюду»... Необходимо, наконецъ, показать, что «республиканцы въ Италіи совсѣмъ не представляютъ собою только дюжины монаховъ, которые въ теченіе тридцати лѣтъ распѣваютъ одинъ и тотъ же псаломъ, укрывшись вдали отъ непогоды и отъ труда бѣдныхъ грѣшниковъ, работающихъ внѣ ихъ монастыря. Нѣтъ, намъ пора вмѣшаться въ толпу этихъ работниковъ и работать вмѣстѣ съ ними не для того, чтобы перемѣнить нашу вѣру, а для того, чтобы внести ее въ ихъ среду; пора намъ употреблять *языкъ вещей*, которыя ихъ наиболѣе близко интересуютъ». И на второмъ, флорентинскомъ, конгрессѣ республиканской партіи (27—28 мая 1897 г.), окончательно формулировавшемъ ея программу, въ послѣднюю вносится пунктъ, который гласитъ, что партія «ничего не надѣется добиться отъ дѣйствующихъ установленій» и что, «сосредоточивъ всѣ свои силы на достиженіи свободы и народнаго суверенитета», она «какъ средствомъ пропаганды и организаціи пользуется также административными и политическими выборами», при чемъ реализовать свои стремленія «намѣрена не путемъ законодательной работы, а путемъ пробужденія здороваго общественнаго сознанія и великодушнаго народнаго порыва»... Слѣдовательно, отнюдь не законодательная работа, а только использованіе выборовъ въ цѣляхъ пропаганды и организаціи!.. При такой постановкѣ вопроса, собственно, въ парламентъ можно было бы и не итти. Такъ нѣкоторые и думали, и указывали, предостерегая даже противъ того рокового значенія, которое вступленіе въ него могло бы имѣть для республиканской группы. Всего за пять лѣтъ до флорентинскаго конгресса, въ 1892 г., борясь противъ легализма руководимыхъ Каваллотти радикаловъ, Антоніо Фратти писалъ: «Кто гонится за маленькими

реформами, вмѣсто того, чтобы добиваться наибольшей реформы, тотъ трудится ради свободы, справедливости и даже другихъ прекраснѣйшихъ богинь, если угодно, но внѣ сомнѣнія трудится для монархіи». Позже болѣе подробно обосновалъ то же положеніе Піо Віацци, тогда еще только начинавшій свою политическую карьеру, впослѣдствіи профессоръ и депутатъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ лѣваго (соціалистическаго) крыла республиканской партіи. «Есть,—писалъ онъ 10 іюля 1903 г. въ «Vita Italiana»,—непреодолимая діалектическая антитеза между республиканскимъ принципомъ и положительною политическою дѣятельностью въ монархическомъ режимѣ. Идите въ палату. Принесете вы присягу или не принесете ея,—вы сдѣлаетесь сотрудниками монархіи. Дѣлайте постоянную, систематическую оппозицію, вотируйте противъ всѣхъ министерствъ, высказывайте мотивы вашего поведенія,—не важно: или пріемы ваши будутъ насильственными, антипарламентарными, и вы будете изгнаны,—противорѣчіе будетъ разрѣшено удаленіемъ васъ, но въ такомъ случаѣ стоило того, чтобы отвергнуть раньше парламентскую работу и объявить себя бойкотистами; или же ваши пріемы будутъ пріемами нормальной дискуссіи, аргументаціи, убѣжденія, и тогда вы послужите на пользу правительству, содѣйствуя совѣтомъ исправленію его ошибокъ, воздерживая его вліяніемъ своего авторитета отъ дурного дѣла, побуждая его поощреніемъ къ работѣ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ ваша критика будетъ казаться наиболѣе воспринимаемою общественнымъ мнѣніемъ. Этими и еще другими путями вы, какъ сказано, послужите на пользу монархическому дѣлу; вы сдѣлаетесь силою вещей, вопреки всѣмъ добрымъ намѣреніямъ и всѣмъ словамъ, оппозиціей Его Величества». Но такого рода предостереженія были запоздалыми, потому что фактически вопросъ о томъ, итти ли въ палату, былъ уже рѣшенъ: гораздо раньше, чѣмъ партія рѣшила отказаться отъ бойкота, въ палатѣ засѣдало уже довольно замѣтное число республиканцевъ, при томъ какъ разъ наиболѣе вліятельныхъ и авторитетныхъ. Дѣло въ томъ, что еще до принципіальнаго отказа отъ бойкота республиканцы допускали активное и пассивное участіе въ выборахъ, когда дѣло шло о «кандидатурахъ протеста», объ огражденіи преслѣдуемыхъ правительствомъ лицъ депутатской неприкосновенностью, всегда даже въ самыя мрачныя реакціонныя эпохи свято соблюдавшейся въ Италіи, или же о выборѣ такого лица, самое появленіе котораго въ парламентѣ по условіямъ момента было равносильно чуть ли не революціи[1]). Правда, они не составляли особой

[1]) Таковыми были выборы Мадзини, Катанео, Маріо, Джузеппе Феррари, Пеллегрини, Бовіо и др.

парламентской группы, не носили партійнаго ярлыка и растворялись въ общей массѣ крайней лѣвой оппозиціи. Но не трудно было предвидѣть день, когда республиканской оппозиціи въ парламентѣ, волей-неволей, придется, по выраженію Бовіо, или «самоопредѣлиться или исчезнуть». Партіи, хотя бы и отрицающей законодательную работу, тѣмъ не менѣе, считаясь съ наличной дѣйствительностью, нельзя было уклониться отъ опредѣленія своего отношенія къ парламентской группѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ парламентской работѣ. Были нѣкоторые, какъ Дель Бальцо, О. Мазини, А. Пеллегрини, I. Каппа, А. Гислери, которые требовали, чтобы партія проявила полнѣйшее равнодушіе къ парламентскому представительству. «Не смѣшивайтесь съ этими депутатами, оставьте ихъ работать, какъ они находятъ лучше;—говорилъ на пизанскомъ конгрессѣ старый непримиримый мадзиніанецъ, тогда только что примкнувшій къ республиканской партіи, Отелло Мазини, —простимъ имъ то, чего они не сдѣлали, избавимъ партію отъ вѣры, отъ взгляда, будто бы республиканская парламентская группа можетъ дать болѣе сильный толчокъ республиканскай работѣ, и сдѣлаемъ, напротивъ, чтобы работа шла среди насъ, такъ какъ я убѣжденъ, что республиканская партія можетъ работать въ республиканскомъ духѣ только среди народа, при посредствѣ нашихъ секцій, нашихъ организацій» [1]). «Пусть,—писалъ Гислери въ своемъ органѣ «Народная Италія»[2]),—пусть войдетъ туда (въ парламентъ) кто хочетъ, поступаетъ, какъ знаетъ, а партія пусть сохранитъ за собою право судить о немъ, какъ онъ того заслужитъ»,—работа же партіи должна быть сосредоточена въ странѣ. «Очаги культуры, очаги идей и новые пути для кипучей юношеской дѣятельности... Ни одинъ изъ крупныхъ интересовъ, ни одна изъ общихъ или областныхъ проблемъ не должна быть нами пренебрежена. Мы должны итти на мѣста, проникать въ массы, которыя ихъ не знаютъ, сказать имъ тѣ истины, которыхъ имъ никто еще никогда не сказалъ... Говорить со всѣми, заставить себя ненавидѣть, заставить себя любить, потому что горе идеѣ, которая не умѣетъ найти путей къ сердцу, горе партіи, которая боится недружелюбія или ненависти противниковъ... Было бы положительно безуміемъ занимать наши мысли, наше время, наши организаціонныя средства единственно съ тою цѣлью, чтобы увидѣть себя посредственно или дурно представленными лишнею полудюжиной депутатовъ на скамьяхъ меньшинства въ парламентѣ монархіи». Но это былъ взглядъ меньшинства; вотумомъ же большинства партіи, уже на конгрессѣ 1900 г., въ Рифреди,

[1]) «Resoconto del 6-o Congresso Naz. Repubbl.», pag. 76.
[2]) «Italia del Popolo», выходившая въ Миланѣ.

республиканская парламентская группа признана была «одной изъ силъ партіи, предназначенной для пропаганды въ законодательномъ собраніи»; а конгрессъ 1901 г., въ Анконѣ, соотвѣтствующею резолюціею «напомнилъ» депутатамъ, что «парламентская работа можетъ имѣть задачей только демонстрированіе несовмѣстимости дѣйствующихъ учрежденій съ постулатами республиканской программы». Это значитъ, что отъ парламентской группы требовалась дѣятельность чисто отрицательная, оппозиція систематическая и безусловная и вотированіе противъ всякаго министерства, каковымъ бы оно ни было, просто потому, что оно монархическое. Легко понять, съ какимъ количествомъ трудно преодолимыхъ чисто практическихъ затрудненій стали лицомъ къ лицу депутаты-республиканцы въ своей парламентской работѣ. И затрудненія эти увеличивались по мѣрѣ того, какъ дѣлалась все болѣе многочисленною и вліятельною сама парламентская группа. Гислери высказываетъ рядъ соображеній, устанавливающихъ существенную важность для позиціи, занимаемой парламентскою группою, ея количественнаго состава, и приводитъ тождественныя соображенія, высказанныя во время полемики, возгорѣвшейся по поводу рѣшенія анконскаго конгресса, однимъ изъ самыхъ крупныхъ итальянскихъ парламентаріевъ—республиканскимъ депутатомъ Бардзилаи. «Вы говорите,—аргументировалъ послѣдній,—что депутаты республиканской группы должны пользоваться трибуною исключительно, какъ каѳедрой для пропаганды, что они должны стоять въ сторонѣ отъ состязанія конституціонныхъ группъ, отъ кризисовъ, должны оставаться внутри палаты въ качествѣ перманентнаго протеста лучшей части націи... Это дѣйствительно хорошая программа для *трехъ*, неосуществимая для *двадцати*, совсѣмъ невозможная завтра — для *пятидесяти*, если мы должны надѣяться на расширеніе, а не на сокращеніе нашихъ рядовъ. *Трое*,—а *одинъ* еще лучше *трехъ*,—могутъ красоваться въ палатѣ, какъ перманентный протестъ, могутъ объявить себя чуждыми всей реальной жизни Монтечиторіо [1]), могутъ совершенно индифферентно наблюдать исходъ голосованій; могутъ пользоваться трибуною исключительно для цѣлей высоко поучительной проповѣди. Но *25* или *50* становятся колесомъ, и часто даже главнымъ колесомъ механизма, не могущимъ вѣчно вертѣться впустую безъ риска испортиться»... А какъ быть съ реформами и мѣропріятіями, въ которыхъ нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ дѣйствующими установленіями? Какъ быть, напр., когда дѣло идетъ о свободѣ органи-

[1]) Парламентъ, называемый такъ по имени холма, на которомъ стоитъ.

зацій, собраній, пропаганды, объ отмѣнѣ секвестра произведеній печати и т. п.? Какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ исхода голосованія зависитъ улучшеніе или ухудшеніе тѣхъ условій, въ которыхъ должна развиваться дѣятельность самой республиканской партіи? Неудивительно, если въ партіи все сильнѣе становится теченіе, стремящееся освободить парламентскую дѣятельность партіи изъ тѣхъ принципіальныхъ тисковъ, въ которыя ее заключили приведенныя постановленія конгрессовъ. На Конгрессѣ въ Форли, 3—5 октября 1902 г., Р. Мирабелли пытается убѣдить партію, что «дѣятельность республиканскихъ депутатовъ не должна быть только отрицательной, т.-е. направленною на экспериментальное выясненіе несовмѣстимости республиканскихъ экономическихъ и политическихъ постулатовъ съ основами и предѣлами конституціи», что она «должна быть также положительною, т.-е., направленною на завоеваніе въ нынѣшнемъ государствѣ... всѣхъ тѣхъ реформъ, какія можно выжать изъ него ко благу демократіи и ради облегченія общественныхъ болячекъ» и что поэтому, «недостаточны контроль, критика, принципіальныя выступленія, а необходимы обсужденія вопросовъ и кооперація или сотрудничество» [1]). Попытка Мирабелли, какъ будто, не имѣетъ успѣха: формально постановленія конгрессовъ остаются въ силѣ, и выше мы видѣли даже, какъ въ своемъ избирательномъ манифестѣ 1904 года партія продолжаетъ предостерегать страну противъ чрезмѣрныхъ иллюзій въ отношеніи парламентской работы. Но шесть лѣтъ спустя, въ маѣ 1908 г., IX-ый конгрессъ партіи почти единогласно принимаетъ слѣдующій порядокъ дня: «Конгрессъ итальянской республиканской партіи, собравшійся въ Римѣ, восполняя концепцію партійной программы и предшествующихъ постановленій въ отношеніи административныхъ и политическихъ выборовъ, подтверждаетъ, что примыкающимъ къ партіи надобно участвовать въ избирательной борьбѣ въ качествѣ избирателей и избираемыхъ не только для того, чтобы пропагандировать наши принципы въ странѣ, но и, въ особенности, съ цѣлью: 1) оказать давленіе на общественныя власти въ пользу какихъ-либо постулатовъ или ради непосредственныхъ выгодъ, согласныхъ съ нашей воспитательной, экономической и политической программой, вступая при необходимости въ отдѣльныхъ случаяхъ въ союзъ съ другими партіями или группами, которыя были бы согласны на достиженіе тѣхъ же самыхъ непосредственныхъ цѣлей; 2) пріучить примыкающихъ къ партіи къ изученію проблемъ, имѣющихъ общественный ин-

---

[1]) *Roberto Mirabelli:* «Precedenti parlamentari del gruppo repubblicano», въ «La Ragione», № отъ 29 апрѣля 1911 г.

тересъ, и показать, что партія обладаетъ людьми, способными попытаться разрѣшить ихъ въ интересахъ народа; 3) находиться въ контактѣ съ живыми силами націи ради распространенія во всѣхъ классахъ сознанія потребностей и необходимости того режима, болѣе искренняго, болѣе честнаго, ускоряющаго цивилизацію, который составляетъ наше постоянное чаяніе и нашу директиву». Затѣмъ еще, два года спустя, на X-омъ флорентинскомъ конгрессѣ (апрѣль 1910 г.) докладчикъ по тому же вопросу, Джузеппе Меони, указываетъ въ своемъ докладѣ [1]), что, «разъ принявъ рѣшеніе участвовать въ избирательной борьбѣ, республиканская партія должна была логически неизбѣжно отказаться, если не всецѣло, то въ наибольшей мѣрѣ отъ той апріористической суровости, которая характеризуетъ собою непримиримыя партіи». Естественно, что докладчикъ, а за нимъ и конгрессъ не видятъ никакихъ основаній для пересмотра рѣшенія, принятаго предыдущимъ конгрессомъ, тѣмъ болѣе, что это рѣшеніе не давало новаго направленія практикѣ республиканской партіи, а только заднимъ числомъ санкціонировало то направленіе, которое фактически эта практика уже давно приняла. Дѣло шло только объ оздоровленіи партійной атмосферы, о внесеніи въ нее той искренности и честности, которыя не допускаютъ противорѣчія между программой партіи и ея дѣятельностью, которыя требуютъ, чтобы вторая строго соотвѣтствовала первой, или же чтобы программа была открыто и откровенно измѣнена. И дважды принятый конгрессами порядокъ дня представлялъ собою не что иное, какъ попытку ввести въ опредѣленныя нормы совершенныя республиканцами нарушенія ихъ первоначальной программы и вмѣстѣ съ тѣмъ использовать тѣ рамки, въ которыхъ фактически развивалась дѣятельность партіи, съ наибольшей выгодой для основныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ республиканскимъ движеніемъ. Удалась ли эта попытка? Иначе— что въ конечномъ итогѣ далъ республиканскому движенію отказъ республиканской партіи отъ бойкота?—это мы сейчасъ увидимъ.

IV.

Что произошло въ самомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1908 г., шесть мѣсяцевъ спустя послѣ римскаго конгресса, мы видимъ тогдашняго секретаря партіи, обращающимся къ ней со столбцовъ ея центральнаго органа съ прямымъ и рѣшительнымъ вопросомъ, что будетъ она въ состояніи сдѣлать, «если завтра на циферблатѣ исторіи пробьетъ рѣшительный

---

[1]) «La Ragione», № 99, отъ 9 апрѣля 1910 г.

часъ?» Вѣдь «республиканская партія есть партія революціонная; она никогда не отказывалась отъ этой своей особенности, отреченіе отъ которой значило бы переходъ въ радикализмъ».—Революціи же не дѣлаются по расписанію, въ заранѣе назначенные сроки: онѣ «вспыхиваютъ, когда опредѣленные моральные, политическіе и соціальные факторы дѣлаютъ неизбѣжными насильственныя дѣйствія для устраненія препоны, лежащей на пути цивилизаціи»; ибо «въ жизни народа бываютъ историческіе моменты, когда возмущена совѣсть всей націи, преисполненной негодованія и печали, безъ различія классовъ и партій, и въ такіе моменты *иниціатива*, необходимость которой такъ много проповѣдывалъ Мадзини,—иниціатива наиболѣе смѣлыхъ и наиболѣе рѣшительныхъ можетъ рѣшить судьбу отечества». Италія пережила два такихъ роковыхъ часа: на другой день послѣ абессинскаго разгрома (Абба-Карима) и въ кровавые майскіе дни 1898 г. Но тогда ни республиканцы, ни какая другая партія «не были въ состояніи дерзнуть, и оба часа прошли безплодно». Не повторится ли то же самое и въ третій разъ? «Я полагаю,—предостерегающимъ тономъ заявляетъ авторъ,—что передъ лицомъ исторіи мы будемъ въ третій разъ обвинены въ томъ, что нашей инертностью и неподготовленностью мы спасли монархію» [1]). Выводъ слѣдовалъ самъ собою; партія должна позаботиться о томъ, чтобы быть готовой проявить «иниціативу», какъ только къ тому представится поводъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что и послѣ римскаго конгресса люди, стоящіе въ центрѣ партіи, продолжаютъ трактовать ее, какъ партію революціонную, ставятъ ей чисто революціонныя задачи и предъявляютъ ей чисто революціонныя требованія. Конечно, людямъ, стоящимъ въ центрѣ, хотя бы то былъ центръ свободной демократической организаціи, свойственно ошибаться, хотя бы уже потому, что они не всегда имѣютъ возможность вполнѣ точно знать, что дѣлается на периферіи. Но предо мною болѣе сотни относящихся къ тому же времени отчетовъ о засѣданіяхъ и постановленій различныхъ республиканскихъ организацій, главнымъ же образомъ, съѣздовъ областныхъ партійныхъ федерацій. И въ нихъ слово революція склоняется во всѣхъ падежахъ. Это производитъ огромное впечатлѣніе... до тѣхъ поръ, пока вы не успѣваете познакомиться съ лежащими тутъ же и относящимися къ тому же времени отчетами партійныхъ секретарей—мѣстныхъ и центральнаго. Тогда впечатлѣніе получается еще большее, но уже совершенно другого рода: вы почти подавлены тою быстротой, съ какою партія, отказавшись

[1]) *U. Serpieri:* «La propaganda dell'azione» въ «La Ragione», № 362, 14 дек. 1908 г.

отъ бойкота и выступивъ на путь парламентаризма, пришла почти къ полному развалу, не сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ своей прошлой революціонности ничего, кромѣ соотвѣтствующаго слова, какъ сказано, усердно склоняемаго во всѣхъ падежахъ въ какихъ-либо особенно торжественныхъ случаяхъ. Очень быстро у партіи какъ будто не оказывается болѣе никакихъ заботъ, никакихъ задачъ, никакихъ интересовъ, кромѣ избирательныхъ. Огромное количество секцій оказывается въ обычное время существующимъ только на бумагѣ, но зато оживаютъ онѣ наканунѣ выборовъ, когда въ нихъ закипаетъ работа, составъ ихъ дѣлается необычно многочисленнымъ и проявляетъ необычную энергію... «Сила всякой ассоціаціи,—писалъ Мадзини, основывая свою Молодую Италію,—заключается не въ численности составляющихъ ее элементовъ, а въ ихъ однородности, въ совершенномъ согласіи ея членовъ относительно пути, по которому должно слѣдовать, въ увѣренности, что день дѣйствія найдетъ ихъ въ плотно сомкнутой фалангѣ, сильныхъ взаимнымъ довѣріемъ, тѣсно сжатыхъ единствомъ стремленій вокругъ общаго знамени». Но тамъ, гдѣ организація имѣетъ единственной задачей подачу избирательнаго голоса, тамъ, гдѣ каждый членъ организаціи цѣненъ единственно постольку, поскольку онъ самъ является избирателемъ или приноситъ съ собою то или другое количество избирательныхъ голосовъ,—тамъ, очевидно, первое и главное, именно, численность состава. Тамъ не приходится быть особенно разборчивымъ при вербовкѣ членовъ, тамъ неизбѣжно привлеченіе въ партію массы лицъ, по существу ей совершенно чуждыхъ и связанныхъ съ нею исключительно выборными интересами. И въ связи съ послѣдними партія заболѣваетъ болѣзнью, которую Гислери въ письмѣ къ республиканской молодежи, собравшейся въ 1909 году на конгрессъ въ Форли[1]), очень удачно называетъ mania di far numero,—маніакальнымъ стремленіемъ числиться для счета, набирать, какъ можно, больше голосовъ и избирать, какъ можно, больше депутатовъ. Участіе въ выборахъ, какъ мы знаемъ, имѣло основной цѣлью пропаганду республиканскихъ идеаловъ, а только что указанное стремленіе можетъ быть удовлетворено, какъ разъ только при условіи возможно большаго ихъ замалчиванія и затушевыванія. Ставили кандидатуру не того, кто способенъ явиться наиболѣе яркимъ и вѣрнымъ выразителемъ республиканской идеи, а того, кто, именно, благодаря своей недостаточно яркой,

---

[1]) *Arcangelo Ghisleri:* «Ai giovani repubblicani nell'ora presente», Ancona, Biblioteca della «Giovine Italia», 1909. Республиканцы моложе 18 лѣтъ не имѣютъ доступа въ партію и организованы въ особую федерацію, имѣющую свой центральный органъ «La Giovine Italia», выходящій въ Анконѣ.

даже не вполнѣ опредѣленной партійной окраскѣ, имѣлъ больше шансовъ на успѣхъ, такъ какъ скорѣе могъ собрать вокругъ своего имени наибольшее количество не только партійныхъ, но и непартійныхъ голосовъ, обыкновенно рѣшающихъ исходъ выборовъ. При стремленіи собрать какъ можно болѣе голосовъ и получить какъ можно болѣе мѣстъ въ парламентѣ избирательные блоки становились уже вещью не просто допустимой и дозволительной въ предѣлахъ ненарушимости постулатовъ партіи, а вещью необходимою, во что бы то ни стало и чего бы она ни стоила: и стоила она чаще всего какъ разъ самыхъ существенныхъ, самыхъ основныхъ требованій республиканской программы. Мало того. Какими цѣлями ни задавалась бы республиканская партія, но вести избирательную борьбу ей приходилось все въ той же атмосферѣ, которая создается психологіей, нравами и навыками страны, въ теченіе вѣковъ жившей не общей политической, національной, а мѣстной, аполитической, муниципальной жизнью. Если въ крупныхъ городскихъ центрахъ (какихъ въ Италіи совсѣмъ мало) избирательная борьба уже давно получила болѣе или менѣе идейный и принципіальный характеръ, то во всей остальной провинціальной Италіи, гдѣ до сихъ поръ еще интересы мѣстной общественной жизни исчерпываются интересами коммунальными и провинціальными, «политическіе выборы являлись не чѣмъ инымъ какъ эпизодомъ въ вѣчной борьбѣ мѣстныхъ партій». Для большинства провинціальныхъ жителей «великіе національные интересы, свобода и прогрессъ, война и миръ — вздоръ мечтателей. Политическая борьба имѣетъ цѣлью только господство своей колокольни. Депутатъ... верховный судья въ мѣстныхъ вопросахъ, рѣшающій судьбу мѣстныхъ интересовъ и мѣстныхъ честолюбій. Кандидатъ олицетворяетъ собою мѣстную коммунальную или провинціальную партію и представляется избирателямъ, давая обѣщаніе поддержать какую-либо партію или же, наоборотъ, бороться противъ господства какой-либо партіи въ провинціи или въ коммунѣ. И голосуютъ за того или другого кандидата съ цѣлью поддержать господствующую партію или бороться противъ нея. Поддерживаютъ кандидата или борются противъ него сообразно тому... имѣетъ ли онъ большее или меньшее вліяніе на центральную администрацію, гарантируетъ ли онъ или нѣтъ паденіе или тріумфъ какой-нибудь провинціальной консортеріи, или коммунальной камарильи»[1]). Конечно оставаясь въ избирательной борьбѣ на высотѣ чисто идейной пропаганды, республиканцы

[1]) *Ettore D'Orozio:* «Fisiologia del Parlamentarismo in Italia», pag. 211, Torino, S. T. E. N., 1911.

могли бы многое сдѣлать для очистки провинціальной атмосферы, для уничтоженія вредныхъ послѣдствій интересовъ колокольни и для поднятія политическаго діапазона выборовъ, но въ такомъ случаѣ... они рисковали бы не получить ни одного депутата. Желая собрать какъ можно больше голосовъ и получить какъ можно больше мандатовъ, только и оставалось идти тѣмъ же путемъ, какимъ шли всѣ другія конкурирующія партіи и пользоваться всѣми наличными средствами данной обстановки. И мы видимъ, что республиканскими партійными кандидатами провинціальныя секціи назначали предпочтительно мѣстныхъ людей только потому, что они *свои, мѣстные*[1]), или же тѣхъ, присутствіе которыхъ въ Римѣ, не имѣя никакой цѣнности въ смыслѣ партійномъ, способно много дать съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ въ смыслѣ воздѣйствія на центральную власть, отъ которой зависило, напр., проведеніе какой-нибудь дороги, устройство или улучшеніе какого-нибудь порта, полученіе казенной работы или подряда для мѣстнаго трудового кооператива и т. п. Примите все это во вниманіе и вы безъ труда представите себѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ для республиканцевъ оказались выборы въ качествѣ поприща для пропаганды республиканскихъ идей, когда для таковыхъ въ предвыборныхъ рѣчахъ, по существу ихъ содержанія, часто совсѣмъ не могло быть мѣста, а если мѣсто и находилось, то такое крошечное и незамѣтное, что объ основныхъ постулатахъ республиканской программы слушатели не могли получать даже отдаленнаго представленія. И несомнѣнно, что нерѣдко кандидатъ-республиканецъ собиралъ вокругъ своего имени большинство голосовъ и получалъ депутатскій мандатъ не *потому*, что представлялъ собою республиканскую идею, а *несмотря на то*, что представлялъ ее. Надежда на широкое использованіе выборовъ въ цѣляхъ республиканской пропаганды оказалась, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ пустою и обманчивой. Однако, приходить отъ этого въ отчаяніе, казалось бы, не было еще основанія: упущенное на выборахъ можно было сторицей восполнить въ парламентѣ. Зачѣмъ шли они туда?

«Я былъ до недавняго времени бойкотистомъ,—заявилъ на пизанскомъ конгрессѣ Марцоккини,—и сдѣлался сторонникомъ участія (въ парламентѣ), когда парламентская группа заявила себя обструкціей, и убѣжденъ, что, если группа будетъ вести столь энергичную жизнь, то бойкотистская партія исчезнетъ» [2]). «Мы желаемъ,—заявилъ тамъ же У. Серпіери,—и хорошо, чтобы

---

[1]) Это зло, отъ котораго не менѣе сильно страдаетъ также итальянская соціалистическая партія.

[2]) «Resoconto del 6-o congresso» и т. д., pag. 76.

это было сказано здѣсь, дабы осталось въ памяти депутатовъ, дабы они поняли, какая мысль побуждаетъ партію посылать ихъ въ палату, такъ какъ республиканская партія не есть партія парламентская,—мы желаемъ, чтобы вы были въ палатѣ какъ бы передовымъ карауломъ, чтобы вы умѣли при случаѣ даже поднимать скандалъ, потому что, къ несчастью, итальянскій народъ всегда нуждается въ фразѣ, которая потрясаетъ, въ фактѣ, который возмущаетъ, нуждается даже въ скандалѣ, который изъ Монтечиторіо отражается въ странѣ. Мы желаемъ, чтобы вы мало заботились о личномъ успѣхѣ, котораго вы можете добиться въ Монтечиторіо, о почетѣ, который вы можете завоевать въ качествѣ парламентскихъ дѣятелей, и много заботились о томъ, чтобы быть вѣрнымъ эхомъ, искренними истолкователями партійной мысли, чтобы каждый разъ, когда представится удобный случай, поднимать знамя республиканской партіи, хотя бы даже въ этомъ кругѣ ада васъ встрѣтили улюлюканіемъ и свистками... Мы должны культивировать революціонное чувство, которое является базой народнаго движенія, возбуждать недовѣріе къ политическимъ учрежденіямъ, ежедневно противопоставляя имъ тотъ республиканскій идеалъ, который лежитъ въ основѣ нашей программы»[1]). И семь лѣтъ спустя въ центральномъ органѣ партіи тотъ же Серпіери, уже въ качествѣ ея секретаря, снова рѣшительно выдвигаетъ лозунгъ: «Разрушать, а не реформировать», при чемъ поясняетъ, что, кромѣ обструкціи и рѣзкой критики, «разрушеніе, и даже болѣе дѣйствительное, можетъ быть совершаемо также ab inverso, именно, требованіемъ реформъ, подсказываемыхъ текущею необходимостью и отказъ въ которыхъ явится разрушительнымъ ферментомъ». Понятно, что «эта постоянная, медленная, настойчивая работа разрушенія не можетъ имѣть надежды на успѣхъ въ самой палатѣ», такъ какъ большинство ея «наемное, преданное тому, кто ему далъ жизнь, сознающее, что другое политическое направленіе было бы для него самоубійствомъ». Въ палатѣ можно разсчитывать только на пораженія, но «парламентскія пораженія, неизбѣжныя для меньшинства, должны подготовить элементы для завтрашней побѣды въ странѣ». Ибо «если бы мы полагали, что парламентская работа ограничивается четырьмя стѣнами Монтечиторія, что голосъ народныхъ депутатовъ, бичующихъ каморру, требующихъ хлѣба, работы, школъ, не будетъ имѣть никакого отзвука въ странѣ, что ихъ рѣчамъ не суждено быть ничѣмъ инымъ, какъ риторическими упражненіями, предназначенными для заполненія парламентскихъ актовъ,—то мы отказались бы отъ такого *участія*, которое

[1]) Idem, pag. 70.

было бы воистину дѣломъ празднымъ. Но именно потому, что трибуна Монтечиторіо кажется намъ самой высокой, самой авторитетной для того, чтобы говорить всему народу, всей странѣ,—именно потому, что мы увѣрены, что, подвергая наши соціальные идеалы испытанію на почвѣ практической и ежедневно прижимая правительство къ стѣнѣ, ставя его между его естественнымъ стремленіемъ къ самосохраненію и обновляющимъ напоромъ новыхъ теченій, мы должны все выиграть, тогда какъ оно должно все потерять,—именно поэтому мы идемъ въ парламентъ безъ иллюзій, безъ нетерпѣливаго желанія немедленныхъ результатовъ, но съ твердой увѣренностью хорошо послужить дѣлу демократіи» [1]). Что могло бы республиканцамъ помѣшать въ этомъ? Слово на итальянской парламентской трибунѣ пользуется свободой, ничѣмъ неограниченной: съ ея высоты можно, не церемонясь, разносить монархическій режимъ, подвергая по пути жестокой критикѣ даже поведеніе членовъ королевской семьи, какъ это дѣлалъ Евгеній Кьеза по отношенію къ нелюбимой въ Италіи королевѣ-матери, можно безбоязненно требовать учредительнаго собранія, какъ это неоднократно дѣлалъ раньше Пантано, а въ послѣдніе годы Робертъ Мирабелли, наконецъ, можно вполнѣ безнаказанно кричать «Abbasso il re!» (Долой короля), какъ это дѣлалъ, какъ разъ въ эпоху крайней реакціи, Биссолати, впослѣдствіи мирно и дружески бесѣдовавшій съ нынѣшнимъ королемъ, настойчиво убѣждавшимъ его принять министерскій портфель. Можетъ ли помѣшать что-нибудь слову, раздавшемуся съ «самой высокой трибуны въ странѣ», донестись до послѣдней, найти эхо «во всѣхъ углахъ полуострова, во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ селахъ»? Вѣдь, «когда депутатъ говоритъ, то его слова подхватываются и сообщаются всѣму свѣту даже офиціознымъ агентствомъ Стефани»,—указывала редакція «Ragione» въ полемикѣ съ Гислери, выдвигая преимущества парламентской работы передъ работой непосредственно въ странѣ. «Какое значеніе можетъ имѣть эта послѣдняя работа,—развивала она далѣе свою аргументацію,—если мы можемъ писать, сколько угодно, статей въ газетахъ, собирать сотни митинговъ, а вокругъ насъ заговоръ молчанія», ибо «почти всѣ газеты связаны или съ реакціей, или съ офиціознымъ радикализмомъ, или съ интересами промышленными» и «имъ представляется болѣе удобнымъ молчать, чѣмъ бороться съ нами» [2])... Въ пылу полемики редакція

---

[1]) *U. Serpieri:* «Demolire o reformare?» въ «La Ragione» отъ 7 апрѣля 1909 г.

[2]) «La Ragione», № отъ 26 апрѣля 1912 г.: «Astensionismo? Torniamo all'autico?»

партійнаго органа не замѣчала, что ея аргументація въ гораздо большей мѣрѣ говорила какъ разъ именно противъ того преувеличеннаго значенія, которое она придавала парламентской каѳедрѣ. Печать въ Италіи абсолютно свободна: она не знаетъ надъ собою никакой цензуры, органы періодической печати, что бы въ нихъ ни появилось, не могутъ быть даже подвергаемы предварительному аресту впредь до суда. Но въ то же время они подвержены самой строгой, самой жестокой изъ цензуръ, именно, цензурѣ тѣхъ интересовъ, которые каждый органъ обслуживаетъ. Совершенно независимыхъ изданій здѣсь почти нѣтъ: каждое представляетъ собою какую-нибудь партію, какую-нибудь группу—политическую или соціальную. И никакіе интересы гласности не заставятъ ихъ напечатать то, что почему либо представляется невыгоднымъ или неудобнымъ для обслуживаемой ими партіи или группы. Попробуйте составить себѣ по отчетамъ «Avanti!» сколько-нибудь точное представленіе о рѣчахъ республиканскихъ депутатовъ, или по республиканскимъ органамъ—о рѣчахъ соціалистическихъ, или по радикальной печати о рѣчахъ тѣхъ и другихъ,—самаго важнаго для партіи, ораторъ которой васъ интересуетъ, вы никогда не узнаете. Въ самомъ худшемъ положеніи въ смыслѣ широкаго оглашенія парламентскихъ рѣчей оказывались всегда именно ораторы республиканской партіи, потому что въ силу особенностей своей программы ей приходилось вести борьбу на два фронта—и съ буржуазными, и съ монархическими партіями направо, и съ реформизмомъ и революціоннымъ марксизмомъ — налѣво. Естественно, что ихъ рѣчи замалчивались или основательно фильтровались, какъ правыми, такъ и лѣвыми органами печати, и тѣ республиканскія идеи, которыя съ высоты парламентской трибуны бросались въ страну, на двѣ трети... до нея не доходили. Конечно, и треть, доходившая до страны, могла бы сыграть замѣтную роль, если бы это была треть большаго числа и если бы она сама, эта треть, была высокаго качества. Но откуда было взяться большому числу агитаціонныхъ парламентскихъ выступленій и высокой ихъ идейной, принципіальной и вмѣстѣ практической цѣнности? Прежде всего, кто могъ совершать эти выступленія? Депутатъ, избранный мѣстнымъ блокомъ, въ которомъ большинство не-республиканскихъ голосовъ, являлся ли въ дѣйствительности республиканскимъ депутатомъ? Рѣзкое антимонархическое выступленіе въ парламентѣ не будетъ ли ему стоить его большинства? И не лучше ли уклониться отъ него во избѣжаніе опасности... ослабить республиканское представительство въ палатѣ потерей на слѣдующихъ выборахъ одного депутатскаго мѣста?.. А тѣ, которые

избраны во имя защиты извѣстныхъ мѣстныхъ интересовъ, могутъ ли они рисковать успѣхомъ этой защиты ради рѣзкихъ боевыхъ выступленій, эффектъ которыхъ въ странѣ еще въ такой мѣрѣ сомнителенъ? Въ конечномъ итогѣ остается только крошечная горсточка депутатовъ-республиканцевъ, бывшихъ вполнѣ способными и искренно готовыми самоотверженно выполнить свою миссію неуклонной оппозиціи, систематической безпощадной и именно «республиканской» критики даннаго режима какъ въ его общихъ основныхъ началахъ, такъ и въ его частныхъ конкретныхъ проявленіяхъ. Но для этого нужны были, во-первыхъ, время, во вторыхъ, поводъ, въ третьихъ, соотвѣтствующая обстановка. Въ 1879 г. депутатъ Антонъ Джульо Баррили (гарибальдіецъ, извѣстный писатель и поэтъ), возвратившись послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія въ парламентъ, засталъ тамъ шестьдесятъ писемъ отъ своихъ избирателей и пришелъ въ такое негодованіе, что въ тотъ же день сложилъ съ себя свои депутатскія полномочія. За тѣ десятки лѣтъ, которыя прошли послѣ того, итальянскіе депутаты въ такой мѣрѣ привыкли получать не десятками уже, а сотнями письма, что никому уже болѣе не пришло въ голову для избавленія отъ нихъ прибѣгнуть къ героическому средству Баррили. Нѣтъ тѣхъ просьбъ, нѣтъ тѣхъ порученій, съ которыми итальянскій избиратель не считалъ бы себя въ правѣ обратиться къ своему депутату. Въ Римѣ пользовалась извѣстностью фигура одного депутата, сопровождавшаго своихъ избирателей, пріѣзжающихъ въ Римъ, въ качествѣ гида при осмотрѣ достопримѣчательностей города, производившаго для нихъ всякаго рода покупки, начиная отъ дамскихъ корсетовъ и кончая жнеями и молотильными машинами, и даже въ экстренныхъ случаяхъ разыскивавшаго для нихъ мамокъ. Но эти порученія еще полбѣды. Есть нѣчто худшее. Италія—государство въ высшей степени централизованное. Монархическое государство, когда оно является таковымъ не по названію только, конечно, и не можетъ быть инымъ. Но итальянская монархія складывалась при условіяхъ, побуждавшихъ ее принимать особенныя мѣры предосторожности противъ сепаратистскихъ и федеративныхъ стремленій со стороны присоединенныхъ къ Пьемонту областей. Понятно поэтому, что и въ новую Италію перешелъ старый предразсудокъ, въ силу котораго государство трактовалось населеніемъ, какъ Провидѣніе, отъ котораго все зависитъ, которое все можетъ и которое поэтому все должно. «Революція,—основательно замѣчаетъ цитированный уже мною д'Ораціо,—мало что измѣнила въ нашихъ предразсудкахъ, въ нашихъ заблужденіяхъ, въ нашихъ тенденціяхъ. Тираніи исчезли, но предразсудокъ пережилъ ихъ, и наше представленіе

о государствѣ мало чѣмъ отличается отъ представленія нашихъ предковъ. «Провидѣніе» перемѣнило нарядъ, но отнюдь не атрибуты и мы продолжаемъ вѣрить, что благо создается при посредствѣ декретовъ, законовъ, регламентовъ и циркуляровъ. При наличности такой концепціи государства, его функцій, его средствъ, его цѣлей и законодательный мандатъ, по закону приспособленія, долженъ былъ подвергнуться соотвѣтственной деформаціи. Крайняя централизація, которая давитъ жизнь націи, дѣлаетъ большую часть итальянцевъ кліентами государства, и депутатъ-то служитъ посредникомъ между ними. Вмѣшательство правительства во всѣ проявленія общественной жизни дѣлаетъ наличность «заступника» вещью естественною и необходимою, а старая привычка—просить даже осуществленія своего права, какъ милости, дѣлаетъ этого заступника существеннымъ, имѣющимъ преобладающее значеніе органомъ въ системѣ нашей гражданской жизни. Подъ вліяніемъ ближайшихъ и преобладающихъ нуждъ у насъ на глазахъ совершилась трансформація народнаго уполномоченнаго. На пылающемъ горнѣ жизни онъ подвергся процессу пережиганія, исказившему его внутреннюю сущность: законодатель исчезъ, испарился, улетучился, и въ тиглѣ остался только комиссіонеръ». Народный представитель при данныхъ условіяхъ «уже болѣе не борецъ за принципы, а защитникъ интересовъ: законодателя смѣнилъ сутяга, pastor'a populi—апостольскій комиссіонеръ. Одинъ святой на землѣ сильнѣе семи святыхъ въ небѣ,—гласитъ тосканская поговорка,—и во многихъ мѣстахъ Италіи депутатъ занялъ мѣсто святого патрона». Это поставило депутата въ необходимость выполнять такую массу разнородныхъ обязанностей, что обязанности «дѣлать законы» осталося среди нихъ совсѣмъ небольшое и чисто случайное мѣсто. «Свой избирательный округъ—любимый предметъ его вѣчной и мучительной заботы—депутатъ не снабжаетъ деньгами, потому что не богатъ; не способствуетъ его извѣстности и славѣ, потому что славу дѣлаютъ герои, а герои рѣдки; но время отъ времени онъ посылаетъ туда кресты, патенты на монопольныя лавочки (sale e tabacchi), телеграфныя линіи и запруды для подвергающихся опасности дорогъ. Благодѣтельствованіе избирательнаго округа—предметъ его величайшаго честолюбія и его постоянныхъ заботъ». Могли ли депутаты-республиканцы избѣгнуть общей участи и стать исключеніемъ изъ общаго правила? Не могли и не должны были,—отвѣчать Убалдо Командини, одинъ изъ лидеровъ парламентской группы, бывшій руководитель центральнаго органа партіи, принадлежащій къ лѣвому (соціалистическому) крылу ея. Понятно, «мнѣ, депутату неприлично

клянчить милостей, требовать побрякушекъ (орденовъ), ходатайствовать о пожалованіяхъ, но прилично и обязательно защищать законныя права и интересы въ министерствахъ и парламентскихъ комиссіяхъ»[1]). Для тѣхъ идейныхъ и принципіальныхъ выступленій, при посредствѣ которыхъ республиканцы-депутаты должны были осуществлять свою миссію «разрушенія» режима,— для той систематической оппозиціонной критики законопроектовъ и мѣропріятій, которая имѣла цѣлью разъяснить странѣ, что дѣлается совсѣмъ не то, что должно и что могло бы быть сдѣлано при республиканскомъ режимѣ, — для этого необходимо было также соотвѣтствующее психологическое настроеніе, которое вызывалось бы соотвѣтствующею обстановкой,—раздражающей, располагающей къ будированію и протесту. Могло ли быть такое настроеніе у депутата, поставленнаго въ необходимость большую часть своего времени проводить въ качествѣ ходатая въ министерской пріемной? О своей роли «разрушителей» депутатамъ-республиканцамъ пришлось забыть (частью, поневолѣ) еще въ силу другого важнаго условія парламентской жизни. Уже въ интересахъ наилучшаго выполненія своей миссіи парламентскому представительству республиканской партіи было естественно искать возможно тѣснаго сближенія съ тѣми парламентскими элементами, съ которыми ихъ первоначально объединяла общность цѣлей и одинаково отрицательное отношеніе къ существующему строю. Было бы нецѣлесообразно отказаться отъ вступленія совмѣстно съ соціалистами и радикалами въ составъ «крайней лѣвой» въ качествѣ ея органической и дѣятельной части, тѣмъ болѣе при условіи блока съ тѣми же партіями на выборахъ (политическихъ и административныхъ). Но «крайней лѣвой» суждено было въ Италіи пережить эволюцію, возможность которой всего меньше предполагалась республиканцами, тянувшими въ парламентъ. Читатель помнитъ, быть можетъ, приведенное выше оптимистическое заявленіе Альберта Маріо: «Дайте мнѣ сто депутатовъ на крайней лѣвой, и музыка заиграетъ октавой выше»... Увы!—самыя высокія ноты крайняя лѣвая, на самомъ дѣлѣ, брала какъ разъ тогда, когда она была наиболѣе малочисленна и когда, благодаря этому, не могла претендовать ни на какую другую роль, кромѣ роли безотвѣтственной оппозиціи. По мѣрѣ же того, какъ численность ея увеличивалась, по мѣрѣ того, какъ она поэтому чувствовала себя въ лицѣ своего радикальнаго и соціалъ-реформистскаго большинства все болѣе приближающейся къ власти, ея музыка все болѣе и болѣе понижала тонъ. И когда, наконецъ, достигнута

[1]) «Il Gruppo parlamentare e l'Estrema sinistro» въ «La Ragione» отъ 5 января 1910 г.

была цифра, о которой такъ мечталъ Маріо, большинство крайней лѣвой оказалось... правительственнымъ: радикалы вошли въ кабинетъ, а соціалъ-реформисты приняли на себя его энергичную поддержку... И въ этой эволюціи, вѣрнѣе, въ этомъ своемъ паденіи крайняя лѣвая неизбѣжно должна была увлечь за собою и республиканское представительство, по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго предѣла. Понятно, что при такихъ условіяхъ въ дѣятельности парламентской группы неизбѣжны были почти систематическія уклоненія отъ той линіи поведенія, которая диктуется чистотой республиканской идеи и принципіальными требованіями партійной программы,—уклоненія, часто переходившія въ прямое нарушеніе опредѣленно формулированныхъ партійныхъ директивъ. Отсюда—почти систематическій разладъ между партіей и ея депутатами, превращеніе партійныхъ конгрессовъ въ судилища, у которыхъ только и дѣла было, что постановлять приговоры по поводу поведенія парламентской группы въ ея цѣломъ или того или другого депутата въ отдѣльности, и, наконецъ, на этой почвѣ возникавшіе и необычайно обострявшіеся внутренніе въ самой партіи тренія, нелады и раздоры.

Что удивительнаго въ томъ, что партія, переполненная чуждыми ей элементами, привлеченными въ ея составъ исключительно выборными интересами, скоро пришла въ состояніе почти полной дезорганизаціи? Вмѣсто усиленной пропаганды республиканскихъ идей и усиленнаго прозелитизма, которому должны были содѣйствовать избирательная агитація и проповѣдь съ парламентской каѳедры, у партіи, запустившей работу непосредственно въ странѣ, оказались въ концѣ-концовъ потерянными связи съ населеніемъ даже тамъ, гдѣ онѣ раньше были крѣпки и сильны. Правда, число членовъ партіи, значившихся въ ея спискахъ и снабженныхъ надлежащими членскими билетами, увеличилось, но вокругъ нея все болѣе и болѣе образовывалась пустота, отъ нея все болѣе отходили тѣ слои населенія, которые по существу составляютъ основное условіе успѣха каждой политической партіи: вѣдь при указанныхъ условіяхъ ея дѣятельности, по существу чисто реформаторской, и при существованіи рядомъ партій соціалъ-реформистской и радикальной существованіе республиканской партіи въ качествѣ партіи парламентской просто теряло всякій смыслъ. Во многихъ случаяхъ, благодаря заявленіямъ и вотумамъ республиканскихъ депутатовъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ основными началами республиканскаго ученія и со всѣми традиціями республиканской партіи, послѣдняя была прямо дискредитирована, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказывалась дискредитированной и самая республиканская идея. И въ конеч-

номъ счетѣ въ качествѣ неизбѣжнаго результата всего этого явилось чрезвычайное ослабленіе въ странѣ республиканскаго движенія. Лучшаго результата итальянская монархія и савойская династія не могли и пожелать. Понятно, кромѣ такой отрицательной выгоды, установившійся режимъ извлекъ и прямую пользу изъ парламентской работы республиканцевъ, поскольку ихъ критика содѣйствовала устраненію изъ законодательства монархіи элементовъ, которые могли бы усилить недовольство въ странѣ, и внесенію въ него элементовъ, удовлетворявшихъ потребностямъ населенія и гарантировавшихъ его довольство и даже признательность данному режиму... Словомъ, въ результатѣ пятнадцатилѣтней республиканской парламентской работы Италія оказалась дальше отъ «республики»... чѣмъ пятнадцать лѣтъ раньше.

V.

Назадъ къ старому!...

Лучшіе люди партіи давно уже видѣли ту бездну, къ которой она быстро приближилась. Они давно уже напрягали всѣ усилія, чтобы спасти ее отъ краха, направивъ ее на путь, наиболѣе соотвѣтствующій постулатамъ ея доктрины, ея традиціямъ и историческимъ задачамъ. По этому вопросу создалась цѣлая литература, при чемъ наканунѣ Х-го флорентинскаго конгресса 1910 г. двое молодыхъ и энергичныхъ дѣятелей партіи, которымъ она много обязана своимъ послѣдующимъ возрожденіемъ, Джіованни Конти и Оливіеро Цуккарини, даже предприняли изданіе періодическаго органа[1]), спеціально посвященнаго пропагандѣ необходимости реорганизовать партію и измѣнить ея пути и методы дѣйствія. Вполнѣ основательно указывалось, что партія забыла о своей специфической роли, какъ партіи меньшинства, и о той тактикѣ, которая ей повелительно диктовалась этой ролью. Она забыла о томъ, что «политическая дѣятельность какой бы то ни было партіи не можетъ исчерпываться только тою, которая можетъ быть развита въ парламентской обстановкѣ», такъ какъ таковая имѣетъ для республиканской партіи «абсолютно второстепенное значеніе и не можетъ и не должна быть ничѣмъ инымъ, какъ только отраженіемъ той дѣятельности, которую сама партія развиваетъ въ странѣ».[2]). Если дѣятельность республиканскихъ депутатовъ вызываетъ нареканія, то въ этомъ виновата сама партія, ибо парламентская группа только отра-

---

[1]) «L'Attesa». Periodico di studi, di discussioni, di polemica.

[2]) «L'Attesa», № 2, ст. «L'orione repubblicana».

жаетъ въ себѣ въ нѣсколько болѣе увеличенномъ видѣ ея собственные недостатки. Для устраненія послѣднихъ прежде всего необходима очистка партіи отъ инородныхъ элементовъ, равно какъ и отъ всѣхъ тѣхъ, которые уклоняются отъ активнаго участія въ партійной работѣ и «появляются только тогда, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы выдвинуть впередъ ихъ крошечную персону». Нужно отказаться отъ страсти къ большимъ цифрамъ и къ «статистикѣ» и отъ обусловленнаго этой страстью обыкновенія партіи ставить кандидатуры и добиваться представительства даже тамъ, гдѣ завѣдомо нѣтъ республиканскаго большинства. «Число представителей въ палатѣ не должно бы нисколько озабочивать партію, которая, какія бы ни совершила она чудеса пропаганды и организаціи, никогда не сможетъ получить большинства и тѣмъ менѣе—сдѣлаться правительственной партіей при монархіи, которую отрицаетъ. Будетъ ли представителей много или мало—не это важно: важно, чтобы тѣ немногіе, которые будутъ, бились съ поднятымъ забраломъ гдѣ бы то ни было, какъ бы то ни было, всегда, какъ только представится случай, или окажется нужнымъ и умѣстнымъ такой случай создать... Десяти или, самое большее, пятнадцати было бы болѣе, чѣмъ достаточно. Но эти десять или пятнадцать или даже пять, если бы нельзя было найти больше людей, пригодныхъ для выполненія этой чрезвычайно трудной обязанности, должно бы биться за партію, а не... за собственныя особы». Они должны бы возвышать свой голосъ «каждый разъ, какъ то представится необходимымъ, не заботясь ни о чемъ, какъ только *о парламентскихъ отчетахъ*, слѣдовательно, *о впечатлѣніи на страну*, стараясь при этомъ только о двухъ вещахъ: всегда говорить правду и всегда исчерпывающимъ образомъ выяснять превосходство теоретическихъ постулатовъ и практическихъ предложеній итальянской республиканской школы. Все остальное слѣдовало бы предоставить охотникамъ... за портфелями». Отсюда само собою вытекало отрицательное рѣшеніе вопроса о выборныхъ блокахъ. Республиканская партія «должна слѣдовать прямо по пути, опредѣляемому ея политической и, въ особенности, *соціальной* программой, не сворачивая съ него въ сторону ни на одну линію»,—а кому угодно, пусть идетъ рядомъ съ нею. Конечно, при отсутствіи блоковъ съ сосѣдними лѣвыми партіями могутъ въ разныхъ случаяхъ преуспѣть на выборахъ клерикалы, но республиканскую партію это не должно смущать, такъ какъ совершенно безцѣльна та антиклерикальная борьба, которая сводится къ «войнѣ противъ попа, а не противъ тѣхъ которые его поддерживаютъ», ибо «клерикализмъ нельзя побѣдить иначе, какъ лишивъ его истинныхъ опоръ, каковыми и

являются бѣдность, невѣжество и (савойская) монархія» [1]. Но такого рода пропаганда не могла разсчитывать на большой успѣхъ въ партіи. На ея пути почти непреодолимымъ препятствіемъ стояла уже самая дезорганизація партіи, дѣлавшая ея толщу, ея мало подготовленную и загипнотизированную выборными и парламентскими успѣхами массу почти недоступной для критикующаго и отрезвляющаго слова. Несравненно большей удачей увѣнчалась проповѣдь, обращенная не къ партіи, а къ ея грядущимъ членамъ—къ республиканской молодежи. Упомянутое уже выше письмо, адресованное профессоромъ Гислери форлійскому съѣзду этой молодежи, является, несомнѣнно, важнымъ поворотнымъ моментомъ въ исторіи итальянскаго республиканскаго движенія. Помимо заслуженнаго авторитета, какимъ пользуется авторъ въ республиканской средѣ, успѣху письма много содѣйствовало также случившееся незадолго до конгресса обстоятельство, съ исключительной силой подчеркнувшее степень того упадка, въ какой пришла республиканская партія: это—подача чрезвычайно вліятельнымъ въ партіи депутатомъ Бардзилаи голоса въ пользу усиленія военныхъ кредитовъ и энергическая поддержка, оказанная ему по этому поводу римской секціей партіи. Въ письмѣ своемъ Гислери въ краткихъ, но яркихъ чертахъ рисуетъ вредъ, который принесли республиканскому движенію чрезмѣрное увлеченіе парламентской работой, манія привлекать въ партію для счета возможно большее количество всякаго народа и «фетишизмъ депутатства» и убѣждаетъ молодежь сосредоточить всѣ ея силы и вниманіе на собственной широкой и разносторонней идейной подготовкѣ, не ограничиваясь «силабусомъ немногихъ книгъ и немногихъ авторовъ подобно монахамъ, безъ отдыха перебирающимъ однѣ и тѣ же четки», и затѣмъ на энергичной и дѣятельной пропагандѣ республиканскихъ идей,—того огромнаго комплекса этическихъ, политическихъ и соціальныхъ доктринъ, который оставленъ въ наслѣдство Италіи плеядой «великихъ наставниковъ», начиная гуманистами и Вико, переходя къ Беккаріа, Маріо Пагано, Романьози и кончая Мадзини и Бовіо. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рекомендуетъ молодежи завязывать какъ можно больше дружественныхъ связей внѣ партіи въ разныхъ слояхъ общества и не только въ интересахъ наиболѣе успѣшной пропаганды, а также и въ особенности на случай «дѣйствія». Но «дѣйствіе» можетъ, конечно, дать благіе результаты только на идейно разработанной почвѣ. «Болѣе, чѣмъ когда бы то ни было,—пишетъ онъ,—считайте истинными и до сихъ поръ умѣстными слѣдующія,

[1]) *Arturo Catelani:* «Il partito repubblicano in Italia». (Schiette verita e rimedi radicali), pag. 32, 41—42, 45; Roma, 1908.

полныя глубокаго смысла, слова Каттанео: «Свобода Италіи выйдетъ совсѣмъ не изъ болѣе или менѣе полнаго патронами боченка, а изъ хорошо обоснованныхъ и заботливыхъ мыслей». «Заботливыя же мысли», предусматривающія потребности и намѣчающія планъ грядущаго устройства, могутъ получить реальное значеніе только тогда, когда явятся не запоздалыми, ибо тотъ же Каттанео, на основаніи собственнаго революціоннаго опыта, предостерегалъ, что «въ день битвы не имѣютъ значенія слова, которыя не были пущены въ оборотъ, по крайней мѣрѣ, наканунѣ ея» [1]). Сѣмя, брошенное въ среду республиканской молодежи, пало на благодарную почву. Относящіяся къ этому времени многочисленныя резолюціи молодыхъ организацій наглядно свидѣтельствуютъ, какъ жадно восприняла эта среда антипарламентаристскія идеи и какими огромными симпатіями встрѣтила она новые пути обновленія. По мѣрѣ перехода въ партію (по достиженіи 18 лѣтъ) членовъ молодыхъ организацій должно было соотвѣтствующимъ образомъ измѣниться и настроеніе самой партіи. Конечно, это путь долгій и кто знаетъ, сколько онъ могъ бы продлиться. Но онъ былъ неизбѣженъ. Ускорить процессъ обновленія и перерожденія партіи могло бы только какое-нибудь исключительное событіе, какое-нибудь необычайное потрясеніе, которое способно было бы расшевелить партійную массу, сдѣлать ее болѣе воспріимчивой къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, болѣе способный реагировать на нихъ и которое въ то же время дало бы этой массѣ наглядное непосредственно ощутительное доказательство, какъ опасенъ для самыхъ жизненныхъ интересовъ страны путь, которымъ партія шла до сихъ поръ. Такимъ событіемъ и явилась триполитанская война.

Сразу только очень немногіе поняли, какую крупную роль способна была она сыграть въ смыслѣ оживленія и развитія республиканскаго движенія. Конечно, республиканская (мадзиніанская) доктрина не допускаетъ иной войны, кромѣ освободительной. Конечно, война завоевательная, какою была триполитанская, должна была претить республиканцамъ уже по одному тому, что была вопіющимъ отрицаніемъ тѣхъ началъ, за торжество которыхъ они проливали свою кровь, когда вели борьбу за итальянское единство и независимость. Но много ли было въ партіи республиканцевъ, дорожившихъ традиціями, принципіально послѣдовательныхъ и незыблемо вѣрныхъ доктринѣ? Въ виду упадка и дезорганизаціи партіи, особенно же въ виду состава и поведенія ея руководящихъ (главнымъ образомъ, парламентскихъ), верховъ, не было ли гораздо болѣе основаній опасаться, что она

[1]) *A. Ghisleri:* «Ai giovani repubblicani», pag. 13—14.

въ свою очередь будетъ увлечена той грязной націоналистической и шовинистической волной, которая на первыхъ порахъ залила всю страну, захлеснувъ даже часть руководимыхъ реформистами трудовыхъ массъ? Вѣдь для увлеченія республиканцевъ приняты были и спеціальныя мѣры. Война живописалась въ качествѣ освободительной, направленной единственно на освобожденіе несчастныхъ арабовъ отъ турецкаго ига. Затѣмъ, повидимому, не безъ участія соотвѣтствующаго «освѣдомительнаго бюро» въ редакцію центральнаго органа партіи (La Ragione) доставлена была однимъ военнымъ обширная переписка по поводу Триполи между Криспи, Камперіо и Рольфсомъ, долженствовавшая произвести опредѣленное впечатлѣніе въ республиканскихъ кругахъ; и переписка эта, какъ будто извлеченная изъ архива, въ дѣйствительности же оказавшаяся отъ перваго до послѣдняго слова подложной, была принята и съ непростительнымъ для партійной редакціи добродушіемъ напечатана. Наконецъ, по всей странѣ былъ расклеенъ націоналистическій манифестъ, въ которомъ крупнымъ шрифтомъ былъ напечатанъ вырванный изъ трудовъ Мадзини, безъ связи съ контекстомъ, отрывокъ, являвшійся будто бы апологіей триполитанской авантюры, доказывавшій и свидѣтельствовавшій, что въ данномъ случаѣ итальянская монархія, будто бы, только выполняла мадзиніанскій завѣтъ. А затѣмъ почти тоже пытались доказать и такіе столпы республиканской партіи, какъ Р. Мирабелли, какъ Бардзилаи и нѣкоторые др... И тѣмъ не менѣе, созванное въ Болоньѣ партійное совѣщаніе рѣшительно и категорично большинствомъ 22 тысячъ противъ 4 тысячъ голосовъ высказалось противъ войны. Обнаружилось, такимъ образомъ, что толща партіи гораздо здоровѣе, чѣмъ можно было ожидать. Зато въ полномъ разложеніи оказалась парламентская группа: когда правительство потребовало отъ палаты санкціи королевскаго декрета о присоединеніи Триполи, то съ большинствомъ за декретъ вотировали 14 республ. изъ 17-ти присутствовавшихъ въ засѣданіи. Это былъ явный скандалъ, который даже самыхъ непонятливыхъ долженъ былъ заставить, наконецъ, уразумѣть, сколь мало республиканскаго осталось въ республиканскомъ парламентскомъ представительствѣ. Между тѣмъ становились все болѣе ясными неизбѣжныя печальныя послѣдствія затяжной колоніальной войны, въ которую ввязалась Италія и отъ которой больше всего предстояло потерять трудовымъ массамъ: благодаря надвинувшемуся экономическому кризису, то небольшое улучшеніе въ ихъ положеніи, котораго онѣ съ такими усиліями достигли за время «соціальной монархіи», должно было быстро пойти на

смарку. Рано или поздно, но долженъ былъ наступить моментъ отрезвленія итальянскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и моментъ благопріятный для уразумѣнія имъ, въ какой мѣрѣ усилившаяся тяжесть его положенія находится въ причинной зависимости отъ безконтрольнаго права короны объявлять войну, права, обезпеченнаго конституціей октроированной, а не вышедшей изъ лона учредительнаго собранія. Если весь начальный періодъ войны былъ яркимъ свидѣтельствомъ огромныхъ завоеваній, сдѣланныхъ за послѣдніе 12 лѣтъ монархической и, въ особенности, династической идеей, то дальнѣйшее развитіе событій, органически связанное съ триполитанской авантюрой, могло сдѣлать ее роковою для судебъ савойской монархіи. Для республиканской партіи, остающейся вѣрною своей доктринѣ, изъ создавшагося новаго, въ высшей степени благопріятнаго для республиканской пропаганды положенія, вытекала только одна опредѣленная директива... «Я полагаю,—говорилъ Гислери въ рѣчи, обращенной къ Миланскому республиканскому клубу Каттанео,—я полагаю, что монархія триполитанской войною поставила на карту свою судьбу. И говорю молодымъ: горе республиканцамъ, если они не сумѣютъ, вѣщіе духомъ, готовые подвергнуться преслѣдованіямъ и жертвовать собою,—не сумѣютъ опредѣлить свое положеніе по отношенію къ непредвидѣннымъ (частью предвидимымъ) возможностямъ и не помыслятъ о подготовкѣ къ нимъ страны, употребивъ для того новый языкъ, обращенный къ *будущему*». Побуждаемый тѣми же соображеніями римскій муниципальный совѣтникъ и крупный муниципальный дѣятель Маріо Алліата, обращаясь со столбцевъ La Ragione къ предстоявшему національному конгрессу партіи, потребовалъ возвращенія «къ старому». «Возьмемъ, наконецъ, смѣлость,—говоритъ онъ,—отказаться, какъ партія, отъ политической избирательной борьбы. Пусть отдѣльные избирательные округа продолжаютъ себѣ выбирать депутатовъ республиканцевъ: будетъ ихъ работа хороша, отъ нея выиграетъ республиканская идея; будетъ она неудачной, слабой или еще того худшее,—партія не потерпитъ отъ этого никакого вреда, такъ какъ не принимала на себя никакой отвѣтственности передъ избирательнымъ корпусомъ». Дѣятельность партіи должна быть обращена, главнымъ образомъ, на пропаганду въ странѣ. Во главѣ партіи должны быть поставлены новые люди, «имѣющіе болѣе точное представленіе о миссіи, которая предназначена республиканцамъ въ Италіи» и въ то же время партія должна быть очищена отъ карьеристовъ, ищущихъ депутатскаго званія или извѣстности, которою привлекается обширная кліентела... И вмѣсто того, чтобы растрачивать наши силы

въ мелкихъ стычкахъ, которыя, даже въ случаѣ побѣды, не подвигаютъ насъ ни на шагъ впередъ, будемъ лучше постоянно помнить о томъ, что къ одной единственной цѣли должна быть направлена наша дѣятельность: къ разрушенію нынѣшнихъ политическихъ учрежденій, на развалинахъ которыхъ должна возникнуть итальянская республика» [1]... Гислери въ свою очередь обращается къ тому же конгрессу съ неоднократно уже цитированнымъ здѣсь обширнымъ письмомъ («Il Parlamentorismo e i Reppublicani), въ которомъ также требуетъ возврата назадъ, «возврата къ пропагандѣ идей среди народа и для народа, ради истинной цивилизаціи и величія Италіи,—къ пропагандѣ, разсчитанной не на непосредственный успѣхъ, а на то республиканское завтра, которое рано или поздно, но станетъ *неизбѣжнымъ*». И XI національн. конгрессъ, собравшійся въ Анконѣ во второй половинѣ мая 1912 г., передалъ управленіе дѣлами партіи и руководство ею въ новые, по преимуществу, молодыя руки, энергично принявшіяся за работу. Путь, по которому отнынѣ предстояло итти партіи, слѣдующимъ образомъ намѣченъ былъ въ воззваніи новыхъ ея руководителей: «Всѣ за работу! Старики, молодые, газеты, ассоціаціи, группы, отдѣльныя лица, ораторы и писатели, студенты и рабочіе,—всѣ за работу! И пусть не ожидаютъ, что другіе сдѣлаютъ. Каждый долженъ дѣлать самъ... Въ партіи нѣтъ главарей, комитетовъ общественнаго спасенія, которые должны были бы работать за счетъ простыхъ рядовыхъ. Всѣ должны работать ради республики». «Брошюра, лекція, митингъ, демонстрація да будутъ средствами борьбы и дѣйствія; наше слово пусть ищетъ обширнаго поля распространенія, пусть оно не остается замкнутымъ въ клубахъ, въ благопріятной обстановкѣ, а пусть оно проникаетъ въ среду всего народа, въ его наиболѣе отсталые классы, въ среду рабочихъ, въ среду крестьянъ, въ среду мелкихъ собственниковъ». «И конечной цѣлью, возвѣщаемой народу, должно быть не завоеваніе политическаго избирательнаго округа (ахъ, сколько угрызеній совѣсти должны испытывать республиканцы за свое помѣшательство на выборахъ) или коммунальнаго совѣта, а республика, экономическій, моральный подъемъ народа, всего народа, не одного какого-либо класса или категоріи, искупленіе Италіи». И въ заключеніе цитируются слова Гислери: «На лонѣ страны и вмѣстѣ со страною пусть развивается наша дѣятельность,—дѣятельность партіи, воспитывающей и служащей двигателемъ новой итальянской исторіи» [2].

[1]) *M. Alliata:* «Torniamo all'antico» въ «La Ragione», № отъ 20 апрѣля 1912 г.

[2]) См. «L'Azione Repubblicana» (Bollettino settimanale della Direzione del P. R. I.), № 2 отъ 3 августа 1912 г.

Вмѣстѣ съ трудной и сложной работой по реорганизаціи партіи, по очисткѣ ея отъ инородныхъ элементовъ на молодыхъ руководителей ея пала также нелегкая задача—опредѣлить ближайшимъ образомъ отношеніе партіи къ предстоявшимъ тогда выборамъ, когда въ силу новаго закона, къ избирательнымъ урнамъ должно было быть призвано болѣе пяти милліоновъ новыхъ избирателей, не искушенныхъ еще въ избирательной борьбѣ и едва ли способныхъ самостоятельно разобраться въ партіяхъ, въ ихъ различіяхъ и оттѣнкахъ. Планъ, выработанный новой дирекціей, получилъ единогласное одобреніе необычайно многолюднаго партійнаго совѣщенія, созваннаго 24 августа 1913 г. въ Фалконара Мариттима и представлявшаго собою подавляющее большинство партіи. Согласно принятому рѣшенію, на предстоявшихъ выборахъ республиканская партія должна была «представиться избирательному корпусу и странѣ съ собственными идеями, собственной программой и собственными методами въ противоположность правительственнымъ партіямъ (т.-е. радикаламъ и реформистамъ) съ цѣлью использовать политическіе выборы, какъ средство пропаганды и агитаціи во имя иного политическаго строя Италіи, т.-е. ради завоеванія народнаго верховенства дѣйствительнаго и дѣйствующаго безъ несмѣняемыхъ и безотвѣтственныхъ опекуновъ». Въ основу же своей избирательной пропаганды партія клала «самый энергичный протестъ противъ конституціонной хартіи, которая не заключалась въ плебисцитахъ, не была обсуждена и свободно принята національнымъ учредительнымъ собраніемъ,—противъ Статута, который статьей 5-ой отнимаетъ у парламента какія бы то ни было суверенныя права въ отношеніи мира, войны и союзовъ..., устанавливая на самомъ дѣлѣ абсолютный монархическій режимъ съ чисто показнымъ участіемъ народа во власти». Въ программѣ избирательной агитаціи сверхъ того, правда, намѣчался цѣлый рядъ реформъ, настоятельную необходимость которыхъ должно было разъяснять народу во время избирательной кампаніи, но республиканская партія предупреждала, что она «не обманывается и не желаетъ создавать иллюзіи и, выясняя наиболѣе ощутительныя нужды текущаго момента, желаетъ только сдѣлать болѣе очевиднымъ безсиліе монархическаго правительства хотя бы въ наименьшей мѣрѣ удовлетворить ихъ, какъ въ силу той суммы стремленій и интересовъ, которую представляетъ собою данный строй, такъ и въ силу той роковой финансовой нужды, которая является результатомъ политики всецѣло милитаристской и авантюристской». Во избѣжаніе же какихъ бы то ни было недоразумѣній, совѣщаніе, по предложенію Конти, приняло слѣдующій порядокъ

дня: «Совѣщаніе, одобряя програму избирательной агитаціи, представленную Исполнительной Комиссіей и Центральнымъ Комитетомъ,—полагая, что въ условіяхъ настоящаго историческаго и политическаго момента болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, необходима борьба противъ реформистскихъ теченій, такъ какъ они порождаютъ иллюзіи, подлаживанія, отреченія,—полагаетъ необходимымъ, чтобы во время предстоящей избирательной кампаніи страна была призвана къ обсужденію политической организаціи государства и его дѣятельности, къ обсужденію превратностей монархической политики съ цѣлью выясненія невозможности осуществленія какой бы то ни было, даже самой скромной, демократической и соціальной программы».

Итакъ, передъ новыми избиртелями республиканская партія рѣшилась выступить съ открытымъ забраломъ, съ прямыми и опредѣленными заявленіями, исключавшими всякую возможность какихъ бы то ни было недоразумѣній и въ отношеніи того, что представляютъ собою республиканцы, чего ради идутъ они на выборы и чего ждать отъ нихъ избирателямъ [1]). Такъ какъ на выборы шли они исключительно ради пропаганды и агитаціи, то исчезла необходимость въ блокахъ, оказался возможнымъ очень строгій выборъ кандидатовъ и стала естественной постановка только наиболѣе яркихъ и боевыхъ кандидатуръ. Между прочимъ, благодаря тому, что центръ тяжести оказался теперь не въ количествѣ депутатскихъ мѣстъ, а въ наиболѣе яркихъ и сильныхъ репубиканскихъ выступленіяхъ, получили уже широкое примѣненіе множественные кандидатуры, т.-е. выставленіе одного и того же наиболѣе виднаго кандидата въ нѣсколькихъ избирательныхъ округахъ. Такъ самый буйный и неукротимый изъ республиканскихъ депутатовъ Е. Кьеза выставленъ былъ кандидатомъ въ 6—8 мѣстахъ. Затѣмъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ республиканцы были численно слабы или не на столько организованы, чтобы имѣть возможность выступить съ собственнымъ кандидатомъ, они рѣшили совсѣмъ воздержаться отъ участія въ основныхъ выборахъ: въ случаѣ же перебаллотировки они рѣшили отдать свои голоса тому изъ конкурирующихъ кандидатовъ другихъ партій, который приметъ на себя опредѣленныя антиправительственныя и антимонархическія обязательства.

Само собою разумѣется, что рѣшеніе итти на выборы исключительно съ цѣлью антиконституціонной и антимонархической пропаганды предполагало возможность такой пропаганды. Но какъ

---

[1]) Характерно, что на этотъ разъ, впервые за послѣдніе 20 и болѣе лѣтъ, соціалъ-демократическая печать устами «Avanti!» отдала справедливость республиканцамъ, признавъ искренность и честность принятыхъ ими въ Фальконарѣ рѣшеній.

поступила бы республиканская партія, если бы такой возможности не существовало? Отвѣтомъ на это можетъ служить та оговорка, которую еще болѣе 40 лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ Альберто Маріо, когда въ декабрѣ 1872 года уговаривалъ республиканцевъ выйти изъ подпольнаго состоянія и организоваться въ открытую «партію дѣйствія». «Легальная партія дѣйствія,—писалъ онъ,—пока намъ предоставляютъ разговаривать, пока намъ не воспрещаютъ пользоваться правами, обезпеченными дѣйствующимъ порядкомъ... Партія легальнаго дѣйствія—пока правительство не заставитъ ее перемѣнить слова на ружье и патроны». И ту же оговорку повторяетъ въ началѣ текущаго царствованія, въ 1901 г., Гислери, когда въ своей газетѣ «Народная Италія» пишетъ: «Итакъ, итальянская республиканская партія желаетъ быть партіей дѣйствія,—дѣйствія мирнаго и легальнаго, пока ее не вынудили бы перемѣнить слова и прочія средства мирной агитаціи и на другія орудія и на иные методы борьбы» [1])...

Насколько же у идейныхъ руководителей партіи подъ вліяніемъ триполитанской войны окрѣпла вѣра въ неизбѣжность революціи, показываютъ слѣдующія заключительныя строки изъ частнаго письма ко мнѣ проф. Гислери отъ 21 августа 1913 г.: «Италія обречена, на мой взглядъ, на вторую революцію, изъ которой выйдетъ федеративной республикой, дружественной славянскимъ и средиземнымъ народамъ, враждебной центральнымъ имперіямъ и сторонницей лиги разоруженія. Если это не будетъ скоро, то будетъ позже, но ça ira»...

Гр. Шрейдеръ.

---

[1]) *A. Ghisleri:* «La questione economica e il partito repubblicano», pag. 71, Roma, 1904.

Историческіе романы о германскомъ стремленіи къ міровому господству.

По мѣрѣ того, какъ Германія все замѣтнѣе превращалась изъ объединившейся имперіи въ имперіалистское государство, съ претензіями на міровое господство, складывалась постепенно особая, этому процессу соотвѣтствовавшая, идеологія, а эта послѣдняя нашла себѣ въ самые послѣдніе годы довольно отчетливое отраженіе не только въ публицистикѣ, но и въ беллетристикѣ.

Въ изящной литературѣ этотъ процессъ развитія Германіи отъ имперіи къ imperium'у отразился двоякимъ образомъ.

Одни писатели воскрешаютъ въ своихъ романахъ отправной моментъ въ этой исторической эволюціи, а именно возникновеніе изъ разрозненныхъ княжествъ единой имперіи, а такъ какъ послѣдняя родилась, подъ грохотъ пушекъ, на орошенныхъ кровью поляхъ битвъ, то фономъ для воспроизведенія этого политическаго факта служитъ обычно картина франко-прусской войны.

Заслуживаетъ вниманія слѣдующее обстоятельство. Пока Германія представляла собой не болѣе, какъ простую географическую карту, лишенную всякаго политическаго единства, идея объединенія страны вдохновляла, какъ извѣстно, цѣлыя поколѣнія писателей и поэтовъ. А какъ только въ 1870 г. эта идея претворилась въ дѣйствительность, она какъ-то сразу перестала интересовать изящную литературу. Ставъ un fait accompli, прежняя мечта лишилась въ глазахъ художниковъ слова всего своего обаянія. И такъ продолжалось почти цѣлое полстолѣтіе (40 лѣтъ).

Тѣмъ болѣе знаменательно, конечно, что эта тема объ объединеніи страны, о провозглашеніи имперіи въ послѣдніе два—три года снова поставлена на очередь въ нѣмецкой беллетристикѣ. Очевидно, налицо имѣются особыя и, притомъ, достаточно вѣскія причины, побуждающія писателей и публику обращаться мысленно въ прошлое, къ тому моменту, когда зародилась имперія.

На ряду съ этими историческими романами, посвященными эпохѣ франко-прусской войны, возникли въ самые послѣдніе годы романы, воспроизводящіе дальнѣйшую судьбу имперіи вплоть до настоящаго момента, и даже ея ближайшее будущее.

Въ этихъ произведеніяхъ минувшее переплетается съ сегодняшнимъ и завтрашнимъ днемъ. Но и они принадлежатъ къ категоріи историческихъ, такъ какъ повѣствуютъ, хотя и съ оттѣнкомъ фантастики, о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ событій 1870 г.

Въ своей совокупности эти романы возсоздаютъ, путемъ сочетанія «правды» и «поэзіи», исторію германской имперіи, тяготѣющей стать міровымъ imperium'омъ.

Они—литературный прологъ къ великимъ событіямъ, къ которымъ нынѣ приковано вниманіе міра, ибо тамъ, на поляхъ битвъ, рѣшается теперь этотъ самый вопросъ: станетъ ли германская имперія міровымъ imperium'омъ или нѣтъ.

Среди историческихъ романовъ, посвященныхъ эпохѣ франко-прусской войны, наибольшій интересъ представляетъ трилогія В. Блёма, первая часть которой озаглавлена «Желѣзный годъ» (Das eiserne Jahr), вторая—«Народъ противъ народа» (Volk wider Volk), третья—«Кузница будущаго» (Die Schmiede der Zukunft).

Въ послѣдніе годы (1912—1914 г.) трилогія Блёма была наиболѣе читаемой въ Германіи книгой. Каждая изъ ея трехъ частей разошлась въ количествѣ болѣе ста тысячъ экземпляровъ. Авторъ, несомнѣнно, писатель талантливый. Но, конечно, не одними художественными достоинствами объясняется громадный успѣхъ его трилогіи. Рецензируя первую ея часть, критикъ газеты «Berliner Tageblatt» заявлялъ, между прочимъ, что, читая этотъ романъ съ неослабѣвающимъ интересомъ, онъ «снова всей душой чувствовалъ себя сыномъ военнаго государства Пруссіи» (ein Sohn des Militärstaates Preussen). И такое же чувство выносили, вѣроятно, изъ чтенія романа Блёма и многочисленные другіе читатели. А если вспомнить, что лѣтъ десять тому назадъ наиболѣе читаемыми въ Германіи романами были такія вещи, какъ «Семейство Будденброкъ» Т. Манна или «Христосъ» Френсена, «Гёцъ Крафтъ» Штильгебауера или «Дневникъ падшей» Бёмъ, то уже по этимъ измѣнившимся литературнымъ вкусамъ можно до извѣстной степени судить о происшедшихъ за послѣднее время перемѣнахъ въ психологіи широкихъ слоевъ нѣмецкаго общества.

При всемъ своемъ патріотическомъ духѣ, трилогія Блёма

имѣетъ, однако, полное право на эпитетъ историческаго романа не только потому, что она основана на добросовѣстномъ изученіи историческаго матеріала, но и потому, что авторъ сумѣлъ отнестись къ противной сторонѣ съ большимъ безпристрастіемъ. Даже больше. Порою кажется, что авторомъ эпопеи о возникновеніи германской имперіи былъ не нѣмецъ, а скорѣе французъ. Такой горячей любовью къ Франціи, такимъ искреннимъ уваженіемъ къ героизму ея населенія проникнуты многія страницы романа.

Вотъ нѣсколько отрывковъ, могущихъ показать, что авторъ прежде всего историкъ, стремящійся при всемъ своемъ патріотизмѣ къ возможно болѣе безпристрастному воспроизведенію борьбы двухъ націй. Когда одна изъ героинь романа, нѣмка, занимающая въ аристократическомъ французскомъ домѣ должность гувернантки, пріѣзжаетъ въ Парижъ (наканунѣ осады), она невольно поддается неотразимому обаянію прекраснаго города, «родины великихъ идей», «горячаго сердца міра». Когда она потомъ видитъ охватившій парижанъ энтузіазмъ и внимаетъ восторженнымъ крикамъ «la guerre à outrance», то ей,—представительницѣ другого народа,—все же «сладостно-жутко» быть свидѣтельницей этого національно-патріотическаго порыва. Наконецъ, когда въ Турѣ она слышитъ пламенную рѣчь Гамбетты, призывающаго провинцію стать на защиту столицы, она охотно признается, что этотъ человѣкъ тамъ наверху, на балконѣ, какъ «патріотъ», какъ «носитель національной идеи» ничѣмъ не уступаетъ представителямъ идеи германскаго объединенія и что провозглашенная имъ война по меньшей мѣрѣ столь же «священна», какъ и та, которую ведутъ вторгшіяся во Францію германскія войска.

Правда, эта нѣмецкая дѣвушка любитъ француза и потому, естественно, склонна относиться къ его родинѣ тепло и доброжелательно.

Но вотъ два другихъ отрывка, гдѣ это уваженіе къ Франціи лишено такой субъективной предвзятости, гдѣ оно носитъ болѣе объективный характеръ.

Вторая часть трилогіи кончается занятіемъ нѣмцами Орлеана.

Мимо статуи Жанны д'Аркъ дефилируютъ нѣмецкія войска. Вотъ подъѣзжаетъ на конѣ главнокомандующій, принцъ Карлъ; привѣтствуя статую, онъ опускаетъ шпагу и дѣлаетъ подъ козырекъ. И авторъ продолжаетъ отъ себя:

«Развѣ не стояла она—Дѣва Орлеанская—тамъ наверху, какъ символъ французскаго героизма, какъ олицетвореніе идеала великаго народа?»... «Ты и сегодня, о, бронзовая воительница,

можешь не опускать своихъ смиренно-гордо къ небу обращенныхъ глазъ». «Взоръ ея точно спрашивалъ: Готовъ ли ты умереть за меня?» «Счастливъ народъ,—заключаетъ авторъ,—дѣти котораго умѣютъ на этотъ вопросъ жизни и смерти отвѣтить, братски слившись въ единомъ чувствѣ, ликующимъ да!»

Третья часть трилогіи кончается заключеніемъ мира.

Возвращаясь на родину подъ колокольный звонъ, одинъ изъ участниковъ войны, композиторъ-музыкантъ, потерявшій въ сраженіи руку, думаетъ о томъ, что было, и о томъ, что будетъ, и при всемъ опьяненіи побѣдой съ устъ его срываются слѣдующія слова, въ которыхъ слышенъ голосъ самого автора:

«Привѣтъ и тебѣ, мужественный врагъ! Привѣтъ и тебѣ, побѣжденная Франція, народъ наиболѣе намъ близкій по духу среди всѣхъ остальныхъ. Миръ и тебѣ, Франція, мать столь многихъ идей, пробуждавшихъ и возвышавшихъ человѣчество. Миръ твоимъ славнымъ павшимъ и миръ твоимъ оставшимся въ живыхъ, измученнымъ борьбой, истерзаннымъ страданіемъ!»

Приведенные отрывки—а ихъ можно было бы увеличить до безконечности—показываютъ достаточно наглядно, что авторъ сумѣлъ воспроизвести прошлое въ самомъ дѣлѣ, какъ безпристрастный историкъ, отдающій дань должнаго чужому народу и чужой культурѣ.

Какъ во всякомъ историческомъ романѣ въ трилогіи Блёма «правда» перемѣшана съ «поэзіей».

Въ этой романической части своей исторической картины авторъ дважды изображаетъ одинъ и тотъ же мотивъ о любви, влекущей, несмотря на вражду обѣихъ націй, отдѣльныхъ ихъ представителей и представительницъ къ взаимному соединенію. Эти любовныя идилліи, порою, впрочемъ, подернутыя дымкой трагизма, служатъ какъ бы символическими намеками на возможное въ будущемъ примиреніе обѣихъ націй.

Эти романическіе эпизоды спаиваютъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныя картины военныхъ дѣйствій, занимающія въ трилогіи очень значительное мѣсто, написанныя обычно съ большимъ мастерствомъ.

Мимо читателя проходятъ, какъ на лентѣ кинематографа, битвы при Вёртѣ, Марсъ ля Турѣ, Резонвиллѣ, катастрофа при Седанѣ, сдача Меца, наконецъ, безуспѣшныя попытки французскихъ армій, созданныхъ пламенной иниціативой Гамбетты, подоспѣть на выручку Парижа.

Вотъ двѣ картины, типичныя для всякой войны.

Крестьяне французской деревушки испортили желѣзнодорожный путь. Нѣмцы отправляютъ карательный отрядъ. При-

кладами ружей сгоняютъ солдаты еле живыхъ отъ страха стариковъ и старухъ.

«Eh bien,—обращается къ нимъ ротмистръ,—misérables brigands qui vous êtes—вы, надѣюсь, понимаете, зачѣмъ я васъ сюда созвалъ?

— Oh, non, mon général, oh non! Nous ne savons rien—nous n'avons rien fait! Miséricorde, mon général, ayez pitié de nous.

— Можете вы привести сюда негодяевъ, которые разрушили путь и убили двухъ моихъ всадниковъ?

— Разрушили путь! убили всадниковъ! — Мы ничего не знаемъ. Мы ни въ чемъ неповинны. Клянемся всѣми святыми!

Въ эту минуту къ ротмистру подъѣзжаетъ патруль, поймавшій въ сосѣднемъ лѣсу двухъ парней; у одного нашли револьверъ, у другого ключъ для отмычки рельсъ.

— Вы этихъ людей конечно, не знаете?—спрашиваетъ ротмистръ мужиковъ.

— Нѣтъ, не знаемъ, они не отсюда...

— Прекрасно, разъ они не отсюда, вамъ будетъ не такъ больно присутствовать при ихъ разстрѣлѣ.

При этихъ словахъ въ толпѣ слышится крикъ. Къ одному изъ захваченныхъ парней подбѣгаетъ старушка, къ другому—молодая женщина.

— Вы признаетесь, что разрушили путь?

— Oui, mon colonel.—упрямо проговорилъ старшій.

— Молчи, Мартинъ!—вскричала его жена.—Ты губишь себя.

— Эхъ, все равно, Нинетта, и такъ все погибло...

— А ты тоже участвовалъ?

Крестьянинъ помоложе взглянулъ на мать, ломавшую руки.

— Нѣтъ... Я тутъ ни при чемъ!

— Въ такомъ случаѣ ты умрешь, какъ трусъ и лжецъ.

Парень вздрогнулъ и замолкъ...

— И вы оба признаетесь, что родомъ изъ этой деревни?

Оба арестованныхъ молчали. А въ толпѣ стариковъ и старухъ раздавалось:

— Нѣтъ, они не изъ нашей деревни... Сжальтесь!

— Вы лжете, негодяи... Буду считать до трехъ. Кто останется, можетъ присутствовать при томъ, какъ мы подожжемъ ваше гнѣздо.

Толпа медленно отступаетъ и расходится. Солдаты оттаскиваютъ силой молодую женщину, уцѣпившуюся за мужа.

— Miséricorde, Monseigneur, miséricorde, c'est mon mari.

Шесть драгунъ спѣшилось.

— Смирно! Заряжать! Готово!—раздался чей-то рѣжущій голосъ.

— Пли!

Въ ту же секунду послышался хриплый крикъ:

— Vive la France!

Ѣдкій дымъ окуталъ сцену.

— Такъ!—снова раздался голосъ ротмистра.—А теперь жги бараки. (О, война!—прибавляетъ авторъ.—О, рокъ! О, горе быть человѣкомъ!)

Или вотъ эпизодъ изъ битвы около Бетанкура.

Одинъ изъ фланговъ арміи Бурбаки получилъ приказъ взять деревушку Бетанкуръ, занятую нѣмцами. Оттуда, изъ-за какого-то невиднаго укрѣпленія, то и дѣло вырываются какія-то черныя тѣни, приближаются и рвутся съ оглушительнымъ трескомъ. Погибъ полковникъ. Отрядъ егерей остался безъ предводителя. Тогда во главу его становится молодой офицеръ генеральнаго штаба, аристократъ, сражающійся въ рядахъ созданной Гамбеттой республиканской арміи.

И въ немъ, потомкѣ стараго рыцарскаго рода, происходитъ переворотъ.

Съ устъ его—послѣдняго Персеваля—срывается боевая пѣсня республиканской Франціи.

Amour sacré de la Patrie
Conduits, soutiens nos bras vengeurs.

И они поняли его, всѣ эти четыреста коренастыхъ горцевъ въ темносинемъ beret и подхватываютъ грубыми радостными голосами:

Liberté, liberté chérie,
Combats avec tes défenseurs.

Къ атакѣ! Гремятъ призывныя Clairons и по снѣжной полянѣ отрядъ подвигается впередъ къ деревнѣ. Мы возьмемъ его, возьмемъ Бетанкуръ! А съ той стороны ни одного выстрѣла! Только все изъ того же незримаго укрѣпленія несутся время отъ времени эти черныя тѣни, пробиваютъ дыры въ густыхъ колоннахъ штурмующихъ, разбрасывая по воздуху руки, ноги, головы и туловища.

Не бѣда!

En avant! En avant!

Все ближе и ближе.

И вдругъ вдоль непріятельскаго фронта раздается рѣзкая команда, долетая до слуха нападающихъ какимъ-то нечленораздѣльнымъ звукомъ

— eue, eue.

И вдругъ! Смерть взмахнула своей косой и подъ ея ударами ложатся передніе ряды колонны. Конь Гастона дико вздымается на дыбы и, отчаянно брыкая передними ногами, падаетъ всей своей тяжестью. Съ кошачьей быстротой спрыгиваетъ офицеръ, собирается съ силами, шатается, кости болятъ, словно отъ ударовъ молоткомъ.

— En avant, mes enfants!

Колонна, на мгновенье дрогнувшая, снова бросается въ атаку, шагая по тѣламъ убитыхъ товарищей. Снова изъ устъ офицера раздаются тѣ же хриплые звуки и сотни грубыхъ голосовъ подхватываютъ съ увлеченіемъ:

Aux armes citoyens, formez vos bataillons.
Marchons, marchons.

А оттуда снова доносится это ужасное:

— eue, eue.

Вдругъ яркая вспышка огня, грохотъ, точно разверзлась пропасть ада, незримый косарь взмахнулъ своей косой, офицеръ чувствуетъ, какъ рука, державшая саблю, безсильно повисла, какъ оборвалась въ горлѣ ликующая пѣсня свободы, какъ онъ падаетъ въ пропасть, въ холодный мягкій снѣгъ. Потомъ словно кто-то его поднимаетъ. Оставьте! Къ чему! Наконецъ-то покой! Мелькаютъ обрывки недавнихъ впечатлѣній. Онъ точно слышитъ голосъ генерала Бурбаки: «Телеграфируйте, графъ Персеваль!» «Графъ Персеваль поѣзжайте...» «Нѣтъ, генералъ, я не поѣду и не буду телеграфировать... я сплю теперь... покойной ночи, генералъ»...

Amour sacré de la patrie...

Покойной ночи!..

А вокругъ Парижа все туже стягивается желѣзное кольцо. Какъ только населеніе узнало о позорной сдачѣ Меца, оно свергло заочно императора и провозгласило республику.

Все ближе подходятъ къ городу нѣмцы.

— Mes camarades, citoyens, parisiens —говоритъ собравшейся на улицѣ толпѣ адвокатъ Тайландье. Пусть они придутъ. Они увидятъ, что значитъ имѣть дѣло съ народомъ, рѣшившимъ или свободно жить или умереть. Шайка измѣнниковъ (Наполеонъ III) довела Парижъ до края гибели. Но теперь народъ самъ взялъ въ руки свою судьбу. Только теперь начинается настоящая война, война священная, la guerre à outrance.

И Парижъ встаетъ, какъ одинъ человѣкъ.

Интеллигенты и приказчики, ремесленники и купцы всѣ спѣшатъ вступить въ національную гвардію. Пусть нужда растетъ съ каждымъ днемъ, пусть крысиное мясо считается рѣд-

кимъ лакомствомъ, ничто не въ силахъ сломить бодраго духа парижанъ: національная гвардія идетъ на вылазки, распѣвая ту самую безпечную пѣсенку, съ которой въ 1712 г. солдаты Людовика XIV брали Кенуа:

Dans le jardin d'mon père
Les lilas sont fleuris... etc.

И эта галльская жизнерадостность, эта парижская безпечность вспыхиваетъ яркимъ свѣтомъ и въ самые драматическіе моменты осады.

Еще врагъ не бросилъ въ городъ ни одной гранаты.

«Не посмѣетъ!» — думали парижане, думали нейтральныя державы.

Въ декабрѣ въ Версалѣ собрался военный совѣтъ. На очередь поставленъ вопросъ о бомбардировкѣ Парижа.

Фельдмаршалъ Мольтке—противъ этой мѣры изъ чисто военныхъ соображеній: Парижъ не Страсбургъ, его ядрами не расшибешь, единственное средство взять его—голодъ. Противъ высказывается и кронпринцъ Фридрихъ, находящій бомбардировку слишкомъ варварскимъ способомъ веденія войны, допускающій только штурмъ окружающихъ городъ укрѣпленій и фортовъ.

Но вотъ слово проситъ Бисмаркъ: бомбардировка окажетъ, по его мнѣнію, не только моральное воздѣйствіе на парижанъ, вызывая среди нихъ панику, ея требуетъ и «престижъ» Германіи, пусть Европа пойметъ, что нѣмцы, несмотря ни на что, «осмѣлились».—«И потому я восклицаю: пушки, пушки, пушки. Дайте приказъ стрѣлять, ваше величество!»

Король протянулъ черезъ столъ руку канцлеру.

— Вы правы, Бисмаркъ. Я тоже стою за пушки!

И вотъ однажды утромъ парижане проснулись отъ страшнаго грохота. На монмартрскихъ высотахъ разорвались первыя гранаты.

Однако впечатлѣніе получилось обратное тому, на которое расчитывалъ «желѣзный канцлеръ». Весь Парижъ бросился туда, гдѣ съ трескомъ падали ядра: il fallait y être. На лицахъ ни возмущенія, ни страха, «только смѣхъ, неискоренимый смѣхъ Парижа, неумирающая галльская веселость» и прежде всего и больше всего «любопытство», бѣшеное любопытство.

Вотъ падаетъ и разрывается на части еще одна граната. Кругомъ взрывъ ликованія. Оборванные подростки, мальчики и дѣвочки, спѣшатъ подобрать разлетѣвшіеся осколки, сбывая ихъ тутъ же, какъ интересную достопримѣчательность.

— Souvenirs de Berlin, cinquante centimes la pièce.

Но вотъ разрывается новая граната, убиваетъ старуху, ранитъ ребенка. Недавняя безпечность уступаетъ мѣсто мгновенной вспышкѣ возмущенія.

— Собаки! Разбойники! Они убиваютъ беззащитныхъ дѣтей и женщинъ.

Быстро, какъ оно вспыхнуло, испарилось негодованіе. Трупъ старухи убрали. Ребенка кто-то взялъ къ себѣ. Снова рвутся гранаты и снова шутки, свалка, крики и смѣхъ.

«О мои парижане!—думалъ журналистъ Турэ,—славныя взрослыя дѣти. Противъ вашего темперамента и энтузіазма безсильны даже ужасы ада, безсильны голодъ, холодъ и гранаты...»

А на ряду съ безпечностью сколько героизма.

Наступилъ день первой вылазки.

Вотъ высится прусская батарея. Одно орудіе уже подбито. Откуда-то падаютъ гранаты, уничтожая людей и лошадей. Колонна вандейцевъ получила приказъ взять батарею. Какъ стая голодныхъ волковъ приближаются они и бросаются на одно колѣно.

— Batterie en face... cinq cent metres—feu.

Прицѣлъ былъ взять невѣрно.

— Немного повыше, mes enfants!

На этотъ разъ ни одинъ зарядъ не пропалъ даромъ. Батарея перестала отвѣчать. Въ бинокль видно, какъ офицеры машутъ руками, какъ подъѣзжаютъ лафеты, какъ артиллеристы изъ силъ выбиваются увезти орудія: одинъ за другимъ падаютъ они...

— En avant—marche!—раздалась команда капитана.

Пять минутъ спустя вандейцы взяли приступомъ батарею.

Но ни вылазки осажденныхъ, ни операціи новыхъ армій, съимпровизированныхъ Гамбеттой, не въ силахъ предотвратить конца. Вся пролитая кровь, всѣ напряженія самопожертвованія, всѣ ужасы опустошенія служили лишь къ тому, чтобы непреклонный врагъ создалъ изъ разрозненныхъ географическихъ лоскутковъ единую германскую имперію.

— Для насъ, нѣмцевъ, война была національной необходимостью,—замѣчаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, профессоръ исторіи, промѣнявшій перо ученаго на ружье ландвериста. Но Франція! Бѣдная, прекрасная страна должна была стать тѣмъ огнемъ, въ которомъ мы выковали свое единство, выковали имперскую корону. Она должна была питать этотъ огонь своими горящими городами и замками, деревнями и хуторами, наконецъ, костьми своихъ сыновей.

Какъ ни подробно вырисованы въ трилогіи Блёма батальныя картины, онѣ только тотъ кровавый фонъ, на которомъ раз-

вертывается центральное событіе эпохи—объединеніе Германіи, рожденіе и крещеніе имперіи.

Въ центрѣ третьей части (Кузница будущаго) стоятъ поэтому совершенно логически двѣ сцены—обсужденіе въ палатѣ проекта имперской конституціи и провозглашеніе въ Версалѣ прусскаго короля германскимъ императоромъ.

Въ рейхстагѣ царитъ необычайное оживленіе. Налицо всѣ депутаты сѣверо-германскаго союза. Предстоитъ разсмотрѣть вопросъ о присоединеніи нѣмецкихъ государствъ и княжествъ къ остальнымъ государствамъ, уже находившимся подъ гегемоніей Пруссіи.

Среди буржуазныхъ цилиндровъ одиноко выдѣляется плебейская шляпа, а подъ ней блѣдное лицо съ сурово-пылающими глазами. Всѣ «сторонятся» этого депутата. То токарный мастеръ—Августъ Бебель. Депутаты быстро занимаютъ свои мѣста. Предсѣдательствуетъ старѣйшій нѣмецкій парламентарій Симсонъ, двадцать лѣтъ тому назадъ во главѣ депутаціи отъ засѣдавшихъ въ церкви св. Павла представителей націи предложившій Фридриху-Вильгельму IV императорскую корону, которую тотъ отвергъ. Предсѣдатель объявляетъ засѣданіе открытымъ. Сухо, какъ истый прусскій чиновникъ, докладываетъ министръ Дельбрюкъ о ходѣ переговоровъ и читаетъ неожиданно письмо баварскаго короля, котораго всѣ знали, какъ противника идеи присоединенія Баваріи къ Пруссіи: теперь онъ измѣнилъ свою прежнюю точку зрѣнія. Впечатлѣніе отъ письма такъ велико, что даже ѣдкая критика проекта имперской конституціи со стороны вождя центра Виндгорста не въ силахъ разсѣять нарастающій энтузіазмъ.

На слѣдующій день возобновляется словесная битва.

На трибуну всходитъ Бебель. И рѣзкимъ «нѣтъ» прозвучала его рѣчь послѣ вчерашняго почти единодушнаго «да».

«Господа!—начинаетъ свою рѣчь токарный мастеръ.—Вамъ извѣстно, что я стою на точкѣ зрѣнія соціально-республиканской. Если бы я хотѣлъ подвергнуть предложенный намъ проектъ имперской конституціи критикѣ съ моей точки зрѣнія, то я скоро покончилъ бы съ нимъ. Но я хочу стать на вашу точку зрѣнія, на точку зрѣнія большинства, на точку зрѣнія конституціонно-монархическую. Господа! Гдѣ, спрашиваю я, гарантіи единства и свободы, гарантіи права нѣмецкаго народа на самоопредѣленіе. Я не вижу ихъ въ проектѣ. Взамѣнъ этихъ гарантій намъ предлагаютъ зрѣлище коронаціи императора. Какъ вамъ это нравится, господа! Можетъ ли подобное зрѣлище примирить насъ съ крушеніемъ всѣхъ нашихъ надеждъ на Гер-

манію не только объединенную, но и свободную. Таково положеніе вещей, если встать на вашу же точку зрѣнія, господа. Мы, партія, къ которой я принадлежу, сумѣемъ извлечь пользу изъ совершающихся событій. Народъ пойметъ, что ему нечего ждать отъ своихъ правителей и что всякая война всегда ведется не въ его интересахъ».

Рѣчь токарнаго мастера то и дѣло прерывалась громкимъ, негодующимъ pfui.

Послѣ цѣлой недѣли преній приступаютъ къ голосованію договоровъ и всѣ, даже сепаратный договоръ съ Баваріей, принимаются подавляющимъ большинствомъ. Зданіе рейхстага оглашается восторженными криками, и въ лагерь въ Версаль отправляется депутація къ прусскому королю.

Между тѣмъ, какъ Бисмаркъ и Мольтке очерчены въ романѣ Блёма лишь, какъ силуэты, правда весьма жизненные, королю Вильгельму отведено значительно большее мѣсто, какъ символу стремленія нѣмецкихъ народностей къ объединенію, какъ носителю имперской короны. Когда-то въ 1848 г. кронпринцемъ ярый врагъ своихъ возставшихъ подданныхъ, онъ теперь выступаетъ «отцомъ своего народа». Устраиваетъ ли онъ еще до начала войны смотръ войскамъ, объѣзжаетъ ли онъ поле битвы при Марсъ-ля-Турѣ среди изувѣченныхъ и окровавленныхъ воиновъ, поднимаетъ ли онъ въ рождественскій вечеръ за ужиномъ бокалъ за своихъ солдатъ, всегда у него доброе лицо любящаго «отца».

И однако авторъ не скрываетъ, что въ этомъ патріархѣ сидитъ упрямый прусскій юнкеръ съ замашками самодержца. Между тѣмъ, какъ Бисмаркъ предлагаетъ титулъ «германскій императоръ», прусскій король настаиваетъ на (обидномъ для другихъ нѣмецкихъ государей) титулѣ «императоръ Германіи». Изъ-за этого съ виду ничтожнаго вопроса грозитъ разстроиться дѣло объединенія страны, за которое солдаты проливали свою кровь при Вёртѣ и Гравелоттѣ. Когда великій герцогъ баденскій, зять Вильгельма, указываетъ ему на то, что слѣдуетъ держаться выработанныхъ соглашеній, онъ рѣзко перебиваетъ его: «Я не въ какія ни съ кѣмъ не вступалъ соглашенія». А когда кронпринцъ обращаетъ его вниманіе на то, что и раньше, въ средніе вѣка, титулъ звучалъ именно «германскій императоръ», онъ гнѣвно стучитъ кулакомъ по столу.

— То было раньше, а теперь я приказываю, какъ оно быть должно.

И онъ злится и дуется на Бисмарка, который хочетъ испортить ему торжественный день коронованія.

Наконецъ, найденъ компромиссный исходъ. Великій герцогъ баденскій провозгласитъ здравіе просто «императора Вильгельма».

Съ необычайной пышностью и торжественностью провозглашается въ версальскомъ дворцѣ имперія, и этотъ моментъ для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа, отъ военачальниковъ до рядовыхъ, отъ дипломатовъ до сестеръ милосердія, величайшій день ихъ жизни, какъ для автора трилогіи это центральное событіе всей нарисованной имъ исторической картины.

Тысяча устъ повторяютъ и сотни телеграфныхъ проволокъ передаютъ дальше вѣсть: «Воскресла имперія».

А когда вновь провозглашенный императоръ нисходитъ по мраморнымъ ступенямъ дворца на улицу, гдѣ ждетъ коляска, случилось нѣчто, что, по словамъ автора, бываетъ обыкновенно только въ стихахъ поэтовъ или въ пьесахъ, поставленныхъ умѣлымъ режиссеромъ: мутная завѣса облаковъ разверзлась, и море свѣта залило фигуру того, кто былъ «носителемъ и исполнителемъ воли націи къ объединенію».

А событія шли своимъ чередомъ.

Однажды вечеромъ къ «желѣзному канцлеру» явилась депутація отъ осажденнаго города, во главѣ съ Жюлемъ Фавромъ, для обсужденія условій капитуляціи.

Парижъ палъ: «горячее сердце міра» перестало на время биться.

По улицамъ столицы Франціи раздаются шаги нѣмецкихъ войскъ. Рѣзкіе трубные звуки прорѣзаютъ весенній воздухъ. Въ торжествующихъ крикахъ фанфаръ слышался—по словамъ автора—голосъ народа, послѣ долгихъ лѣтъ униженія объединившагося, слышалось его «желаніе отнынѣ на ряду съ другими великими націями *владѣть странами и благами земли* (an den Ländern und Gütern der Erde teilzuhaben), его желаніе завоевать это право упорнымъ трудомъ, а если нужно *силой меча*».

Молодая имперія уже мечтала о міровомъ imperium'ѣ.

———

Этому процессу превращенія Германіи изъ единой имперіи въ имперіалистское государство съ претензіями на міровое господство посвящена въ новѣйшей нѣмецкой беллетристикѣ также цѣлая (впрочемъ еще неоконченная) трилогія, въ которой минувшее переплетается съ настоящимъ и (возможнымъ) будущимъ.

Авторомъ этой трилогіи является М. Людвигъ.

Первая часть озаглавлена «Имперія» (Das Reich).

Какъ въ романѣ Блёма и здѣсь «правда» чередуется съ «поэзіей». Историческимъ фономъ, на которомъ развертываются

событія и выступаютъ дѣйствующія лица, служатъ факты недавняго прошлаго—волненія, вызванныя марокскимъ вопросомъ, борьба правительства съ рейхстагомъ изъ-за проекта увеличенія арміи и флота, торговый договоръ съ Россіей и т. д. Обо всѣхъ этихъ фактахъ упоминается, впрочемъ, лишь вскользь. Тѣмъ отчетливѣе обрисованъ авторомъ процессъ превращенія Германіи послѣ франко-прусской войны въ царство техники и милитаризма.

Герой романа (Гегенау)—яркій представитель, почти символъ, новой Германіи желѣзной культуры и желѣзныхъ людей, пришедшей на смѣну Германіи Канта и Гёте, Германіи интеллектуальныхъ подвиговъ и поэтическаго творчества. Не лишне остановиться нѣсколько на этой фигурѣ, проливающей полосу свѣта на изумившую весь міръ перемѣну, происшедшую—для посторонняго наблюдателя такъ неожиданно—въ духовной физіономіи, если не всего нѣмецкаго народа, то его руководящихъ классовъ.

Передъ нами типическій представитель чисто военно-технической культуры, воцарившейся въ имперіи, провозглашенной подъ грохотъ пушекъ. Въ этомъ человѣкѣ всѣ чувства атрофированы. Нѣтъ въ немъ ни капли характернаго для старо-нѣмецкой жизни сентиментализма. Даже такое элементарное чувство, какъ семейное, развито въ немъ болѣе, чѣмъ слабо. Отецъ (министръ) для него почти посторонній человѣкъ и онъ разговариваетъ съ нимъ. какъ съ чужимъ. Убѣдившись, что отецъ, какъ государственный дѣятель, не на высотѣ положенія, онъ первымъ, ни минуты не колеблясь, поднимаетъ противъ него въ палатѣ господъ кампанію, послѣдствіемъ которой является его отставка. Чувство сострадания ему и непонятно, и ненавистно. Надъ филантропическими затѣями онъ саркастически издѣвается.

«Мы страдаемъ чрезмѣрной мягкостью. Мы погрязли въ ней по уши. А *сила* важнѣе доброты и кротости. Жизнь—желѣзное кольцо, которое надо каждый день сызнова ковать. А для этого нужна рука не мягкая, а жестоко-властная».

Такова его философія.

Военная профессія въ его глазахъ наиболѣе достойная активнаго мужчины, и самъ онъ былъ долгое время офицеромъ душой и тѣломъ, насквозь проникнутымъ духомъ желѣзной дисциплины по отношенію къ себѣ и другимъ. И онъ навсегда остался солдатомъ по духу. Въ мирное время стынетъ кровь, парализуется энергія, липкой паутиной покрывается душа. Только когда въ воздухѣ чувствуется грозное вѣяніе войны, дышится

ему привольно и легко. Если бы наступилъ «золотой вѣкъ» всеобщаго и вѣчнаго мира, онъ не зналъ бы, что съ собою дѣлать.

Такъ какъ въ мирное время солдатъ безполезенъ, то онъ подалъ въ отставку, углубился въ изученіе техническихъ вопросовъ, по его убѣжденію наиболѣе важныхъ, взялъ въ свои руки запущенное отцомъ сталелитейное предпріятіе и быстро превратилъ его въ первоклассный пушечный заводъ. Въ качествѣ предпринимателя, окруженнаго множествомъ рабочихъ, ему приходилось, конечно, задумываться и надъ «соціальнымъ вопросомъ», для котораго онъ нашелъ очень простое рѣшеніе: онъ сдѣлалъ рабочихъ участниками въ прибыляхъ, и они—въ большинствѣ члены соціалъ-демократической партіи—очень скоро отошли къ правому умѣренному крылу, а кое-кто сталъ помышлять и о собственной маленькой фабрикѣ.

Таковъ этотъ типическій представитель новой Германіи выросшей изъ кровавыхъ событій «желѣзнаго года», Германіи, когда-то мастерской мысли и мечты, ставшей мастерской броненосцевъ и пушекъ.

Чѣмъ больше превращалась страна изъ объединенной имперіи въ имперіалистское государство, тѣмъ все отчетливѣе раскалывалась она на двѣ противоположныя половины. Одни—элементы пассивные и чувствительные—противъ войны. Они организовали многочисленный «союзъ мира». Къ нему примыкаютъ и рабочіе соціалъ-демократы. Другіе—люди активные и желѣзные—стремятся, напротивъ, къ проявленію «воли къ власти», къ расширенію «имперіи». Во главѣ этой партіи стоятъ два пушечныхъ короля (герой романа и его тесть). Въ противовѣсъ «союзу мира» они создаютъ «союзъ рыцарей силы», или, проще, имперіалистскую партію, на знамени которой значится: увеличеніе арміи, запрещеніе вывоза военныхъ матеріаловъ и т. д., партію, мечтающую водрузить германское знамя на всемъ земномъ шарѣ.

Всѣ они раздѣляютъ мнѣніе героя романа:

«Вспыхнетъ ли война сегодня или завтра, она будетъ войной изъ-за *міроваго господства*».

Отношенія между двумя враждебными половинами, на которыя раскололась имперія, все обостряются. Рейхстагъ отвергаетъ предложеніе правительства объ увеличеніи арміи и флота, правительство отвѣчаетъ роспускомъ рейхстага. Назначены новые выборы, крайне неблагопріятные для военной партіи.

«Рабочіе расхаживали по улицамъ толпами и пѣли, что скоро не будетъ ни рабовъ, ни солдатъ, ибо власть перейдетъ въ руки народа. Друзья мира и соціалъ-демократія громко заявляли,

что мощь бога войны сломлена, что скоро наступитъ золотой вѣкъ, когда между всѣми націями воцарится вѣчный миръ!»

Объявляется всеобщая забастовка. А тѣмъ временемъ политическій горизонтъ заволакивается все болѣе чернѣющими тучами. Однажды утромъ владѣлецъ пушечнаго завода протягиваетъ женѣ газету съ просіявшимъ лицомъ.

Объявлена война!

Большинство рабочихъ примиряется временно съ правительствомъ. Старые счеты отложены до окончанія войны. Вѣдь золотой вѣкъ всеобщаго мира пока только мечта и осуществится она лишь въ далекомъ будущемъ.

«Золотой вѣкъ!—пренебрежительно возражаетъ своимъ рабочимъ пушечный король. Гдѣ ищите вы его? Я вижу его каждодневно. Онъ внутри каждаго, стремящагося проявить свою волю, сколько бы ни было кругомъ преградъ. Воля—вотъ властитель міра, воля, неуклонно идущая къ своей цѣли: для нея на небѣ войны блестятъ такія же звѣзды, какъ и на небѣ мира».

Продолженіемъ «Имперіи» служитъ романъ «Побѣдители».

Если первая часть трилогіи исходила изъ историческихъ фактовъ, то вторая переноситъ насъ въ область скорѣе фантазіи. Если первая часть воспроизводила событія, уже успѣвшія стать минувшимъ, то вторая пытается заглянуть въ будущее.

Нѣкоторыя подробности романа тѣмъ не менѣе не лишены интереса.

Снова, какъ сорокъ лѣтъ назадъ, Германія вступила въ войну съ Франціей (или, какъ выражается авторъ, съ одной изъ державъ «красно-сине-зеленаго соглашенія», и именно съ «красной»).

Какъ видно авторъ не сумѣлъ или, быть можетъ, не хотѣлъ предугадать развернувшихся на нашихъ глазахъ событій.

Война складывается благопріятно для нѣмцевъ, при чемъ нѣкоторую роль въ этихъ успѣхахъ сыграли новыя пушки, изобрѣтенныя Гегенау. Ради болѣе быстраго веденія кампаніи императоръ намѣревается нарушить нейтралитетъ одной державы (Бельгіи), и только энергическое вмѣшательство героя романа, промѣнявшаго чинъ офицера генеральнаго штаба на портфель дипломата, предотвращаетъ этотъ неосмотрительный шагъ. Когда нѣмецкія войска подходятъ къ столицѣ, непріятель предлагаетъ миръ, но воинственный императоръ лелѣетъ гордую мечту унизить противника до конца.

И вотъ войска «имперіи» снова въ Парижѣ, этомъ «сердцѣ міра».

Торжество «побѣдителей» длится недолго. Населеніе столицы объявляетъ имъ войну. Каждую улицу, каждый домъ при-

ходится брать съ боя. Побѣдители истощены, какъ и побѣжденные. Трудность получить продовольствіе для арміи, разбросанность отдѣльныхъ ея частей, партизанскія выступленія во всей покоренной странѣ, наконецъ, осложненія на далекой родинѣ— все заставляетъ «побѣдителей» подумать объ отступленіи...

Начинаются запутанные дипломатическіе переговоры о мирѣ.

А въ столицѣ имперіи растетъ недовольство воинствующей политикой императора. Волнуются рабочіе, волнуется бюргерство. Старая рознь забыта передъ лицомъ общаго недруга. Ко дворцу тянется безконечная процессія: то вдовы и сироты, оставшіяся безъ кормильца. Императоръ вынужденъ выйти на балконъ и въ лицѣ несчастныхъ поклониться праху убитыхъ на войнѣ. Волненія принимаютъ все болѣе угрожающій характеръ. Толпа нападаетъ на автомобиль кронпринца, весьма непопулярнаго, и тотъ ночью, переодѣвшись, бѣжитъ изъ города. Какой-то рабочій взбирается на вершину статуи Побѣды и прикрѣпляетъ къ ней красное знамя. На улицахъ, залитыхъ свѣтомъ весенняго солнца, все громче раздаются крики: Да здравствуетъ миръ! Да здравствуетъ республика!

Имперія «побѣдителей» наканунѣ катастрофы.

Изъ этого кризиса ее выводитъ герой романа.

Владѣлецъ пушечнаго завода, потомъ офицеръ генеральнаго штаба и дипломатъ, назначенъ канцлеромъ, и онъ не только даритъ странѣ миръ, но и улаживаетъ конфликтъ между короной и націей. Повинуясь его настойчивости, императоръ не только упраздняетъ терминъ «подданные», но и передаетъ рѣшеніе вопроса о войнѣ на будущее время въ руки народныхъ представителей.

Такъ превратилась, подъ вліяніемъ не совсѣмъ удачной войны, имперія «побѣдителей» почти въ республику.

На этомъ обрывается исторія германской имперіи, изложенная въ художественныхъ образахъ новѣйшей нѣмецкой беллетристикой.

Изъ заключительныхъ словъ романа «Побѣдители» видно, что авторъ намѣревается дать его продолженіе, которое пока еще не появилось въ свѣтъ. Да и было бы это преждевременно.

Эта третья часть трилогіи о германскомъ imperium'ѣ, выросшемъ изъ провозглашенной въ эпоху франко-прусской войны имперіи, дописывается нынѣ не перомъ, а мечомъ на поляхъ битвъ, орошенныхъ потоками крови!

В. Фриче.

Ягеллонская идея.

«Дай Богъ, чтобы славянствомъ, подъ главенствомъ Россіи, былъ данъ тевтонамъ такой же отпоръ, какъ пять столѣтій тому назадъ Польшей и Литвой былъ имъ данъ при Грюнвальдѣ».

(Изъ рѣчи депутата Яронскаго въ засѣданіи Государственной Думы 26 іюля 1914 г.).

Вновь на устахъ Грюнвальденская битва. Вновь мысли наши возвращаются за 500 лѣтъ вспять, къ тому моменту, когда на восточно-прусскомъ театрѣ теперешней войны, на поляхъ Грюнвальда и Таненберга, соединенныя польско-литовско-русскія рати поразили предковъ теперешнихъ нашихъ враговъ, тевтонскихъ крестоносцевъ, и пріостановили на четыре столѣтія дальнѣйшій напоръ германцевъ на исконныя славянскія земли.

Солнце, занявшееся 16 іюля 1410 г. надъ кровавымъ Грюнвальдскимъ полемъ, возвѣстило новую эру въ исторіи восточной Европы. Наканунѣ былъ рѣшенъ на цѣлыя столѣтія вопросъ, быть или не быть германской гегемоніи на востокѣ, быть или не быть польско-литовской уніи. Съ нея, съ этой уніи, этой братской связи, которую въ 1386 г. заключили поляки и литовцы, датируется усиленіе антагонизма между Польшей и тевтонскимъ орденомъ, приведшее въ конечномъ результатѣ къ Грюнвальду. Недаромъ гроссмейстеръ ордена Конрадъ фонъ Ротенштейнъ отказался принять приглашеніе Ягайла—быть его крестнымъ отцомъ и присутствовать на бракосочетаніи его съ Ядвигой. Ротенштейнъ сознавалъ, что бракъ этотъ, превращавшій небольшое владѣніе Пястовичей въ могущественное польско-литовско-русское государство и возлагавшій на польскій народъ высокую миссію распространенія христіанства и латинской цивилизаціи среди духовно отсталой меньшей братьи, наноситъ смертельный ударъ ордену, уничтожаетъ самую основу его бытія.

Приглашенные въ 1225 г. мазовецкимъ княземъ Конрадомъ для защиты его владѣній отъ сосѣднихъ язычниковъ, тевтонскіе

крестовые братья быстро забыли о первоначальныхъ заданіяхъ своего ордена. Религіозно-рыцарское содружество, смиренные и нищенствующіе члены котораго давали въ XII в. обѣтъ полагать животъ свой за вѣру Христову, за землю Святую и за гробъ Господень, превращается въ XIII в. въ могущественное полусвѣтское государство, являющееся авангардомъ германизма на славянскихъ земляхъ и несущее порабощеннымъ имъ племенамъ вмѣсто христіанской проповѣди огонь, мечъ и безправіе.

Борьба съ языческой Литвой является главнымъ основаніемъ существованія ордена на польскомъ побережьи Балтійскаго моря. Борьба эта окружаетъ крестовыхъ братьевъ ореоломъ апостольскаго служенія, даетъ имъ возможность играть въ глазахъ Европы роль христіанскихъ миссіонеровъ и просвѣтителей полудикой Литвы и заодно открываетъ передъ ними богатыя казнохранилища апостольской столицы и католическихъ европейскихъ дворовъ, охотно оказывающихъ помощь и поддержку монашествующимъ рыцарямъ. Поэтому крестоносцы неустанно воюютъ съ Литвой, но воюютъ такъ, чтобы никогда не завоевать ее окончательно.

Когда вслѣдъ за заключеніемъ польско-литовской уніи литовская страна озарилась свѣтомъ христіанской вѣры, орденъ утратилъ почву подъ своими ногами, утратилъ всякое основаніе для миссіонерской дѣятельности, для дальнѣйшей помощи со стороны легковѣрныхъ монарховъ. Нося монашескій плащъ на плечахъ и крестъ на груди, нельзя было нападать на только что обращенные въ христіанство края, нельзя было тѣснить и разорять людей, принявшихъ уже ученіе о единомъ Богѣ.

Оставалось вредить дѣлу уніи, ссорить поляковъ съ литовцами и изъ ссоры этой извлекать для себя выгоду. Но задача эта была не изъ легкихъ въ виду неуклоннаго роста польско-литовскаго государства послѣ 1386 г.

Союзъ Польши съ Литвою не замедлилъ дать благіе плоды. Вслѣдъ за христіанизаціей Литвы послѣдовало возсоединеніе съ Польшей обширной Червонной Руси и переходъ подъ польскую власть молдавскихъ господарей Петра и Романа, открывавшій для польской колонизаціи неизмѣримыя безлюдныя степи вплоть до береговъ Чернаго моря и нижняго теченія Дуная. Сплоченная держава Владислава-Ягайла получила теперь достаточную мощь для отпора завоевательныхъ стремленій крестовыхъ братьевъ, удерживавшихъ въ своихъ рукахъ всѣ пути сообщенія Польши съ Европой черезъ Балтійское море и препятствовавшихъ хозяйственной эмансипаціи Польши.

Старый девизъ «divide et impera» былъ и на этотъ разъ примѣненъ крестоносцами. Они склонили на свою сторону гордаго

и самолюбиваго Витовта, отстраненнаго Ягайломъ отъ литовскаго великокняжескаго стола и мечтавшаго не только о распространеніи своего владычества на Псковъ, Новгородъ и заднѣпровскія степи—арену борьбы между Тамерланомъ и Тохтамышемъ, но и объ освобожденіи Руси и Москвы отъ монгольскаго ига, о господствѣ надъ всей сѣверо-восточной Европой. Совмѣстно съ Витовтомъ и языческой Жмудью они, апостолы и защитники христіанства, предпринимали крестовые походы противъ католической Литвы. Они подстрекали противъ Ягайла удѣльныхъ литовско-русскихъ князей. Витовта они прельщали заманчивыми обѣщаніями и то поддерживали его въ борьбѣ со Скиргайломъ, то объявляли того же Скиргайла «княземъ подольскимъ и дѣдичемъ Литвы и Руси». Они не оказали достаточной помощи Витовту въ его трудной борьбѣ съ Тамерланомъ и до извѣстной степени содѣйствовали страшному пораженію его при Ворсклѣ.

Имъ удалось поколебать на время польско-литовскій союзъ, но разорвать его они не смогли. Когда рухнули широкіе планы Витовта, когда разсѣялись его надежды на господство надъ востокомъ Европы, онъ, покоренный и униженный, вновь протянулъ руку брату Ягайлу. Испытанную польскую дружбу онъ предпочелъ обманчивымъ посуламъ крестовыхъ братьевъ. Онъ остался вѣренъ Ягайлу и въ тотъ моментъ, когда на поляхъ Грюнвальда рѣшался извѣчный споръ славянъ съ тевтонцами.

Германская волна, заливавшая несчастныя славянскія земли, разбилась въ 1410 г. не объ однѣ только польскія, литовскія и русскія груди. Подъ знамена Ягайла для смертнаго боя съ врагомъ дружно стеклись на ряду съ поляками, литвой и русью чехи и моравы, силезцы и валахи, и многіе другіе славяне, въ равной съ поляками мѣрѣ угрожаемые со стороны германцевъ. Битва окончилась полнымъ пораженіемъ крестоносцевъ. Но не въ размѣрѣ этого пораженія, не въ количествѣ германскихъ знаменъ, поверженныхъ къ стопамъ польскаго короля, состояло и состоитъ значеніе Грюнвальда. Блестящій тріумфъ, одержанный въ 1410 г. надъ арміей гроссмейстера ордена Ульриха фонъ-Юнгингена, воочію доказалъ, что только объединеніе славянъ, живущихъ по сосѣдству съ нѣмцами, можетъ служить залогомъ ихъ успѣха въ борьбѣ съ могущественнымъ западнымъ врагомъ; этотъ тріумфъ, еще тѣснѣе сплотившій польскую корону съ великимъ княжествомъ литовскимъ, далъ толчокъ къ дальнѣйшему развитію славянскаго братства. Династія Ягеллоновъ получила послѣ этой побѣды возможность укрѣпиться на престолахъ чешскомъ и венгерскомъ. Сынъ Ягайла, Владиславъ III Варнсчикъ, руководимый тѣмъ же инстинктомъ,

который нѣкогда толкалъ сербовъ и болгаръ къ вратамъ Царь-града, совершилъ послѣдній крестовый походъ, освободилъ на время южныхъ славянъ отъ турецкаго ига и рыцарски погибъ въ неравномъ бою съ невѣрными. Ягеллонская идея, идея сплоченія славянскихъ народовъ, не заглохла въ Польшѣ и послѣ смерти послѣдняго представителя династіи. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка казалось близкимъ къ осуществленію династическое соединеніе польско-литовскаго государства съ московскимъ; вольнолюбивая шляхта съ симпатіей встрѣчала кандидатуру на польскій престолъ самодержавнаго Іоанна Грознаго; преданные вѣрѣ отцовъ московскіе бояре были сторонниками призванія на московское государство королевича Владислава при условіи принятія имъ православія.

Отголосокъ старой ягеллонской идеи зазвучалъ въ наши дни. «Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой—говоритъ верховный главнокомандующій русской арміей въ своемъ воззваніи къ полякамъ—идетъ вамъ навстрѣчу великая Россія; она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Грюнвальдѣ».—Мы не будемъ ни предугадывать событій, ни задаваться вопросомъ, осуществится ли на этотъ разъ польско-русское сліяніе, ни разбираться въ былыхъ распряхъ «славянъ между собою». Мы хотимъ лишь напомнить, кто сѣялъ эти распри, кто наиболѣе препятствовалъ славянскому сліянію.

Is fecit, cui prodest.

Польскіе ученые и публицисты, представители народа, съ особенною жестокостью и систематичностью денаціонализируемаго нѣмцами, трезвѣе, чѣмъ мы, смотрѣли на германскую опасность. «Drang nach Osten» касался прежде всего поляковъ: разъ «das Vaterland muss grössern sein», то, конечно, прежде всего за счетъ польскихъ земель. За дальностью Волги мы могли лишь улыбнуться по поводу заучиваемой въ прусскихъ школахъ пѣсенки:

Alldeutschland im Vereine!
Heisst unser Losungswort,
Vom Niemen bis zum Rheine
Und weiter tönt es fort,
Und an der Donau schallt es,
Wie heller Siegesklang,
Und bis zur Wolga hallt es,
Wie ferner Schlachtgesang [1].

---

[1]) Вся Германія въ объединеніи! Вотъ нашъ лозунгъ. Онъ звучитъ отъ Нѣмана до Рейна и дальше, на Дунаѣ, раздается онъ мощнымъ побѣднымъ звономъ и отзывается до Волги, какъ отдаленная боевая пѣснь.

Для поляковъ этотъ «der heiler Siegesklang» заключалъ вполнѣ реальную угрозу.

Возвращаясь къ положенію: is fecit, cui prodest, мы позволимъ себѣ привести мнѣніе одного представителя польскаго ученаго міра, извѣстнаго экономиста Генриха Верцинскаго, недавно высказанное имъ по случаю юбилея Грюнвальденской битвы[1]).

«Ягеллонская идея—писалъ г. Верцинскій—ненавистна тѣмъ, кто на борьбѣ славянскихъ племенъ основываетъ свои захваты... Извѣстны въ исторіи прусскія интриги въ эпоху раздѣловъ Польши; извѣстны помѣхи, которыя ставила Пруссія къ переходу всѣхъ земель варшавскаго герцогства подъ власть русскаго императора Александра I; извѣстно предоставленіе матеріальныхъ средствъ императорскому комиссару въ Варшавѣ Новосильцову съ цѣлью нарушенія гармоніи между монархомъ и его подданными во вновь образованномъ Царствѣ Польскомъ; извѣстна, наконецъ, роль нѣмцевъ, толпившихся вокругъ трона Николая I, въ дѣлѣ воспрепятствованія соглашенію правительства съ раздавленнымъ народомъ. Когда же послѣ вступленія на престолъ Александра II и призванія имъ къ участію въ управленіи русской аристократіи, элемента чисто русскаго и политически болѣе развитаго, предвидѣлось улучшеніе отношеній между монархомъ и польскимъ народомъ; когда добрыя намѣренія государя относительно польскаго народа стали обнаруживаться, а благожелательное настроеніе русскаго общества, казалось, предвѣщало сближеніе двухъ наиболѣе многочисленныхъ славянскихъ народовъ,—тогда передъ глазами Бисмарка, живого свидѣтеля этого поворота, предсталъ призракъ Грюнвальда. Великій политикъ понялъ, что если постоянная борьба польскаго народа съ русскимъ правительствомъ можетъ принести Пруссіи одну только выгоду, если надежда обратнаго полученія «Южной Пруссіи», вошедшей въ составъ теперешняго Царства Польскаго, еще не потеряна, то польско-русское братство такъ же, какъ и унія Литвы съ Польшей, не только уничтожаетъ эти надежды, но и угрожаетъ Пруссіи утратой земель, ранѣе оторванныхъ отъ королевско-польской короны.

Воспитанный въ традиціяхъ крестоносцевъ; имѣвшій ихъ въ крови, проницательный, необыкновенный дипломатъ направилъ весь свой геній къ образованію пропасти между русской короной и польскимъ обществомъ... Политика Бисмарка достигла своей цѣли. Для русскихъ умовъ недостаточно убѣдительны были ни усилія Бисмарка въ 1863 г., направленныя къ тому, чтобы польскія повстанческія власти потребовали оккупаціи нашего края

[1]) Ziemia Lubelska, 1910 г., № 207.

прусскими войсками, ни агитація, предпринятая берлинскимъ правительствомъ съ цѣлью возбужденія польскаго возстанія въ тылу арміи во время послѣдней войны съ Турціей въ 1877 г., агитація, выставившая девизъ: «еще поляки будутъ воздвигать Бисмарку памятники», ни услуги «честнаго маклера» на берлинскомъ конгрессѣ. Эти умы не хотятъ видѣть, что ограниченія въ правѣ пріобрѣтенія поляками земельныхъ участковъ въ западныхъ губерніяхъ содѣйствовали только нѣмецкой колонизаціи въ этомъ краѣ [1])...

Все это недостаточно для убѣжденія въ томъ, что усилія эти направлены къ одной цѣли: помѣшать польско-русскому соглашенію, не допустить мира между обоими народами, дабы послѣдніе, дѣйствуя заодно, не стали стѣной противъ нѣмецкаго нашествія и не угрожали нѣмцамъ новымъ Грюнвальдомъ. Ягеллонская идея является для нѣмецкихъ политиковъ краснымъ холстомъ на аренѣ племенной борьбы. О ней надо... напоминать всѣмъ славянскимъ народамъ, стремящимся къ взаимному сближенію для болѣе успѣшной защиты отъ все болѣе грознаго, все возрастающаго нѣмецкаго вліянія и засилія въ славянскихъ земляхъ».

И. Рябининъ.

---

[1]) Согласно распоряженію варшавскаго генералъ-губернатора Черткова отъ 10 окт. 1894 г. крестьянамъ-католикамъ въ восточныхъ уѣздахъ Люблинской, Сѣдлецкой, Ломжинской и Сувалкской губерній запрещено пользованіе ссудами крестьянскаго банка при покупкѣ ими земли.

Во имя національной культуры.

Война и культура! Можно ли совмѣстить эти понятія? Тамъ, гдѣ грохочутъ пушки, гдѣ рвутся шрапнели и гранаты, гдѣ льется человѣческая кровь, гдѣ жизнь виситъ на волоскѣ,— тамъ слишкомъ много случайностей, порождающихъ вандализмъ вольный и невольный. Можно ли требовать, чтобы въ кровавомъ угарѣ штыковыхъ атакъ люди помнили о высшихъ культурныхъ цѣнностяхъ, о памятникахъ высшаго творчества человѣческаго духа и генія?

Тамъ, гдѣ происходитъ отрицаніе культуры, трудно говорить о высшихъ началахъ цивилизаціи. Гибнутъ памятники старины, исчезаютъ реликвіи прошлаго, а историку остается въ удѣлъ тяжелая грусть о безвозвратно погибшемъ. Приходится умолкать передъ тѣмъ, что люди готовы называть жизненной правдой «инстинкта». Но мысль и чувство, вопреки какъ бы желѣзному закону необходимости, не могутъ съ этимъ примириться. Рождается протестъ противъ этого почти историческаго вандализма, особенно, когда онъ проявляется съ грубостью, которая, казалось бы, должна была исчезнуть по крайней мѣрѣ въ нашъ вѣкъ. Когда вандализмъ проявляется націей, обладающей высшей культурностью, начинаетъ шататься оцѣнка самаго понятія культурности. Совершенно понятно, почему производятъ такое сильное впечатлѣніе сообщенія о «тевтонскомъ вандализмѣ», которыми заполнены столбцы газетъ. Онъ слишкомъ неожиданъ, потому что казался невозможнымъ: не могли же поглотить въ самомъ дѣлѣ всѣ культурныя цѣнности націи германскій милитаризмъ и прусское юнкерство. И, быть можетъ, эта раскрывшаяся неожиданность и заставляетъ подчасъ терять трезвый взглядъ на явленія, расширять и обобщать его. Едва ли неповинна въ этомъ вся современная публицистика—вся повседневная пресса. Историческій журналъ и можетъ и долженъ отнестись съ большимъ спокойствіемъ къ волнующимъ насъ вопросамъ. Перелистать страницы прошлаго бываетъ особенно полезно въ такіе моменты всеобщей растерянности, чреватой однако своими

послѣдствіями. Здѣсь, въ лѣтописи исторіи, мы можемъ найти нѣкоторыя объясненія и, пожалуй, указанія, отчасти предостерегающія насъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній, къ которымъ теперь склонны, къ сожалѣнію, даже органы печати, всегда до нѣкоторой степени руководившіе шатающимся общественнымъ мнѣніемъ.

Надо всѣми силами протестовать противъ всякаго вандализма, нельзя до глубины души не возмущаться жестокостью, съ чьей бы стороны она ни проявлялась, но нельзя терять самообладанія и забывать элементарныя правила справедливости. Во имя общечеловѣческой правды, во имя цѣнностей міровой культуры надо, по возможности, заковать себя въ броню безпристрастія. Нѣтъ ничего опаснѣе, когда высокое и благородное чувство патріотизма начинаетъ подмѣниваться растопчинскими буфонадами. Не ими сильно государство и народъ. Спокойное и мужественное воодушевленіе, диктуемое сознаніемъ долга и правды, не можетъ быть замѣнено патетическими возгласами, что «тевтонская техника сломится о силу русскаго штыка». Въ періодъ дѣйствія фразы не нужны. Растопчинскій жаргонъ, заклейменный исторіей и великимъ провидцемъ, бывшимъ столько лѣтъ совѣстью русскаго общества, Л. Н. Толстымъ, способенъ лишь возбуждать дурные инстинкты, заложенные, очевидно, въ человѣческой натурѣ и порождающіе «тевтонскія звѣрства».

Когда теперь говорятъ о жестокостяхъ, творимыхъ нѣмецкими войсками, хотятъ обвинять и клеймить чуть ли не весь народъ, всю націю, всю культуру, давшую такъ много міру и человѣчеству. Грубыя проявленія милитаризма и его осадки начинаютъ закутывать толстой пеленой все то достойное подражанія и хорошее въ нѣмецкой культурѣ, что мы привыкли годами уважать, любить и цѣнить. Во имя національной культуры, во имя защиты отъ пангерманизма уже почти готовы отказываться отъ плодовъ общечеловѣческой культуры. Не ошибка ли это? Когда мы читаемъ тирады: «подъ высококультурнымъ обличіемъ германизма чувствуется старый варваръ-германецъ, не желающій знать подлинныхъ культурныхъ традицій и преданій, насильникъ, знающій лишь свой произволъ» [1]), невольно напрашивается вопросъ: не ослѣпленіе ли все это, ослѣпленіе, диктуемое въ значительной степени порывами возмущенія при извѣстіяхъ объ эксцессахъ?.. А можно ли сомнѣваться, что здѣсь, въ дѣйствительности, приходится говорить главнымъ

[1]) Г. Бердяевъ въ «Утрѣ Россіи».

образомъ объ эксцессахъ, не присущихъ нѣмецкой культурѣ. Можно ли сомнѣваться, что доходящія до насъ свѣдѣнія и преувеличены, и не всегда точны, что исторія впослѣдствіи раскроетъ передъ нами картины, при которыхъ потускнѣетъ нѣсколько общій тонъ, окрашивающій современныя извѣстія. Едва ли въ этомъ возможно сомнѣваться тому, кто хоть немного знакомъ съ исторіею войнъ. И теперь есть уже факты, комментирующіе для объективнаго обозрѣванія событія уже въ историческомъ освѣщеніи.

Можно ли однако перенести на народъ, на интеллигенцію отвѣтственность за эксцессы, какъ бы они ни были велики? Одно только очевидно, одно бьетъ въ глаза,—и это уже даетъ отвѣтъ. Разсказы очевидцевъ, факты, сообщаемые газетами и агентствами, убѣждаютъ, что «тевтонскія жестокости» инспирируются тѣми, кто началъ эту кровавую войну. Когда принесены въ жертву Молоху милитаризма и личнаго мелкаго честолюбія всѣ жизненные народные интересы, когда все поставлено на карту,—тогда приходится лишь на почвѣ озлобленія искать необходимую опору. Приходится создавать цѣлую систему натравливанія, опирающуюся, какъ всегда, на распространеніе самыхъ лживыхъ и невѣроятныхъ слуховъ. Вѣдь это такая знакомая въ исторіи картина. И дѣлать отвѣтственными за эксцессы народъ, націю, культуру—глубоко несправедливо. Наши свѣдѣнія о внутренней жизни Германіи въ данный моментъ слишкомъ скудны, чтобы быть безапелляціонными въ своихъ сужденіяхъ. А это, какъ ни странно, готовы почти всѣ забыть: и самыя распространенныя въ Россіи газеты пишутъ уже о 60 милл. «звѣрей». Мы легко бросаемъ тяжелыя обвиненія всей нѣмецкой интеллигенціи, съ которой еще недавно шли рука объ руку, обвиняемъ «нѣмецкихъ гелертеровъ», которые научили нась любить, цѣнить и понимать великія творенія искусства, а теперь молчатъ передъ ихъ варварскимъ разрушеніемъ; обвиняемъ врачей, забывшихъ свой священный долгъ и присягу и допускающихъ издѣвательства надъ больными, ввѣренными ихъ попеченію. Между тѣмъ есть ли достаточное количество данныхъ для объективнаго сужденія? Развѣ есть сейчасъ въ Германіи та необходимая для выясненія правды, для протеста общественной совѣсти свободная пресса, которая не должна была бы стушеваться передъ силою кулака или штыка, не всегда дѣлающихъ различіе между врагомъ внѣшнимъ и внутреннимъ [1]).

[1]) Мы въ сущности не имѣемъ даже подлиннаго заявленія нѣмецкихъ ученыхъ и писателей, санкціонировавшихъ какъ бы своимъ авторитетомъ позорныя дѣянія германскаго милитаризма. Слово осужденія еще впереди и оно будетъ сказано и тогда уже не сотрется навѣки. Однако появляю-

Обвиняйте прусскій милитаризмъ, годами воспитывавшій въ казарменной атмосферѣ грубой солдатчины подавленіе человѣческой личности. Обвиняйте во имя высшихъ культурныхъ требованій всѣхъ тѣхъ, кто является злостнымъ инспираторомъ, но бойтесь обвиненія всей націи, всего народа, всей культуры. Не забывайте той трагедіи, которую должна переживать въ наши дни Германія, какъ одна изъ ячеекъ цѣлаго культурнаго міра, когда безумная война, порожденная кликой прусскаго юнкерства и начатая берлинской камарильей, должна превратиться неизбѣжно въ защиту своего національнаго облика, своей національной культуры. Нѣтъ, быть можетъ, бóльшей душевной драмы для народовъ... Во имя признанія своей національной культуры не пренебрегайте цѣнностью національной культуры другихъ.

Трудно говорить о расовыхъ отличіяхъ, о національныхъ чертахъ, присущихъ тому или другому народу, не нарушая элементарной научности. Допустимъ однако, что нѣмецъ дѣйствительно по природѣ болѣе жестокъ, чѣмъ любые представители другихъ націй. Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, современники во всѣхъ войнахъ. Сто лѣтъ назадъ Москва была свидѣтельницей разноплеменнаго нашествія, и почти всѣ современники въ данномъ случаѣ выдѣляютъ нѣмецкіе отряды наполеоновской арміи: на ихъ сторону приходится наибольшая доза жестокостей и эксцессовъ. О нихъ же мы слышимъ черезъ шестьдесятъ лѣтъ во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Мы найдемъ длинную цѣпь описанія ихъ въ спеціальной книгѣ Lerminat «La France-Martyre». Возьмемъ любыя воспоминанія той эпохи и въ каждомъ изъ нихъ мы найдемъ немало страницъ, посвященныхъ описаніямъ жестокостей, не тѣхъ, которыя творятся пьяными солдатами, а спокойныхъ, по распоряженію начальства, и часто ничѣмъ не вызванныхъ, т.-е. другими словами, найдемъ немало матеріала для изображенія нѣмецкихъ эксцессовъ 40 лѣтъ тому назадъ. Мы найдемъ эти свидѣтельства не только со стороны французскихъ бытописателей, которыхъ можно заподозрить въ извѣстной тенденціозности изображенія, но и въ устахъ участниковъ нѣмецкой арміи. Такъ докторъ Waltz разскажетъ объ убійствѣ французскихъ врачей во время исполненія ими своего профессіональнаго долга. Докторъ Ламархъ будетъ говорить о жестокостяхъ надъ населеніемъ, о разграбленіи, о насиліи и т. д. Но тотъ, кто вздумаетъ обобщать

щіяся въ нашихъ газетахъ выдержки изъ соціалдемократическаго «Vorwärts» ясно показываютъ, что мы не имѣемъ еще права на обобщенія, на обвиненія всей націи.

всѣ подобные многочисленные факты, сдѣлаетъ большую и моральную, и историческую ошибку. Напомнимъ здѣсь слова одного современника, который не былъ ни французомъ, ни нѣмцемъ, слова итальянца, участвовавшаго добровольцемъ въ отрядѣ гарибальдійцевъ, явившихся въ 1870 г. на защиту французской республики во имя одухотворенной идеи. Разсказывая о жестокости нѣмецкихъ войскъ, онъ замѣчаетъ: «напрасно было бы обвинять въ ней прусское военное начальство и вообще прусскую систему войны, какъ обвиняли по этому поводу французскіе журналы и «Daily News». Это былъ случай частичнаго звѣрства нѣсколькихъ солдатъ. Такихъ случаевъ бывало не мало» (*«Отеч. Зап.»* 1871, кн. 12 «Красная рубашка во Франціи»).

Слова этого очевидца-итальянца для историка должны быть особенно цѣнны. Онъ принималъ непосредственное участіе на той базѣ войны, гдѣ жестокости должны были проявиться въ наибольшей степени. Вогезская армія Гарибальди, составленная на половину изъ добровольцевъ, вела ту народную войну, въ которой регулярныя войска сливаются съ добровольцами, когда мирное населеніе прямо или косвенно является непосредственнымъ участникомъ боевыхъ дѣйствій, когда врагъ начинаетъ не отдѣлять населенія отъ защищающей его арміи, когда мирный обыватель становится военноплѣннымъ. Доказательства найти легко въ любомъ изъ воспоминаній участниковъ вогезской арміи. И хотя участники намъ будутъ разсказывать о томъ, что населеніе иногда принимало всѣ мѣры къ удаленію изъ своихъ селеній, деревень и городовъ такъ называемыхъ «вольныхъ стрѣлковъ», чтобы потомъ избѣжать актовъ мести со стороны непріятеля, тѣмъ не менѣе безконечно трудно бываетъ разобраться, гдѣ та или иная жестокость, разграбленіе и разрушеніе домовъ мирнаго населенія явились какъ бы неизбѣжнымъ результатомъ военныхъ дѣйствій, гдѣ они вызваны самозащитой, паникой, сопутствующей неуспѣху, гдѣ они явились результатомъ дѣйствительной или мнимой провокаціи или сознательной жестокости. Тамъ, гдѣ нѣмецкія войска на дверяхъ писали: «Смерть Гарибальди», смерть «атаману разбойниковъ», тамъ, повторяемъ, зарегистрировано наибольшее число жестокостей, звѣрствъ и обидъ. И тѣмъ не менѣе придется говорить только объ эксцессахъ, никогда неоправдываемыхъ, но очень часто объяснимыхъ. И такъ будетъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ. «La France Martyre»,—эта страждущая Франція останется ею. Но вина должна быть въ весьма значительной степени перенесена на самую войну, которая часто по неизбѣжности жестока. Мы найдемъ подтвержденіе этого

у французскаго историка Monod (въ его книгѣ «Allemands et François. Souvenirs de campagne»), также участника памятной кампаніи 1870 г. Онъ будетъ говорить про другую территорію, о Седанѣ, и о жестокостяхъ, приписываемыхъ баварцамъ: «Я видѣлъ пожаръ Базейля; я самымъ тщательнымъ образомъ освѣдомился о томъ, какъ это случилось. Я опрашивалъ французскихъ солдатъ, баварскихъ солдатъ и обывателей, очевидцевъ этой ужасной драмы, и въ итогѣ она представляется мнѣ ничѣмъ инымъ, какъ страшнымъ, но неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны». Не слѣдуетъ ли проникнуться этими трезвыми мыслями и никогда не упускать ихъ изъ вниманія при попыткахъ слишкомъ широкихъ обобщеній. Война даже въ защиту наивысшихъ культурныхъ цѣнностей сама по себѣ есть неизбѣжно жестокость. Всякая война прежде всего озлобляетъ человѣка. Лучшій отвѣтъ на это дала извѣстная миссъ Маріо Вайтъ, участвовавшая въ качествѣ сестры милосердія во всѣхъ гарибальдійскихъ походахъ, начиная съ 1860 года. Она была участницей и похода во Францію въ 1870—71 гг. На вопросъ нѣмецкаго ген. Кетлера, неужели она считаетъ его и его товарищей способными на тѣ жестокости, которыя имъ приписываютъ, Маріо отвѣтила: «Индивидуально я не считаю способными на это ни васъ, ни массу регулярнаго войска; но мое глубокое убѣжденіе, что запахъ крови превращаетъ человѣка въ хищника. Моя нація также рыцарски благородна; однако въ Индіи она превзошла Нерона въ своей жестокости» (см. воспоминанія Mario. I Garibaldini)...

За истекшія 40 лѣтъ человѣческая культура двинулась, казалось бы, гигантскими шагами по пути прогресса. Не должны ли бы теперь исчезнуть даже отдѣльные случаи звѣрства? И однако умственный прогрессъ, усовершенствуя и развивая орудія убійства, создавая условія, при которыхъ прежнія войны и кровопролитныя сраженія кажутся лишь стычками, не могъ содѣйствовать ослабленію жестокости. Въ оцѣнку общихъ задачъ міровой культуры это вноситъ, правда, такую бездну отчаянія и чувства безотрадности, что мысль становится въ тупикъ.

Повиненъ ли, однако, здѣсь только тевтонскій вандализмъ? Вѣдь мы были еще такъ недавно свидѣтелями славянскаго вандализма во время послѣдней балканской войны. Эта война раскрываетъ передъ нами такую поучительную страницу для оцѣнки событій нашихъ дней, что на ней нельзя не остановиться, тѣмъ болѣе, что для нея есть интереснѣйшій матеріалъ въ видѣ объемистаго (500 стр.) отчета международной комиссіи для изученія балканской войны при секціи пропаганды фонда «между-

народнаго мира» имени Карнеджи—«Enquête dans les Balkans» (Paris 1914). Объ этой комиссіи и связанныхъ съ нею перипетій, какъ, напр., отводъ П. Н. Милюкова сербскимъ правительствомъ за «болгарофильство», въ свое время писалось немало. Но самому отчету комиссіи, вышедшему въ нынѣшнемъ году, въ печати, къ сожалѣнію, было удѣлено очень мало вниманія. Между тѣмъ онъ заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія. Передъ нами книга, составители которой обращаются къ правительствамъ, народамъ и печати всего цивилизованнаго міра. И мы должны выслушать ихъ спокойные и трезвые голоса.

Вернемся къ началу балканской войны.

Иностранная печать, а за ней и русская, полны сообщеніями о звѣрствахъ и въ особенности о звѣрствахъ со стороны болгаръ. Начинаются взаимныя обвиненія болгаръ, сербовъ и грековъ, протесты и обращенія къ европейскому общественному мнѣнію. Открываются кошмарныя картины, полныя такого ужаса, что вспоминаются самыя жестокія времена былыхъ турецкихъ насилій. То вы слышите, что болгары заживо сжигали мусульманъ въ Адріанополѣ, то тѣ же болгары въ Македоніи и Ѳракіи жгли дома, убивали жителей и плѣнныхъ, насиловали сотнями женщинъ и отрѣзывали имъ груди, вскрывали животы беременныхъ и вырѣзывали дѣтей, выкалывали глаза и т. д., и т. д. Обвиняли именно регулярныя войска, обвиняли офицеровъ, которые чуть ли не собственноручно продѣлывали всѣ эти звѣрства. Общественное негодованіе росло: болгары недостойны числиться въ ряду цивилизованныхъ націй. Но въ отвѣтъ шли воззванія албанскихъ нотаблей къ Европѣ: сербы—варвары, сербы недостойны числиться въ ряду культурныхъ націй; они заживо сжигаютъ всѣхъ дѣтей и т. д. Слухи о сербскихъ звѣрствахъ ложь,—возражалъ Пашичъ. Греки самый подлый и жестокій народъ,—заявляютъ въ Софіи: они рѣзали маленькихъ дѣтей, закалывали штыками изнасилованныхъ солдатами женщинъ. Болгары варвары,—заявляетъ Венизелосъ,—они рѣжутъ стариковъ, насилуютъ женщинъ, убиваютъ маленькихъ дѣтей...

Газеты печатали всѣ эти непровѣренныя свѣдѣнія, общественное мнѣніе возбуждалось противъ варварства, оскорблявшаго нравственное чувство нашего XX вѣка. И именно со стороны болгаръ, обвиненія противъ которыхъ были особенно тяжки, послѣдовало предложеніе произвести разслѣдованіе на мѣстахъ черезъ особую международную комиссію. Мы имѣемъ теперь отвѣтъ. Комиссія съ убѣдительностью показываетъ, что нѣтъ статьи международнаго права о войнѣ, которая бы не была нарушена *всѣми* воюющими сторонами. Нѣтъ параграфа въ ре-

золюціяхъ гаагской конвенціи 1907 г., который не былъ бы нарушенъ каждою изъ сторонъ. Здѣсь повинны и болгары, и сербы, и греки. Но съ такой же очевидностью разслѣдованіе комиссіи свидѣтельствуетъ и о томъ, какъ опасно муссировать непровѣренные слухи, съ какой осторожностью приходится относиться къ тѣмъ сомнительнымъ разсказамъ, которые такъ охотно печатаютъ газетные отчеты, самые, казалось бы, авторитетные и освѣдомленные органы. Комиссія приводитъ факты, довольно ярко изображающіе преувеличенность подчасъ сообщаемыхъ свѣдѣній. Очевидцы разсказываютъ о звѣрскихъ убійствахъ отдѣльныхъ лицъ, газеты помѣщаютъ ихъ портреты и детальнѣйшія описанія происшествія. А комиссія черезъ нѣсколько мѣсяцевъ встрѣчаетъ этихъ лицъ здравыми и невредимыми. Правда, комиссія подтвердила немало фактовъ самыхъ ужасныхъ жестокостей, жестокостей подчасъ утонченныхъ и потрясающихъ для культурныхъ націй. Мы не будемъ останавливаться на этихъ зловѣщихъ эпизодахъ: слишкомъ много и теперь крови и ужаса, чтобы бередить старыя раны и воспроизводить то, что, къ счастію, отошло уже въ прошлое. Для насъ въ данный моментъ имѣютъ значеніе лишь выводы. Комиссія съ преимущественнымъ вниманіемъ остановилась на болгарскихъ звѣрствахъ. Это естественно, такъ какъ иниціатива исходила отъ болгарскаго правительства, съ одной стороны, а съ другой—именно противъ болгаръ выдвигались наиболѣе тяжкія обвиненія: въ методичности жестокостей, т.-е. въ извѣстныхъ пріемахъ веденія войны. Констатируя наличность этихъ жестокостей, комиссія, не оправдывая ихъ, пытается иногда дать имъ объясненія. Помимо преувеличенія, помимо разсказовъ, являющихся плодомъ запуганнаго воображенія или умышленнаго сочинительства, комиссіи иногда тяжесть обвиненія приходится перенести на другихъ и часто на обвинителей.

Комиссія показываетъ, что болгарскія звѣрства вызывались иногда провокаціей грековъ, что жестокость являлась отвѣтомъ на жестокость, что жестокость однихъ порождала жестокость другихъ. Царитъ Моисеевъ законъ: око за око. Вотъ цитата изъ письма греческаго солдата: «болгары сжигаютъ греческія деревни, а мы ихъ. Они убиваютъ, мы убиваемъ». Мы дѣлали «хуже болгаръ»—пишетъ другой. Но ужаснѣе всего, что иногда это дѣлается по приказу. Комиссія цитируетъ цѣлый рядъ писемъ греческихъ солдатъ, которые опредѣленно свидѣтельствуютъ: «У насъ приказъ: сжигать деревни и убивать всѣхъ молодыхъ»; «По приказу короля мы сжигаемъ всѣ болгарскія села, потому что болгары сожгли прекрасный городъ Serrés, Nigrita... Мы

проявили болѣе жестокости, чѣмъ болгары. Мы насиловали всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ встрѣчали». Или мы узнаемъ, что въ Nigrit'ѣ изъ 1200 плѣнныхъ въ живыхъ осталось 41. И тотъ же греческій солдатъ, дѣйствующій «по приказу», съ ужасомъ спрашиваетъ, когда же прекратится эта чудовищная война, направленная къ уничтоженію всѣхъ признаковъ болгарской расы.

Итакъ, въ этихъ жестокостяхъ замѣшаны регулярныя войска. И все же наибольшій процентъ падаетъ на эксцессы, въ моментъ безвластія или бездѣйствія властей, со стороны инсургентскихъ бандъ. Комиссія покажетъ, что часто массовыя убійства плѣнныхъ и тому подобные факты происходятъ во время паники, а не являются вовсе опредѣленной системой веденія войны.

Какъ ни много было произведено жестокостей въ періодъ послѣднихъ балканскихъ войнъ, все же, очевидно, не имѣли мѣста тѣ, по истинѣ чудовищныя, звѣрства, о которыхъ въ такомъ изобиліи въ свое время сообщали газеты, или это были, по крайней мѣрѣ, единичные случаи.

Разслѣдованіями комиссіи остались недовольны въ Греціи. И это понятно, такъ какъ комиссія перенесла часть обвиненій за жестокость на грековъ и по отношенію къ нимъ устанавливала извѣстную методичность. Какъ бы въ отвѣтъ на разслѣдованіе комиссіи, въ Аѳинахъ въ іюнѣ нынѣшняго года вышла книга «Les Cruautés bulgares en Macédoine orientale et en Thrace 1912—1913. Faits, rapports, documents, témoignages officiels». Эта анонимная книга, повидимому, носитъ офиціозный характеръ. И опять передъ нами проходятъ страницы за страницами описанія болгарскихъ звѣрствъ. Насколько провѣрены всѣ эти свѣдѣнія, не являются ли они въ значительной степени повтореніемъ стараго? Для того, чтобы отвѣтить на это, надо продѣлать самому всю анкетную работу. Несомнѣнно одно, что свѣдѣнія эти односторонни. Греческая анкета упрекаетъ въ тенденціозности международную комиссію за ея «болгарофильство». Можетъ быть, нѣкоторая доля правды и заключается въ этихъ упрекахъ. Но она сказывается отнюдь не въ замалчиваніи фактовъ, не въ одностороннемъ подборѣ, а пожалуй, въ томъ, что комиссія въ своемъ отчетѣ, не оправдывая болгаръ, пытается найти объясненія, почему могли имѣть мѣста установленныя жестокости. Но, можетъ быть, это и естественно при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ работала комиссія. И въ Сербіи и особенно въ Греціи дѣятельность комиссіи, какъ извѣстно, встрѣтила большія затрудненія. Несомнѣнно, что факты, установленные комиссіей, не всегда могутъ считаться безусловно справедливыми. Полная

картина могла бы раскрыться лишь при томъ условіи, чтобы вслѣдъ за арміей слѣдовали кадры независимыхъ слѣдователей и судей, которые могли бы на мѣстахъ тутъ же производить разслѣдованія. А это, конечно, невозможно. Но дѣло вовсе не въ отдѣльныхъ деталяхъ. А поучительные выводы комиссіи, какъ мы видѣли, полны объективности. Въ нихъ нѣтъ ни «фильства», ни «фобства». Становясь на общечеловѣческую точку зрѣнія, она боится набросить на ту или другую націю несмываемое пятно позора. Призывая человѣчество къ гуманности, осуждая эксцессы, которыми богаты войны, она въ сущности дѣлаетъ тотъ же выводъ, что и Маріо Вайтъ. Она объясняетъ наблюдавшіяся жестокости отчасти какъ бы историческими традиціями. Эти націи выросли подъ турецкимъ игомъ въ мечтахъ о свободѣ. Народныя пѣсни, традиціи говорятъ о войнѣ, которая сопровождается местью, убійствомъ, разореніемъ.

Такова атмосфера, которая порождаетъ эксцессъ. И неужели на основаніи этого можно предъявить обвиненія къ націямъ, народамъ и ихъ культурѣ? Кто виноватъ, въ концѣ-концовъ, въ тѣхъ явленіяхъ, которыя такъ грубо нарушаютъ наши нравственныя представленія и чувства? Приведемъ заключительныя слова въ предисловіи къ отчету международной комиссіи, принадлежащія извѣстному поборнику мира д'Эстурнелю-де-Констану, который руководилъ работами комиссіи: «Истинные виновники въ этомъ длинномъ рядѣ экзекуцій, убійствъ, разореній и пожаровъ, рѣзни и жестокостей, которые излагаются въ нашемъ докладѣ, вовсе не балканскіе народы—это мы будемъ повторять непрестанно; великое состраданіе далеко превосходитъ въ данномъ случаѣ негодованіе, и мы не будемъ осуждать тѣхъ, кто сами являются жертвами. Европейскія правительства тоже не являются истинными виновниками... Истинные виновники тѣ, кто обманываютъ общественное мнѣніе, пользуясь его неосвѣдомленностью для того, чтобы по всякому поводу начинать тревогу, бить въ набатъ, возбуждать въ своей странѣ ненависть къ другимъ странамъ, потомъ во всѣхъ странахъ ненависть другъ къ другу; истинные виновники тѣ, кто по темпераменту или изъ расчета объявляютъ ежедневно, что война неизбѣжна и своими заявленіями о невозможности ее предотвратить доводятъ, наконецъ, до того, что она вспыхиваетъ; истинные виновники тѣ, кто общее благо приносятъ въ жертву своимъ личнымъ интересамъ, тѣ, кто ведутъ безплодную для своей страны политику конфликтовъ и возмездій, между тѣмъ какъ только въ единеніи и въ духѣ примиренія могутъ найти спасеніе и единственный выходъ одинаково какъ большія, такъ и малыя страны»...

На кого ляжетъ отвѣтственность за то, что происходитъ теперь передъ нашими глазами,—вопросъ будущаго. Но не ясно ли изъ предыдущаго, что уважающій себя публицистъ обязанъ съ особой осмотрительностью относиться къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя подрываютъ «нравственную и политическую репутацію заинтересованныхъ народностей». Этотъ предостерегающій совѣтъ давалъ ровно годъ назадъ иностранный обозрѣватель «Вѣстника Европы», когда газеты печатали и распространяли по всему культурному міру тенденціозныя или непровѣренныя обвиненія. Неужели можетъ явиться какое-либо сомнѣніе въ невѣроятности сообщеній о томъ, какъ нѣмцы для забавы подняли на штыки 35 дѣтей. А это печатаютъ у насъ самые серьезные органы безъ всякихъ комментарій. Отчетъ международной комиссіи по разслѣдованію балканской войны предостерегаетъ насъ отъ той опасности, которую несетъ за собой подобная публицистика. А между тѣмъ не будетъ бо́льшаго національнаго самоудовлетворенія, какъ твердая увѣренность въ томъ, что Россія оказалась чистой передъ обвиненіями въ «тевтонскомъ варварствѣ» и что русская интеллигенція, всегда столь чуждая узкому шовинизму, не послѣдовало примѣру своихъ культурныхъ сосѣдей. Не призывомъ изгнать изъ Россіи великія творенія нѣмецкаго генія Вагнера, не призывомъ отомстить нѣмцамъ за вандализмъ отнятіемъ у нихъ рафаэлевской «Сикстинской Мадонны» поднимемъ мы знамя своей національной культуры. Этотъ шовинистическій задоръ, недостойный великаго народа, ввергаетъ насъ лишь въ тину самой безотрадной вульгарности. Ее и такъ уже слишкомъ много въ лубкахъ и пошлыхъ открыткахъ, которыми переполненъ рынокъ. Съ этимъ грубымъ и кровавымъ националистическимъ задоромъ, удовлетворяющимъ низменнымъ чувствамъ некультурной толпы, надо всѣми силами бороться, а не потворствовать ему. И когда въ органахъ, причисляющихъ себя къ ряду прогрессивной печати, начинаютъ попадаться термины «мерзавцы», «нѣмецкій стервятникъ»,—становится горько за печать, которая умѣла въ былые годы такъ высоко держать свое знамя, а теперь, въ тѣ тяжелые и смутные дни, которые мы переживаемъ, не находитъ въ себѣ необходимаго чувства достоинства, чтобы не потворствовать вкусамъ толпы и стать выше погромныхъ уличныхъ листковъ. Комиссія «фонда» имени Карнеджи фактами показала, какой огромный вредъ для національной культуры могутъ имѣть всѣ эти призывы, направленные къ ложному общественному возбужденію. Жестокость войны дѣлается отсюда еще болѣе жестокой. И та же Отечественная война 1812 года, въ которой теперь ищутъ вдохновляющаго примѣра, даетъ намъ

грозное предзнаменованіе. Не Растопчинъ со своимъ безсмысленнымъ и дикимъ шовинистическимъ задоромъ спасъ Россію, не онъ и его афиши возбудили патріотизмъ и подвигли народъ на бранное поле. Спасло то чувство, которое не нуждается въ инспирированіи и котораго много и въ наши дни. Буфонады Растопчина и его присныхъ вписали лишь нѣсколько страницъ ненужныхъ жестокостей въ нашу исторію и подали поводъ къ обвиненію русскаго народа въ «тевтонскихъ жестокостяхъ». Но исторія сняла съ народной совѣсти это пятно [1]).

Пусть эти завѣты прошлаго не забываются во имя защиты національной культуры и дадутъ намъ полное право осудить съ моральной стороны пріемы, употребленные въ войнѣ, казалось бы, болѣе культурнымъ государствомъ. Пусть разрушеніе Лувена и Реймскаго собора останутся одинокими памятниками нѣмецкаго вандализма и лягутъ несмываемымъ пятномъ позора въ исторіи германскаго милитаризма и на тѣхъ, кто его покрываетъ.

С. Мельгуновъ.

[1]) На освѣщеніи войны 1812 г. съ этой стороны мнѣ уже приходилось останавливаться подробно въ статьяхъ «На войнѣ», помѣщенной въ сборникѣ «Война и Миръ. Памяти Толстого», и «Ростопчинъ—Московскій главнокомандующій», въ изданіи «Отеч. Война и русское общество».

Поѣздка въ Боснію и Герцеговину въ 1878 г.[1]).

Письмо Аксакова.

Въ 1878 г. въ Московскомъ Славянскомъ Обществѣ возникъ вопросъ о посылкѣ меня въ качествѣ уполномоченнаго въ Боснію и Герцоговину. И я получилъ слѣдующее письмо:

Февраля 18 дня 1878 года.

Милостивый Государь,

Григорій Александровичъ!

Совѣтъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества покорнѣйше проситъ Васъ принять на себя трудъ отправиться въ Черногорію и во-первыхъ привести въ надлежащую ясность: дошли ли до Черногоріи и если дошли, то въ какомъ положеніи и гдѣ находятся, употреблены ли по назначенію, вполнѣ или частью, или же нѣтъ, транспорты съ вещевыми пожертвованіями, состоящими преимущественно изъ предметовъ одежды и обуви.

Всего до сихъ поръ отправлено въ Черногорію, на имя Уполномоченнаго Краснаго Креста П. Л. Васильчикова, 298 мѣстъ или 912 пудовъ. Изъ нихъ 152 тюка отправлены черезъ С.-Петербургъ, т.-е. черезъ посредство Главнаго Управленія Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, и 146 тюковъ черезъ Варшаву, при посредствѣ Начальника главной станціи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги Новака, также подъ краснымъ крестомъ. Съ вещами, отправленными черезъ г. Новака, посланы отъ Совѣта подробныя описи, которыя препровождены г. Новакомъ на имя Васильчикова.

---

[1]) Настоящій очеркъ является одной изъ главъ воспоминаній Г. А. де-Воллана («Очерки прошлаго»), не предполагавшейся для помѣщенія въ «Голосѣ Минувшаго». Въ виду происходящихъ событій онъ пріобрѣтаетъ интересъ современности, почему, прерывая хронологическую послѣдовательность уже напечатанныхъ главъ, возвращаемся къ 1878 г.

Ред.

Всѣ эти вещи предназначены преимущественно для бѣдныхъ герцеговинскихъ семействъ, укрывшихся въ Черногоріи.

Вы, конечно, примите мѣры, чтобы всѣ вещи были розданы по назначенію и послужили бы дѣйствительно цѣли, указанной жертвователями...

Во-вторыхъ Совѣтъ проситъ Васъ также обратить вниманіе на школы и временныя церкви, устроенныя для бѣдныхъ герцеговинцевъ въ Рагузѣ, подъ наблюденіемъ православнаго мѣстнаго протоіерея Новаковича, которому на сей предметъ послано было въ 1877 г. въ два раза 1200 рублей.

О полученіи послѣднихъ 600 рублей Совѣтъ не имѣетъ никакого увѣдомленія.

Вручая Вамъ восемь тысячъ девяносто пять рублей и четыре русскихъ полуимперіала, жертвованныхъ разными лицами на Черногорцевъ, Босняковъ и Герцеговинцевъ, Совѣтъ уполномочиваетъ Васъ обмѣнявъ оныя въ Варшавѣ или въ Вѣнѣ на золото по курсу, употребить ихъ согласно назначенію, по ближайшему Вашему усмотрѣнію, или для предотвращенія вопіющей нужды, если таковые случаи Вамъ встрѣтятся, или же для пособія церквамъ и школамъ кромѣ нижеслѣдующихъ суммъ:

1) 500 руб., размѣнявъ ихъ на австрійскіе гульдены, передать «Одбору за припомочь Босански Бѣгуница» въ Врликѣ въ Далмаціи, отъ котораго Славянское Общество получило просьбу о пособіи отъ 18 января сего года, за подписью православнаго священника Сильвестра Боговаца, доктора Казимира Манджера и проч. Подлинное письмо при семъ прилагается.

2) 400 руб., размѣнявъ ихъ на гульдены, передать отъ имени Ливенскаго (Орловской губ. г. Ливны) купца Ник. Ив. Аксенова Его Свѣтлости князю Николаю и непремѣнно взять офиціальную квитанцію изъ Канцеляріи или Казначейства, для доставленія оной жертвователю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ потрудитесь справиться, дошли ли къ митрополиту Иларіону отправленные къ нему по почтѣ, черезъ наше Общество, тридцать рублей старыми серебряными монетами въ кожаномъ мѣшочкѣ и съ письмомъ отъ крестьянъ Осинскаго уѣзда, Пермской губ., Василія и Ѳеклы, равно получена ли въ Черногоріи пожертвованная московскимъ купцомъ Глинскимъ церковь со всѣми принадлежностями, давно отправленная (не черезъ насъ, а черезъ Александровскій Комитетъ Общества Краснаго Креста въ Москвѣ), но о которой Глинскій не имѣетъ никакого увѣдомленія.

Во всемъ, что касается раздачи денегъ и вещей и вообще организаціи благотворительной помощи, необходимо войти Вамъ въ

соглашеніе съ А. А. Рихтеромъ, посланнымъ въ Черногорію съ особымъ порученіемъ отъ правительства, съ г. Зубовымъ, замѣстившимъ П. Л. Васильчикова по Красному Кресту, а также и съ агентомъ Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества, дабы объединить общія ваши дѣйствія ради пользы самаго дѣла.

На поѣздку въ Черногорію и обратно имѣете Вы отчислить изъ 8115 рублей пятьсотъ рублей. Въ употребленіи врученныхъ Вамъ денегъ благоволите доставить впослѣдствіи подробный отчетъ.

Предсѣдатель *Ив. Аксаковъ.*

Вѣна.

25 февраля (9 марта).

Вѣна богатѣетъ. Роскошно убранныя гостиницы полны народомъ и во всѣхъ концахъ города воздвигаются все новые и новые дворцы. Но есть люди, которые находятъ, что государству грозитъ гибель, что австрійскій парламентъ потерялъ всякое обаяніе въ народѣ и превратился въ машину, служащую для поглощенія депутатскаго содержанія. Все это говорилъ вчера Шенереръ (Schoenerer) въ палатѣ и говорилъ довольно рѣзкимъ и непріятнымъ тономъ. Но болѣе всего смѣялась палата, когда Шенереръ обвинилъ правительство въ подтасовываніи голосованія съ помощью всесильныхъ русскихъ депутатовъ изъ Галиціи и Буковины. И было, конечно, чему смѣяться...

Кто не знаетъ, какъ жалка участь галиційскихъ русскихъ. Русскій депутатъ Наумовичъ напрасно плакался на горькую судьбу, постигшую русскихъ въ Галиціи, напрасно старался доказать, что императоръ Фердинандъ только тогда заснулъ спокойно, когда узналъ, что находится подъ охраною русскихъ батальоновъ. И это не первый разъ русскіе депутаты умоляютъ повѣрить ихъ преданности австрійскому престолу, но всѣ эти выраженія совершенной преданности не идутъ имъ въ прокъ. Вѣрно уже имъ никогда не быть достойными вниманія въ глазахъ Австріи.

Знаетъ ли, напримѣръ, русское общество о существованіи въ Вѣнѣ кружка галиційскихъ студентовъ подъ именемъ «Русская Основа». Этотъ маленькій кружокъ поддерживается членскими взносами въ 50 крейцеровъ въ мѣсяцъ.

Странно, что русскіе, посѣщающіе довольно часто Вѣну, не заглядываютъ въ «Русскую Основу». Одинъ изъ членовъ высказалъ мнѣ: «русскіе какъ будто тяготятся ближайшимъ знаком-

ствомъ съ нами». Между тѣмъ русскій нашелъ бы тамъ русскія газеты.

Одно меня удивило—отсутствіе московскихъ газетъ. Не мѣшало бы, право, московскимъ редакціямъ удѣлить одинъ даровой экземпляръ «Русской Основѣ». Общество слишкомъ бѣдно, чтобы истратить всѣ свои наличныя средства на выписываніе газетъ.

Не мѣшало бы также снабдить его хорошими книгами. А то у нихъ нѣтъ книгъ по медицинѣ, юриспруденціи, новѣйшей литературѣ со временъ Пушкина. Я вспомнилъ фактъ, уже давно мнѣ знакомый. Мнѣ показывали въ Новомъ Садѣ (у венгерскихъ сербовъ) цѣлый шкафъ съ русскими книгами. И что же тамъ было? Отчеты разныхъ обществъ, старые мѣсяцесловы, книги богословскія, буквально газеты временъ очаковскихъ и покоренія Крыма.—Много читаютъ эти книги?—спросилъ я.—Нѣтъ, только для изученія русскаго языка.—Есть у васъ Пушкинъ, Гоголь, Островскій, Толстой?—Нѣтъ, мы эти вещи читали въ нѣмецкомъ переводѣ. У насъ, дѣйствительно, вошло въ обыкновеніе сбывать въ славянскія земли все, что залежалось у насъ за многіе годы. И это называется пропагандировать славянскую идею. Въ Австріи насъ считаютъ къ этому способными. На дѣлѣ же оказывается, что, сбывая ненужный литературный хламъ въ славянскія земли, мы еще удивляемся, что славяне обращаются за научными, литературными свѣдѣніями къ западной Европѣ.

Славянское благотворительное общество непремѣнно должно составлять образцовыя библіотеки русскихъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія и разсылать ихъ безплатно въ славянскія земли, а не потворствовать высылкѣ старья, на которое и у насъ нѣтъ спроса.

Я такъ заговорился о русскихъ въ Вѣнѣ, что забылъ о другомъ вопросѣ. Какъ думаютъ вѣнцы о войнѣ. Жители Вѣны сожалѣютъ, что война кончилась и что всѣ барыши по случаю войны должны прекратиться.

Настроеніе тутъ самое миролюбивое. Я надѣялся здѣсь встрѣтить воинственный азартъ. Ничуть не бывало. Даже «Neue Freie Presse», выставляя безцеремонность, коварство, неблагодарность Россіи, требуетъ все-таки сохраненіе мира. Прелестный рисунокъ помѣщенъ въ сатирическомъ «Kikeriki». Изображены три канцлера. Бисмаркъ съ тремя волосками и русскій безъ оныхъ. За то Андраши съ роскошными кудрями. Подписано «wenn sich die drei in die Haare kriegen, so geht es dem unseren am schlechtesten (Если трое ссорятся, то нашему приходится хуже всѣхъ). И это, кажется, общее мнѣніе. Здѣсь не помышляютъ о войнѣ... Даже мадьяры что-то притихли.

Скажу при этомъ о панславизмѣ—пугало, придуманное врагами славянства для притѣсненія различныхъ славянскихъ національностей. Ни нѣмцы, ни мадьяры не могутъ понять того, что славяне хотятъ также жить, также развивать свою особенность, свою индивидуальность. Если бы тѣ, которые бредятъ объ этомъ призракѣ [1], присмотрѣлись къ дѣлу, къ жизни славянскихъ народовъ, то они увидѣли бы совершенно обратное тому, что они говорятъ. Славяне, за исключеніемъ всего русскаго народа, бредутъ врозь, развиваютъ до самыхъ крайностей сепаратизмъ. Посмотрите на сербовъ, освобожденныхъ отъ всякой опеки: они сепаратисты въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. У нихъ, когда великій германскій канцлеръ на всю Европу объявилъ пользу изученія русскаго языка, нѣтъ ни одной каѳедры русскаго языка, они отворачиваются отъ произведенія русской мысли. Имъ они чужды такъ же, какъ и хорватамъ, чехамъ, словакамъ и угорско-руссинамъ. Нигдѣ вы не найдете такого незнанія Россіи, какъ между славянами. Они знаютъ Россію меньше, чѣмъ англичане, нѣмцы, французы. Нигдѣ нѣтъ такого игнорированія русскаго общественнаго быта. Русскіе, къ которымъ эти вѣсти доходятъ различными путями, не могутъ не отвѣчать извѣстнымъ раздраженіемъ на то, что родичи, которымъ они сочувствовали безъ всякихъ политическихъ видовъ, игнорируютъ Россію и ставятъ ее на ряду съ какимъ-нибудь Бухарскимъ царствомъ; она какъ deus ex machina явится къ нему на помощь въ борьбѣ за свою независимость. А что такъ называемый панславизмъ скорѣе нѣмецкаго происхожденія, доказываютъ слѣдующія строки: Durch die Gegenwart geht eine Ahnung, wie vom sterben kleiner Voelkerschaften, als könnte die Weltgeschichte sie nicht mehr brauchen. Sie werden erdreicht und aufgesangt von dem gewaltig National- und Kulturstaaten. Noch einmal ehe sie auf immer verlöscht blitzt und brandet alle ihre Volkskraft, sie wehren sich mit wilder Verzweiflunoj, und greifen nach abenteuerliche Idealen.

Такъ пишетъ нѣмецъ, членъ вольной германской семьи, но такъ не напишетъ ни чехъ, ни сербъ, ни хорватъ, ни словакъ.

Сказавъ эти нѣсколько словъ въ доказательство, что панславизмъ не существуетъ, что существуетъ сепаратизмъ отдѣльныхъ славянскихъ народностей, желающихъ итти къ прогрессу путемъ индивидуальнаго развитія, я долженъ прибавить, что русскіе въ Венгріи такъ немногочисленны, что они не могутъ представлять опасности для государственнаго единства Венгерской державы.

[1] Это какъ будто противорѣчитъ всѣмъ моимъ всеславянскимъ вожделѣніямъ и стремленіямъ. Но хотя я лично всегда былъ и буду панславистомъ, но не закрываю глаза передъ дѣйствительностью и вижу всѣ трудности осуществленія моей идеи.

Хотѣлось бы сказать венгерцамъ: не гоните ихъ за то, что они читаютъ по-русски, сочувствуютъ твореніямъ русской мысли, что русское имя имъ чуждо, какъ другимъ славянскимъ народностямъ, а воспользуйтесь ихъ знаніемъ русскаго языка, узнайте поближе русскій духъ и вы увидите, какъ мало въ немъ національнаго фанатизма, какъ всеобъемлюща эта среда, какъ она вѣротерпима и безпристрастна. Русскіе въ Венгріи, не стыдитесь, что вы русскіе: вы принадлежите къ громадному народу, который не послѣдній факторъ въ дѣлѣ цивилизаціи и прогресса. У васъ нѣтъ противогосударственныхъ стремленій и потому съ чистою совѣстью изучайте Россію и знакомьте съ нею венгерскій народъ. Венгерцы, познакомясь съ Россіей, не будутъ косо смотрѣть на каждую русскую книгу, а напротивъ, я надѣюсь, дадутъ ей почетное мѣсто и въ своей славной литературѣ. Вообще поменьше національнаго фанатизма, а болѣе безпристрастія въ отношеніи къ культурнымъ достоинствамъ германскихъ и славянскихъ народовъ.

Задаръ (Зара).

15 марта.

Что за удивительная страна Австрійская имперія! Вы на одномъ изъ пароходовъ австрійской компаніи на пути въ Рагузу и нѣсколько разъ въ дорогѣ спрашиваете себя, туда ли вы попали. На пароходѣ слышится чистѣйшій тосканскій говоръ. По-нѣмецки вамъ не отвѣтитъ даже капитанъ парохода. Итакъ, я въ итальянскомъ обществѣ. Неправда, побудьте часа два-три на пароходѣ, и вы узнаете, что всѣ эти господа—славяне.

Каждый изъ этихъ господъ, когда вы съ нимъ разговоритесь и спросите его, понимаетъ ли онъ по-славянски, отвѣтитъ вамъ: «ma diavolo io son slavo».

Краснорѣчиво изъясняясь на языкѣ Данте и Маккіавели, эти господа объяснятъ вамъ, что они сочувствуютъ Россіи и не будутъ противъ нея сражаться, если будетъ война. Мы испорчены, говорятъ они, но народъ нашъ остался чистымъ отъ всякаго иноплеменнаго вліянія (virgine).—«Вы настоящіе итальянцы», осмѣлился я высказать имъ. «Неправда, посмотрите, въ этой деревнѣ никто не знаетъ по-итальянски».

Далматинцы привыкли къ итальянскому языку, какъ русскіе къ французскому. Хорошіе патріоты въ родѣ Vulcevic'а пишутъ по-итальянски въ защиту своихъ славянскихъ интересовъ. Онъ доказываетъ въ своей брошюрѣ «Italiani e Slavi», что Тріестъ—славянская страна (terreno slavo). Замѣчательны анекдоты про депутата Любиша. Онъ говорилъ въ присутствіи одного высоко-

8*

поставленнаго итальянца такимъ изящнымъ языкомъ, что тотъ поневолѣ высказался: «Какъ онъ говоритъ по-итальянски!.. Какъ онъ долженъ говорить на родномъ славянскомъ языкѣ?».

Любиша долженъ былъ сознаться, что онъ совсѣмъ не такъ знаетъ славянскій языкъ. Австрійскіе офицеры должны говорить по-итальянски. По-нѣмецки здѣсь знаютъ, но не хотятъ говорить. Мнѣ кажется, что неимѣніе одного общаго дипломатическаго языка для всѣхъ славянъ заставляетъ ихъ поневолѣ обращаться къ посредству итальянскаго, нѣмецкаго языковъ. Національная партія вся состоитъ изъ людей, преданныхъ народному дѣлу. Австрійское правительство относится къ далматинцамъ очень гуманно. Въ Далмаціи уже существуютъ три гимназіи, въ которыхъ преподаваніе ведется на славянскомъ языкѣ. Можетъ быть это дѣлается съ тѣмъ, чтобы ослабить итальянскій элементъ.

Есть еще партія самобытности Далмаціи (autonomish). Она не желаетъ присоединенія къ Хорватіи. Сама природа насъ раздѣлила. Эти чудныя горы (Велебитъ) служатъ намъ лучшею границей. Что мы выиграемъ отъ присоединенія?—Мы подпадемъ мадьяризму и промѣняемъ австрійскую Gemühtligkeit на мадьярскую нетерпимость. Теперь у насъ есть свои школы, свои газеты, нѣтъ цензуры, а тогда будутъ подати и притѣсненія. Подождите, дайте намъ пожить нашею особенною жизнью, и вы увидите, какіе успѣхи мы сдѣлаемъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Присоединеніе Босніи и Герцеговины къ намъ является въ экономическомъ отношеніи вопросомъ жизни и смерти. Дѣятельность нашихъ портовыхъ городовъ самая ничтожная, потому что богатыя производительностью страны находятся во власти турокъ. Но въ интересахъ славянства мы не желаемъ присоединенія къ Австріи Босніи и Герцеговины. Мадьяры воцарятся тамъ вмѣсто турокъ. Герцеговинцы высказываютъ тоже извѣстнаго рода сепаратизмъ. Лучше турки, чѣмъ австрійцы, говорятъ они. Мы не вѣримъ занятію; австрійцы встрѣтятъ противъ себя турокъ и славянъ. Россія знаетъ, что дѣлаетъ. Она позволяетъ Австріи взять эти провинціи, но она должна знать, что Австрія не готова. Турки непремѣнно пойдутъ противъ Австріи. Правда, австрійцы собираютъ подписи. Собираютъ подписи и другіе. Но Герцеговина желаетъ автономіи подъ властью Турціи.

Далматинцы патріоты (какъ ихъ называютъ здѣсь) любятъ поговорить о будущемъ единствѣ славянскаго племени. Но это единство заключаетъ въ себѣ желаніе сохранить свою индивидуальность, свою самобытность подъ верховенствомъ Россіи. Оно и понятно. Русскіе порядки слишкомъ чужды для этихъ городовъ, выросшихъ на основахъ римской гражданственности. Городской

голова у нихъ называется podesta. Вездѣ встрѣтите вы слѣды древней муниципальной жизни. Стоитъ вамъ только пройтись по улицамъ, и вы нападете на древніе храмы, на разные piazza della signoria. Присутствіе старой культуры видно на каждомъ шагу. Газеты составляютъ потребность каждаго. Дороги всѣ шоссированы. Колизей (въ Полѣ), древніе храмы въ Задарѣ и Шебеникѣ, храмъ Діоклетіана въ Сплетѣ говорятъ о минувшихъ дняхъ величія.

Австрія не мѣшаетъ имъ развивать эти начала муниципальной и политической свободы. Свобода сходокъ, газетъ даетъ имъ широкое поле борьбы и дѣятельности. Есть люди, которые находятъ, что Австрія слишкомъ мало для нихъ сдѣлала. Передо мною брошюра, написанная Старчевичемъ: «Woran wir sind», въ которой говорится, что Австрія мало сдѣлала для славянъ. Ей слѣдуетъ, говоритъ авторъ, возсоздать великое хорватское государство, которое помѣшало бы честолюбивымъ замысламъ Россіи. Вотъ оно что! Сдѣлай насъ сильными, а не то мы сдѣлаемся русскими. Чѣмъ же устрашаетъ г. Старчевичъ Австрію? «Россія не только освободила рабовъ, нѣтъ, она даровала имъ земельную собственность. Многія реформы вдохнули новую жизнь въ русское государство. Успѣхи просвѣщенія теперь ощутительны даже для иностранцевъ. Развиваясь по пути свободы и самоуправленія, Россія притянетъ къ себѣ всѣ славянскія народности, не исключая и поляковъ. И тогда—конецъ Австріи, которая не поспѣетъ на этомъ поприщѣ».

Изъ этихъ нѣсколькихъ строкъ можно видѣть, что́ страшитъ особенно нашихъ враговъ. A bon entendant salut...

Любопытно то, что сказалъ мнѣ австрійскій офицеръ. Мы не хотимъ брать Боснію и Герцеговину. Мы устроимъ тамъ дороги, а черезъ двадцать лѣтъ вы начнете агитировать и отберете ее у насъ.

Рагуза.

Въ Дубровникѣ я познакомился съ Ястребовымъ. Онъ сообщилъ мнѣ очень много интереснаго о коммиссіи, которая была послана для умиротворенія герцеговинцевъ. При всѣхъ ихъ спрашивали о нуждахъ, уговаривали возвратиться на родину. Но наединѣ ихъ спрашивали: «можете ли вы держаться до весны».— Можемъ.—«Ну, тогда съ Богомъ: бейте турокъ!» Черногорскіе воеводы не въ odeur de sainteté у бѣдныхъ герцеговинцевъ. Разсказываютъ ужасныя вещи: Р. укралъ 10 т. гульденовъ, М.—250,000... Вещи, посланныя въ комитеты, сортировались въ Рагузѣ. Самыя лучшія изъ нихъ отобраны и спрятаны въ

одномъ домѣ съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи войны, продать ихъ. Говорятъ, украдено всего 124 тысячи четвертей кукурузы, не считая провизіи, т.-е. забора отъ продавца. Покупали, напр., за 4 р. 25 к. м. продавали русскимъ за 5 р. 75 к. кукурузу. Продѣлка выбрасыванія (яко бы) гнилой кукурузы въ море. Здѣсь обыкновеніе выдавать два счета: одинъ показной, а другой настоящій. Родственники князя не безъ грѣха. Князь потому не желаетъ и слушать о злоупотребленіяхъ. «C'est moi qui suis responsable du tout—il n'y a rien», сказалъ онъ Буху. Бухъ былъ встрѣченъ государыней, и когда онъ сталъ говорить правду, то она отъ него отвернулась и оставила его. Сенаторы воспользовались сукномъ для своихъ кабаницъ. Герцеговинцы по цѣлымъ недѣлямъ ждутъ полученія пайка. Имъ особенно не понравилось обращеніе съ ними черногорцевъ. Вы райя,—говорили имъ послѣдніе. Князь и многіе черногорцы не любятъ Сербію. Онъ сказалъ въ присутствіи герцеговинскихъ и боснійскихъ вождей, что Миланъ подчиняется конституціи, я бы этотъ законъ попралъ ногами. Относительно Россіи князь говоритъ иногда съ почтеніемъ: «je suis le sujet de Sa Majesté. Comme c'est dommage que je n'ai pas de cuirassés pour faire du tort aux Anglais». А съ другой стороны, онъ сказалъ Боголюбову: «Mon fils n'apprendra jamais la russe». Въ дѣйствительности эти недопеченные блины на французской сковородѣ всѣ питаются обрывками бульварнаго и кофейнаго образованія. А русскій языкъ для нихъ чуждъ. Князь получилъ деньги на Мирдитовъ, но онъ имъ выдалъ только самую малую часть. Вотъ главная причина неудавшагося возстанія. Боголюбовъ въ откровенной бесѣдѣ высказалъ: «это атаманъ разбойниковъ». Дѣйствительно, мнѣ опротивѣло это попрошайничество больше всего. Кто не попрошайничаетъ здѣсь? Отъ мала до велика не заражено этимъ? Подойдетъ чистокровный черногорецъ и начнетъ: «во здравіе царя нашего и черногорскаго князя» и кончитъ, что ему нужно столько-то золотыхъ или матерію на кабаницу. Начнетъ все это съ приправою лести похвалы,—но не безпокойтесь, скоро появится самое интересное, т.-е. просьба помочь, ибо онъ сиромахъ (сирота) и т. д.

Герцеговинцы, которые не боялись черногорскихъ ушей, высказывали: «лучше турки, чѣмъ черногорцы».

Жизнь въ Рагузѣ, говорятъ, шла весело и широко. Славянскія деньги были тутъ важнымъ стимуломъ. У одного появились экипажи съ тройкою лошадей. Другой, говорятъ злые языки, поднесъ фермуаръ бриллiантовый одной прелестницѣ. Корреспонденты кормились и сочиняли небывальщину. Графъ Паццо (Пучикъ) разсказываетъ, что 200 матрацовъ, хирургическіе инструменты такъ и не видѣли мѣста своего назначенія...

Князь встрѣтилъ меня ласково. «Si vous ne trouverez pas ici tous les bienfaits de la civilisation, vous trouverez des bons coeurs». Онъ говорилъ съ восторгомъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ Черногоріи. Въ Подгорицѣ онъ устроитъ столицу. Въ Dulcigno (Уциньо) у него есть вилла. Тамъ очень красиво. При мнѣ пріѣхали турецкіе беки представляться князю. Онъ говорилъ съ ними по-итальянски и сказалъ имъ: «Мы, когда будетъ миръ, обратимъ вниманіе на торговлю».

По мнѣнію А. Сем., репутація князя, какъ героя, несправедлива. Онъ видѣлъ его въ минуты, когда тотъ праздновалъ труса. Но, желая отклонить отъ себя опасность, онъ прибѣгалъ къ Боголюбову, и тотъ, какъ милый царедворецъ, угадывалъ его желаніе. Отношенія А. Сем. къ князю довольно оригинальны. Онъ живетъ въ домѣ князя и постоянно съ нимъ видится. Часто А. Сем. по своей нервности даже и сдѣлаетъ непріятность ему, но ему все прощаютъ, говоря: онъ больной человѣкъ. Главное, если что нужно, то онъ всегда выхлопочетъ изъ Петербурга. Подчасъ, должно быть, князь желаетъ освободиться изъ этой опеки. Іонинъ былъ всѣмъ во время войны: онъ былъ de facto первымъ министромъ Черногоріи, и если Черногорія выйдетъ изъ этой борьбы увеличенною въ объемѣ, то это въ большей степени заслуга Іонина. Эпическимъ духомъ дышатъ разсказы его о геройствѣ черногорцевъ. Какъ они боролись въ первый разъ противъ броненосцевъ! Батареи въ Антивари были буквально засыпаны снарядами, но черногорцы и не дрогнули. Когда имъ сказали, что придется брать приступомъ крѣпость, то они радовались какъ дѣти. Не любили они разныхъ эволюцій тактическихъ. Зачѣмъ эти переходы, когда просто можно итти на юришъ (ура)? Зато подъ Бишиномъ имъ пришлось плохо. Ястребовъ выслалъ двухъ герцеговинцевъ къ князю съ своею карточкою (боясь компрометировать себя письмомъ), чтобы предупредить о движеніи турокъ. Герцеговинцы ночью подползли къ лагерю черногорцевъ, но ихъ взяли и связали. Потомъ хотѣли ихъ повѣсить. Но, очутившись въ незнакомой мѣстности, князь былъ въ большомъ затрудненіи. Тогда герцеговинцы вызвались вывести его оттуда.

Князь не любитъ популярности своихъ воеводъ, и потому онъ часто подводитъ ихъ подъ ударъ. Это очень понятно. Дипломатія еще не окрѣпла въ народномъ сознаніи, и если явится *юнакъ* доблестнѣе князя, то онъ, пожалуй, потянетъ весь народъ на свою сторону. *Божо Петровичъ*, самый искусный изъ его полководцевъ, былъ устраненъ имъ. Марко Милановъ былъ, говорятъ, подстрѣленъ съ вѣдома воеводы Пламенаца. Но молва приписываетъ и тутъ часть отвѣтственности князю.

Замѣчательна въ Черногоріи большая честность. Смѣло оставляйте ваши вещи: никто ихъ не возьметъ. Можете поручить ихъ нести черногоркѣ, и все будетъ въ цѣлости доставлено къ мѣсту назначенія. Но казнокрадство въ большомъ ходу. Раздачи вещей были неудовлетворительныя, потому что составленіе списковъ было неправильно, пристрастно. Лучшія, богатѣйшія семьи были записаны, а бѣдняки пропущены. Я собственноручно надѣвалъ на самыхъ бѣдныхъ въ Виръ-Базари теплую шубу, я слышалъ возгласъ: «А вы много видѣли теплаго платья на бѣдныхъ? Лучшія вещи пошли капитанамъ».

Въ Рѣхѣ находится первая типографія сербскаго народа, пильный заводъ и тутъ же передѣлываются ружья. Замѣчательно то, что пильщики—болгаре. Черногорцы не любятъ труда... Рѣка Черноевича вьется лентою среди скалистыхъ береговъ. Все пустынно кругомъ; лишь изрѣдка увидишь на берегу маленькую избушку. Входъ въ Скутарійское озеро по случаю бури былъ затруднителенъ. Вдали виднѣлся Жаблякъ. Мы проѣхали мимо пустынной Лессендры, и черногорцы показывали мнѣ, гдѣ была батарея (русски топъ—русская пушка). «Много Россія для насъ сдѣлала,—говорили они.—Фала Царю Русскому».

Виръ-Базаръ. Отсутствіе всякаго комфорта. Вши и другія насѣкомыя не даютъ покоя. Ѣсть тоже нечего. Совершенно голые васоевцы громадною толпою ждутъ выдачи хлѣба. При раздачѣ платья происходитъ невообразимый шумъ и перяники и старшіе отгоняютъ ихъ палками. Вообще тутъ принципъ власти въ большой силѣ. Здѣсь нѣтъ демократизма, который васъ поражаетъ въ Сербіи. Тамъ самый простой селякъ подойдетъ къ министру и похлопаетъ его по плечу. Здѣсь низшіе подходятъ къ высшему непремѣнно къ рукѣ или съ цѣлованіемъ плеча. Мнѣ это очень не понравилось.

Баронъ Каульбарсъ желалъ присутствовать на засѣданіи сената. Слушалось дѣло о дезертирѣ. Онъ сказалъ дерзость относительно князя, и тотъ собственноручно произвелъ надъ нимъ расправу. Замѣчательна здѣсь патріархальность. Здѣсь ничего нельзя сдѣлать безъ вѣдома князя. Нужна ли кому лошадь—докладываютъ, хотѣли устроить школу и перетащить вещи въ другое мѣсто—надо сказать князю. И онъ входитъ во все, даетъ словесное приказаніе, и дѣло идетъ отлично. Телеграфная проволока проведена повсюду—въ самую маленькую деревушку,—и вотъ, если что нужно, то прямо телеграмма, и сейчасъ же исполненіе.

Это личный режимъ добраго стараго времени, когда дѣйствительно между владыкою и народомъ не было загородокъ, а они сносились непосредственно другъ съ другомъ.

Еще надо замѣтить одну особенность относительно славянъ вообще. На сѣверѣ проводникомъ цивилизаціи среди славянъ Австріи служитъ нѣмецкій языкъ. Въ Венгріи мадьярскій. У черногорцевъ, далматинцевъ и у албанцевъ—итальянскій. Въ Константинополѣ царствуютъ французскій и итальянскій языки. Дороги въ Черногоріи ужасны. Тамъ, гдѣ птица пролетитъ и человѣкъ можетъ поставить ногу,—то лѣпъ путь (хорошая дорога). Пѣшкомъ идутъ скорѣе, чѣмъ верхомъ. И тутъ измѣряется разстояніе наоборотъ: если пѣшкл—6 садъ, если на кони—7 садъ и т. д.

Новая Черногорія.

Баръ (Антивари), 28 марта.

Хочу сказать о новомъ краѣ, покоренномъ черногорцами съ оружіемъ въ рукахъ,—о благодатномъ берегѣ Адріатическаго моря отъ Спужи до рѣки Бояны. Въ качествѣ уполномоченнаго отъ московскаго славянскаго благотворительнаго общества, я долженъ былъ присутствовать при раздачѣ вещевыхъ пожертвованій бѣднѣйшимъ жителямъ Цермницкой и Криницкой нахій въ Виръ-Базарѣ. Бѣдность васоевичей превосходитъ всякое описаніе. Въ толпѣ я видѣлъ дѣтей, стариковъ совершенно нагихъ. Одежда нѣкоторыхъ составлена изъ какихъ-то лохмотьевъ, сшитыхъ на живую нитку; холстъ, въ который запаковываются тюки, составлялъ pium desiderium этихъ бѣдняковъ. Вообще, мнѣ кажется, благотворительность въ здѣшнемъ краѣ была поставлена на совершенно ложный путь. Каждый черногорецъ и герцеговинецъ получаетъ русскій хлѣбъ, но что онъ ему стоитъ! Голодный, онъ долженъ пройти пять дней до Каттаро по самымъ отвратительнымъ дорогамъ для полученія своей мѣсячной порціи. Часть онъ сбываетъ уже въ Каттаро. Онъ продаетъ кукурузу, покупая въ три-дорога испеченный хлѣбъ. По всѣмъ закоулкамъ Черногоріи вы видите изнемогающихъ отъ непосильной ноши женщинъ. Истративши милліонъ, развѣ не могли замѣнить тяжелый трудъ человѣка лошадиною силой? Отчего всѣ склады сосредоточены въ Австріи, а складовъ внутри Черногоріи не устраивали? Конечно, разсуждали, герцеговинцы и дальше пойдутъ за хлѣбомъ, но сколько тутъ теряется совершенно непроизводительно человѣческаго труда. Трудъ, потраченный на одно путешествіе за хлѣбомъ, могъ бы окупить этотъ самый хлѣбъ. Но что объ этомъ говорить. Дѣло это приближается къ концу, и не теперь передѣлывать его на новый ладъ. Черногорцы, несмотря на свою бѣдность, довольны, и съ гордостью говорятъ

о новыхъ пріобрѣтеніяхъ княжества—объ Антивари и Уцинъо (Дульцинъо). Вотъ этотъ край слѣдуетъ вамъ посмотрѣть. Тамъ цѣлые лѣса оливковыхъ деревьевъ, лавровъ, тамъ виноградники и затѣмъ море...

Добравшись съ большимъ трудомъ черезъ Сутерманъ въ Баръ, я былъ дѣйствительно пораженъ роскошною растительностью этого края. Но и тутъ война оставила свои неизгладимые слѣды.

Городъ, состоявшій изъ тысячи домовъ, представляетъ теперь груду развалинъ. Плантаціи вырублены. Въ городѣ уцѣлѣлъ храмъ Св. Георгія. Въ равнинѣ осталось еще нѣсколько домовъ, принадлежащихъ католикамъ. Населеніе Антивари—турки—бѣжали въ Албанію.

Какъ устроятъ черногорцы свои отношенія къ католикамъ-сербамъ, къ туркамъ, къ албанцамъ? Въ разрѣшеніи этого вопроса черногорцы выказали большой тактъ и умѣніе. Католики-сербы были назначены ими въ разныя почетныя должности по управленію краемъ. Турки въ Дульцинъо (тамъ они остались) были обласканы, успокоены и очень довольны своимъ новымъ положеніемъ. Правда, что турки здѣшнихъ мѣстъ, въ сущности славяне, и потому я не удивляюсь, когда одинъ турокъ, хвастаясь знаніемъ языковъ, сказалъ мнѣ: «я говорю по-албански, по-турецки и по-нашему» (т.-е. по-сербски). Другой турокъ говорилъ: «во здравіе Царя Русскаго и князя черногорскаго». Турецкіе беки въ Дульцинъо очень дружелюбно относятся къ черногорцамъ. Проводникъ мой былъ турокъ. Онъ убилъ въ Албаніи низама и бѣжалъ въ Черногорію. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ самый добродушный малый. Онъ говорилъ объ этомъ убійствѣ, какъ говорятъ о зарѣзанной птицѣ...

Все это прекрасно, скажете вы, но есть же недовольные новыми порядками. Объ отысканіи ихъ очень хлопочетъ Австрія. Вице-консулъ Нетовичъ (должно быть славянинъ) вербуетъ въ Антивари между католиками австрійскихъ подданныхъ. Мѣстный патеръ, какъ правый славянинъ (такъ говорятъ здѣсь), въ своей проповѣди высказалъ, что слѣдуетъ повиноваться черногорскому князю; за такія вѣрноподданническія чувства онъ былъ смѣненъ скутарійскимъ епископомъ. Зачѣмъ эти происки?

Знакомство съ новыми подданными Черногоріи обѣщало быть интереснымъ. Я остановился въ домѣ одного зажиточнаго старика Ж. Отецъ семейства относится спокойно къ происшедшей перемѣнѣ. Старшій сынъ носитъ попрежнему албанскій костюмъ. Второй сынъ, служившій еще годъ тому назадъ въ Константинополѣ. теперь уже носитъ черногорскій костюмъ. Онъ былъ при осадѣ родного города въ войскѣ князя. Онъ въ совершенствѣ

владѣетъ иностранными языками и придерживается европейскихъ обычаевъ. Жена его родилась въ Дубровникѣ и тоже говоритъ по-французски.

Женщина въ Черногоріи и Албаніи поставлена въ самое зависимое и рабское подчиненіе къ мужчинѣ. Цѣлованіе руки у каждаго мужчины, проходящаго по улицѣ, считается обязанностью женщины. Самъ Ж. (младшій) смѣется надъ этими обычаями, но онъ не можетъ доставить своей женѣ то мѣсто, которое она занимала бы въ европейской семьѣ.

Въ присутствіи черногорца она скромно должна стоять въ углу и ждать приказаній. Гулять съ нею подъ руку считается срамомъ. Не даромъ черногорцы, говоря о своихъ женахъ и дочеряхъ, приговариваютъ: «простите, жена, дѣвочка» и т. д.

Ж. много потерялъ вслѣдствіе войны. Въ городѣ у него сгорѣло нѣсколько лавокъ, домъ, плантаціи разрушены.

Жизнь Ж. показываетъ, что они больше черногорскихъ воеводъ понимаютъ, что такое комфортъ. Турки ихъ не особенно притѣсняли. Это видно по обилію посуды, живности, по тѣмъ запасамъ хлѣба, которые хранятся въ амбарахъ. Но онъ былъ rajah— неполноправный членъ общества, турокъ могъ прійти и поколотить его (что и было съ старикомъ Ж.), отнять у него богатство. Теперь оба сына носятъ на своей шапкѣ капитанскій гербъ. Въ настоящее время нѣтъ торговли. Прежде Антивари и Дульциньо продавали одного масла на двадцать милліоновъ гульденовъ. Пароходы Ллойда заходили въ Баръ. Когда изъ этой груды развалинъ возникнетъ новый городъ—трудно сказать. Для этого потребуются милліоны, а гдѣ Черногорія найдетъ ихъ?

Никшичъ, 5-го апрѣля.

Не знаю, говорить ли о неудовольствіи герцеговинцевъ ихъ новыми условіями жизни. Говорить, право, не хочется о нашихъ славянскихъ пререканіяхъ; умолчать совершенно нельзя въ виду того, что зло требуетъ скораго и рѣшительнаго врачеванія. Герцеговинцы недовольны европейскою дипломатіей, которая объ нихъ забыла; они недовольны тѣмъ, что, начавши первые борьбу за освобожденіе, имъ грозитъ окончательная гибель. «Болгары,—говорятъ они,—сдѣлали меньше нашего, а мы разорваны на два куска». Самая воинственная часть нашей страны перейдетъ къ Черногоріи. Та часть, которая имѣетъ меньше силы сспротивленія иноземному вліянію, перейдетъ къ Турціи или Австріи и не будетъ имѣть автономіи. Она погибнетъ для славянства. Затѣмъ герцеговинцы высказываютъ неудовольствіе противъ черногорцевъ, которые въ теченіе всего времени пользовались

услугами и храбростью герцеговинцевъ и всѣ успѣхи присвоили себѣ. Насколько это справедливо, не берусь рѣшать. Такъ же трудно рѣшить вопросъ о томъ, не потеряли ли герцеговинцы тѣмъ, что вначалѣ не соглашались на предложенія Англіи. «Намъ давали больше тогда, чѣмъ выговорено для насъ теперь». Желаютъ они цѣлостности территоріи Герцеговины и автономіи подъ покровительствомъ Россіи. Если нѣтъ, то лучше Турція, чѣмъ Австрія.

Всѣ эти требованія, претензіи могутъ показаться чрезмѣрными, но что касается страданій герцеговинскаго народа, то они превосходятъ всякое описаніе. Герцеговинцы, какъ они сами говорятъ, жили хорошо подъ турецкимъ владычествомъ. У нихъ много было скота, живности. Требинье, Мостаръ служили складочными пунктами довольно значительной торговли. Земля, хотя и принадлежала туркамъ, но на ней получались великолѣпные урожаи. Виноградники въ окрестностяхъ Требинье славились своею хорошею обработкою. «Мы жили лучше черногорцевъ. У насъ были каменные дома и, если мы возстали, то изъ желанія освободиться отъ турецкаго ига. И теперь мы пойдемъ вмѣстѣ съ черногорцами противъ общаго врага».

Положеніе герцеговинскихъ усташей ужасно. Они живутъ въ какихъ-то кучахъ (домахъ) изъ камня. Нѣкоторые добыли себѣ палатки и жили въ этихъ убѣжищахъ на снѣжныхъ вершинахъ Ловчина. Дѣти поражаютъ своею наготою. Даже воеводы, и тѣ живутъ въ своихъ курныхъ кучахъ. Въ этихъ кучахъ нѣтъ оконъ, потому что онѣ вдѣланы большею частью въ скалы. Съ приходомъ почтнаго гостя посреди кучи раскладывается огонь и вокругъ «ватра» грѣются всѣ члены семейства. Что могла сдѣлать русская благотворительность для этихъ несчастныхъ, лишенныхъ пропитанія и крова?

Въ Пераніи Васильевъ сталъ раздавать деньги, и я помогъ ему организовать это. Вездѣ такъ и сквозила нелюбовь герцеговинцевъ къ черногорцамъ. Какъ-то сошлись жители Кучъ, герцеговинцы и черногорцы, и стали спорить о доблестяхъ каждаго народа. Въ Ризано насъ принималъ начальникъ сербъ и въ школу мы вошли съ колокольнымъ звономъ. Я удивился, какъ многіе знаютъ русскій языкъ въ этихъ мѣстностяхъ.

Мы пріѣхали въ Грохово и были приняты съ распростертыми объятіями вождями герцеговинцевъ. Лука Петковичъ, Ковачевичъ, Попъ Богданъ Зимоничъ всѣ живутъ въ домахъ безъ оконъ, грѣются около костра. Подаютъ вамъ ракіи и кофе. Лука Петковичъ держалъ себя съ достоинствомъ, постарался помѣстить своего сына школьнымъ учителемъ. Мѣстный капитанъ содралъ

за помѣщеніе, сколько могъ. Ковачевичъ много разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ въ Венгріи и какъ его тамъ боятся.

Вечеромъ на сцену выступили гусли, и каждый старался превзойти другого поэтическимъ замысломъ.

Многіе герцеговинцы высказывали свое неудовольствіе на Санъ-Стефанскій договоръ. Одинъ только Лука Петковичъ велъ себя дипломатомъ и оправдывалъ Черногорію, сравнивая ее съ собакою, идущею черезъ мостъ съ кускомъ мяса.

...Въ Никшичѣ устроилась школа въ бывшемъ госпиталѣ. Жокичъ разсказывалъ, какъ въ Австріи хотѣли у него отнять оружіе: «Срамота, я буду какъ дѣвочка, и передалъ оружіе другому черногорцу и не хотѣлъ отдать его австрійскому офицеру».

Надо сознаться, что черногорцы не меньше пострадали отъ нашествія Сулеймана. Вся Бѣлопавлинская долина, роскошная, цвѣтущая, обращена въ пустыню. Только изумрудная Зета льется среди зелени оставленныхъ садовъ, полей. Дома всѣ сгорѣли до-тла и вамъ встрѣчаются наши несчастные оборванцы, просящіе подаянія. Значитъ, помощь требовалась громадная, несоразмѣрная съ силами какого-нибудь общества.

Складъ вещевыхъ пожертвованій находится въ Гроховѣ. Приходится помочь, если возможно, $^1/_6$ части самаго бѣднѣйшаго населенія, и вотъ на Дробнякъ, Рудинъ, Изера и Шоранце, Пива Пѣшивцы, Жупа приходится 6,000 чел. (только $^1/_6$ часть).

Между ними приходится распредѣлить рубахъ 2,087, панталонъ—841, чулокъ—3,493, жилетовъ—657, фланели—166, сюртуковъ—266, кожуховъ—142, капотовъ—377, кожъ—262, юбокъ—632, женскаго бѣлья—3,069 и платковъ—1,215.

Изъ этой росписи легко убѣдиться, какъ трудно даже помочь и $^1/_6$ части бѣдствующаго населенія. Одно дѣло производитъ отрадное впечатлѣніе—это школы, открытыя для герцеговинскихъ дѣтей въ Ризано, въ Несутахъ, въ Цетинье.

Въ этихъ школахъ, которыя поступили теперь на иждивеніе с.-петербургскаго и московскаго славянскихъ благотворительныхъ обществъ, дѣти всѣ одѣты, сыты, насколько можно насытиться 1 фунтомъ хлѣба.

Учителя черногорцы и герцеговинцы показали себя достойными наставниками. Въ три мѣсяца дѣти выучились читать, писать, считать, пѣть и отвѣчаютъ на многіе вопросы по географіи и исторіи. Очень понравилось мнѣ, какъ ихъ спрашивали о Россіи. Гдѣ она?—На Востокѣ.—Кто царь Русскій?—Александръ II.—Какъ зовемъ мы его?—Царь-Освободитель герцеговинскаго на-

рода. Герцеговинскія дѣти очень способны, воспріимчивы. Учитель, спрашивая одного, долженъ останавливать рвеніе другихъ, желающихъ дать отвѣты. Всѣ тѣ, которые знаютъ отвѣтъ, такъ и стоятъ съ поднятою рукою и впиваются умными глазенками въ учителя. Весь классъ слѣдитъ за вопросами. Въ свободное время учитель преподаетъ имъ комнатную гимнастику. Дѣтей въ Цетинье, Несутахъ, Грохово и Никшичѣ будетъ около 2,000. Въ другихъ школахъ наберется тоже нѣсколько сотенъ. Желаніе учиться громадное. Придется только пожалѣть, если этотъ воспріимчивый, способный къ цивилизаціи народъ подпадетъ вновь мертвящему сну или, что хуже, всѣ эти задатки славянской цивилизаціи завянутъ подъ вліяніемъ мадьярщины. Выработаются, несомнѣнно, таланты, но они будутъ потеряны для славянства.

Никшичское поле, говорятъ черногорцы и герцеговинцы, способно прокормить всю Черногорію. Дѣйствительно, гдѣ найдете вы въ Черногоріи такое громадное пространство удобной и воздѣлываемой земли? Теперь все это пока пустынно и не видно земледѣльца, заботящагося о будущемъ урожаѣ. Городъ Никшичъ обладаетъ хорошими каменными зданіями. Крѣпость меньше той, которая находится въ Барѣ, и не представляетъ картины разрушенія. Въ лавкахъ торгуютъ турки и райя. Черногорецъ только прохаживается по улицамъ и дружелюбно разговариваетъ съ своимъ давнишнимъ врагомъ. Вообще, надо удивляться такту, съ которымъ держатся черногорскія власти относительно турокъ. Я не могу знать сокровенной мысли турокъ въ Никшичѣ, но они имѣютъ довольный, привѣтливый видъ. Они признали легко, по-моему, господство черногорцевъ надъ собою. «Нашъ господарь», слышишь постоянно. Былъ я въ мечети; тамъ турокъ (мулла) объяснялъ рослому и красивому черногорцу, показывая ему на поврежденія стѣны отъ бомбы: «вотъ твоя работа»,—и это говорилось безъ всякаго фанатизма, ожесточенія; напротивъ, съ улыбкою на устахъ. Веселый смѣхъ раздавался среди оживленной группы черногорцевъ и турокъ. О ссорахъ между ними не слышно. «Гдѣ я?—спрашивалъ я себя. Неужели это враги на жизнь и смерть?» Что касается швабовъ, то черногорцы презираютъ ихъ. «Пускай они попробуютъ. Мы сейчасъ будемъ въ Каттаро, Ризано». А солдаты?—спрашивалъ я. «Знаемъ мы ихъ: имъ не устоять противъ нашихъ и герцеговинскихъ четъ». Австрійское правительство держитъ въ тискахъ Черногорію, оно не желаетъ дать ей порта, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно не прочь и пококетничать съ Черногоріею и поманить ее разными обѣщаніями.

Воевода Марко Милановъ.

Хочу сказать о замѣчательной личности, которою гордились Кучи, это храброе племя, признавшее съ трудомъ надъ собой верховенство Черногоріи. Въ этомъ племени еще живутъ стремленія къ независимости. Въ этомъ разсказѣ много можетъ быть невѣрно и прикрашено поэтическими вымыслами, но характеръ Марко Миланова по своему благородству, простодушію и отвагѣ, достоинъ изученія. Марко Милановъ въ дѣтствѣ ходилъ за стадами. Эта жизнь среди дикой природы развила въ немъ предпріимчивость, отвагу, которую онъ проявлялъ въ дальнѣйшей своей жизни. Пастушеская жизнь ему надоѣла, и онъ пошелъ въ гайдуки. Вскорѣ онъ своею неустрашимостью достигъ такого авторитета между своими товарищами, что они выбрали его начальникомъ четы. Чета ходила противъ турокъ, противъ албанцевъ, и вездѣ Марко Милановъ показывался впереди своего маленькаго войска. Какъ ни направляли албанцы на него свои мѣткіе выстрѣлы, но въ пороховомъ дыму выдѣлялась стройная фигура Марко и, направляясь къ нимъ, наносила имъ жестокое пораженіе. «Этотъ человѣкъ заговоренъ отъ пули», говорили албанцы, и Марко сдѣлался для нихъ какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ. Когда онъ нападалъ на турецкаго пашу, то онъ предпочиталъ открытый, честный бой засадамъ, обману. Онъ прямо говорилъ турецкому пашѣ: «ты провинился передо мною, я пойду на тебя въ такомъ-то мѣстѣ. Приготовься меня встрѣтить». Въ Черногоріи есть обычай: когда князь хочетъ разбирать какую-нибудь тяжбу, онъ идетъ подъ большое дерево, которое растетъ одиноко передъ его дворцомъ. Такое историческое дерево существуетъ въ каждомъ племени. Марко не только воинъ, онъ умѣетъ сказать мудрое слово, и ему выпала честь сидѣть подъ деревомъ и рѣшать споры своихъ односельчанъ. Справедливость его рѣшенія заставляла албанцевъ, турокъ итти къ нему на разбирательство... Вся страна заговорила о мудрости Марко.

Покойный князь, услышавъ про Марко, пригласилъ его къ себѣ и говоритъ ему: «Марко, ты будешь моимъ перенникомъ (тѣлохранителемъ). Полюбилъ князь Марко и сдѣлалъ его вскорѣ своимъ капитаномъ. Но не выдержала правдивая натура Марко при видѣ несправедливости князя... Марко въ званіи капитана держалъ себя съ княземъ, какъ равный съ равнымъ. «Зачѣмъ ты тратишь деньги народа, заводишь роскошь?»—говорилъ Марко князю. Не понравились эти рѣчи князю, и онъ велѣлъ посадить Марко подъ арестъ. Перенники (жандармерія князя) любили

своего товарища Марко больше князя. Опи сѣли около темницы, поджидая, когда выйдетъ любимецъ ихъ Марко. Князь сумрачный ходилъ по главной улицѣ въ Цетинье. Гдѣ его оруженосцы, гдѣ его друзья?.. Всѣ тамъ, говорятъ, у Марко. Выпусти ты его на волю, пожалуй, городъ взбунтуется и призоветъ Марко къ себѣ на княжество. Пошли ты его въ Кучи на родину. Ты видишь, какъ онъ популяренъ. Князь послѣдовалъ мудрому совѣту и послалъ его на родину. Онъ вернулся на родину воеводою. Вскорѣ сдѣлали его сенаторомъ. То, что сдѣлалъ начальникъ четы, то продолжалъ воевода Марко Милановъ. Онъ былъ такъ популяренъ въ своемъ племени, что поговаривали о немъ, какъ о будущемъ князѣ въ Черногоріи.

Теперь скажу о Миленѣ. Милена по своему уму и даже образованію выдѣлялась изъ женскаго общества. Физическая сила въ соединеніи съ красотою и умомъ дѣлаютъ ее заманчивою невѣстою. За нее сватался Рити. Она не любила его, но родители принуждаютъ ее выйти за него. «Ты не будешь моимъ мужемъ», говоритъ она ему подъ вѣнцомъ... Обрядъ свершонъ, и вотъ Рити идетъ къ своей женѣ. Она лежитъ въ постели и повернулась къ нему спиною. Онъ пробуетъ ......, но она отвѣчаетъ ему: «И ты смѣешь прійти ко мнѣ! Я скорѣе умру, чѣмъ буду твоею женою»... Силою выталкиваетъ она его изъ комнаты. На другой день Милена, увидѣвъ мужа, идущаго къ ней, стала на порогѣ дома, облокотилась у двери и подперла ее своею рукой. Мужъ начинаетъ опять упрашивать ее. Ея красота, презрѣніе къ нему разжигаетъ его пылкую страсть. Онъ готовъ на всякое униженіе. «Умоляю тебя», говоритъ онъ,—и полновѣсная пощечина раздалась въ воздухѣ. «Ты не мужчина, ты не умѣешь со мною справиться», звучитъ рѣчь, полная презрѣнія Милены. «Я подчинюсь только тому, который покоритъ меня. Ты меня больше не увидишь». Милена вышла гордая, надменная изъ дома своего. Она появилась въ Албаніи. Какъ она встрѣтилась съ Марко, неизвѣстно, но она полюбила его. Величавая красавица нашла своего господина въ сильномъ, могучемъ характерѣ Марко Миланова. Марко любилъ ее только сначала. Ему нравилось, что такая женщина, какъ Милена, слѣпо исполняетъ его волю. Но ея мужскія наклонности, умѣніе стрѣлять, ѣздить верхомъ, недостатокъ женственности заставили его разлюбить ее. Онъ влюбился въ другую—противоположность Милены. Въ той были грація, мягкость и кротость характера, и онъ рѣшилъ оставить Милену. Трудно пришлось гордой Миленѣ, когда она узнала, что Марко, ея любимый, великодушный, благородный Марко, ее оставляетъ.

«Онъ меня не любитъ,—говорила неутѣшная Милена,—и я стерплю этотъ позоръ? Онъ изгоняетъ меня изъ-за какой-то женщины, передъ которою онъ преклоняется». Встрѣчаетъ она воеводу Пламенаца, друга Марко Миланова. «Куда ты, Милена?»—«Меня прогоняетъ отъ себя Марко, онъ разлюбилъ меня».—«Неужели во всей Черногоріи нѣтъ другихъ мужчинъ, кромѣ Марко, что ты такъ горько плачешь? Другой готовъ отдать все, что у него есть, чтобы имѣть такую красавицу, какъ Милена». Заслушалась Милена рѣчей Ильи. Она посмотрѣла на него. И онъ тоже статный, красивый мужчина,—отчего же мнѣ не полюбить его. Онъ тоже храбрый полководецъ: не мало турецкихъ головъ срубилъ онъ своимъ ятаганомъ. «Иду за тобою», сказала Милена... Когда началась война съ турками, Марко обошли, ему дали маленькій отрядъ, а командованіе отдали Пламенацу. Боялись, что его популярность возрастетъ въ случаѣ побѣды, а въ его способностяхъ не сомнѣвались. Турки окружили войско Пламенаца, который объ этомъ не подозрѣвалъ и лежалъ въ своей постели. Марко узнаетъ, что предстоитъ его сопернику, и спѣшитъ туда съ своимъ маленькимъ отрядомъ. Онъ возбуждаетъ своимъ примѣромъ войска Пламенаца и разбиваетъ турокъ.

Милена почувствовала, что ей предстоитъ быть матерью. У нея есть братъ, но братъ этотъ трусъ и не хочетъ отомстить за сестру. Народъ негодуетъ на брата Милены, который не знаетъ, что за позоръ сестры слѣдуетъ мстить ятаганомъ. Пламенацъ въ разговорахъ съ разными лицами сваливаетъ вину на Марко. Марко не знаетъ ничего объ этихъ козняхъ, и когда его спрашиваютъ, говоритъ всѣмъ: «Я знаю Пламенаца; вину беру я на себя, Милена будетъ моею женою». Милена уже не хочетъ вернуться къ Марко. Сердце ея слишкомъ наболѣло отъ прежней обиды. Она останется тамъ, и гордому Марко будетъ наказаніе. Она слышала, какъ смерть готовили ему. Во дворцѣ рады будутъ, если этотъ популярный, непобѣдимый Марко исчезнетъ съ лица земли. У Ильи есть братъ, и вотъ онъ убьетъ Марко. Братъ у Ильи былъ трусъ, онъ боялся встрѣтиться съ глазу на глазъ съ Марко. Гдѣ ему справиться съ его могучею рукою. Надо его подкараулить, подстеречь, когда онъ будетъ ѣхать одинъ въ лѣсу. «Марко, тебя хотятъ убить, ты прими мѣры», говорили ему. Онъ ѣдетъ въ лѣсу, а врагъ его стережетъ. «Какъ будто что-то щелкнуло», сказалъ Марко своему товарищу. То была осѣчка въ ружьѣ попа. Онъ не рѣшился стрѣлять въ другой разъ, суевѣрный страхъ напалъ на него, и онъ бѣжалъ изъ лѣса. Марко идетъ въ трактиръ и тамъ видитъ попа. Тотъ дружески встрѣчаетъ его, подчуетъ его виномъ, но Марко осѣнила мысль

и онъ говоритъ ему: «ты замышляешь что-то недоброе противъ меня».—«Марко, тебя хочетъ видѣть народъ», говорятъ ему, и онъ идетъ на улицу. Товарищъ накидываетъ на него кабаницу. И вотъ онъ посреди своего народа. Вдругъ раздается выстрѣлъ, и Марко, падая, схватываетъ револьверъ и направляетъ его туда, откуда раздался выстрѣлъ.

Илья, узнавъ, что Марко упалъ замертво, говоритъ: «собакѣ собачья смерть». Но Марко живъ, его спасла кабаница. Онъ узнаетъ, что мстители, въ числѣ 20 человѣкъ, хотятъ убить его соперника. Марко посылаетъ друга съ своимъ кольцомъ и съ приказаніемъ людямъ вернуться. Жизнь Ильи спасена, но Марко знаетъ, что Илья съ этого момента рискуетъ быть застрѣленнымъ. Марко разсылаетъ самыхъ вѣрныхъ людей для охраны Ильи. Закончивъ такимъ великодушнымъ поступкомъ свои распри съ Ильею, онъ удаляется въ свое воеводство... Забытый великими міра сего, онъ доживаетъ свою жизнь.

Гр. де-Волланъ.

NB Прилагаю при семъ извлеченіе изъ письма И. С. Аксакова.

Я догадался, что Вы проѣхали прямо къ себѣ въ деревню, и передалъ свою догадку Вашей тетушкѣ, Варварѣ Францовнѣ, которая обращалась ко мнѣ съ вопросомъ, гдѣ Вы, куда Вамъ писать (это было ей нужно по какому-то дѣлу).

Напрасно Вы сѣтуете на мое безмолвіе. Я Вамъ писалъ въ Цетинье, но должно быть оно до Васъ не дошло, или пришло, когда Вы уже оттуда уѣхали. Затѣмъ Вы телеграфировали изъ Корфу и изъ Филиппополя. Въ Филиппополь я Вамъ телеграфировалъ, что никакихъ такихъ порученій, о коихъ можно было бы передать по телеграфу, я не имѣю. Помнится, что разъ телеграфировалъ и въ Каттаро для передачи Вамъ о полученіи Вашихъ донесеній и отчетовъ. Извлеченіе изъ Вашего большого письма со всѣми квитанціями и расписаніемъ одѣяній по націямъ было нами за Вашею подписью напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Затѣмъ уже было получено Ваше письмо о злоупотребленіяхъ, которое, *конечно, напечатано не было, но лишь сообщено многимъ Членамъ Совѣта*. Оно утвердило меня въ мысли о непроизводительности затраты денегъ подобнымъ маннеромъ. Мы только деморализуемъ черногорцевъ, кормя ихъ третью зиму, и даемъ фальшивое понятіе о денежномъ богатствѣ Россіи. Попрошайничество страшно развито и у черногорцевъ, и у сербовъ. Даже воспитывающіеся здѣсь, въ Москвѣ, получающіе одинаковыя стипендіи съ болгарами, вѣчно пристаютъ съ просьбами, тогда какъ болгары довольствуются получаемымъ и учатся во сто разъ

лучше. Устранить злоупотребленія можно было бы *личною* раздачею платья и денегъ дѣйствительно нуждающимся, но это не по силамъ агентамъ, для этого нужно было бы отрядить цѣлую роту раздатчиковъ, такъ какъ въ самой странѣ нѣтъ правильной надежной организаціи и никакихъ путей сообщенія.

Въ принципѣ я ничего не имѣю противъ выдачи денегъ князю на школу, но Вы немножко поторопились [1]). Какая тутъ навигаціонная школа, когда самый портъ отнимаютъ. Да и руки опускаются, не хотятъ работать на Австрію...

Искренно преданный
Ив. Аксаковъ.

---

[1]) Давая деньги князю на навигаціонную школу, я поступилъ такъ вопреки совѣту Іонина, который не совѣтовалъ давать князю много денегъ. Но я руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что нѣсколько тысячъ, розданныхъ по мелочамъ, принесутъ мало пользы, а князь, во всякомъ случаѣ, если и не употребитъ ихъ на навигаціонную школу (первое начало славянскаго флота на Адріатикѣ), то воспользуется ими на неотложныя нужды Черногоріи. И въ этомъ вопросѣ онъ лучшій судья. *Авт.*

Дѣдъ мой В. В. Пеликанъ[1]).

Жизнь и дѣла дѣда.

Отношенія дѣда къ семейству.—Мой старшій братъ Венцеславъ.—Происхожденіе дѣда.—Онъ поступаетъ въ медико-хирургическую академію.—Избраніе въ профессоры виленскаго университета.—Ненависть къ дѣду поляковъ.—Дѣдъ и Мицкевичъ.

До поступленія въ школу я воспитывался частью въ домѣ отца, частью въ домѣ дѣда. Старшаго моего брата Венцеслава, о которомъ не мало будетъ говориться въ настоящихъ воспоминаніяхъ, дѣдъ взялъ къ себѣ еще шестинедѣльнымъ ребенкомъ, въ 1845 году. Его отцу и матери онъ просто объявилъ, что оставляетъ ребенка у себя на воспитаніе и не отдастъ его имъ, пока не будетъ принужденъ къ тому судомъ или иною, еще болѣе могущественною по тѣмъ временамъ властью. Сынъ и невѣстка, само собой разумѣется, и подумать не могли объ обращеніи къ кому бы то ни было съ жалобой на старика. Впрочемъ, брату отъ этого не стало хуже. Дѣдъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1873 г., окружалъ брата особенной любовью и попеченіями, а когда умеръ, оставилъ ему все свое состояніе, хотя имѣлъ троихъ сыновей и дочь. Любовь старика къ внуку была безгранична и за 28 лѣтъ іхъ совмѣстной жизни успѣла вырасти въ крупное общественное явленіе, съ которымъ многимъ въ медицинскомъ мірѣ приходилось считаться. Кто нравился внуку, нравился и дѣду. Отъ каприза сперва ребенка, потомъ юноши, молодого человѣка, наконецъ, взрослаго мужчины, сплошь и рядомъ зависѣло благополучіе цѣлой жизни. Поэтому немудрено, что всегда находились охотники, ничѣмъ не брезгавшіе, чтобы втереться въ дружбу брата, сдѣлаться ему полезнымъ или просто пріятнымъ. Все, что было во власти дѣда—а во власти его было многое—онъ дѣлалъ въ угоду внука. Обладая въ сношеніяхъ

---

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ самостоятельную главу въ воспоминаніяхъ А. А. Пеликана «Во второй половинѣ XIX вѣка», напечатанныхъ въ №№ 2 и 3 «Голоса Минувшаго» за 1914 г. Она въ значительной своей части не является уже «воспоминаніями» А. А. Пеликана, почему мы и помѣщаемъ её отдѣльно. *Ред.*

съ людьми вообще силой воли и непреклоннымъ характеромъ; онъ не находилъ въ себѣ достаточно энергіи противостоять просьбамъ брата, хотя часто находилъ ихъ безразсудными, взбалмошными и способными породить лишь одинъ соблазнъ. Сколько людей, къ которымъ дѣдъ ничего кромѣ презрѣнія питать не могъ, были выведены на дорогу или удостоивались служебныхъ отличій только благодаря капризу брата. Незадолго до своей смерти, дѣдъ провелъ въ члены медицинскаго совѣта одного ничтожнаго виленскаго врача, привлекшаго къ себѣ расположеніе брата своимъ пошлымъ шутовствомъ. На вопросъ дѣда: ради чего онъ домогается быть членомъ совѣта, субъектъ этотъ наивно отвѣчалъ: «желаю имѣть право носить бѣлые панталоны при мундирѣ». Право носить бѣлые панталоны онъ получилъ, но долженъ былъ дать дѣду клятвенное обѣщаніе никогда въ засѣданія совѣта не являться. Подобныхъ случаевъ въ жизни дѣда было много. Все это создавало вокругъ него такую атмосферу, дышать въ которой не могли многіе порядочные люди, готовые относиться къ дѣду, за его во многихъ отношеніяхъ высокія душевныя и умственныя качества, съ искреннимъ расположеніемъ. Впрочемъ, нельзя не отдать брату справедливости: онъ обладалъ чуткимъ сердцемъ, склоннымъ ко всему доброму, и былъ способенъ воодушевляться возвышенными мыслями и благими стремленіями. Въ бытность дѣда директоромъ военно-медицинскаго департамента, братъ, благодаря своимъ настоятельнымъ просьбамъ, многихъ успѣлъ освободить отъ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, когда въ такихъ случаяхъ на долю врачей выпадало рѣшающее слово. Особеннымъ его покровительствомъ пользовались писаря военнаго вѣдомства, съ которыхъ тогда за малѣйшую провинность, а часто даже и безъ всякой вины, спускали шкуру, какъ любили выражаться спеціалисты по этой части. Братъ всегда былъ ихъ ярымъ защитникомъ. Немудрено, что они его боготворили. Къ дѣду онъ входилъ, когда хотѣлъ, не стѣсняясь, былъ ли кто у дѣда, занятъ ли онъ чѣмъ-нибудь, или отдыхаетъ. Слушая доклады дѣду чиновниковъ, онъ вмѣшивался въ доклады, обличалъ докладчиковъ, когда они извращали факты, упрекалъ ихъ во взяточничествѣ или вымогательствахъ.

Кромѣ брата дѣдъ, кажется, никого не любилъ. Ко мнѣ, хотя я прожилъ у него 11 лѣтъ, онъ относился болѣе чѣмъ равнодушно и подчасъ несправедливо. Къ своимъ дѣтямъ онъ былъ холоденъ и ничего не дѣлалъ для ихъ карьеры. Младшій изъ его сыновей—Евгеній, унаслѣдовавшій ему во всѣхъ должностяхъ и званіяхъ, своей карьерой былъ обязанъ исключительно самому

себѣ, своимъ недюжиннымъ дарованіямъ, ученымъ заслугамъ, рѣдкому трудолюбію.

Мой отецъ и братъ его Викторъ, несмотря на свою выдающуюся въ обществѣ популярность, созданную его добротою и интеллигентностью, тянули служебную лямку и были всю жизнь рядовыми чиновниками. Въ то время, какъ разные Маркусы, Сольскіе, Аракины и пр. помѣщали своихъ сыновей въ лицей и правовѣдѣніе, создавая имъ такимъ образомъ прочныя связи въ высшихъ сферахъ, благодаря которымъ тѣ успѣли достичь высшихъ ступеней служебной іерархіи и даже стать во главѣ бюрократической аристократіи, дѣдъ своимъ дѣтямъ и внукамъ стремился дать демократическое воспитаніе. Самъ онъ до конца жизни оставался убѣжденнымъ демократомъ, чуждался придворныхъ сферъ, хотя онѣ подчасъ сильно за нимъ ухаживали, нуждаясь въ его обширныхъ медицинскихъ познаніяхъ и исключительныхъ дарованіяхъ. Онъ не былъ практикантомъ и пользовалъ безвозмездно. Онъ не былъ лейбъ-медикомъ, потому что не домогался этого званія. Его часто призывали на консиліумъ къ высокопоставленнымъ лицамъ «прописывать», какъ онъ шутя выражался, «паспортъ на тотъ свѣтъ». Удивительно послѣдовательный въ своемъ демократизмѣ при воспитаніи дѣтей, онъ только разъ въ жизни пошелъ на уступку, да и то временную. Будучи назначенъ въ 1826 г. ректоромъ виленскаго университета, онъ уступилъ настояніямъ жены, любившей позу, и исходатайствовалъ пожалованіе нашего отца въ пажи. Въ пажескій корпусъ онъ его, однако, не отдалъ. Отецъ воспитывался въ виленской гимназіи, а потомъ слушалъ лекціи въ виленскомъ университетѣ. Братъ Венцеславъ окончилъ военно-медицинскую академію, я—университетъ. Всѣ попытки нашей матери отдать насъ въ лицей и правовѣдѣніе рушились объ упорное сопротивленіе свекра. Только послѣ смерти дѣда ей удалось помѣстить младшаго нашего брата—Бориса (нынѣшній одесскій городской голова) сперва въ правовѣдѣніе, потомъ въ лицей.

Братъ Венцеславъ былъ старше меня на три года. Когда я сталъ подрастать, дѣдъ все чаще и чаще оставлялъ меня у себя, сперва подъ предлогомъ совмѣстныхъ игръ съ братомъ, а потомъ и совмѣстнаго съ нимъ ученья. Когда мнѣ исполнилось 11 лѣтъ, онъ окончательно взялъ меня къ себѣ.

Дѣдъ родился въ г. Слонимѣ, въ 1790 г., отъ «знатныхъ», какъ сказано въ его метрикѣ, родителей. Въ дѣйствительности, его отецъ, Венцеславъ Федоровичъ Пеликанъ, чехъ по происхожденію, переселившійся во второй половинѣ XVIII столѣтія изъ Праги въ Польшу, былъ сперва музыкантомъ въ оркестрѣ

извѣстнаго магната гр. Огинскаго, а потомъ управляющимъ однимъ изъ многочисленныхъ его имѣній въ Гродненской губерніи. Женатъ онъ былъ на полькѣ. Изъ сохранившагося у меня письма прадѣда къ первому покровителю дѣда Эйхгольму, служившему сперва въ Вильнѣ врачебнымъ инспекторомъ, а потомъ въ Петербургѣ инспекторомъ студентовъ медико-хирургической академіи, видно, что прадѣдъ и прабабка были люди интеллигентные и что прадѣдъ не прочь былъ блеснуть въ перепискѣ своею эрудиціей. Отецъ дѣда умеръ вскорѣ по окончаніи послѣднимъ медико-хирургической академіи.

Первоначальное образованіе дѣдъ получилъ въ гродненской гимназіи, которую окончилъ въ 1807 г. съ золотою медалью. Гимназія, повидимому, дала ему превосходное образованіе. Онъ свободно владѣлъ языками: русскимъ, польскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, латинскимъ и греческимъ. Хотя его Mutter-Sprache и былъ польскій, но въ русской его рѣчи не было слышно ни малѣйшаго акцента. На латинскомъ языкѣ онъ читалъ въ молодости лекціи и писалъ научныя сочиненія, въ старости переводилъ классиковъ à livre ouvert и помогалъ намъ разбираться въ латинскомъ синтаксисѣ. Послѣ гимназіи онъ слушалъ лекціи въ виленскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1809 г. по философскому отдѣленію, и въ томъ же году поступилъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ вскорѣ обратилъ особенное на себя вниманіе начальства своими дарованіями и трудолюбіемъ. Академію онъ окончилъ въ 1813 г. съ золотою медалью, при чемъ имя его было выбито на мраморной доскѣ, и былъ оставленъ при ней и. д. адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ хирургіи и субъ-инспекторомъ студентовъ. Въ слѣдующемъ же году получилъ степень доктора, при чемъ по болѣзни и въ виду уже признанныхъ ученыхъ заслугъ былъ конференціей отъ экзамена освобожденъ и получилъ степень доктора медицины и хирургіи послѣ блестящей защиты диссертаціи о переломѣ бедра, послѣ чего былъ утвержденъ въ должности адъюнктъ-профессора.

Въ академіи дѣдъ оставался недолго. Въ 1816 г. въ Вильнѣ умеръ профессоръ хирургіи Нишковскій, и дѣдъ выставилъ свою кандидатуру на открывшуюся каѳедру. Благодаря лестнымъ отзывамъ объ его ученыхъ трудахъ профессоровъ Лэбесвейна и Малевскаго, онъ былъ, 5 мая 1817 г., утвержденъ попечителемъ, кн. Чарторыскимъ, ординарнымъ профессоромъ виленскаго университета по каѳедрѣ хирургіи и анатоміи.

Виленскій университетъ въ то время славился составомъ профессоровъ, въ средѣ которыхъ были такіе европейскіе ученые, какъ Снядецкій, Лелевель, братья Франки, Гроддекъ и др. Бле-

стящій лекторъ, поразительный по техникѣ операторъ (многія труднѣйшія операціи были произведены въ Россіи впервые имъ), онъ вскорѣ сдѣлался извѣстенъ не только въ Россіи, но и за границей. Вскорѣ къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ больные, требующіе хирургической помощи. По свидѣтельству даже самыхъ непримиримыхъ его враговъ, а они весьма многочисленны, ученыя его заслуги громадны. По словамъ Моравскаго, писателя, котораго нельзя заподозрить въ симпатіяхъ къ дѣду, дѣдъ на первыхъ порахъ по прибытіи въ Вильно произвелъ на мѣстное общество самое пріятное впечатлѣніе. «Симпатичный наружностью и элегантными манерами, онъ снискалъ сердца всѣхъ и сдѣлался кумиромъ Вильны».

Къ сожалѣнію, научныхъ лавровъ и общественныхъ симпатій ему показалось недостаточно: имъ обуялъ духъ бюрократическаго честолюбія. Въ стремленіи къ быстрой и блестящей карьерѣ, онъ счелъ за благо для себя порвать связи со своими коллегами литовскими и польскими и отдать всѣ свои силы на служеніе интересамъ русской реакціонной партіи въ Польшѣ. Этимъ онъ возбудилъ къ себѣ непримиримую ненависть польской интеллигенціи, которая жестоко ему отплатила. Всею мощью своего генія Мицкевичъ пригвоздилъ его къ позорному столбу, изобразивъ его въ своихъ знаменитыхъ «Дзядахъ» въ самомъ гнусномъ видѣ. Этимъ дѣду былъ нанесенъ жестокій ударъ, съ которымъ онъ не могъ примириться всю свою долгую жизнь и всячески старался оправдаться въ глазахъ поляковъ, что отчасти ему удалось подъ конецъ жизни.

Возникшее въ 1823 г. дѣло о тайныхъ обществахъ въ средѣ виленской учащейся молодежи сблизило дѣда съ Новосильцевымъ, въ лицѣ котораго дѣдъ нашелъ могущественнаго покровителя и благосклоннаго цѣнителя своихъ трудовъ на пользу реакціи. Сближеніе дѣда съ Новосильцевымъ казалось тогда особенно страннымъ потому, что дѣдъ незадолго до того, въ 1823 г., при самомъ началѣ Новосильцевскаго слѣдствія, выступилъ горячимъ защитникомъ университета противъ Новосильцевскихъ козней, ѣздилъ даже въ Петербургъ, гдѣ старался представить министру «много подробностей въ подлежащемъ освѣщеніи». Результатъ этихъ стараній обѣщалъ быть хорошимъ.

Впрочемъ, не одно честолюбіе побудило дѣда броситься въ объятія реакціи и быть яростнымъ преслѣдователемъ литовско-польской интеллигенціи и искоренителемъ «тлетворнаго состоянія умовъ учащейся молодежи». За это онъ въ молодыхъ лѣтахъ, на 13 году службы, въ чинѣ всего только коллежскаго совѣтника, былъ сдѣланъ ректоромъ Виленскаго Университета. Какъ

ректоръ и правая рука Новосильцева, онъ оставилъ по себѣ поистинѣ печальную память. Всѣ его мѣропріятія, послужившія въ значительной степени прототипомъ для мѣропріятій, которыя впослѣдствіи примѣнялись, на моей уже памяти, и въ русскихъ университетахъ, были проникнуты самыми реакціонными стремленіями. Въ должности ректора онъ оставался до 1831 г., вплоть до самаго закрытія университета. Къ этому времени относятся и первыя его попытки къ примиренію съ поляками, за что онъ и пострадалъ, возбудилъ къ себѣ страшный гнѣвъ Николая I, оставался долго безъ мѣста, даже бѣдствовалъ матеріально и, наконецъ, былъ назначенъ главнымъ докторомъ въ московскій военный госпиталь, что было чувствительнымъ для него пониженіемъ по службѣ. Въ должности этой онъ оставался около 17 лѣтъ. Посѣщая госпиталь, Николай Павловичъ не замѣчалъ дѣда. Имя дѣда въ это время, какъ хирурга, гремѣло по всей Россіи, и у него была громадная практика. Однако дѣдъ не былъ сребролюбивъ и стяжателенъ. Оставилъ онъ послѣ смерти всего какихъ-нибудь 70 тысячъ, изъ коихъ больше половины получилось отъ продажи пожалованной ему къ 50-лѣтнему юбилею земли, въ количествѣ 4000 дес., въ Самарской губ. Только въ 1845 г. судьба снова улыбнулась дѣду. Его служебная звѣзда опять взошла и продержалась высоко вплоть до его кончины, почти безъ перерыва. Въ 1846 г. бывшій тогда военный министръ Чернышевъ сломалъ себѣ ногу, и петербургскія медицинскія знаменитости рѣшили ногу эту отнять. Чернышевъ потребовалъ, чтобъ операція была произведена дѣдомъ, котораго для этой цѣли выписали изъ Москвы. Дѣдъ нашелъ операцію излишней и настоялъ на своемъ мнѣніи. Чернышевъ выздоровѣлъ и въ благодарность реабилитировалъ дѣда въ глазахъ государя. Дѣду были возвращены всѣ милости, и онъ снова былъ призванъ къ высшей административной дѣятельности: назначенъ директоромъ военно-медицинскаго департамента. Была и другая причина.

Дѣдъ явился съ нашей бабушкой въ Вильно, похитивъ ее у перваго супруга. Правда, вскорѣ онъ получилъ возможность сочетаться съ нею церковнымъ бракомъ, но это не подняло ея скомпрометированной репутаціи въ виленскомъ обществѣ. Въ нынѣшнія времена бабушка непремѣнно бы примкнула къ партіи истинно-русскихъ людей. Она была умною и по тѣмъ временамъ весьма образованною и начитанною женщиной, русскою душой и тѣломъ. Она обладала сильнымъ характеромъ и непреклонной волей. Дѣдъ ее очень уважалъ и, видимо, побаивался, считая себя какъ будто въ чемъ-то передъ ней виноватымъ. Еще въ концѣ 20-хъ годовъ, во время пребыванія въ Вильнѣ, она перехватила

его любовную переписку съ женой одного изъ его университетскихъ коллегъ польской національности, но дѣду объ этомъ и виду не показала. Когда она умерла въ 1860 г., онъ нашелъ въ ея бюро пакетъ съ надписью на его имя, въ которомъ оказались перехваченныя тридцать лѣтъ тому назадъ письма. Будучи безконечно самолюбивой и чванной, бабушка не могла простить виленскому обществу пренебрежительное къ ней отношеніе и возстановляла дѣда противъ поляковъ.

Овдовѣвъ, дѣдъ вскорѣ поѣхалъ въ Парижъ и тамъ имѣлъ свиданіе съ нѣкоторыми бывшими его учениками. Мнѣ онъ не разъ говорилъ, что благодаря вліянію и посредничеству любимѣйшаго его ученика, знаменитаго тогда въ Парижѣ окулиста Галэнзовскаго, состоялось примиреніе его съ поляками. Они нашли случай разсмотрѣть спокойно его прошлую дѣятельность въ Вильнѣ и очистить ее отъ ложныхъ нареканій, созданныхъ клеветой и минутнымъ раздраженіемъ.

Въ польскихъ источникахъ встрѣчается не мало обвиненій по адресу дѣда. Ругнулъ его, правда съ чужихъ словъ, и Герценъ въ своей «Тюрьмѣ и ссылкѣ». Имѣется цѣлая ода Михаила Годлевскаго, напечатанная въ Варшавѣ въ 1830 г. и озаглавленная «Проклятіе Пеликану» (Przeklenstwo na Pelikana). Вотъ небольшой отрывокъ изъ этой оды въ подстрочномъ переводѣ: «Пусть поглотитъ тебя мракъ ада! Родная земля лучше бы не носила тебя! Пусть отчаянье, съ какимъ погибло столько моихъ братьевъ, терзаетъ тебя до послѣдняго твоего издыханія! Ты, желая расположить къ себѣ Сѣверную Гидру, въ душѣ своей отрекся отъ Польши. Сколько матерей ты заставилъ плакать на холодныхъ могилахъ сыновей, для которыхъ ты былъ тираномъ, а не родичемъ! Исчезни, дьяволъ, какъ вѣтеръ на могилѣ! Иди отравлять своимъ дыханіемъ Сѣверные края и не тумань зари нашей золотой вольности!.. Знай—куда бы ты ни обратилъ свой губящій взоръ, всюду тебя будетъ преслѣдовать моя обида. Слава Польши широко разойдется по всему свѣту, ты же пропадешь и не засіяешь въ небѣ воспоминаній!»

Но сильнѣй всего достается дѣду отъ Мицкевича въ его мистеріи Dziady (Дзядахъ) [1].

---

[1]) Авторъ воспоминаній имѣетъ въ виду реабилитировать честь своего дѣда, изображеннаго Мицкевичемъ въ знаменитой поэмѣ «Dziady» въ очень черныхъ краскахъ. Мицкевичъ представилъ Пеликана, ректора по назначенію виленскаго университета, какъ сподвижника сенатора Новосильцева, предпринявшаго въ 1823—1824 гг. разгромъ польской учащейся молодежи въ Литвѣ. Участія В. В. Пеликана въ реакціонной политической дѣятельности Новосильцева авторъ воспоминаній не отрицаетъ, но считаетъ несправедливой нравственную характеристику личности Пеликана, какая дается обыкновенно польскими

Переводчикъ сочиненій Мицкевича на французскій языкъ, Христіанъ Островскій прибавилъ и отъ себя нѣсколько примѣчаній, характеризующихъ дѣда и другихъ выведенныхъ въ мистеріи Мицкевича участниковъ виленской драмы.

«По словамъ отца Раймонда», пишетъ Островскій, «Пеликанъ названъ греками онокрataломъ, за свой крикъ, напоминающій крикъ осла. Названіемъ Пеликана онъ обязанъ своему клюву, который, будучи очень длиненъ, а на концѣ нѣсколько сжатъ и расширенъ, напоминаетъ до извѣстной степени форму топора. Оконечность клюва закруглена крючкомъ и имѣетъ ярко-красный цвѣтъ. Горло Пеликана снабжено эластичнымъ мѣшкомъ, которому французы дали названіе «бляги» (blague). Когда мѣшокъ этотъ пустъ, онъ не кажется большимъ, но когда рыбная ловля

историками. Что внуку Пеликана, знающему дѣда по семейнымъ воспоминаніямъ, непріятенъ образъ его, нарисованный Мицкевичемъ въ «Дзядахъ», это вполнѣ естественно. Въ аналогичномъ положеніи былъ и знаменитый польскій поэтъ, младшій современникъ Мицкевича, Юлій Словацкій, отчима котораго, доктора Бекю, Мицкевичъ тоже вывелъ въ своей драмѣ въ очень непривлекательномъ видѣ, какъ прислужника Новосильцева; Словацкій тоже считалъ, что Мицкевичъ оклеветалъ его отчима. Насколько въ такомъ протестѣ, диктуемомъ родственнымъ чувствомъ, есть доля объективной исторической правды, это могло бы показать лишь изслѣдованіе на основаніи документальныхъ данныхъ. Новыхъ документовъ въ подтвержденіе своей точки зрѣнія А. А. Пеликанъ не приводитъ. Главнымъ оправдательнымъ документомъ является сохранившійся въ семьѣ симпатичный образъ дѣда, съ которымъ не вяжется то, что сообщаютъ о его дѣятельности историки виленскаго университета и что изображено въ поэмѣ-драмѣ Мицкевича. Но это противорѣчіе объясняется отчасти эпохой. Чиновный міръ второй половины царствованія Александра I представлялъ очень мрачную картину. Сервилизмомъ, карьеризмомъ, отсутствіемъ всякаго сознанія какой-либо гражданской отвѣтственности, общественной роли своей служебной дѣятельности объясняется часто, что люди, не злые въ семьѣ, вписывали своей служебной дѣятельностью мрачныя и постыдныя страницы въ исторію. Чиновники Западнаго края какъ русскаго, такъ и польскаго происхожденія, не отличались въ этомъ отношеніи отъ бюрократіи въ самой Россіи. Предшественникъ Пеликана, ректоръ Виленскаго Университета Твардовскій, тоже былъ не на высотѣ положенія и игралъ жалкую, хотя и пассивную, роль въ исторіи разгрома учащейся молодежи. Мицкевичъ имѣлъ въ виду не столько личности, сколько духъ служителей деспотизма; въ его драмѣ столкновеніе двухъ міровъ: юнаго міра борцовъ за свободу и міра насилія. Въ этомъ изображеніи онъ не щадитъ и польское общество. И авторъ воспоминаній о В. В. Пеликанѣ неправильно объясняетъ изображеніе послѣдняго личной местью со стороны Мицкевича. Этотъ мотивъ въ творчествѣ М. вообще отсутствовалъ, и не личные счеты сводилъ онъ въ своемъ, поистинѣ, геніальномъ произведеніи, давшемъ правдивую картину поистинѣ ужаснаго времени. Что касается личности В. Пеликана, то большой свѣтъ на нее могли бы пролить мемуары его современника и сослуживца, доктора Франка (послѣдній, какъ иностранецъ, могъ относиться безпристрастно къ личности Пеликана, къ которому польскіе патріоты относились съ ненавистью, за его обрусительную дѣятельность). Но именно тотъ томъ рукописи мемуаровъ Франка, гдѣ онъ говорилъ о Пеликанѣ, исчезъ. И издатель мемуаровъ доктора Франка, докторъ Загорскій утверждаетъ, что уничтожилъ этотъ томъ самъ Пеликанъ (Pamiętniki d-ra I. Franka. Wilno, 1913).

Ред.

богата, размѣръ «бляги» становится поразительно великъ, равно какъ и количество рыбы, которое онъ можетъ вмѣстить.

«Пеликанъ», прибавляетъ отецъ Раймондъ, «можетъ сдѣлаться не только домашнимъ, но и ручнымъ. У дикихъ народовъ наблюдали одного, столь хорошо дрессированнаго, что онъ ежедневно уходилъ на рыбную ловлю и возвращался вечеромъ съ запасомъ мелкой рыбы, пойманной имъ въ болотахъ. Его немедленно заставляли отрыгнуть всю добычу и въ награду давали нѣсколько рыбокъ. Правда, ради избавленія его отъ искушенія глотать пойманную рыбу, ему у основанія перевязывали горло красной ленточкой столь сильно, что онъ не въ состояніи былъ глотать добычу.

«Его мясо жестко и вонюче. Цѣнится Пеликанъ за свою «блягу». Не будь ея, его можно бы принять за лебедя. На него принято смотрѣть, какъ на эмблему любви отеческой и материнской.

«За исключеніемъ этой послѣдней подробности, все, что здѣсь сказано о Пеликанѣ пернатомъ, можетъ быть отнесено и къ Пеликану изъ Пинскихъ болотъ, ректору виленскаго университета, по милости Новосильцева. Хирургъ по призванію, Пеликанъ обожалъ видъ крови и пускалъ ее съ наслажденіемъ».

Печатая эти строки, Христіану Островскому не мѣшало бы знать, что пеликанъ у христіанскихъ народовъ является не только эмблемою любви отеческой и материнской, но и эмблемою Христа, что особенно чтится англичанами, украшающими свои храмы изображеніями пеликановъ.

Будучи воспитанъ дѣдомъ, я могъ хорошо его знать, тѣмъ болѣе, что когда онъ умеръ мнѣ было уже 25 лѣтъ. Я помню, какъ въ дѣтствѣ, лежа въ постели отъ кори, скарлатины, или иной тяжкой болѣзни, я съ нетерпѣніемъ ждалъ возвѣщеннаго пріѣзда дѣда. И вотъ дѣдъ пріѣзжалъ и тотчасъ же вносилъ въ домъ какую-то особенную атмосферу полнаго къ его искусству довѣрія и успокоенія. Съ лаской и увѣренностью подходилъ онъ къ больному, трогалъ пульсъ, лобъ, требовалъ показать языкъ, горло. При этомъ онъ смотрѣлъ такими красивыми, сѣрыми, свѣтящимися умомъ и добротой, глазами, что больному становилось лучше и какъ бы легче на душѣ. Никогда глаза эти не принимали оттѣнка неукротимой злобы или жестокости. Даже въ 83 года они всегда смотрѣли жизнерадостно и привѣтливо, прямо всѣмъ въ лицо. Я хорошо помню времена крѣпостного права, ужасы николаевщины, но мнѣ не приходилось быть свидѣтелемъ, чтобъ рука дѣда на кого-либо подымалась, чтобы съ устъ его исходило приказаніе подвергнуть кого-либо изъ подвластныхъ истязанію.

Въ теченіе многихъ лѣтъ совмѣстной жизни я видѣлъ дѣда ежедневно въ сношеніяхъ съ людьми родовитыми, высокопоставленными, учеными, всюду онъ сохранялъ чувство собственнаго достоинства, ни передъ кѣмъ не унижался и не выпрашивалъ милостей и подачекъ. На всемъ, что онъ считалъ только разумнымъ и справедливымъ, онъ настаивалъ съ твердостью и всегда достигалъ цѣли. Воля его была только тогда парализована, когда дѣло касалось брата. Тутъ чувство какой-то болѣзненной любви доминировало и заставляло подчасъ дѣлать всякія несуразности. Обладая свѣтлымъ умомъ, поразительной памятью, громадной эрудиціей, просвѣщенный глубоко западнымъ гуманизмомъ, дѣдъ всячески старался вселить въ насъ чувство любви къ человѣчеству, законности и просвѣщенію. Проводя въ старческіе годы большую часть времени въ обществѣ молодежи, онъ всегда относился къ ней съ любовью и необычайной снисходительностью. Въ этомъ обществѣ онъ всегда оказывался на одной высотѣ съ запросами времени, спокойно относился къ событіямъ, снисходительно выслушивалъ крайнія мнѣнія и подчасъ безтактныя возраженія, умѣряя кротостью и уговорами пылъ зарывавшейся впередъ молодежи, умѣло предохранялъ отъ «пагубныхъ увлеченій», но никогда не заставлялъ итти вспять по пути просвѣщенія. Словомъ, онъ любилъ молодежь, жилъ ея жизнью, проникался ея интересами. Онъ охотно поучалъ, но его поученія не носили никогда характера той елейной мудрости, которая въ такой сильной степени бываетъ присуща многимъ почтеннымъ старцамъ и которая такъ противна молодежи. Споря подолгу и бесѣдуя съ молодежью, онъ стремился не вселять въ нее свои взгляды и идеи, а заставить сознательно относиться къ происходящимъ въ кругѣ ихъ жизни явленіямъ.

Въ его общественной и государственной дѣятельности было не мало фактовъ, которые заслуживаютъ благодарности и не могутъ быть забыты просвѣщенною Россіею. По его настояніямъ, о чемъ будетъ подробно разсказано въ своемъ мѣстѣ, были отмѣнены сперва въ петербургскомъ учебномъ округѣ, а потомъ и въ остальной Россіи тѣлесныя наказанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Н. Прок. Суслова навѣрно припомнитъ, съ какимъ сочувствіемъ онъ принялъ ее, когда она явилась изъ-за границы съ дипломомъ доктора медицины и какъ онъ провелъ вопросъ о разрѣшеніи ей практики въ Россіи, если она по коллоквіуму въ засѣданіи медицинскаго совѣта окажется обладающею необходимыми для того знаніями.

Дѣдъ, какъ я уже упоминалъ выше, былъ назначенъ ректоромъ виленскаго университета только въ 1826 г. и оставался

въ этой должности около пяти лѣтъ, до закрытія университета въ 1831 г. по случаю польскаго возстанія. Преобразованный въ 1803 г. изъ Виленской главной школы университетъ представлялъ въ то время изъ себя не только высшее ученое учрежденіе, но и учебное, такъ какъ на его обязанности лежало завѣдываніе всѣми учебными заведеніями округа какъ въ учебномъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ. Фактически ректоръ университета несъ тѣ обязанности, какія исполняются нынѣ попечителями учебныхъ округовъ. Попечители въ родѣ кн. Адама Чарторыскаго и Н. Н. Новосильцева какъ по своему государственному значенію, такъ и по своему служебному положенію ничего общаго съ современными попечителями не имѣли: это были «высокіе» покровители, а не администраторы третьяго разряда. И Чарторыскій, и Новосильцевъ оба были личными друзьями Александра I, состояли членами неофиціальнаго комитета, оба были сенаторами, Чарторыскій былъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, а Новосильцевъ состоялъ полномочнымъ делегатомъ при государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго и пользовался полнымъ довѣріемъ цесаревича Константина Павловича, оказывая сильное вліяніе на всѣ отрасли управленія.

У польскихъ писателей, относящихся къ дѣду весьма враждебно, мы находимъ такую его характеристику, какъ человѣка, ученаго и ректора [1]).

Занявшій въ 1817 г., послѣ смерти проф. Нишковскаго, каѳедру хирургіи въ виленскомъ университетѣ Вацлавъ Пеликанъ въ самомъ скоромъ времени стяжалъ себѣ славу талантливаго профессора и выдающагося оператора. (См. выше стр. 136). Симпатичной наружностью и элегантными манерами онъ привлекъ сердца всѣхъ и сдѣлался кумиромъ Вильны.

Когда началось слѣдствіе о безпорядкахъ въ виленскомъ университетѣ, онъ, въ качествѣ члена университетской комиссіи, проявилъ себя горячимъ защитникомъ университета и противникомъ Новосильцевскихъ козней. Онъ даже ѣздилъ съ большимъ успѣхомъ въ Петербургъ съ цѣлью представить министру народнаго просвѣщенія «многія подробности, въ надлежащемъ освѣщеніи». Въ своемъ отчетѣ объ этой поѣздкѣ, отъ 16 сентября 1823 г., онъ писалъ князю Чарторыскому: «Князь-министръ (А. Н. Голицынъ) и петербургское общество смотрятъ на виленскія происшествія, какъ на дѣтскую выходку. Министръ принялъ меня благосклонно. Государь тоже былъ весьма милостивъ».

---

[1]) См., напр.: Moscicki «Wilno i Warszawa w «Dziadach» Mickiewicza. War. 1908 и Bieliański. Historja Uniwersytetu Wileńskiego. Krakow 1899—1900. *Ред.*

Судя по такому началу, трудно было предполагать въ Пеликанѣ будущаго «гонителя наукъ». Но онъ не замедлилъ перейти на сторону Новосильцева и сдѣлаться едва ли не самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ [1]). Причиною этого была жажда быстрой карьеры, имъ обуялъ духъ честолюбія, стремленія къ орденамъ и т. п. Онъ скоро сдѣлался такимъ, какъ тѣ, противъ которыхъ онъ еще такъ недавно возставалъ. Благодаря стараніямъ своего друга Байкова, онъ былъ сдѣланъ ректоромъ по назначенію, а не по выбору, и это было неслыханнымъ въ лѣтописяхъ университета событіемъ. До Пеликана всѣ ректора были выборные. Сдѣлавшись ректоромъ, Пеликанъ ввелъ въ университетскую жизнь небывалый непотизмъ. Ведя широкій образъ жизни, онъ тратилъ общественныя деньги на удовлетвореніе своихъ прихотей и подавалъ этимъ плохой примѣръ подчиненнымъ. Окруженный толпою льстецовъ, онъ вмѣстѣ съ ними думалъ лишь объ обогащеніи. Наука и интересы университета были забыты. Благоволеніе ректора легко пріобрѣталось именинными подарками и только такимъ путемъ можно было разсчитывать на повышеніе. Проигравшій ректору крупную сумму въ карты легко пріобрѣталъ его протекцію. Удобнаго къ тому случая искать не приходилось. Домъ Пеликана былъ пріютомъ азартной игры и всякаго рода непристойныхъ развлеченій. Наполняя университетъ всякою гнилью, Пеликанъ выступилъ ярымъ гонителемъ свободомыслія и благородныхъ стремленій юношескихъ сердецъ. 13-го мая 1828 г. онъ съ гордостью писалъ Новосильцеву: «Наконецъ, благодаря моимъ стараніямъ, могу сказать, что мнѣ удалось вполнѣ перевоспитать учащуюся молодежь».

Цѣлымъ рядомъ политическихъ сысковъ, произведенныхъ въ литовскихъ школахъ, Пеликанъ снискалъ себѣ расположеніе Новосильцева и получалъ награду за наградой. Чтобы доставить удовольствіе Новосильцеву, онъ поручилъ проф. Онацевичу разыскать въ исторіи Польши доказательства, что Чарторыскіе испоконъ-вѣковъ были бунтовщики и цареубійцы. Что касается Мицкевича и прочихъ филоматовъ, находившихся тогда въ изгнаніи внутри Россіи, то Пеликанъ всячески препятствовалъ возвращенію ихъ на родину, въ «гнѣздо вредныхъ замысловъ и стремленій». Руссофильскія тенденціи Пеликана обнаружились еще въ 1824 г., когда онъ былъ выбранъ предсѣдателемъ комитета по обрусенію литовскихъ школъ. Въ 1829 г. ему поручено было предсѣдательствованіе въ виленскомъ цензурномъ комитетѣ и

---

[1]) Перемѣну, происшедшую въ Пеликанѣ, и переходъ его на сторону Новосильцева польскій историкъ Мосцицкій объясняетъ тѣмъ, что онъ учелъ паденіе вліянія Чарторыскаго.

Ред.

за заслуги на цензурномъ поприщѣ ему была назначена добавочная пенсія въ размѣрѣ 1500 р. въ годъ. Въ 1831 г. Пеликанъ выступилъ открытымъ сторонникомъ Россіи и врагомъ возстанія. Онъ всѣми силами старался поддержать порядокъ въ университетѣ и удержать молодежь отъ вмѣшательства въ политику. Съ этою цѣлью онъ, 20 декабря 1830 г., издалъ циркуляръ, воспрещающій учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа разъѣзжаться на рождественскія каникулы по домамъ, дабы не впасть по легкомыслію въ подозрѣніе. Во время революціи онъ занялся устройствомъ лазарета для раненыхъ русскихъ офицеровъ и въ благодарность за это получилъ особое высочайшее благоволеніе. Но виленское общество по-своему оцѣнило дѣятельность Пеликана и избило его палками на улицѣ. Послѣднее обстоятельство заставило его бѣжать изъ Вильны. Въ Петербургѣ онъ былъ назначенъ членомъ медицинскаго совѣта и комиссіи по преобразованію медико-хирургической академіи. Въ концѣ 1838 г. Пеликанъ былъ назначенъ въ Москву главнымъ докторомъ военнаго госпиталя съ сохраненіемъ 4200 р. оклада, который получалъ, будучи ректоромъ университета. Въ 1846 г. былъ назначенъ директоромъ военно-медицинскаго департамента, а въ 1851 г. и президентомъ медико-хирургической академіи. 22-го марта 1863 г., по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія «непорочной» службы, получилъ отъ государя 4037 дес. земли въ Самарской губ. Два года спустя Пеликанъ достигъ наивысшаго, какъ медикъ, въ государствѣ положенія: былъ назначенъ предсѣдателемъ медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. За два года до смерти, по случаю исполнившагося шестидесятилѣтія службы на поприщахъ ученомъ, учебномъ и государственномъ, получилъ при крайне лестномъ высочайшемъ рескриптѣ бриллiантовые знаки къ ордену Александра Невскаго. Умеръ 9 іюля 1873 г., въ собственномъ имѣніи «Пеликаны», Ковенской губерніи.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, въ виду явной непримиримости польской и русской правительственной точекъ зрѣнія, о служебной дѣятельности дѣда въ Вильнѣ, я тѣмъ не менѣе считаю вполнѣ справедливымъ утверждать, что не университетская дѣятельность дѣда породила ему столько враговъ среди польской интеллигенціи, а причины, имѣвшія лишь отдаленное отношеніе къ этой дѣятельности. Какъ ректоръ, дѣдъ, несомнѣнно, былъ и умнѣе, и искреннѣе своихъ предшественниковъ—Малевскаго и Твардовскаго. Если дѣятельность его и была реакціонна, а иною она по условіямъ времени и быть не могла, не слѣдуетъ забывать,

что онъ сталъ ректоромъ въ первый годъ царствованія Николая I. Мнѣ приходилось часто встрѣчать въ домѣ дѣда его многочисленныхъ учениковъ, польскихъ друзей, оставшихся навсегда ему признательными за то, что онъ, въ свое время, сумѣлъ удержать ихъ отъ вмѣшательства въ политику.

Да и польская эмиграція, въ составѣ коей находилось много учениковъ дѣда, и та приняла его въ Парижѣ, въ 1861 г., какъ я уже говорилъ, весьма радушно. Но я не могу оставить безъ возраженія обвиненіе дѣда въ томъ, что «домъ его въ Вильнѣ былъ домомъ азартной игры и всякихъ непристойныхъ развлеченій», «что проигрышемъ ему въ карты можно было пріобрѣсти его покровительство», «что, живя широко, онъ расходовалъ на себя общественныя деньги». Я утверждаю, что все это клевета, не находящая себѣ малѣйшаго оправданія во всей долгой жизни дѣда. Какъ врачъ, какъ человѣкъ, какъ администраторъ, дѣдъ всю жизнь отличался исключительнымъ безкорыстіемъ. Всѣ его сбереженія не превышали 30 т. руб. (если не считать 4000 пожалованныхъ десятинъ, проданныхъ имъ за 32 т. руб.) и въ значительной части образовались отъ выгодной покупки выкупныхъ свидѣтельствъ. Остальное его состояніе образовалось отъ продажи 4000 десятинъ, пожалованныхъ къ юбилею. Между тѣмъ въ Москвѣ у него была обширная практика и онъ большую часть жизни состоялъ въ должностяхъ и званіяхъ, въ которыхъ безъ риска могъ наживаться.

Что же касается отношеній дѣда къ сосланнымъ филаретамъ вообще и къ Мицкевичу въ частности, то эти отношенія заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться. Благодаря дѣду, какъ ректору, Мицкевичъ не получилъ разрѣшенія отлучиться изъ Москвы въ побывку на родину, а какъ предсѣдатель цензурнаго комитета, дѣдъ не согласился на изданіе Мицкевичемъ историко-литературнаго журнала «Iris» и настоялъ на запрещеніи продажи «Конрада Валенрода» въ Польшѣ и Сѣверо-Западномъ краю. Все это послѣдовало при такихъ обстоятельствахъ.

24 марта 1826 г. московскій генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ, сообщая Новосильцеву, что причисленные къ его канцеляріи магистръ юриспруденціи Францъ Малевскій и кандидатъ Адамъ Мицкевичъ, исполняющіе съ усердіемъ возлагаемыя на нихъ должности и ведущіе себя, съ самаго пріѣзда въ Москву, весьма хорошо, испрашиваютъ дозволеніе воспользоваться отпускомъ на родину для устройства семейственныхъ дѣлъ, запросилъ Новосильцева—могутъ ли Малевскій и Мицкевичъ, «по прикосновенности ихъ къ дѣлу, относящемуся до безпорядковъ,

въ Виленскомъ Университетѣ случившихся, быть уволены въ отпускъ». Новосильцевъ затруднился дать отзывъ и потребовалъ заключенія дѣда. Рапортомъ, отъ 3-го сентября того же года, дѣдъ доносилъ Новосильцеву: «во исполненіе предписанія Вашего Высокопревосходительства, имѣю честь донести, что хотя по засвидѣтельствованію г. московскаго генералъ-губернатора означенные Малевскій и Мицкевичъ возложенныя на нихъ должности исполняютъ съ усердіемъ и съ самаго прибытія въ Москву ведутъ себя хорошо, но принимая въ уваженіе, что они по всеподданнѣйшему докладу Комитета, разсматривавшаго по Высочайшему повелѣнію извѣстное дѣло о безпорядкахъ по виленскому университету, признаны дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ тайнаго общества филоматовъ и филаретовъ и высланы для опредѣленія на службу въ отдаленныя отъ Польши губерніи, то, кажется, и не слѣдовало бы такъ скоро удовлетворять ихъ желаніямъ въ дѣлѣ просимаго ими отпуска, тѣмъ болѣе, что по нахожденію въ Вильнѣ, какъ равно и въ другихъ мѣстахъ, многихъ членовъ бывшаго тайнаго общества филоматовъ, появленіе Малевскаго и Мицкевича, получившихъ слишкомъ скоро настоящіе чины, могло бы побудить къ дерзкимъ и несвойственнымъ заключеніямъ. Впрочемъ, могутъ они вести себя хорошо въ Москвѣ, но при всемъ томъ здѣсь, гдѣ было гнѣздо всѣхъ ихъ зловредныхъ мечтаній и замысловъ, нельзя совершенно положиться на ихъ исправленіе. По всѣмъ этимъ поводамъ, въ отвращеніе всякаго могущаго произойти отъ пріѣзда Малевскаго и Мицкевича зла, осмѣливаюсь просить не изъявлять еще теперь своего согласія на пріѣздъ ихъ въ Вильно».

Согласно этому заключенію, Новосильцевъ извѣстилъ Голицына, что надлежало бы повременить съ оказаніемъ испрашиваемаго Малевскимъ и Мицкевичемъ снисхожденія.

Что же касается инкриминируемаго дѣду польскими источниками воспрепятствованія Мицкевичу и Малевскому издавать журналъ «Iris», то по справкамъ оказывается, дѣдъ тутъ не при чемъ. Мицкевичъ ходатайство о разрѣшеніи издавать въ Москвѣ на польскомъ языкѣ историко-литературный журналъ «Iris» заявилъ въ установленномъ порядкѣ Московскому Цензурному Комитету. Дѣло пошло на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. Послѣдній согласія не далъ. Дѣло было разрѣшено на основаніи свѣдѣній, имѣвшихся въ департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ никакихъ сношеній съ виленскимъ учебнымъ округомъ не требовалось. Товарищъ министра Блудовъ далъ такое заключеніе: «если правительство сочло нужнымъ запретить Малевскому и Мицкевичу жить и

служить въ Польшѣ, то, вѣроятно, оно не дозволитъ имъ дѣйствовать на умы въ Польшѣ посредствомъ журнала». Согласно этому заключенію министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ, 13 декабря 1827 г., увѣдомилъ попечителя московскаго учебнаго округа, что самъ собой онъ не можетъ разрѣшить Мицкевичу изданіе журнала на польскомъ языкѣ, входить же о семъ съ представленіемъ къ государю императору онъ не находитъ ни приличія, ни уважительной къ тому причины.

Что касается исторіи съ запрещеніемъ «Конрада Валенрода», то дѣдъ дѣйствительно, какъ предсѣдатель виленскаго цензурнаго комитета, былъ главнымъ виновникомъ запрещенія продажи этой поэмы въ Польшѣ и Сѣверо-Западномъ краѣ.

По словамъ Островскаго Мицкевичъ, какъ я уже говорилъ выше, жестоко отомстилъ дѣду въ III части «Дзядовъ» [1]). Не многими, но могучими штрихами Мицкевичъ изобразилъ дѣда въ самомъ гнусномъ видѣ. «Родичъ хромого бѣса», «Пинтюхъ», т.-е. уроженецъ Пинскихъ болотъ, одинъ изъ злыхъ духовъ лѣвой стороны; дѣдъ, титулуемый всюду ректоромъ, является въ Вильнѣ на балу у Новосильцева главнымъ пособникомъ послѣдняго, исполнителемъ всѣхъ чинимыхъ имъ звѣрствъ надъ воспитанниками учебныхъ заведеній виленскаго учебнаго округа, замѣшанными въ дѣло о тайныхъ обществахъ или подозрѣваемыми въ неблагонамѣренности. Глупый, вѣчно пьяный, циничный Новосильцевъ, передъ которымъ дѣдъ подличаетъ и унижается, стараясь во что бы то ни стало дискредитировать своего соперника, домашняго врача Новосильцева, д-ра Бекю, такъ какъ Новосильцевъ обѣщалъ мѣсто ректора университета тому, кто окажется подлѣе».

III часть «Дзядовъ», представляющая совершенно самостоятельную поэму, рисуетъ преслѣдованія польской учащейся молодежи въ Литвѣ. По образцу нѣмецкихъ союзовъ молодежи, польскіе юноши образовывали тайныя патріотическія общества. Къ одному изъ нихъ принадлежалъ и самъ Мицкевичъ. Уже послѣ окончанія университета Мицкевичъ, бывшій въ то время учителемъ ковенскаго уѣзднаго училища, былъ арестованъ по дѣлу о студенческомъ обществѣ. Мицкевичъ былъ высланъ во внутреннія губерніи Россіи, его другъ, главный вдохновитель молодежи, Занъ былъ высланъ въ Оренбургскую губернію. Университетская молодежь сравнительно мало пострадала, но зато учащіеся среднихъ школъ сдѣлались жертвами непонятно жесто-

---

[1]) III часть поэмы «Dziady» на русскій языкъ не переведена. Краткое изложеніе ея даетъ проф. А. Л. Погодинъ. «Адамъ Мицкевичъ, его жизнь и творчество», т. II. Москва. 1912 г. *Ред.*

кихъ репрессій. Ихъ приговаривали къ смертной казни, которая замѣнялась каторгой; на допросахъ, желая вынудить показанія, мальчиковъ били.

Среди учениковъ Крожскаго училища возникло общество «Черныхъ братьевъ», главную роль въ которомъ игралъ ученикъ VI класса Кипріанъ Янчевскій. По иниціативѣ Янчевскаго было рѣшено произвести безпорядки сперва въ Крожскомъ училищѣ, а затѣмъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Литвы. Янчевскій и его товарищи полагали, «чѣмъ больше будетъ виновниковъ, тѣмъ менѣе будетъ имъ наказаніе». Начали свою дѣятельность «Черные братья» расклейкой въ Крожахъ патріотическихъ стиховъ и разсылкой ученикамъ и обывателямъ воззваній, въ коихъ, однако, никакихъ призывовъ къ активной дѣятельности не заключалось. Какъ только до Новосильцева дошло извѣстіе о появленіи воззваній, въ Крожи была тотчасъ же (6 декабря 1823 г.) послана слѣдственная комиссія, въ составѣ предсѣдателя Байкова и членовъ Ботвинко и Кроликовскаго. Привлеченныхъ къ слѣдствію учениковъ было велѣно судить военнымъ судомъ, который приговорилъ Янчевскаго и Витkeвича къ смертной казни, а остальныхъ четырехъ къ вѣчной каторгѣ. Великій князь нѣсколько смягчилъ этотъ жестокій приговоръ: Янчевскаго и Зеленевича велѣно было сослать въ каторжныя работы въ крѣпости на 10 лѣтъ, а потомъ сдать въ рядовые безъ выслуги; если же окажутся неспособными къ военной службѣ, то сослать въ Сибирь на поселеніе; Витkeвича, какъ малолѣтняго, а также Песляка, Ивашкевича и Сухоцкаго отдать въ солдаты на Оренбургскую линію безъ выслуги; всѣхъ лишить дворянскаго званія и взыскать съ нихъ судебныя издержки. Учителя Пашкевича велѣно было заключить на 2 года въ Бобруйскъ. Въ Кейданахъ сынъ смотрителя мѣстнаго училища Янъ Моллесонъ (въ «Дзядахъ» Ролисонъ), влюбившись до безумія въ Амалію Рейнгардтъ и не добившись взаимности, рѣшилъ совершить такой поступокъ, который бы его прославилъ и за который его бы казнили. Съ этою цѣлью онъ учинилъ на стѣнахъ и на заборѣ училища надпись: «пускай, что хотятъ съ нами дѣлаютъ, но великій князь Константинъ не избѣжитъ своей участи и т. д.». Старикъ Моллесонъ, не подозрѣвая, что авторъ этихъ надписей его сынъ, довелъ о случившемся до свѣдѣнія Твардовскаго, и въ Кейданы немедленно нагрянули Байковъ, Ботвинко и Кроликовскій. Ѣздилъ туда и Твардовскій. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу Чарторыскому: «Я имѣлъ возможность узнать изъ достовѣрныхъ источниковъ, какъ учениковъ наказывали розгами и до тѣхъ поръ мучили на допросахъ, пока не получали желаемыхъ

отвѣтовъ». Нѣтъ ничего удивительнаго, что молодые люди, запуганные и замученные инквизиторами, взвели на себя ложно обвиненіе въ заговорѣ на жизнь великаго князя. Военный судъ приговорилъ Моллесона, 19 лѣтъ, и Тира, 17 лѣтъ, къ смертной казни, которая была замѣнена великимъ княземъ ссылкой въ каторжныя работы въ Нерчинскъ на всю жизнь; другіе подверглись инымъ наказаніямъ, между прочимъ—публичнымъ тѣлеснымъ. Кейданская школа по повелѣнію государя была въ 1824 г. закрыта, и Новосильцевъ запретилъ принимать ея бывшихъ учениковъ во всѣ другія учебныя заведенія.

Въ польскихъ источникахъ имѣется весьма интересное письмо дѣда къ Твардовскому. Въ апрѣлѣ 1824 г. дѣдъ, въ отсутствіи Твардовскаго, исполнялъ должность ректора. Въ это время пришло извѣстіе о дѣлѣ учениковъ 4-класснаго піярскаго училища въ Поневѣжѣ, Дѣдъ немедленно туда отправился и пришелъ въ ужасъ отъ дѣйствій Байкова, Ботвинка и Кроликовскаго. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу Твардовскому: «Ты, очевидно, неспокоенъ вслѣдствіе печальныхъ происшествій послѣдняго времени, и правъ. Поневѣжское дѣло научило меня ближе узнать людей; совѣсть, справедливость, все идетъ на сторону... Погубить нѣсколько человѣкъ несчастныхъ невинныхъ ничего не значитъ, если этимъ можно заслужить милостивый взглядъ. Будь увѣренъ, мой прекрасный господинъ, что подобнаго порученія никогда больше не приму на себя. Я уже отказался отъ поѣздки въ Ковно и послалъ туда Кукольника (брата поэта), который счастливѣе меня, такъ какъ не имѣетъ такого товарища, какъ я».

Происшествія въ Ковно и Поневѣжѣ, о которыхъ дѣдъ упоминаетъ въ настоящемъ письмѣ, способны и въ настоящее время навести ужасъ на добрыхъ людей. Въ Поневѣжѣ были разосланы письма, угрожавшія смертью деспотамъ и всѣмъ, кто держитъ ихъ сторону. Подозрѣніе пало на братьевъ Венкевичей: Іосифа, 19 лѣтъ, и Александра, 13 лѣтъ. На допросѣ у Кроликовскаго, Платона Кукольника и Ботвинка Іосифъ Венцковичъ, получивъ 150 розогъ и въ виду угрозы, что его будутъ сѣчь, пока у него будетъ держаться душа въ тѣлѣ, признался во всемъ, что отъ него требовали. Будучи доставленъ въ Вильно, Венцковичъ отказался отъ своихъ показаній и показалъ слѣды розогъ. Предсѣдатель военнаго суда, баронъ Розенъ, обратился къ Новосильцеву за инструкціями. Былъ командированъ въ Поневѣжъ губернаторскій чиновникъ Леге, который получилъ отъ школьнаго начальства удостовѣреніе, что Венцковичъ былъ наказанъ розгами въ школѣ за непослушаніе. Новосильцевъ приказалъ дать вѣру первому показанію Венцковича. Приговоромъ военнаго суда

Іосифъ Венцковичъ былъ сданъ въ солдаты на Оренбургскую линію, безъ выслуги, а Александръ, какъ малолѣтній, былъ исключенъ изъ училища.

Въ Ковно за подкидываніе русскихъ стиховъ о цесар. Константинѣ Павловичѣ были отданы подъ военный судъ Ольшевскій, Дембинскій, Онуфрій Микевичъ, Товіанскій и Высоцкій. Первые двое были приговорены къ смертной казни, но затѣмъ Ольшевскому смертная казнь была замѣнена ссылкой въ каторжныя работы, Дембинскаго, какъ малолѣтняго, было приказано отдать въ солдаты съ правомъ выслуги въ крѣпостяхъ, не лишая дворянства. Съ прочими приказано было поступить согласно съ приговоромъ, а именно—заключить въ тюрьму на разные сроки, а Товіанскаго отдать подъ надзоръ полиціи.

Отголоски этихъ событій и находимъ въ 8-й сценѣ III части «Дзядовъ».

Названіе «Дзяды» ближе всего перевести по-русски «Поминки, задушный день, праздникъ поминовенія умершихъ». На Литвѣ существовалъ обычай устраивать на общій счетъ ежегодно, въ ночь на 2-е ноября, въ какомъ-нибудь нежиломъ, недалеко отстоящемъ отъ кладбища помѣщеніи роскошный ужинъ, принять участіе въ которомъ призывались, посредствомъ разныхъ заклинаній и обрядовъ, души умершихъ предковъ. Обычай этотъ былъ весьма еще распространенъ въ началѣ прошлаго вѣка. [1])

... Новосильцевъ въ гостиной. Онъ только что пообѣдалъ и теперь пьетъ кофе съ ликеромъ. Его окружаютъ: камергеръ Байковъ, домашній врачъ (Бекю) [2]), ректоръ Пеликанъ. Вдали за отдѣльнымъ столомъ—секретарь. Въ сосѣднемъ залѣ—танцы. Рѣчь Новосильцева пересыпана французскими фразами. Бекю всячески старается снискать благоволеніе Новосильцева, но это ему не удается.

Докладываютъ что купецъ Капицынъ требуетъ уплаты по счету, грозя подать въ судъ. Новосильцевъ вспоминаетъ, что у Капицына есть сынъ. «Правда, онъ еще ребенокъ, но всѣ они дѣти, а загляните-ка имъ въ душу! Капицынъ-сынъ—хитрый воробей! Онъ въ Москвѣ, въ кадетахъ, навѣрно подготовляетъ мятежъ въ арміи. Надо его вытребовать въ Вильно, захватить его бумаги» [3]).

---

[1]) Въ виду того, что третья часть поэмы Мицкевича не переведена и неизвѣстна русскому обществу, авторъ передаетъ ниже содержаніе III ч. «Дзядовъ».

[2]) Бекю—отчимъ знаменитаго поэта Юлія Словацкаго. Въ драмѣ Мицкевича онъ не названъ по фамиліи и именуется просто «докторомъ», но узнать его легко. Словацкій обидѣлся за память отчима и вызывалъ Мицкевича на дуэль, которая, однако, не состоялась.

[3]) Здѣсь не дословный переводъ діалога, а сокращенное изложеніе.

Пеликанъ ждетъ приказаній Новосильцева насчетъ Ролинсона (Моллесона). Этого Ролинсона пришлось посѣчь, чтобы вынудить у него признаніе, а онъ отъ порки заболѣлъ. Сколько ударовъ ему дано?—Пеликанъ не знаетъ. Онъ присутствовалъ при экзекуціи, но ударовъ не считали. Ботвинко допрашивалъ. «Ну, этотъ,—замѣчаетъ по этому поводу Байковъ,—охулки на руку, если только въ ударѣ, не положитъ. Держу пари, что онъ всыпалъ ему по меньшей мѣрѣ триста штукъ!»

Возможность вынести триста ударовъ приводитъ Новосильцева въ изумленіе. Онъ до сихъ поръ думалъ, что крѣпостью кожи русскіе превосходятъ всѣ народы, а у измѣнника кожа оказалась еще лучше выдѣланной, чѣмъ у русскихъ. Любой честный солдатъ успѣлъ бы десять разъ умереть отъ такой порки! «И что жъ? Такъ мальчишка и не признался!» Какое неизвинительное упорство!

Входитъ лакей и докладываетъ, что пришли двѣ женщины, тѣ самыя, которыя ходятъ каждый день. Одна изъ нихъ слѣпая, зовутъ ее Ролинсонъ. На этотъ разъ она явилась съ письмомъ княгини Зубовой [1]). Ее теперь нельзя не принять.

Входитъ мать Ролинсона въ сопровожденіи Кмитовой и монаха Пьера. Она молитъ о пощадѣ сына. Сынъ ея отлично учился, уроками кормилъ и ее, и себя. За что же его избили до полусмерти? Кто могъ ей сказать это? Никто. Сама догадалась. У нея, какъ у слѣпой, обостренный слухъ. Въ тюрьму ее не допустили. Въ отчаяніи она усѣлась у тюремной стѣны на завалинкѣ и приложила ухо къ стѣнѣ. Черезъ стѣну услыхала раздирающіе душу крики, какъ бы выходившіе изъ подземелья. Это былъ крикъ ея сына. Его пытали. Она не могла не узнать его голоса. Овца и та различаетъ въ стадѣ блеянье своего ягненка. Теперь она молитъ дать ей свиданіе съ сыномъ. Новосильцевъ милостиво обѣщаетъ, но приглашаетъ притти за окончательнымъ отвѣтомъ въ 7 часовъ.

Ролинсонъ удаляется, благословляя Новосильцева. «Я всегда говорила другимъ матерямъ, что сенаторъ не можетъ быть такимъ злымъ, какъ про него говорятъ. Вѣдь и онъ Божье созданье, и онъ тоже вскормленъ материнскою грудью. Всѣ надо мною смѣялись, а вышла моя правда. Вы сами не были, какъ слѣдуетъ, освѣдомлены, г. сенаторъ. Васъ окружаютъ злодѣи, не слушайте ихъ. Лучше спросите насъ. Отъ насъ вы можете узнать всю правду».

---

[1]) Вдова фаворита Екатерины II, полька по происхожденію, урожденная Валентиновичъ. Новосильцевъ былъ страстно въ нее влюбленъ, и она пользовалась своимъ на него вліяніемъ для облегченія участи заключенныхъ.

«Хорошо, хорошо,—спѣшитъ успокоить ее Новосильцевъ— Мы поговоримъ объ этомъ другой разъ, сегодня я очень занятъ. Передайте отъ меня княгинѣ, для нея я готовъ сдѣлать все, что только въ моей власти. Ну, теперь ступайте. А вы, аббатъ, останьтесь, мнѣ надо сказать вамъ пару словъ».

Отдѣлавшись отъ Ролинсонъ, Новосильцевъ набрасывается на лакеевъ. «Эй, вы! Олухи, негодяи! Стоите у дверей и пускаете всякій сбродъ. Я выучу васъ служить мнѣ, бездѣльники! Ну бѣги кто-нибудь за этой мегерой по пятамъ. Сто-ой! Ступайте лучше вы, Пеликанъ. Какъ только она выйдетъ отъ княгини, проводите ее въ тюрьму для свиданія съ сыномъ и заприте тамъ покрѣпче. А васъ, мошенники, я выучу, какъ служить мнѣ! Что? Самъ я приказалъ впустить ее? Да ты еще смѣешь отвѣчать мнѣ, своему барину? У поляковъ, видно, научился? Погоди, я тебя проучу. Отправить его сейчасъ въ полицію и приказать, чтобы ему всыпали тамъ сотню горячихъ!..»

«Не соблаговолите ли, ваше превосходительство», докладываетъ Пеликанъ, «остановить вниманіе на томъ, что, несмотря на всѣ принятыя мѣры къ сохраненію тайны, неблагонамѣренныя лица распространяютъ по городу слухи, что Ролинсонъ подвергся въ тюрьмѣ истязаніямъ. Необходимо какъ можно скорѣе покончить съ этимъ слѣдствіемъ, а не то лица эти найдутъ, пожалуй, возможность очернить въ глазахъ государя чистоту вашихъ намѣреній».

«Я только что хотѣлъ сказать то же самое»,—съ своей стороны вставляетъ Бекю. «Съ нѣкоторыхъ поръ Ролинсонъ находится въ сильно возбужденномъ состояніи, хочетъ лишить себя жизни и навѣрно выбросился бы изъ окна, если бы не рѣшетки...»

«Ну, что жъ», возражаетъ на это Пеликанъ, «у Ролинсона болѣзнь легкихъ, онъ помѣщается въ третьемъ этажѣ, спертый воздухъ ему вреденъ, ему можно дать доступъ къ окну. Я прикажу убрать рѣшетки».

Новосильцевъ слушаетъ Пеликана и Бекю разсѣянно. «Смѣть надоѣдать мнѣ съ этой старой бабой, когда я пью кофе! Я не могу имѣть минуты покоя!» Бекю спѣшитъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы завязать съ Новосильцевымъ разговоръ. «Я неустанно твержу вашему превосходительству, что надо беречь здоровье, что не слѣдуетъ послѣ обѣда заниматься дѣлами. Послѣобѣденныя занятія подкапываютъ здоровье». Новосильцевъ съ нимъ несогласенъ. Служба прежде всего. Кромѣ того, занятія послѣ обѣда возбуждающе дѣйствуютъ на переполненный желудокъ, подымаютъ желчь и способствуютъ пищеваренію. Послѣ

обѣда такъ и хочется voir donner la question (посмотрѣть, какъ допрашиваютъ съ пыткой).

Забота о здоровьѣ Ролинсона не выходитъ изъ головы Пеликана. Что, если мальчишка вздумаетъ умереть сегодня? «Тогда вы его похороните», распоряжается Новосильцевъ. «Если желаете, можете набальзамировать. Кстати, хорошо было бы набальзамировать и тебя, другъ Байковъ. Это тебя прикрасило бы. Собираешься жениться, а выглядишь, какъ трупъ! Знаете, господа, вѣдь онъ у насъ женихъ, женихъ вонъ той хорошенькой барышни, Хлопицкой. Жениху съ такой истощенной мордой приличествовало бы справлять свою свадьбу, подобно Нерону, на островѣ Капри. Не могу постичь, какими средствами могли заставить такой хорошенькій ротикъ произнести фатальное «да»? «Ну, ужъ и «заставить», оправдывается Байковъ. «Пари держу, что черезъ годъ я съ нею разведусь и возьму себѣ въ жены другую хорошенькую дѣвушку. Я буду каждый годъ мѣнять одну молодую жену на другую. Всякая дѣвушка за меня пойдетъ безъ принужденія, если я обращу на нее вниманіе. Развѣ не лестно бѣдной дворяночкѣ стать генеральшей? Спросите аббата, со слезами ли въ такихъ случаяхъ дѣвушки идутъ подъ вѣнецъ?»

Слова эти напоминаютъ Новосильцеву о Пьерѣ. «Подойди-ка сюда, мой херувимъ. Что за глупый и тоскливый у тебя видъ? Надо тебя развеселить. Выпей-ка стаканчикъ рому».—«Я не пью».—«Пей, святой отецъ, если даютъ».—«Я только недостойный братъ».—«Ну, братъ или племянникъ, мнѣ все равно. Скажи-ка, кто сообщилъ матери Ролинсона о ея сынѣ?»—«Я».—«Какого ты ордена?»—«Бернардинскаго».—«Такъ у тебя тамъ, въ орденѣ, имѣются кузены? Ну, говори скорѣй: самъ-то ты отъ кого узналъ? Именемъ государя приказываю тебѣ говорить! Ты вѣдь знаешь, что всякая власть отъ Бога, и что молчаніе, если власть приказываетъ, великій грѣхъ. Ты все молчишь? Знаешь ли, монахъ, что я могу тебя повѣсить?»—«Находиться подъ чьей-либо властью еще не значитъ признавать ея законность. Богъ иногда вручаетъ власть и сатанѣ».—«Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя: кто сообщилъ тебѣ о томъ, что произошло въ тюрьмѣ? Не Отецъ же Небесный? Ну, говори, кто—Богъ? Чортъ? Да отвѣчай же!»—«Ты сказалъ».—«Какъ ты смѣешь говорить мнѣ ты?»

Отвѣтъ аббата Новосильцеву приводитъ Бекю въ крайнее раздраженіе. «Дуралей, развѣ ты не знаешь, что г. сенатору должно говорить Ваше Превосходительство? Пеликанъ, дайте-ка ему урокъ вѣжливости. Залѣпите ему хорошую пощечину». Пеликанъ даетъ пощечину. «Боже!»—молится Пьеръ,—прости

ему, онъ не вѣдаетъ, что творитъ. А ты, братъ Бекю, погубилъ себя такимъ дурнымъ совѣтомъ: ты сегодня же предстанешь передъ Господомъ».

Байкову кажется, что монахъ корчитъ изъ себя дурака. Надо дать ему еще хорошую затрещину; тогда онъ постарается разсказать какую-нибудь забавную исторію. Затрещина дается. «Братъ», предсказываетъ Байкову Пьеръ, «ты послѣдовалъ дурному примѣру, и дни твои сочтены».

Дерзость монаха приводитъ Новосильцева въ ярость. «Подать сюда Ботвинку», кричитъ онъ. «Не выпускать отсюда этого бродягу. Я самъ займусь его допросомъ. Это насъ развлечетъ. Посмотримъ, не развяжется ли тогда его языкъ. Онъ, очевидно, дѣйствуетъ по чьему-либо наущенію». И Новосильцевъ хватается за мысль, которую ему подаетъ Бекю, что главный всему виновникъ—князь Чарторыскій. У Бекю на это имѣются вѣскія доказательства: доносы, подслушанные разговоры, перехваченныя письма. Не мало было имъ потрачено труда и денегъ, чтобы добыть эти доказательства. Приходилось оплачивать шпіоновъ за счетъ скуднаго жалованья. Правда, письма писаны не княземъ, но въ нихъ встрѣчается его имя. Встрѣчаются имена нѣкоторыхъ профессоровъ. Душа всего заговора Лелевель. Новосильцевъ въ восторгѣ. «Дайте,—говоритъ онъ,—я васъ расцѣлую. Даю вамъ честное слово сенатора, что вы можете разсчитывать на самую широкую благодарность. Отправляйтесь немедленно домой за доказательствами. Возьмите съ собой моего секретаря и опечатайте всѣ добытыя вами бумаги».

Бекю собирается уходить. Секретарь тѣмъ временемъ получаетъ отъ Новосильцева приказаніе арестовать Бекю вмѣстѣ съ его бумагами. «Какъ», разсуждаетъ онъ, «я работалъ, велъ все слѣдствіе для того, чтобъ на долю этого господина выпала вся честь и слава! Никогда!»

Передъ уходомъ Бекю смотритъ на свои часы и удивляется, что стрѣлка остановилась ровно на 12 и съ тѣхъ поръ, хотя теперь уже семь часовъ, не подвинулась. «Время тоже для тебя остановилось,—говоритъ ему монахъ.—До слѣдующаго полдня оно для тебя будетъ неподвижно. Подумай о душѣ».

Въ гостиную врываются танцующіе гости и требуютъ, чтобы Новосильцевъ принялъ участіе въ танцахъ. Перемѣна декорацій.

Балъ въ разгарѣ. Новосильцевъ танцуетъ. Вслухъ гости восторгаются его граціей, а втихомолку издѣваются надъ нимъ, желаютъ ему свернуть поскорѣй шею. Оркестръ играетъ менуэтъ изъ моцартовскаго Донъ Жуана. Наступаетъ гроза. Оркестръ начинаетъ играть арію Командора. Въ залъ врывается госпожа

Ролинсонъ. Ея несчастный сынъ выбросился изъ окна. Она ищетъ Новосильцева, чтобы размозжить ему голову. «Гдѣ онъ, тиранъ? Не вѣритъ онъ что ли въ адъ, старый пьяница, запачканный кровью столькихъ дѣтей? Я слышу запахъ крови, вотъ гдѣ онъ, палачъ моего сына!» Новосильцевъ въ ужасѣ пятится отъ нея. Ролинсонъ падаетъ въ обморокъ. Гроза усиливается. Вбѣгаетъ Пеликанъ. Онъ въ ужасѣ. Бекю убитъ грозой. Молнія, несмотря на то, что домъ былъ окруженъ десятью громоотводами, проникла въ опочивальню Бекю. Она ничего тамъ не повредила, только рубли, лежавшіе въ изголовьи убитаго, оказались расплавленными. Они послужили проводникомъ для электрическаго тока.

Новосильцевъ пытается возобновить танцы, но гости спѣшатъ разъѣхаться. Жена совѣтника боится оставаться долѣе подъ одной крышей съ Новосильцевымъ. «Я всегда говорила тебѣ, мой другъ», обращается она къ мужу, «не впутывайся въ дѣла школьниковъ, лупи сколько душѣ твоей угодно жидовъ, виноватыхъ и невиноватыхъ, но не трогай дѣтей! Не права ли я? Видишь, что постигло доктора»...

Гости расходятся. Остаются Новосильцевъ, Пеликанъ и Пьеръ.

«Проклятый докторъ», говоритъ Новосильцевъ, «надоѣдалъ мнѣ живой, а мертвый разогналъ моихъ гостей. Скажите, монахъ, какъ могли вы предсказать этотъ случай? Не постигла ли въ самомъ дѣлѣ доктора небесная кара? Надо сказать правду, докторъ любилъ пересаливать... дѣлалъ не то, что повелѣваетъ долгъ... Боже мой! Вѣдь бываютъ же, что тамъ ни говори, предзнаменованія! Почему же не слѣдовать прямому пути? Такъ какъ же аббатъ? Молчитъ? Задумался, повѣсилъ носъ! Не отпустить ли намъ его?»

Тревога Новосильцева смѣшна Пеликану. «Если бы въ преслѣдованіи виновныхъ заключалась опасность небесной кары, молніи слѣдовало бы оказать намъ предпочтеніе передъ другими».

Въ отвѣтъ Пьеръ разсказываетъ двѣ притчи.

«Въ сильную жару нѣсколько путниковъ укрылись подъ тѣнью стѣны. Среди нихъ былъ разбойникъ. Ночью ему явился Ангелъ и предупредилъ, что стѣна скоро рухнетъ и задавитъ всѣхъ укрывшихся. Такъ и случилось. Спасенный разбойникъ возблагодарилъ Господа, но Ангелъ сказалъ ему: «твои грѣхи такъ велики, что ты не избѣгнешь кары, но ты умрешь послѣднимъ и безчестной смертью».

Другая притча: «Римскій полководецъ одержалъ полную побѣду надъ могущественнымъ царемъ... Онъ предалъ смерти всѣхъ

рабовъ, центуріоновъ и начальниковъ, но пощадилъ царя, префектовъ и легіонеровъ. Плѣнники собрались было итти благодарить полководца, но приставленный къ нимъ римскій солдатъ сказалъ имъ: «Правда, полководецъ пощадилъ вашу жизнь, но онъ прикажетъ приковать васъ къ своей побѣдной колесницѣ, ибо вы изъ тѣхъ, кого ведутъ для тріумфа въ Римъ, чтобъ показать римскому народу и слышать, какъ онъ будетъ кричать: «Смотрите на этого полководца, онъ покорилъ такого могущественнаго царя, такихъ великихъ воиновъ». Показавъ васъ народу, онъ отдастъ васъ въ руки палача. Палачъ опуститъ васъ въ черное подземелье, темное и зловонное, тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовный». Такъ говорилъ римскій солдатъ, но плѣнный царь съ гнѣвомъ сказалъ ему: «твои слова—слова безумнаго, тебѣ не приходилось сидѣть за однимъ столомъ съ начальникомъ. Какъ можешь ты знать его мысли и намѣренія?» И царь занялся ѣдой и питьемъ со своими товарищами по плѣну».

Новосильцеву надоѣло слушать эти притчи. «Пошелъ вонъ!»—кричитъ онъ Пьеру. «Убирайся, куда хочешь, но если ты еще разъ попадешься мнѣ на глаза, то знай, я такъ распишу твою кожу, что мать родная тебя не узнаетъ и ты станешь похожъ на Ролинсона».

Съ этими словами Новосильцевъ удаляется съ Пеликаномъ во внутренніе покои.

По польскимъ источникамъ, всѣ принимавшіе участіе въ «крестовомъ походѣ противъ польскаго юношества» покончили жизнь самою ужасною, неожиданною смертью. Бекю, какъ уже было сказано, былъ убитъ молніей. Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ дѣда разсказъ о расплавленныхъ рубляхъ, какъ о феноменѣ въ природѣ, но имени Бекю при этомъ не упоминалось. Скоропостижно умеръ и Байковъ. Въ молодости онъ служилъ по таможенному вѣдомству. Овдовѣвъ, онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ стяжалъ себѣ репутацію игрока и искателя приключеній, что и сблизило его съ Новосильцевымъ. Новосильцевъ привлекъ его къ участію въ слѣдственной комиссіи и сдѣлалъ своей правой рукѣ. Въ Вильнѣ Байковъ незамедлилъ влюбиться въ молоденькую Хлопицкую, согласившуюся назвать его своимъ мужемъ. Отправляясь послѣ безумной оргіи у Новосильцева къ невѣстѣ, Байковъ на пути былъ пораженъ близъ Остробрамскихъ воротъ апоплектическимъ ударомъ, отъ котораго и сошелъ въ могилу. Три дня послѣ его погребенія нѣсколько человѣкъ студентовъ-медиковъ вырыли съ цѣлью (какъ утверждаютъ польскіе источники) изученія явленій апоплексіи его трупъ, при чемъ обнаружилось, что кожа на трупѣ была покрыта продолговатыми

рубцами, такими, какіе образуются отъ ударовъ розогъ. Охваченные удивленіемъ и отвращеніемъ, они бросили трупъ въ рѣку. Предоставленный теченію, онъ поплылъ внизъ по рѣкѣ и остановился у пустынныхъ ея береговъ. Всѣ поиски виновныхъ въ разрытіи могилы были безуспѣшны. Семь дней спустя трупъ былъ найденъ, но онъ былъ уже на половину съѣденъ птицами. Изъ опасенія, вѣроятно, чтобы трупъ снова не вырыли, кости были отвезены въ Петербургъ.

Изъ остальныхъ приспѣшниковъ Новосильцева Ботвинко попалъ подъ судъ и былъ заключенъ въ тюрьму, а Кроликовскаго въ 1831 г. повѣсили инсургенты.

Дѣду была предназначена, какъ то видно изъ пророчества о. Пьера, еще болѣе жестокая участь. Если бы Мицкевичъ пережилъ дѣда, то могъ бы наглядно убѣдиться, что пророчество о. Пьера относительно дѣда не оправдалось. Гнѣвъ Божій, повидимому, дѣда не коснулся. Дѣдъ всю жизнь пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ, умеръ 84 лѣтъ отъ роду на службѣ, которой отдалъ 61 годъ жизни и которая была весьма отвѣтственною, требовала значительнаго запаса физическихъ и умственныхъ силъ. Кончина ему была послана мирная и безболѣзненная. Онъ, строго говоря, уснулъ, а не умеръ.

Несомнѣнно, дѣдъ, будучи ректоромъ университета, дѣйствовалъ въ духѣ крайней реакціи. Во время многочисленныхъ студенческихъ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто во время моей молодости, мнѣ не разъ приходилось выслушивать сужденія дѣда по этому вопросу и могу сказать, что никогда онъ прямолинейнымъ не былъ. Дѣдъ всегда умѣлъ оправдать то или другое, съ его точки зрѣнія, увлеченіе молодежи и всегда былъ готовъ авторитетно предстательствовать за провинившихся.

Дѣдъ сошелъ съ учебно-воспитательнаго поприща въ 1831 г., и до назначенія въ 1851 г. президентомъ медико-хирургической академіи съ дѣятельностью воспитательною ничего общаго не имѣлъ. Между тѣмъ самая сильная реакція нависла надъ виленскимъ учебнымъ округомъ, да и вообще надъ учебнымъ вѣдомствомъ именно въ тридцатые и сороковые года. Могу иллюстрировать это слѣдующими двумя исторіями, найденными мною въ архивѣ Виленской публичной библіотеки. 3 мая 1835 г. въ Свислочской гимназіи обнаружился признакъ политическаго броженія. Нѣкоторые изъ учениковъ, по предложенію одного изъ товарищей, явились въ тотъ день въ гимназію въ бѣлыхъ панталонахъ, по случаю конституціи 3-го мая. Объ этомъ директоръ гимназіи Островскій въ слѣдующихъ выраженіяхъ доносилъ начальнику училища: «Хотя обстоятельства сего края и пріучили

людей къ укрывательству сдѣланныхъ проступковъ, я, дабы не раздражать болѣе долженствовавшей угаснуть народной ненависти, старался секретно открыть виновника, пустившаго вѣсть о наступающемъ 3 мая. Но мнѣ кажется, что не было ни намѣренія, ни сговора между учениками. Сколько я могъ замѣтить, никто изъ нихъ не имѣетъ точнаго понятія о помянутой конституціи. Одни считаютъ ее побѣдой поляковъ надъ русскими, другіе бывшимъ мятежомъ. Не могъ я узнать также, кто въ этотъ день съ намѣреніемъ надѣлъ бѣлые панталоны, ибо многіе изъ учениковъ и прежде въ таковыхъ ходили, какъ въ платьѣ, позволенномъ по положенію. Наиболѣе виновными оказались Ф. Эйсмонтъ, 18 лѣтъ, Воротынскій, 15 лѣтъ, Врублевскій, 18 лѣтъ, Гродзинскій, 18 лѣтъ, Маціевскій, 16 лѣтъ, всѣ дворянскаго происхожденія». Директоръ рѣшилъ ихъ всѣхъ исключить, но лишь по окончаніи учебнаго года.

Между тѣмъ о поступкѣ означенныхъ учениковъ было доведено до свѣдѣнія генералъ-губернатора и министра народнаго просвѣщенія.

Генералъ-губернаторъ кн. Долгоруковъ выразилъ директору свое неудовольствіе. Дѣло это, по его мнѣнію, слѣдовало тотчасъ же рѣшить, «высѣкши учениковъ розгами и исключивши потомъ изъ гимназіи». Директоръ оправдывался, что учениковъ IV класса и выше нельзя наказывать розгами. Министръ гр. Уваровъ приказалъ исключить учениковъ и отдать подъ надзоръ полиціи. Правленіе училищъ, раздѣляя мнѣніе генералъ-губернатора, предложило директору гимназіи принять оное къ руководству.

Уволенный изъ ковенской гимназіи за дурное поведеніе, ученикъ II класса Кузьминъ представилъ, въ январѣ 1842 г., мѣстному полиціймейстеру двѣ тетради съ непозволительными стихотвореніями, относящимися къ мятежу 1831 г. Тетради эти онъ выкралъ изъ портфеля учениковъ VI класса Монтвила и Добишевича. Разслѣдованіемъ было установлено, что и другіе ученики, жившіе съ Монтвиломъ на одной квартирѣ, пѣли пресловутый маршъ Домбровскаго «Ieszcze Polska ne zginęla». За такую провинность виновные были жестоко наказаны розгами въ совѣтѣ гимназіи и въ присутствіи тѣхъ родителей, которые пожелали быть при экзекуціи.

А. Пеликанъ.

Гарибальдійцы во время франко-прусской войны 1870—71 гг.[1]).

(Изъ записокъ волонтера).

Франція переживала трудный моментъ. Имперія Наполеона III была ликвидирована подъ Седаномъ всего через 45 дней послѣ объявленія войны Германіи. Одна крѣпость капитулировала за другой, открывая путь побѣдоносному шествію нѣмецкихъ войскъ къ Парижу. Новое правительство національной обороны должно было напречь всѣ силы, чтобы спасти Францію, брошенную легкомысленно въ войну самомнѣніемъ Наполеона III, упоеннаго иллюзіей внѣшняго могущества. Но то, что создается годами, не можетъ быть исправлено въ мѣсяцы. Катастрофа была неизбѣжна. И сотни тысячъ жертвъ должны были такимъ образомъ искупить наполеоновскій режимъ.

Но «какъ бы ни былъ великъ патріотизмъ націи, она не можетъ вдругъ создавать арміи», сказалъ желѣзный канцлеръ. Какъ ни велика была энергія Гамбетты и Фрейсинэ, какъ ни заманчивы были мечты о возобновленіи «легендарныхъ чудесъ 1792—93 гг.», наскоро создавшіяся арміи національной обороны, необученныя, плохо вооруженныя, должны были уступать передъ силами, организованными военнымъ талантомъ Мольтке. Мѣшала здѣсь и

---

[1]) Риччіотти Гарибальди, сынъ знаменитаго освободителя Италіи, предложилъ образовать отрядъ добровольцевъ для помощи Франціи. Въ виду этого интересно напомнить объ участіи гарибальдійцевъ въ событіяхъ 1870—71 гг. Предложеніе Р. Гарибальди, повидимому, отклонено. По крайней мѣрѣ Г. Эрве опубликовалъ слѣдующее открытое письмо къ Гарибальди въ «Bataille Sindicaliste».

«Нѣтъ! Не приходите теперь во Францію, чтобы сражаться вмѣстѣ съ нами. Когда вашъ славный отецъ примкнулъ къ намъ со своей кучкой героевъ, мы были уже разбиты. Теперь, напротивъ, вѣтеръ войны намъ благопріятенъ: намъ достаточно сопротивляться еще мѣсяцъ, и русскіе войдутъ въ Берлинъ. Вашъ постъ не здѣсь: онъ въ Италіи, чтобы проповѣдывать священную войну противъ врага, который желѣзной поступью давитъ вашихъ братьевъ въ Тріентѣ и Тріестѣ. Вы, столь достойный сынъ вашего отца, скажите Виктору-Эммануилу III, чтобы онъ вспомнилъ Виктора-Эммануила II. Моментъ пришелъ».

внутренняя дезорганизація, которую не могли искупить ни высокіе порывы патріотическаго вдохновенія, ни беззавѣтная храбрость и самопожертвованія отдѣльныхъ лицъ. Но именно эти безкорыстные порывы благороднаго чувства занимаютъ всегда въ лѣтописяхъ военной исторіи особо привлекательныя страницы. Къ нимъ принадлежитъ и выступленіе знаменитаго вождя итальянскихъ революціонеровъ Гарибальди, явившагося вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями Менотти и Риччіотти въ Туръ къ Гамбеттѣ на защиту возрождающейся республики. Престарѣлый вождь не задумался отдать остатки своихъ силъ — «все, что отъ него еще осталось» на защиту правой идеи — національной защитѣ противъ иноземнаго нашествія. Подъ знамена Гарибальди собрались самые разнообразные элементы (см. ниже). Въ Италіи среди республиканцевъ война съ Германіей была непопулярна, слишкомъ не любили здѣсь Наполеона III: «при нашемъ правительствѣ, раболѣпствовавшемъ передъ Тюильри намъ пришлось бы плохо», говоритъ одинъ изъ участниковъ похода «красныхъ рубашекъ» (одежда гарибальдійцевъ) въ 1870 г. во Франціи, но извѣстіе 5 сентября о провозглашеніи республики совершило переворотъ въ общественномъ мнѣніи. На призывъ откликались и тѣ, которые считали, что идуть защищать «потерянное дѣло», которые не вѣрили, что Франція послѣ «двадцатилѣтняго развращенія способна серьезно возстать на народную войну».

Гарибальди получилъ командованіе надъ волонтерами на сѣверо-восточномъ театрѣ войны. Среди гарибальдійцевъ оказался и профессоръ Дормуа, тогда еще молодой студентъ-медикъ парижскаго университета. Отрывки изъ его воспоминаній, изданныхъ въ 1890 г., мы и приводимъ ниже [1]). Они интересны для насъ не описаніемъ отдѣльныхъ батальныхъ сценъ и кровавыхъ поединковъ. Они интересны прежде всего, какъ описаніе порыва молодого республиканца, одного изъ тѣхъ, которые болѣе четырехъ мѣсяцевъ мужественно защищали Парижъ и потомъ такъ дорого заплатили за свой патріотическій подвигъ во время коммуны. Эти воспоминанія довольно живо рисуютъ намъ, что представляла изъ себя въ сущности вогезская армія Гарибальди, силою вещей ставшая «единственнымъ» оплотомъ Франціи на востокѣ [2]). Неустроенная, случайно набранная, плохо обмундиро-

---

[1]) Armée des Vosges 1870—71. Souvenirs d'avant-garde par P. A. Dormoy, officier aux Francs-tireurs réunis, professeur à Colbert. Paris 1890.

[2]) Восточная армія, собравшаяся во второй половинѣ сентября въ Вогезахъ и насчитывающая нѣсколько батальоновъ, должна была дѣйствовать противъ нѣмецкаго корпуса ген. Вердера. Арміей подъ начальствомъ ген. Кабріэля, Вердеръ былъ оттѣсненъ и двинулся на Дижонъ, кото-

ванная—что могла сдѣлать та горсть добровольцевъ-храбрецовъ, которая въ нее частично входила?

Ея дѣйствія были въ концѣ-концовъ неуспѣшны. Правительство національной обороны, рѣшивъ прогнать Вердера изъ Дижона и освободить осажденный Бельфоръ, двинуло на восточный театръ войны стотысячную армію подъ начальствомъ ген. Бурбаки, наполеоновскаго сторонника, враждебно относившагося къ республики. Бурбаки не проявилъ здѣсь достаточной рѣшительности. На помощь Вердеру шла такъ называемая южная нѣмецкая армія подъ начальствомъ Мантейфеля. Гарибальди, который долженъ былъ остановить шестидесятитысячную армію Мантейфеля, не могъ этого сдѣлать со своими малочисленными силами, составленными изъ добровольцевъ и необученныхъ мобилей[1])...

...Кто въ этомъ виноватъ? — Конечно, тяжело сложившіяся обстоятельства. Но во французской исторіографіи сказано несправедливое слово, слагающее всю тяжесть неудачи на Гарибальди. Вотъ, напр., цитата изъ столь извѣстной и распространенной «Исторіи XIX вѣка» подъ редакціей проф. Лависса и Рамбо. «Вогезская армія только парадировала, а ея командиръ, больной и дряхлый, вполнѣ подчинившійся вліянію начальника своего штаба, бывшаго аптекаря Бордоне, дѣлалъ все на свой страхъ, не обращая вниманія на приказы правительства и, какъ выражался Бордоне,—помимо чьего-либо вмѣшательства съ безусловной независимостью»[2]). Читая воспоминанія проф. Дормуа, вынесешь другое впечатлѣніе: виноватъ ген. Бурбаки. Вѣроятно, истина лежитъ, какъ всегда, по серединѣ. Однако какой характерный штрихъ: монархистъ Бурбаки не желаетъ дѣйствовать совмѣстно съ республиканцемъ Гарибальди, съ тѣмъ, кто явился добровольнымъ защитникомъ Франціи во имя идеи республики. На вопросъ парламентской комиссіи,

---

рый и былъ взятъ 30 октября: защитникъ его начальникъ Кот-д'орской арміи полк. Факоннэ былъ смертельно раненъ. Отрядъ Гарибальди еще только началъ формироваться — въ немъ числилось 3—4 роты. Послѣ такой неудачи восточный корпусъ былъ присоединенъ къ луарской арміи и въ районѣ Сены и Роны осталась только вогезская армія Гарибальди, въ которой постепенно набралось около 15000 ч.

[1]) Garde mobile — разрядъ вооруженныхъ силъ во Франціи, созданный закономъ маршала Ніэля 1 фев. 1868 г. Въ составъ мобилей входили всѣ способные носить оружіе и почему либо не зачисленные въ армію и ея резервъ. Срокъ службы былъ опредѣленъ въ 5 лѣтъ при чемъ мобили могли быть призываемы для ученій 15 разъ въ годъ на одинъ день. Въ 1870 г. мобили были впервые призваны на дѣйствительную службу. Въ 1872 г. они были упразднены. Изъ нихъ въ значительной части и состояла числящаяся въ декабрѣ 12—15 т. армія Гарибальди, вооруженная «старыми негодными ружьями» и «отвратительными снарядами» для артиллеріи.

[2]) Рус. изд. Т-ва Гранатъ т. VI стр. 225.

пытался ли Гарибальди соединиться съ Бурбаки, послѣдній отвѣтилъ: «Не думаю, что же касается меня, то я этого никогда не хотѣлъ. Единственно чего я желалъ, чтобы ни онъ, ни его офицеры не соприкасались съ моей арміей»[1]).

Вогезская армія Гарибальди представляла собой дѣйствительно совершенно исключительное явленіе. Это была не только армія оружія, но и армія республиканской пропаганды. «На своемъ пути,—говоритъ авторъ воспоминаній,—мы поднимали всѣ религіозные и политическіе вопросы, волновавшіе массы. Будучи одновременно солдатами свободы и родины, мы возбуждали въ своихъ противникахъ злобу, которую они сдерживали во время войны и которая затѣмъ разразилась, перейдя всѣ границы». И это не были только слова. Припомнимъ, что именно департаментскій совѣтъ Вогезовъ требовалъ отъ Тьера «не только опыта республики, но и самаго основанія ея». Нельзя не видѣть здѣсь, хотя бы отчасти, вліянія гарибальдійцевъ. И не только тѣ, кто боялись призрака соціальной республики, клеймили впослѣдствіи армію Гарибальди; для правовѣрныхъ католиковъ ненавистенъ былъ самъ вождь, отнявшій Римъ у папы. Вотъ слова одного изъ французскихъ епископовъ: «я думалъ, что божественное Провидѣніе уже преисполнило мѣру униженія, ниспосланную на нашу страну; я ошибся; намъ предназначалось испытать величайшее униженіе—увидѣть прибытіе сюда Гарибальди».

Этой интересной страницѣ въ исторіи франко-прусской войны и посвящены воспоминанія проф. Дормуа. Они субъективны, какъ и всѣ мемуары. Въ нихъ даже большая доля этой субъективности, такъ какъ они ставятъ своей задачей оправдать до нѣкоторой степени передъ исторіей дѣйствія «вольныхъ стрѣлковъ»[2]). Мы оставляемъ совсѣмъ въ сторонѣ преувеличенныя, вѣроятно, описанія геройскихъ подвиговъ «вольныхъ стрѣлковъ», имѣющія цѣлью показать профессіональнымъ военнымъ ихъ неправоту въ пренебрежительномъ отношеніи къ этимъ добровольческимъ

---

[1]) Enquête parlamentaire. Déposition de M. le général Bourbaki. Paris 1876.

[2]) Это самооправданіе естественно, такъ какъ и современники проявили къ дѣйствіямъ во Франціи «атамана бандитовъ», какъ называли Гарибальди нѣмецкія газеты, много несправедливости. Гарибальди завидовали, противъ него интриговали, обвиняли въ бездѣйствіи и... замалчивали, приписывая успѣхи другимъ (то же видимъ въ исторіи Лависса и Рамбо). Недаромъ русскій журналъ «Отечественныя Записки», помѣщая въ 1871 г. (№№ 11, 12) записки одного изъ гарибальдійцевъ, снабдилъ ихъ такимъ характернымъ примѣчаніемъ: «во время послѣдней прусско-французской войны были сообщены прессой подробныя свѣдѣнія о ходѣ дѣйствій, какъ прусской, такъ и французской арміи. Но о дѣйствіяхъ гарибальдійцевъ во Франціи въ прессѣ *почти ничего* не появлялось. Настоящая статья восполняетъ до нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ».

командамъ. Но одно выступаетъ ярко въ воспоминаніяхъ добровольца 1870—71 г.: разбитый параличемъ Гарибальди проявилъ въ эти горестные дни тяжелыхъ испытаній для Франціи много мужества, личнаго безстрашія и отваги[1]). И одно это заслуживало бы нѣсколько иного отношенія къ Гарибальди, чѣмъ то, которое проявилъ Шюке, авторъ очерка о франко-прусской войнѣ въ исторіи Лависса и Рамбо.

П. Степанова.

Столица и провинція.

Въ дождливый, очень холодный вечеръ 26-го октября 1870 г. смѣнилъ я скальпель на ружье. Я блуждалъ отъ станціи къ станціи между Ліономъ и Бельфоромъ[2]), мечтая, какъ и вся тогдашняя молодежь, попасть въ вольные стрѣлки. Я зналъ, что они очень привѣтливы и не интересуются бумажнымъ производствомъ, и не раздумывая, вступилъ я въ первый встрѣтившійся мнѣ отрядъ.

Такимъ образомъ я попалъ во вторую вогезскую армію, которая организовывалась тогда подъ начальствомъ знаменитаго Гарибальди, но къ его имени я былъ сначала равнодушенъ.

Когда я проснулся, на другое утро, у меня даже сердце сжалось при видѣ моего отряда... Пистолеты, кинжалы, мягкая шляпа, блуза, заткнутая въ панталоны, широкій красный поясъ, таковъ и былъ вольный стрѣлокъ моихъ мечтаній. Но тутъ было больше евреевъ, арабовъ и испанцевъ, чѣмъ французовъ. Они поголовно кашляютъ, какъ будто у всѣхъ чахотка. Ихъ новая амуниція уже вся въ лохмотьяхъ. Охрипшими голосами горланятъ они пѣсни... Вердеръ приближается. Лужи крови вдоль домовъ, почернѣвшія и пахнущія горѣлымъ мясомъ стѣны остаются за нимъ на его пути черезъ Вогезы и Лангрское плоскогорье...

Врядъ ли Доль, лежащій среди разоренной равнины, можетъ служить хорошимъ наблюдательнымъ пунктомъ для яснаго и вѣрнаго предвидѣнья въ этомъ волнующемся потокѣ событій.

Во всякомъ случаѣ и изъ этой дыры я постараюсь опредѣлить положеніе національной обороны въ провинціи. Въ Парижѣ мнѣ казалось, что подъ защитой 22 фортовъ все развивается послѣдовательно, быстро и точно. Но здѣсь, въ открытомъ полѣ, одно

---

[1]) Ср. воспоминанія гарибальдійца, напечатанныя въ «Отечеств. Запискахъ»—«Красная рубашка во Франціи».

[2]) Авторъ, будучи студентомъ-медикомъ, еще въ августѣ вступилъ въ дѣйствующую армію. Подъ Седаномъ, состоя въ походномъ госпиталѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и бѣжалъ въ Бельгію. Вторично попалъ въ плѣнъ и бѣжалъ черезъ Швейцарію.

обстоятельство бросается въ глаза. Почему Гарибальди командуетъ въ Долѣ, но не командуетъ въ сосѣднемъ Дижонѣ? Почему, кромѣ Гарибальди, являющагося главнокомандующимъ надъ французскими корпусами, въ томъ же департаментѣ еще 2 главнокомандующихъ, полковникъ докторъ Лаваль и жандармскій полковникъ Дефландръ съ 5000 мобилей каждый? Почему у насъ на такомъ маленькомъ пространствѣ 3 арміи вмѣсто одной? Почему нѣкоторые отряды этихъ 15000 рекрутовъ, передвигающихся вокругъ Дижона, получаютъ приказы отъ комитета мѣстной обороны, другіе—изъ Безансона, третьи—изъ Лангра, нѣкоторые—изъ Оксона, Ліона, Тура? Прибавьте къ этому тѣхъ, кто спрашиваетъ приказовъ и приходитъ въ отчаяніе, не получая ихъ, тѣхъ, кто, получая приказы отовсюду, попадаетъ въ безвыходное положеніе, и, наконецъ, тѣхъ, которые не хотятъ ничего слышать и при первомъ, даже дружескомъ, совѣтѣ ощетиниваются и посылаютъ васъ ко всѣмъ чертямъ.

Наше больное мѣсто въ недостаткѣ организаціи. Успѣемъ ли мы еще сорганизоваться?

Кромѣ того я замѣтилъ еще одинъ фактъ, можетъ быть, даже болѣе важный: это ученая, насмѣшливо-презрительная инертность тѣхъ людей, которые, не будучи сами республиканцами, захватили всѣ высшія должности республики. Наши вольные стрѣлки всѣ единодушно считаютъ, что у насъ недостаточно остерегаются этой инертности. Чтобы уничтожить ее нужна бы страшная рука Конвента, а не мягкая, парламентская диктатура правительства національной обороны, дѣйствующая только убѣжденіемъ. Противопоставляя большимъ бѣдствіямъ сильныя средства, Конвентъ обрекалъ своихъ генераловъ на побѣду или на эшафотъ. Наши же диктаторы разстрѣливаютъ только мелкихъ преступниковъ, а крупныхъ морально клеймятъ. А результаты? Когда мы утверждаемъ, что побѣда возможна, они предсказываютъ вѣрное пораженіе. Когда мы доводимъ войну до крайняго напряженія и до самаго смѣлаго наступленія, эти противники только и знаютъ, что останавливаются и отступаютъ.

Правительство національной обороны организуетъ свои войска съ замѣчательною увѣренностью и быстротой, въ этомъ его заслуга передъ потомствомъ. Но, организовавъ, сумѣетъ ли оно потребовать побѣды? Въ этомъ-то и есть темное пятно, мучительная сторона нашего положенія.

Къ счастью, намъ некогда слишкомъ углубляться въ этотъ мрачный вопросъ. Необходимость немедленно и энергично дѣйствовать спасетъ насъ отъ этихъ черныхъ мыслей. Впередъ, и будемъ мѣтко цѣлиться...

Врагъ не даетъ намъ вздохнуть. У него только одинъ главнокомандующій, но онъ требуетъ отъ подчиненныхъ послушанія, вѣрятъ ли они въ побѣду или нѣтъ.

Почему бы намъ не подражать этому солдафону Вердеру? Едва сжегши страсбургскую библіотеку, онъ уже выходитъ изъ Вогезъ черезъ Гриналь, Ремиремонъ и Везуль. Осадныя войска вокругъ Бельфора, Безансона, Лангра, Оксона, войска вдоль Саоны, войска идущіе на Дижонъ, все это въ его желѣзной рукѣ, исключительно въ его рукѣ. Исходя такимъ образомъ отъ его единой воли, операціи совершаются съ наивозможной быстротой и съ наименьшей потерей крови; благодаря такой организаціи 50000 нѣмцевъ парализуютъ всѣ энергичныя, но безпорядочныя усилія по меньшей мѣрѣ 80000 французовъ на ихъ собственной территоріи....

Вольные стрѣлки.

Въ виду того, что нѣмцы двинулись отъ Грея на Дижонъ, наша армія стала лицомъ къ непріятелю, повернувшись не къ сѣверу, въ направленіи Грея, а къ востоку въ направленіи Дижона. Такъ какъ у Гарибальди не было регулярнаго войска, то онъ выстроилъ своихъ вольныхъ стрѣлковъ эшелонами вдоль Саоны отъ Понталье до Сера[1]).

Поговорите съ офицерами регулярной арміи о нашихъ отрядахъ вольныхъ стрѣлковъ. Конечно, не упоминая при этомъ, что вы сами были вольнымъ стрѣлкомъ. И по крайней мѣрѣ девять изъ десяти воскликнутъ «Вольные стрѣлки, солдаты? Ну, что вы!» Говорить такъ, значитъ расписаться въ своемъ рѣдкомъ незнаніи исторіи. Почему Гарибальди, не колеблясь, какъ другіе генералы, ставилъ вольныхъ стрѣлковъ на самыя опасныя мѣста? На что была нужна эта сомнительная честь войску, имя котораго наканунѣ еще было неизвѣстно и спѣшная организація котораго закончилась быстрѣе, чѣмъ организація другихъ армій? Вольные стрѣлки—это волонтеры 1870 г.

Одинаковыя причины вызываютъ тѣ же послѣдствія. Въ 1870 г., какъ и въ 1792 г., регулярное войско исчезло почти совсѣмъ. И теперь, какъ тогда, республика извлекаетъ изъ родины тѣ же средства противъ той же опасности. Пока новая армія подымается, родинѣ нужны смѣльчаки, которые не считаются съ силами враговъ и не боятся подходить къ нему маленькими горсточками. Конечно, они не разобьютъ его. Но они даютъ возможность выиграть время; они задержатъ его движеніе то на нѣсколько дней, то на нѣ-

[1]) Городъ въ Кот-д'Орскомъ департаментѣ.

сколько часовъ. Затянуть зіяющую пропасть между старой, *уже* несуществующей, и новой *еще* несуществующей арміей—такова была въ нашей исторіи ихъ равно опасная, какъ почетная миссія.

Теперь, когда непріятности конца этого царствованія Наполеона III уже миновали, люди слишкомъ легко забываютъ весь ужасъ нашего тогдашняго положенія и ту судьбу, которая ожидала нашихъ раненыхъ.

Относительно послѣдняго сомнѣній быть не можетъ. При одномъ имени вольнаго стрѣлка нѣмецъ приходитъ въ ярость. Онъ не понимаетъ, какъ императоръ Наполеонъ отдалъ свою шпагу, когда изъ-за предательства въ Мецѣ окончательно погибло наше регулярное войско. Нѣмцы видятъ въ этомъ не храбрость, а мятежъ. Пропитанные монархическими идеями, они ненавидятъ въ насъ демократовъ и патріотовъ. Мы не граждане, а мятежники, не солдаты, а бандиты, и ихъ обязанность не только уничтожать насъ, но также уничтожать огнемъ и мечомъ всякаго, приближающагося и помогающаго намъ.

Отсюда жестокости, неизгладимымъ пятномъ оставшіяся на нашихъ дорогахъ. Отсюда отчаяніе жителей, когда мы входили въ ихъ жилища.

Политическіе противники, сравнивая насъ съ средневѣковыми разбойниками большихъ дорогъ, утверждали, что насъ привлекало жалованіе. Несчастные!

Прикрывая отступленіе или начиная сраженіе, вольные стрѣлки умѣютъ жертвовать собой для спасенія арміи. Это охотники обороны. У ихъ врачей нѣтъ ни госпиталей, ни медикаментовъ. У нихъ нѣтъ обозныхъ повозокъ для перевозки запасовъ. Инженеры не пролагаютъ имъ дорогъ. Интендантство не готовитъ продовольствія. 20 су жалованія должны хватить на день. При помощи штыка приходится имъ добывать все, какъ у друзей, такъ и у враговъ. Намъ даже легче взять у врага стадо въ 800 барановъ, чѣмъ наложить на упрямаго мэра реквизицію въ 150 ливровъ хлѣба, и тѣмъ не менѣе мы идемъ съ пѣснями и ничего не понимаемъ въ подлыхъ огорченіяхъ окружающихъ. Конечно, слово дисциплина имѣетъ у насъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ регулярной арміи и при нормальныхъ условіяхъ.

Ясно, что наши солдаты скорѣе являются нашими друзьями. Они свободно выбрали насъ. Подчасъ, послѣ бурныхъ преній, они смѣщаютъ насъ, они возражаютъ на наши выговоры съ мужественной откровенностью. О ужасъ! Разъ я видѣлъ, какъ, въ отвѣтъ на ударъ, мой капитанъ самъ ударилъ кулакомъ, ударилъ среди роты, которая расположилась кружкомъ. Мы никого не разстрѣляли: мы просто посмѣялись. Наши галуны имѣютъ значеніе

только вблизи непріятеля. При появленіи заостренныхъ касокъ мы всегда можемъ разсчитывать на своихъ, и я по личному опыту утверждаю, что если они и бросили меня 2—3 раза въ критическихъ обстоятельствахъ, то гораздо чаще они шли впереди меня...

Пусть читатель проглядитъ вмѣстѣ съ нами событія, изъ-за которыхъ Котъ д'Оръ заслуживаетъ названія Котъ-ружъ.

Ему придется тревожить вмѣстѣ съ нами Вердера и Мантейфеля, двухъ лучшихъ тогдашнихъ прусскихъ генераловъ. Онъ увидитъ войну вблизи, во всемъ ея плѣнительномъ ужасѣ. Послѣ закладки минъ подъ нѣсколько мостовъ, отбитія обозовъ, послѣ нападенія врасплохъ на часовыхъ, онъ переживетъ вмѣстѣ съ нами неизъяснимую радость отъ захвата нѣмецкаго знамени— единственнаго взятаго цѣликомъ за все время этой войны. Если же захватъ этого единственнаго трофея и не утѣшитъ его въ потерѣ ста четырехъ знаменъ, то, по крайней мѣрѣ, увидавъ его во дворцѣ Инвалидовъ, онъ отдастъ ему честь, какъ залогу нашихъ будущихъ побѣдъ...

Наша компанія—страшно смѣшанная въ хорошемъ смыслѣ этого слова; наши нечистоплотные политическіе противники при видѣ насъ говорили: тина подымается!

Всѣ классы общества братски сливались въ нашихъ отрядахъ. Къ намъ стремились не однѣ горячія головы изъ большихъ городовъ. Старые солдаты бросали женъ и дѣтей, чтобы присоединиться къ намъ. Сыновья богатыхъ родителей, соблазнившись нашимъ образомъ жизни, спѣшили къ намъ съ карманами, полными денегъ. Многіе студенты шли къ намъ[1]). Люди свободныхъ профессій, особенно журналисты, предпочитали насъ другимъ войскамъ. Въ нашихъ рядахъ много читали, писали и спорили... Но напрасно было бы насъ спрашивать о мелочныхъ деталяхъ нашего ремесла, которыя нѣкоторымъ кажутся такими существенными... Конечно, ношеніе оружія, караулы, отданіе чести, сигналы — прекрасно въ казармѣ[2])...

Конецъ ноября.

Въ двухъ предыдущихъ отрывкахъ описано[3]), какъ передовые посты нашей арміи, состоявшіе изъ вольныхъ стрѣлковъ, оста-

---

[1]) Между прочимъ цѣлая группа аѳинскихъ студентовъ.

[2]) Любопытный штрихъ для характеристики этихъ «вольныхъ стрѣлковъ», собравшихся подъ начальствомъ Гарибальди, даетъ упомянутый выше гарибальдіецъ-итальянецъ: «Пошлите роту, составленную изъ студентовъ, адвокатовъ, врачей, взять и отстаивать позиціи на полѣ битвы,— они лягутъ всѣ костьми, но повинуются. Но зато не говорите имъ про маневры и переклички: они скорѣе пятьдесятъ разъ сходятъ къ профосу, чѣмъ выдержатъ всѣ формальности».

[3]) Нами эти отрывки не приводятся.

навливали подъ Морваномъ нѣмецкіе авангарды. Но это было время частичныхъ стычекъ.

Теперь же произошло важное событіе. Какъ будто утомленный своими успѣхами милліонъ нѣмецкихъ солдатъ, уже занявшій нашу родину, перестаетъ развертывать свои силы. Парижъ кажется островкомъ среди затопленной равнины. Пока вокругъ него сосредоточивается самая большая нѣмецкая армія, четыре города ограничиваютъ предѣлы этого нашествія: Амьенъ на сѣверѣ, Руанъ на западѣ, Орлеанъ на югѣ, Отенъ на востокѣ, они становятся центрами объединенія и базами военныхъ операцій. Съ четырехъ сторонъ стягиваетъ туда Франція остатки армій, и, хотя мы не посвящены въ тайны вершителей судебъ, тѣмъ не менѣе намъ ясно, почему въ Отенѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, концентрируются вагоны съ провіантомъ, снарядные ящики и ряды новыхъ штыковъ.

Очевидно на смѣну стычекъ идутъ битвы: начинается осенняя кампанія. Правительство національной обороны дѣлаетъ первую попытку сопротивленія. Изъ династической война становится національной, и впервые въ новой исторіи сталкиваются не войска двухъ императоровъ, а двѣ націи.

Наконецъ то, мы выходили изъ хаоса. Гамбетта—душа и ораторъ всего сопротивленія—сообщилъ выработанный имъ планъ дѣйствій при помощи воздушныхъ шаровъ, голубиной почты и курьеровъ.

Главное, хоть и смутно, но ставшее извѣстнымъ, это намѣреніе осажденнаго Парижа попытаться сдѣлать вылазку. Значитъ не завтра, а сейчасъ, несмотря на ужасные недостатки нашей организаціи, намъ придется напасть на осаждающихъ Парижъ. Для этого республика смобилизовала пять совершенно неподготовленныхъ армій, всего около 400,000 солдатъ. Регулярныя войска составляютъ только пятую часть этихъ новыхъ армій. Среди офицеровъ едва одна двадцатая настоящихъ военныхъ. Что же касается солдатъ, то это большею частью второе всеобщее народное ополченіе, которое теперь называли бы резервомъ дѣйствующей арміи, а тогда называли мобилями. Большинство этихъ мобилей совсѣмъ не обучены военному искусству. Но положеніе Парижа, громадному населенію котораго грозитъ голодъ, принудило бы насъ, даже съ худшими солдатами, перейти въ наступленіе.

Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, какъ мы понимали планъ національной обороны.

Сѣверная армія изъ 25,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Фарра, спустится къ Парижу по долинѣ Уазы; западная

изъ 20,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Бріана поднимется отъ Руана по долинѣ Сены. Парижская армія въ 100.000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Дюкро, сдѣлаетъ вылазку по направленію къ Фонтенебло, навстрѣчу ей генералъ д'Орелль двинетъ луарскую армію числомъ въ 220,000 человѣкъ,—она уже нѣсколько недѣль загромождаетъ Орлеанъ. Изъ осаждающихъ пруссаки обратятся въ осажденныхъ, и имъ поневолѣ придется или бросить осаду, или сложить оружіе.

Начало выполненія этого яснаго, практическаго плана, диктуемаго географіею страны, заставило трепетать нѣмецкій генеральный штабъ; вогезской арміи предназначалась при этомъ особая роль. Ставъ спиною къ Парижу, наши 15—16,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Гарибальди, должны были отбить Дижонъ, броситься въ Вогезы и отрѣзать врагу сообщеніе съ Германіей.

Несмотря на то, что у Гарибальди была наименьшая и хуже всего организованная армія, онъ остался «*единственнымъ охранителемъ нашихъ интересовъ на востокѣ*»[1]). Контрастъ тѣмъ разительнѣе, что онъ былъ единственный изъ пяти вождей арміи, которой искренно перешелъ къ наступленію.

Кажется, что лозунгомъ остальныхъ четырехъ вождей было—нерѣшительно выжидать и сидѣть на сильныхъ позиціяхъ, пока не убьютъ тамъ на мѣстѣ...

Напротивъ Гарибальди вѣрилъ въ успѣхъ новой арміи. Онъ объ этомъ говорилъ. Онъ писалъ объ этомъ. Но кромѣ республиканскаго рвенія, у него была чисто мѣстная причина для начала наступленія.

Когда 30 октября авангардъ Вердера, состоявшій изъ 2-хъ бригадъ, началъ подъ Дижономъ первую битву противъ 2.000 солдатъ и приблизительно столькихъ же жителей, мы только что вступили въ Доль. Мы едва начинали свое существованіе. За неимѣніемъ запасовъ, времени, а главное умѣнья, мы не приняли никакого участія въ этой эпической борьбѣ ничѣмъ не защищеннаго города безъ артиллеріи и кавалеріи противъ врага въ полномъ вооруженіи. Нашей кровью хотѣли мы стереть это пятно. Безсильные тогда спасти отъ захвата этотъ городъ, знавшій, что мы по сосѣдству, и ждавшій насъ, мы хотѣли, чтобы конецъ ноября заставилъ его забыть печальный конецъ октября.

Для насъ это было дѣломъ чести...

Въ теченіе послѣдней недѣли ноября къ другимъ арміямъ присоединились старые полки африканскіе батальоны, моряки. Къ нашей же—никто.

Гамбетта не хотѣлъ тревожить итальянскаго короля, который

[1]) По словамъ Фрейсинэ.

боялся республиканской заразы въ своемъ государствѣ. Гамбетта кромѣ того опасался, что у Франціи потребуютъ Ниццу въ вознагражденіе за оказанныя услуги. По этимъ то дипломатическимъ и политическтмъ соображеніямъ, важность которыхъ я вовсе не отрицаю, столь популярная въ большихъ городахъ вогезская армія не должна была оказывать слишкомъ блестящихъ услугъ! Ея вождь ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ играть рѣшающей роли! Поэтому послѣ Шатильонскаго дѣла мы для подкрѣпленія получили одинъ только полкъ авейронскихъ мобилей, у которыхъ ничего не было и которыхъ ихъ пиринейскіе или альпійскіе товарищи называли полкомъ оборванцевъ.

Совсѣмъ инымъ былъ корпусъ Вердера: никакія ни дипломатическія, ни политическія причины не мѣшали нѣмцамъ увеличивать его и такъ очень заполненные кадры.

Къ тому, что уже извѣстно, прибавилась резервная дивизія и двѣ бригады шмелингской дивизіи, пришедшія изъ Эльзаса. Съ этихъ поръ у Вердера подъ рукой въ Дижонѣ или по близости было 36 батальоновъ пѣхоты, 25 эскадроновъ кавалеріи и 102 пушки. Теперь это былъ самый многочисленный корпусъ нѣмецкой арміи. Его наличность превышаетъ даже наличность гвардіи. Четыре его бригады всегда готовы выступить изъ Дижона. Вердеръ назначилъ выступленіе къ Ліону на 25 ноября. Въ этотъ же день Гарибальди предполагаетъ штыками взять у него Дижонъ. Вопреки всему, онъ надѣялся, что отважное внезапное нападеніе сдѣлаетъ то, чего нельзя требовать отъ правильнаго сраженія.

Библіографія этой эпохи доказываетъ, что ни одна операція этой войны не вдохновила столько изданій французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ какъ эта, что и вполнѣ заслужено.

Бросить горсть молодыхъ людей на такую массу непріятеля было, конечно, самымъ отважнымъ дѣломъ всей кампаніи. Что касается меня, то, когда я сравниваю его со многими другими, я удивляюсь не тому, что Гарибальди увелъ насъ побѣжденными, а тому, что онъ увелъ насъ живыми.

Генералъ Гарибальди.

Кто же былъ этотъ странный человѣкъ, сильная воля котораго толкала насъ за Отенъ на Дижонъ, отъ темныхъ еловыхъ лѣсовъ Морвана въ виноградники Котъ д'Ора?

Это былъ больной, паралитикъ.

Припоминаю, какъ вечеромъ 24 ноября въ Понъ-де-Пани я сидѣлъ верхомъ на стволѣ срубленнаго у дороги дерева. Мы за-

кусывали съ итальянскимъ командиромъ, настоящимъ верзилой, сидѣвшимъ верхомъ напротивъ меня. Съ помощью низкихъ интригъ и высокой протекціи намъ удалось достать полкруга бѣлаго сыра и 2 ливра хлѣба. И мы очень радовались такому пиру.

Я сидѣлъ спиной къ деревнѣ.

Вдругъ мой собесѣдникъ вытянулся: «Посмотрите», сказалъ онъ: «повернитесь; вотъ Гарибальди. Eviva Garibaldi!»—Я поспѣшно поднялся. Прошло уже пять недѣль, какъ я вступилъ въ армію Гарибальди, и я былъ очень радъ, что наконецъ вижу его самого: онъ ѣдетъ въ коляскѣ, окруженный генеральнымъ штабомъ, а впереди него ѣдутъ десять, двѣнадцать проводниковъ.

Красивая картина.

Гарибальди, что называется,—красивый старикъ. Онъ сидитъ въ открытомъ экипажѣ. Зеленый, по-римски задрапированный плащъ, покрываетъ его плечи. На шеѣ надѣтъ фуляръ. Подъ его выпуклымъ лбомъ, свидѣтельствующемъ о дѣятельной мысли, на блѣдномъ лицѣ глубоко сверкаютъ два небольшихъ, но проницательныхъ и выразительныхъ глаза. Его овальное лицо съ густою бородою, лицо не-военнаго очень мужественно[1].) Тембръ его голоса пріятенъ, его далеко слышно. Руки онъ все время грѣетъ: онѣ сведены ревматизмомъ. Что касается его ногъ, то вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ жизнь покинула ихъ: онъ не можетъ ступать ими.

— Ему только 63 года, замѣтилъ мой собесѣдникъ.—Это все, что отъ него осталось; но въ этомъ разбитомъ параличемъ тѣлѣ умъ и воля уцѣлѣли. И какая жизнь!...

— Вашъ герой—человѣкъ съ сердцемъ, сказалъ я ему.—Онъ единственный во всей Италіи помнитъ о тѣхъ 104,000 французахъ, которые погибли въ кампанію 1859 г. между Палестро и Сольферино.

— Ошибаетесь, съ жаромъ возразилъ итальянецъ.—Воспоминаніе о Сольферино вытѣснено Ментоной, гдѣ ваши убили 400 нашихъ лучшихъ друзей.—Голосъ моего собесѣдника дрожалъ.

— Какъ, съ изумленіемъ спросилъ я, развѣ Гарибальди сражается не за Францію?

— Нѣтъ, отвѣтилъ итальянецъ.—У Гарибальди нѣтъ ни сочувствія къ Франціи, ни ненависти къ Германіи. За что ненавидѣть ему цѣлый народъ? Гарибальди ненавидитъ только деспотовъ. Для него вы—республика. Ваша война—это борьба свободы съ тиранiей. Во имя идеи, а не народа, бѣжалъ онъ изъ тюрьмы въ Капрерѣ и, сражаясь сперва противъ васъ въ Римѣ, потомъ

[1]) Помѣщаемый портретъ относится къ болѣе раннему періоду.

вмѣстѣ съ вами въ Ломбардіи, онъ сражается теперь за васъ въ Бургундіи. Да здравствуетъ всемірная республика!

Меня тронулъ, но не убѣдилъ этотъ возгласъ, выкрикнутый дрожащимъ голосомъ. Спасеніе Франціи казалось мнѣ гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ разрушеніе всѣхъ троновъ земного шара. И все же этотъ, вѣрившій по-своему, солдатъ внушалъ мнѣ уваженіе. Съ тѣхъ поръ оно все возрастало. Звали его Перля, черезъ два мѣсяца я увидѣлъ его смертельно раненымъ. Онъ собственною кровью запечатлѣлъ свои слова, а это всегда вызываетъ уваженіе.

По странной игрѣ судьбы я только что видѣлъ въ Седанѣ французскую армію Макъ-Магона и нѣмецкую—наслѣднаго принца.

Черезъ мѣсяцъ я увидѣлъ въ Вогезахъ французскую армію Камбріеля и нѣмецкую—Вердера.

Ни въ одной изъ нашихъ французскихъ армій я не слыхалъ ничего подобнаго словамъ Перля. И вездѣ наши солдаты, ожесточенные несчастьемъ, ругали своихъ вождей.

Ихъ послушать, такъ всѣ предатели либо злостные, либо просто по инерціи. Здѣсь же наоборотъ солдаты уважаютъ своего вождя. Ихъ смѣлая вѣра въ него постепенно захватываетъ всѣхъ вольныхъ стрѣлковъ. На этой почвѣ мы быстро братаемся съ *красными рубахами*. Въ концѣ-концовъ, не взаимнаго ли довѣрія намъ больше всего не хватало? Я только жалѣю, что наше правительство не смогло или не посмѣло воспользоваться этою огромною силой. Какая жалость, что оно пожертвовало ею за нейтралитетъ итальянскаго короля! Какая жалость! Своимъ порывомъ Гарибальди могъ бы вдохновить стотысячную армію, а не пяти-шеститысячный авангардъ вольныхъ стрѣлковъ. И кто знаетъ, можетъ быть, мы разсказывали бы тогда не о смѣлыхъ стычкахъ, а о рѣшительныхъ побѣдахъ?

Гамбетта и Гарибальди.

9 октября 1870 года прибыли въ Туръ Гамбетта и Гарибальди. Первый пролетѣлъ надъ нѣмецкими войсками на воздушномъ шарѣ. Второй проскользнулъ на челнокѣ черезъ сторожевую линію итальянскихъ крейсеровъ. Эти смѣлые побѣги только увеличили и безъ того огромную ихъ популярность и придали ихъ дѣлу тотъ моральный авторитетъ, который удесятеряетъ матеріальныя силы народа. И у молодого оратора, и у стараго солдата одинаково билось горячее сердце. Оба были люди съ открытымъ умомъ и твердою волей. Трудно было бы найти двухъ другихъ людей, все прошлое которыхъ такъ под-

готовило ихъ къ взаимному пониманію. Мы всѣ только и мечтали объ этомъ.

«Одинъ будетъ организаторомъ побѣды, другой—ея шпагой». Увы! Мы уже говорили о той дипломатической причинѣ, которая создала между ними взаимное охлажденіе еще раньше, чѣмъ они обмѣнялись хоть однимъ словомъ. Къ этому дипломатическому предубѣжденію прибавился уколъ самолюбія.

Гамбетта, вся диктатура котораго опиралась на твердую увѣренность въ себѣ, попытался навязать Гарибальди начальника генеральнаго штаба. Его выборъ палъ на полковника Фраполли, великаго мастера итальянскихъ франкмасоновъ, человѣка безъ всякой политической окраски. Гарибальди предпочелъ этому убѣленному сѣдинами, никогда не бывшему въ огнѣ старику дѣятельнаго, энергичнаго, сильнаго, подчасъ слишкомъ сангвиничнаго Бордоне, который сражался подъ его начальствомъ въ Сициліи, котораго преслѣдовали за республиканскія убѣжденія и который освободилъ его изъ Капрерской тюрьмы.

Напрасно слалъ Гамбетта Фраполли приказъ за приказомъ нагнать вогезскую армію. Гарибальди до того былъ возмущенъ этимъ требованіемъ, что не счелъ даже нужнымъ вѣжливо выпроводить этого соперника Бордоне[1]).

Вслѣдствіе этого холодность во взаимныхъ отношеніяхъ Гамбетты и Гарибальди въ теченіе ноября и декабря не уменьшилась. Она соотвѣтствовала колебаніямъ термометра, и оба великихъ человѣка продолжаютъ отдавать другъ другу должное только на словахъ, но не на дѣлѣ. Гамбетта даетъ Гарибальди солдатъ, но не хочетъ дать ему цѣлую армію. А Гарибальди при всякомъ удобномъ случаѣ пользуется затрудненіями Гамбетты, чтобы вырвать у него частичныя уступки.

Что такое, собственно говоря, настоящая регулярная армія? Это извѣстное количество солдатъ всѣхъ родовъ оружія, взятыхъ въ опредѣленной пропорціи; сперва ихъ сорганизовываютъ, потомъ мобилизуютъ. Возьмите противоположное этому опредѣленію, и вы получите нашу вогезскую армію.

Несомнѣнно въ январѣ она стала лучше, чѣмъ въ ноябрѣ. Бичевка замѣнилась ремнемъ; скверные госпитальные фургоны—настоящими... Но все же это не регулярныя войска. За 4 мѣсяца мы четыре раза реорганизовались, потому что намъ пришлось смобилизоваться вначалѣ до организаціи. Вмѣсто 47 отрядовъ

---

[1]) Послѣ неудачи 26 ноября (см. ниже) ген. Фраполи былъ отправленъ Гарибальди въ Ліонъ для организаціи новой бригады. Тамъ Ф. организовалъ самостоятельный отрядъ волонтеровъ «Корпусъ звѣзды», думавшій соперничать съ Гарибальди.

вольныхъ стрѣлковъ у насъ ихъ теперь 72. Вмѣсто 1,600 красныхъ рубахъ ихъ насчитывается 2.200. Къ нашимъ 8,000 мобилей прибавились 8,000 мобилизованныхъ. Но всѣ подкрѣпленія подходили врозь. Они собрались только къ моменту 3-й дижонской битвы.

17 января, ко времени прихода Мантейфеля, у насъ еще далеко не было полнаго контингента кавалеріи и артиллеріи: а мы уже 3 мѣсяца были въ походѣ. Гамбетта очевидно не знаетъ, съ какою вѣрою повторяемъ мы его патріотическія рѣчи даже въ самыхъ затерянныхъ деревушкахъ Котъ-д'Ора.

Вмѣсто 3-хъ пушекъ на батальонъ, какъ было въ другихъ арміяхъ, у Гарибальди и Пелисье на 46,000 человѣкъ было только 34 пушки. Вмѣсто одного эскадрона на каждые два батальона у нихъ было едва ли три на 8 бригадъ.

Такъ или иначе, этого намъ хватило противъ Вердера. Но когда около 17 января съ Лангрскаго плоскогорья вышелъ Мантейфель съ 20-ю эскадронами, 56 батальонами и 168 пушками, кто могъ бы преградить дорогу этой могучей массѣ? Генералъ Бурбаки, имѣющій въ своемъ распоряженіи 84 эскадрона и 386 пушекъ, не хочетъ да и не можетъ, по отсутствію таланта, ими воспользоваться. У Гарибальди же есть и желаніе, и талантъ, но нѣтъ ни пушекъ, ни эскадроновъ. Въ нѣсколько дней невозможно достаточно усилить вогезскую армію. Когда на спѣхъ посланное подкрѣпленіе придетъ, Мантейфель будетъ уже далеко. А армія Бурбаки окажется прижатой къ швейцарской границѣ. Тогда будетъ слишкомъ поздно.

Дипломатическая опала, жертвой которой мы были, имѣла самыя роковыя послѣдствія.

Такъ въ своихъ депешахъ Гамбетта умоляетъ всѣхъ, соприкасающихся съ Гарибальди, предоставить ему *полную свободу въ его передвиженіяхъ*. Тѣ слишкомъ хорошо понимаютъ это предписаніе. Начальники станцій стараются съ нимъ ссориться, что совершенно недостойно французовъ. Мэры повинуются только постольку, поскольку имъ это нравится. Полковники безъ предупрежденія покидаютъ его армію. Священники, къ счастью рѣдкіе, заявляютъ съ высоты каѳедръ, что насъ «опаснѣе пускать къ себѣ, чѣмъ пруссаковъ». Но всего удивительнѣе то, что шесть сосѣднихъ командировъ не только не стѣсняютъ Гарибальди, но даже не спрашиваютъ его, ни о чемъ не извѣщаютъ и никогда не совѣтуются съ нимъ.

Назовемъ вещи ихъ именами. Эта кажущаяся полная свобода въ дѣйствительности—полное безсиліе: это настоящій карантинъ.

Ансейскій бивакъ.

Вечеромъ 24-го былъ данъ приказъ сложить кòзлы и расположиться бивакомъ. Это значило—улечься спать подъ открытымъ небомъ на голой землѣ, вмѣсто постели, прикрывшись туманомъ, вмѣсто одѣяла.

Мы около Ансея.

Съ минуты на минуту можетъ прозвучать горнъ. Каждый держится за свое ружье. Штыки къ ружейнымъ стволамъ! Сложите кòзлы! Послѣ этого, всѣ пытаются заснуть. Да, все это сносно въ теченіе перваго часа. Но скоро туманъ пронизываетъ нашу лѣтнюю одежду. Сырость вызываетъ невыносимую дрожь. Нѣтъ. Очевидно земля хороша только для вѣчнаго сна. Если пруссаки начнутъ стрѣлять, тѣмъ хуже. Зажигаютъ десять, сто, тысячу костровъ, и отощавшіе изъ цѣлой округи кучками тянутся къ намъ, чтобы немного поѣсть. Весь лагерь пріобрѣтаетъ волшебный видъ.

Пламя, колеблемое вѣтромъ, окрашиваетъ всѣ лица въ красный цвѣтъ, углубляетъ глаза, удлиняетъ усы, а когда кто-нибудь повернетъ голову, тѣнь отъ нея, отражающаяся на далекихъ скалахъ, представляется исполинскимъ призракомъ, скрывающимся въ темнотѣ.

Но всего интереснѣе тутъ не пейзажъ, а люди. Въ первый разъ мы собрались всѣ вмѣстѣ. Какое разнообразіе оружія, костюмовъ, языка! Вмѣсто того, чтобы дрожать на кучѣ камней, я лучше разгляжу ихъ.

Просмотримъ быстро 8 полковъ мобилей.. Это резервъ дѣйствующей арміи, второе ополченіе національной обороны. Теперь они составляютъ главную часть нашей арміи: 10,000 изъ 15,000. Они соблюдаютъ порядокъ, кротки и послушны, какъ овцы. Издали ихъ можно принять за солдатъ. Да они и становятся ими, когда случайно ихъ ведетъ хорошій офицеръ... Медлительные въ атакѣ и быстрые въ отступленіи эти главные батальоны возбуждаютъ сомнѣніе: это бездушныя тѣла.

Вогезскую армію прежде всего составляютъ 1600 «красныхъ рубахъ» и 3000 вольныхъ стрѣлковъ, которые вездѣ идутъ впереди нея. Въ январѣ число волонтеровъ достигнетъ 7000; сейчасъ вмѣстѣ съ 300 артиллеристовъ и 47 кавалеристами они образуютъ прочное ядро, единственное, которое Гарибальди рѣшается бросить впередъ. 1600 итальянцевъ, число которыхъ въ январѣ превышаетъ 2000, распредѣлены пополамъ между легіономъ Танары и легіономъ Равелли или альпійскихъ стрѣлковъ. Въ каждомъ изъ нихъ по 3 батальона, раздѣленныхъ по итальянской системѣ на маленькіе отряды. Такъ какъ они плохо говорятъ по-

французски, Гарибальди избѣгаетъ отпускать ихъ въ деревни, опасаясь столкновеній. Это лезвіе его шпаги. Въ минуту опасности приходится прыгать въ огонь. Офицеры обращаются съ ними по-прусски. Подъ горячую руку они угощаютъ ихъ ударами сабель плашмя и пинками сзади.

Во главѣ этихъ *красныхъ рубахъ* идетъ рота генуэзскихъ карабинеровъ, сильныхъ, прекрасныхъ, отважныхъ, типичныхъ моряковъ, какъ и ихъ генералъ, который назначаетъ изъ нихъ свой почетный караулъ. Форма во всѣхъ ротахъ одинакова. Бѣлыя полотняныя гетры, сѣровато-зеленые свѣтлые панталоны, красная рубашка, зеленая фуражка, съ охотничьими рогами на козырькѣ составляютъ знаменитую форму, давшую имъ прозвище. Простая полотняная сумка замѣняетъ ранецъ. У нихъ хорошій оркестръ.

Отъ Генуи до Мальты всѣ большіе итальянскіе города дали своихъ волонтеровъ.

Дезертиры сосѣднихъ съ Альпами гарнизоновъ (они уже осуждены за это) присоединились къ намъ, перейдя Альпы; многіе сержанты увлекли свои отряды. Здѣсь встрѣтишь всѣ типы полуострова: пьемонецъ съ сѣрыми усами и совершенно гальскими голубыми глазами, козій пастухъ съ Апеннинъ съ своей бараньей кожей и остроконечной шляпой, сициліецъ съ крючковатымъ носомъ и профилемъ сарацина. Многіе уже сдѣлали одну или нѣсколько кампаній подъ начальствомъ Гарибальди. Достаточно было одного его слова и они являлись, покинувъ ученье, дѣла, семьи...

Гораздо болѣе разнообразны по виду тѣ 47 отрядовъ вольныхъ стрѣлковъ, которые прикрываютъ остальную армію своими авангардами; средняя численность каждаго изъ нихъ 60—70 человѣкъ.

Никогда, во время моихъ многочисленныхъ путешествій, ни въ одномъ обществѣ я не слышалъ такого многоязычія. Нѣкогда Ганнибалъ и Валленштейнъ вели такія многоязычныя арміи, какова теперь вогезская.

Въ нашихъ отрядахъ рѣдко слышался сѣверный говоръ. кромѣ нѣмецкаго. Но всѣ языки Средиземнаго моря и южной части Атлантическаго: турецкій, болгарскій, греческій, провансскій. итальянскій, арабскій, испанскій португальскій сливаются здѣсь, благодаря болѣе или менѣе звучному произношенію. Во всѣхъ портахъ этихъ двухъ морей нашлись французы, занимавшіе доходныя должности, которые вняли голосу крови, вопреки своимъ интересамъ. Они покинули своихъ кліентовъ, свои фермы, свои заводы и явились, заплативъ сами за переѣздъ и увлекая за собой нѣкоторыхъ туземцевъ.

Джузеппе Гарибальди.
(Нац. библ. въ Парижѣ).

Съ испанскихъ горъ къ намъ спускается сухой пѣхотинецъ, съ матовымъ цвѣтомъ лица, мускулистыми ногами, черный, какъ священникъ, и подпоясанный, какъ тореадоръ. Вотъ еще болѣе худой профиль; его маленькій, черный, блестящій глазъ дѣлалъ развѣдки въ кустарникахъ Атласа, какъ теперь на Кот-д'Орѣ. А тотъ, съ чернымъ блестящимъ лицомъ, съ рядомъ бѣлыхъ зубовъ и толстыми губами, человѣкоподобное двуногое, которое фыркаетъ, какъ лошадь, жестикулируетъ, какъ обезьяна, и скачетъ босикомъ, это Буль-де-Нежъ, сенегальскій негръ. Нѣкоторые изъ этихъ случайныхъ отрядовъ уже сражались противъ Вердера въ Вогезахъ: напримѣръ *Вогезскій вольный отрядъ* — первый отрядъ вольныхъ стрѣлковъ во Франціи, или отрядъ *Ліонскихъ развѣдчиковъ*, спасшій обозъ первой вогезской арміи въ Ремиремонѣ, наконецъ отрядъ *Альпійскихъ Стрѣлковъ*, отличившійся только что у Шатильона и французское названіе котораго есть буквальный переводъ итальянскаго прозвища легіоновъ Равелли. Привѣтствуйте нашихъ *Альпійскихъ Стрѣлковъ*.

Капитанъ Мишаръ сумѣлъ обратить ихъ въ отборное войско. Его солдаты нѣсколько надменны и дѣлаютъ видъ, что водятся только другъ съ другомъ. Офицеры съ солдатами живутъ вскладчину, всѣ носятъ ружья и сообща переживаютъ успѣхи и неудачи. До раны Мишаръ самъ жилъ общей жизнью съ своими солдатами и спалъ на соломѣ, когда имъ приходилось спать на соломѣ. И я утверждаю, что если они смѣются надъ его кожей кирпичнаго цвѣта, то надъ его приказаніями никто не смѣется.

За тѣ два мѣсяца, которые дѣйствуетъ этотъ отрядъ въ 137 человѣкъ, онъ уже взялъ въ плѣнъ 70 пруссаковъ. Отчасти то же можно сказать и о двухъ отрядахъ вольныхъ стрѣлковъ.

Они только что вступили въ строй и уже нѣмцы ихъ ненавидятъ особенно сильно. Они рубятъ нашихъ раненыхъ. Они вѣшаютъ или разстрѣливаютъ нашихъ плѣнныхъ. Но они боятся насъ, и мы это знаемъ. При каждой стычкѣ они теряютъ нѣсколько человѣкъ, но они теряютъ ихъ ежедневно. Дѣла при Брасеѣ, Жанлисѣ, Шатильонѣ, Оксонѣ, Шанбефѣ, поколебавъ ихъ самоувѣренность, увеличили нашу. Всю эту ночь мы взвинчиваемъ себя разсказами о нашихъ стычкахъ, мы надѣемся, что и завтрашнее дѣло, если только оно будетъ завтра, окажется достойнымъ продолженіемъ ему предшествовавшихъ.

Дальнѣйшіе отрывки посвящены описанію дѣйствій вогезской арміи Гарибальди подъ Дижономъ въ концѣ ноября противъ ген. Вердера. Это первое наступательное дѣйствіе Гарибальди, предпринятое противъ 25 т. арміи съ многочисленной артиллеріей и кавалеріей (у Гарибальди числилось всего 18 пушекъ и 90 кавалеристовъ). Гарибальди думалъ овладѣть Дижономъ, врасплохъ ночною атакой разсчитывая, что, въ

случаѣ неудачи, онъ привлечетъ на себя главныя нѣмецкія силы и обезпечитъ успѣхъ французскому ген. Кремеру. Ночная атака оказалась неудачной, но зато помощь Кремеру была оказана существенная. Мы беремъ эти отрывки, какъ иллюстрацію, характеризующую гарибальдійцевъ въ дѣйствіи.

Атака Пренуа.

Вердеръ ждалъ, что Гарибальди придетъ по Лангрской дорогѣ. Тѣмъ не менѣе, пока бригада Келлера производила развѣдки па Лангрской дорогѣ, бригада генерала Дегенфельда, въ составѣ 3 батальоновъ, 2 эскадроновъ и 12 пушекъ, направилась изъ Дижона по Парижской дорогѣ и остановилась за Дарруа, въ центрѣ плоскогорія, у Пренуа. Кромѣ развѣдокъ Дегенфельду предписано было совершенно опустошить эту мѣстность. У отрѣзанныхъ, на небольшомъ пространствѣ Дижона, нѣмцевъ уже нехватало мяса для людей, овса для ихъ 5000 лошадей. За нѣсколько дней передъ тѣмъ мы отрѣзали у нихъ подвозъ припасовъ.

Но Гарибальди проснулся раньше Дегенфельда. Уже въ четыре часа утра пустились наши 12 пушекъ изъ Лантенэ по проселочной дорогѣ къ Паску, незамѣтно, одна за другой, движутся онѣ подъ древеснымъ сводомъ и, выѣхавъ на плоскогорье, скрываются налѣво у еловаго лѣса. Тутъ же выстраивается легіонъ Танары изъ 800 итальянцевъ. А направо, вдоль лѣса, вплоть до долины Эхо, развертываются 800 вольныхъ стрѣлковъ. Между этими крыльями, у начала лѣсной дороги, оставлено пустое пространство въ видѣ воронки: это западня, и оба авангарда волонтеровъ изъ засады подстерегаютъ появленіе врага.

Долго стоимъ мы съ заряженными ружьями подъ проливнымъ дождемъ, при сильномъ юго-западномъ вѣтрѣ.

Но между 10 и 11 часами сквозь эту сѣть дождя мы начинаемъ различать сперва маленькіе патрули, которыхъ мы не трогаемъ, потомъ плотную массу пѣхоты. Дегенфельдъ отдаетъ Пренуа на разграбленіе. На нѣмецкихъ фургонахъ везутъ хлѣбъ, овесъ, копченое сало. Разохотившись при видѣ всего этого, одна баденская рота уже двинулась на Паскъ. Когда она достаточно приблизилась, наши пушки дали залпъ по ней черезъ крыши домовъ Паска, рота смѣшалась и въ безпорядкѣ отступила къ Пренуа.

Если бы у насъ, какъ у Дегенфельда, было 2 эскадрона кавалеріи, мы сразу захватили бы всю эту пѣхоту.

Крикъ радости вырвался у насъ при видѣ этого бѣгства отъ нашихъ маленькихъ пушекъ, присутствія которыхъ здѣсь никто и не подозрѣвалъ.

Это имѣло психологическое значеніе.

Какъ тонкій и опытный человѣкъ, Гарибальди пользуется моментомъ и лично ведетъ оба крыла на Пренуа. Самъ онъ идетъ въ центрѣ со своей кавалеріей, состоящей изъ 47 человѣкъ. Въ первый разъ съ начала войны онъ, не обращая вниманія на болѣзнь ногъ, рѣшился сѣсть на лошадь, но она его сбросила, тогда трубачъ легіона Танары, трубя къ атакѣ, повелъ его новую лошадь подъ уздцы. Атаку начали «красныя рубашки» слѣва, артиллеристы и кавалеристы въ центрѣ и вольные стрѣлки справа, а сзади, на весьма почтительномъ разстояніи, двигались мобили, занимая захваченное нами. Сразу помолодѣвшій Гарибальди радостно крикнулъ начальнику генеральнаго штаба: «*Какъ чудесно, Бордоне, видѣть наступленіе нашей молодой республиканской арміи!*» Да и дѣйствительно порывъ былъ прекрасенъ! Въ воздухѣ вѣяло геройствомъ.

Наши 47 стрѣлковъ первыми дошли до Пренуа. Увлеченные капитаномъ Бонде и отважнымъ Канціо, они хотѣли изрубить нѣмецкую батарею.

Я до сихъ поръ содрогаюсь при мысли объ этой отважной атакѣ. Сотни баденцевъ засѣли въ фруктовыхъ садахъ въ верхней части деревни. И когда 47 синихъ шинелей появились на хребтѣ, ихъ встрѣтили пальбой почти въ упоръ, и они потонули въ облакахъ дыма. Мы были увѣрены, что всѣ погибли. Въ дѣйствительности только 11 были ранены, и ни одинъ не умеръ на мѣстѣ. Храбрецамъ не удалось добраться до шести нѣмецкихъ пушекъ. Но съ этого момента баденцы разстроенными рядами стали выходить съ другой стороны изъ деревни. Наши маленькія пушки одна за другой направлялись тоже къ Пренуа, какъ японскіе шпицы, преслѣдующіе большихъ меделянскихъ собакъ.

Приближался полдень.

«Красныя рубашки» Танары наступали по открытымъ холмамъ тремя параллельными рядами въ 50 метрахъ другъ отъ друга: На нихъ направлены были шесть тяжелыхъ нѣмецкихъ орудій, стоявшихъ за Пренуа около разрушенной мельницы. Снаряды разрывались, вздымая массу грязи. Нѣсколько человѣкъ упало. А они все шли впередъ подъ звуки горна, не стрѣляя и даже не замедляя шага. Гарибальди былъ съ ними. Они обходили Дегенфельда съ праваго фланга.

Всѣ свои орудія Дегенфельдъ обратилъ на нихъ, а они свои пули на подмогу 800 вольнымъ стрѣлкомъ, которые шли на его лѣвый флангъ.

Воодушевленные примѣромъ стрѣлковъ, мы шли черезъ долины, холмы, нивы и плетни. Два раза подъ градомъ пуль намъ пришлось растянуться плашмя; это было за дубами. Цѣлый

дождь сухихъ листьевъ, коры и вѣтокъ посыпался намъ на спины. Отряхнувшись, мы двинулись дальше на Пренуа.

Что намъ за дѣло до тѣхъ подлецовъ, которые прячутся за возвышеніями! 600 храбрѣйшихъ достигаютъ, наконецъ, верхней части деревни; въ то же время итальянцы подходятъ къ ней снизу. Нѣмцы не дождались штыкового боя.

Они съ воплемъ бросились изъ всѣхъ домовъ, стараясь добраться до пушекъ, которыя, сломя голову, неслись къ Дарруа.

Мы захватили незначительное количество раненыхъ и плѣнныхъ, но довольно много лошадей, оружія и дорогую офицерскую шубу.

Ночная атака.

...Гарибальди рѣшилъ, что на этотъ вечеръ его работа кончена. Онъ вовсе не заказывалъ себѣ ужина въ отелѣ де ла Клошъ—лучшемъ въ Дижонѣ, какъ это утверждаютъ нѣкоторыя нѣмецкія описанія.

Просто въ Дарруа онъ намъ сказалъ: «*Одна изъ ихъ бригадъ отступаетъ. Кто знаетъ, можетъ быть, второй ударъ сегодня же вечеромъ навелъ бы панику на весь ихъ корпусъ*». Предложеніе это намъ улыбнулось: мы были такъ близко отъ Дижона! «*Итакъ*», сказалъ онъ, «*въ Дижонъ*». Колонна спѣшно выстроилась въ боевомъ порядкѣ.

Прекрасную генуэзскую роту онъ ставитъ во главѣ, потомъ роту Танары, затѣмъ вольныхъ стрѣлковъ Ричіотти и, наконецъ, 600 лучшихъ вольныхъ стрѣлковъ Менотти. Эти 1.500 человѣкъ строятся индѣйскимъ рядомъ, т.-е. съ двухъ сторонъ дороги. За ними во всю ея ширину, по 6 въ рядъ, идутъ мобили Нижнихъ Пиринеевъ и Нижнихъ Альпъ. Остатки легіона Танары замыкаютъ шествіе. Стоя въ коляскѣ, Гарибальди поетъ, какъ во времена своей молодости, а мы молча проходимъ передъ нимъ, тревожно всматриваясь въ густой туманъ, сквозь который слабо мерцаютъ дижонскіе огни.

Почти 6 часовъ.

Мелкій дождь струится по нашимъ ружьямъ, слѣпитъ глаза, затекаетъ за воротъ. И грязища же! Но убійственная погода очень благопріятна для нашихъ плановъ.

Мы вынимаемъ изъ ружей патроны и навинчиваемъ штыки, — стрѣлять запрещено: *Всякій стрѣляющій—врагъ; его велѣно колоть...*

Идутъ осторожно, въ глубокомъ молчаніи; какъ громадный ужъ, безмолвно скользитъ колонна по дорогѣ.

Нашъ пароль: да здравствуетъ республика!

Около семи раздался первый выстрѣлъ! Вся содрогнувшись, колонна остановилась на откосѣ перекрестка Пломбьерской дороги, нѣмецкій часовой на наше: «кто идетъ»? отвѣтилъ: «Франція». Мишаръ, которому, какъ и въ Шатильонѣ, хотѣлось быть первымъ, наповалъ уложилъ шутника. «Ко мнѣ, Савойя»,—громко крикнулъ онъ. Первый встрѣтившійся патруль былъ уничтоженъ штыками. На второй же, который, помнится, вышелъ изъ Шанжейскаго прохода, напала генуэзская рота, оттѣснившая его къ лѣсу и преслѣдовавшая до фермы; тутъ волонтеры и вольные стрѣлки бросились въ штыки на бѣглецовъ, колонна же двигалась дальше. Ничего не подозрѣвая, мы шли рядомъ съ тѣмъ самымъ фузелернымъ полкомъ, который только утромъ выбили изъ фруктовыхъ садовъ Прену а.

Оказывается, онъ стоялъ бивакомъ направо отъ насъ, въ старой каменоломнѣ, на дорогѣ, ведущей изъ Пломбьера въ Шанжей.

Они только что успокоились, узнавъ отъ патруля, что «ничего новаго» нѣтъ. Ничего новаго! Четыре нѣмецкихъ роты схватились за ружья, услыхавъ въ этотъ моментъ крики убиваемыхъ; офицеры и солдаты, всѣ вмѣстѣ, бросились наперерѣзъ черезъ поле, чтобы скорѣе попасть на большую дижонскую дорогу. Такимъ образомъ они двинулись въ одномъ направленіи съ нами, и мы приближались другъ къ другу, какъ двѣ рѣки, готовыя слиться. Ни тѣ, ни другіе никакъ не ожидали такого близкаго сосѣдства. Въ 20 шагахъ отъ насъ баденцы встревожились и стали стрѣлять. Сперва безпорядочно, какъ и двигались. При вспышкахъ выстрѣловъ мы хорошо увидали разстройство ихъ рядовъ и быстроту движенія.

Многіе изъ нашихъ волонтеровъ прижались за откосомъ дороги. Но нѣмцы стрѣляютъ на авось; пули свистятъ только надъ нашими головами. Идемъ! Вставайте! Впередъ! Впередъ храбрецы! Атаку продолжаютъ смѣлѣйшіе, какъ вдругъ оба отряда смѣшиваются на дорогѣ въ одинъ человѣческій потокъ. Началась ужасная безпощадная свалка. Возбужденіе ожесточало.

Тутъ почти одновременно пали предводитель баденскаго батальона маіоръ Видманнъ и предводитель нашего авангарда командиръ Мишаръ.

Между тѣмъ нѣмцы бѣгутъ. Нечего терять даромъ время. Впередъ! Впередъ!

Мы идемъ по большой дорогѣ на крики и не сомнѣваемся въ своемъ успѣхѣ, воображая, что за часовыми и за главнымъ патрулемъ теперь отступаетъ весь ихъ полкъ. Горнисты уско-

ряютъ бѣгство сигналами. Многіе побѣдно ударяютъ штыками о приклады. Итальянцы трубятъ гимнъ Гарибальди; мы поемъ марсельезу. Пожалуй эта разнокалиберная музыка была бы болѣе подходящей въ другое время.

Вдругъ, я не то что падаю, а растягиваюсь, проваливаюсь, попадаю въ воду.

Запутавшись ногой въ чешуѣ нѣмецкой каски, я, падая, невольно пырнулъ шедшаго передо мной человѣка. Онъ повернулся и, какъ косой, замахнулся на меня прикладомъ. Къ счастью, ударъ только просвистѣлъ надъ моей головой. Оказывается, что только часть баденцевъ бѣжала впереди насъ, остальные же бѣжали вмѣстѣ съ нами и громче всѣхъ кричали: Впередъ! Впередъ! Рядомъ съ моимъ другомъ Жакелиномъ очутился такой бѣглецъ, закрывшій капюшономъ свою каску. Его опознали по герцогскому грифону на козырькѣ и ударомъ штыка сбросили въ ровъ.

Тутъ же одинъ воклюзецъ, толкнувъ меня локтемъ, сказалъ:

— Знаешь ли ты вотъ того большого, что идетъ впереди? Уже десятый разъ я пытаюсь заговорить съ нимъ, онъ молчитъ.

— Пощупай, что у него на головѣ, отвѣтилъ я, и будь остороженъ.

У меня было предчувствіе: онъ нащупалъ остроконечную каску. Три раза подъ рядъ ударилъ онъ его штыкомъ, но баденецъ все же ускользнулъ. Черезъ 16 лѣтъ одинъ чиновникъ, который въ этотъ вечеръ дежурилъ въ таможнѣ, разсказалъ мнѣ, что передъ конторой упалъ, истекая кровью, израненный штыкомъ въ ноги, высокій, блѣдный, какъ смерть, баденецъ, котораго поддерживали два товарища. Онъ, значитъ, смогъ еще 20 минутъ продержаться на ногахъ. Несомнѣнно это былъ нашъ молчаливый спутникъ.

Другіе оказались ловчѣе. Я не удивился, когда въ одномъ нѣмецкомъ описаніи прочелъ слѣдующій эпизодъ.

«За нѣсколько минутъ до атаки гарибальдійцевъ сержантъ Боццо осматривалъ домъ для стоянки солдатъ. Восемь крестьянъ хотѣли его схватить. Двоихъ онъ убилъ штыкомъ, а другіе разбѣжались. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ началась атака гарибальдійцевъ. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало избѣгнуть плѣна: собравъ своихъ солдатъ, онъ велѣлъ имъ снять каски и бросился на нападающихъ, крича: En avant! (Впередъ!), чѣмъ и обманулъ ихъ».

Теперь неудивительно, почему нѣмецкія каски валялись на дорогѣ.

Но главный-то ужасъ этой исторіи въ слѣдующемъ. Мино-

вавъ Шанжей, мы уже съ четверть часа шли вдоль Шомонскаго плоскогорья, гдѣ намъ еще предстояло пролить столько крови въ январской битвѣ. За массивомъ Таланской горы не видно было огней Дижона. Мы шли ощупью, въ непроглядной темнотѣ; вдругъ впереди послышались какіе-то металлическіе звуки. Изъ предосторожности кто-то крикнулъ: «Кто идетъ?»

Вмѣсто отвѣта въ темнотѣ, въ ста шагахъ отъ насъ, сверкнулъ рядъ огоньковъ и раздался громовый грохотъ сотни выстрѣловъ. Какой-то дуракъ крикнулъ: «Берегитесь, картечь!» Мало толку было отъ этого глупаго слова! Многіе волонтеры бросились плашмя. Тутъ, по словамъ Гарибальди: «*намъ нужно было нѣчто большее, чѣмъ храбрость, чтобы рѣшиться подставить головы подъ такую бурю*».

Но пока пули свистятъ очень высоко лѣвѣе колонны, неустрашимые кричатъ: Впередъ! Впередъ! и всѣ трогаются.

Черезъ пятьдесятъ шаговъ опять сверкаетъ пламя и слышится свистъ «картечи». На мигъ мы видимъ, что баденцы уже не бокомъ и не спиною къ намъ, а прямо лицомъ къ лицу. Неподвижные, молчаливые, сжатые въ 4—5 рядовъ, они стоятъ перпендикулярно къ нашему лѣвому флангу и стрѣляютъ на авось, все еще слишкомъ влѣво. Черезъ пять шаговъ опять пламя, опять залпъ. Ослѣпленные, оглушенные, задыхаясь отъ дыма, идемъ мы впередъ, преслѣдуя тѣхъ же бѣглецовъ, влекомые тѣми же голосами; впереди насъ бѣжитъ итальянецъ-трубачъ, трубя вслѣдъ баденцамъ дьявольскую атаку.

Четвертый залпъ раздался сзади насъ; сдѣлавъ 300 шаговъ, мы остановились и стали прислушиваться.

Въ незнакомой мѣстности, глухою ночью, мы—200 волонтеровъ разныхъ отрядовъ—крайне недовѣрчивы и готовы броситься другъ на друга.

Впереди раздается заглушенный вѣтромъ выстрѣлъ: это нѣмецкій часовой, спрятавшись за старымъ желѣзнымъ крестомъ у подножія Талана, подпустилъ совсѣмъ близко нашего трубача и въ упоръ выстрѣлилъ ему въ грудь. Шумъ отъ бѣгства баденцевъ тоже заглушается вѣтромъ. Сзади слышны стоны раненыхъ; нѣмецкій барабанъ удаляется по направленію къ Дэ. Потомъ наступаетъ полная тишина.

Не знаю, сколько времени мы стояли, но убійство патрулей, внезапная стычка холоднымъ оружіемъ, четыре залпа «картечи»—все это заняло не больше 30 минутъ.

Помню еще, какъ я присѣлъ на кучу камней. Ливень продолжалъ хлестать въ лицо и дрожь пробирала окоченѣвшіе члены. Было около 8 часовъ. Уже 15 часовъ были мы на ногахъ

и безъ ѣды. Тѣмъ хуже! Какъ волки, крались мы назадъ къ Шанжею, совершенно не понимая, какъ могла только что бывшая сумятица смѣниться такою поразительной тишиной.

Передъ нами выростаютъ призраки и исчезаютъ, не говоря ни слова. Даже раненые удерживаются отъ стоновъ. Изумительно, что обѣ арміи исчезли. Чортъ знаетъ, куда онѣ дѣлись?

Паника.

Только гораздо позднѣе изъ устныхъ, рукописныхъ и печатныхъ разсказовъ товарищей мнѣ выяснились всѣ перипетіи этого кроваваго, тревожнаго часа...

Пока авангардъ вольныхъ стрѣлковъ быстро шелъ впередъ по дорогѣ, разсѣянные въ виноградникахъ, поодиночкѣ или маленькими группами, нѣмцы продолжали стрѣлять не только по правому флангу нашей колонны, но и по своимъ. Эти разрозненные выстрѣлы попали въ шедшую сзади насъ плотную массу мобилей Нижнихъ Альпъ и Нижнихъ Пиренеевъ. Обезумѣвъ отъ ужаса, они, вопреки приказу генерала, начали палить во всѣ стороны. Среди ночи во всѣхъ направленіяхъ стало вспыхивать выбивавшееся изъ ружей пламя: они палили, не разбирая враговъ и друзей.

Авторъ этого разсказа, капитанъ Ординеръ, бывшій около Гарибальди, добавляетъ: «Мы выдержали ихъ пальбу, какъ и пальбу пруссаковъ».

Послѣ этого славнаго подвига мобили ложатся пластомъ и, не обращая вниманія на присланныхъ Гарибальди штабныхъ офицеровъ, рѣшительно отказываются двигаться дальше.

Ни руганью, ни ударами ихъ не удалось поднять: они вскакивали только, чтобы удрать. Генералъ Бордоне встрѣтилъ ихъ цѣлую дюжину: они притворились, что несутъ на одѣялѣ раненаго офицера. Когда къ нимъ обращаются, они даже не шелохнутся, отвѣчаютъ одни офицеры. «Вамъ везетъ», завидовалъ намъ ихъ офицеръ, «по крайней мѣрѣ солдаты идутъ за вами».— «Простите», возразилъ я, «у насъ они идутъ впереди».

Все это было еще ничего до тѣхъ поръ, пока наши передніе солдаты не обернулись и ни увидали сзади себя со всѣхъ сторонъ вспышки ружейныхъ залповъ.

Такъ какъ намъ былъ отданъ приказъ не стрѣлять, то всѣ рѣшили, что это враги: «Пруссаки впереди, пруссаки сзади— значитъ мы окружены». Только отчаянные бросились спасаться впередъ, продолжая атаку, весь же центръ колонны разсѣялся по виноградникамъ около дороги, а хвостъ пошелъ назадъ въ

штыки, прокладывая себѣ кровавый проходъ среди нашихъ же мобилей. Тогда вся ихъ масса, подъ давленіемъ этихъ 200—300 штыковъ, поднялась, повернулась и бросилась къ Дарруа, кинувъ мѣшки и ружья. Услыхавъ шумъ бѣгства, Гарибальди выскочилъ изъ экипажа и вмѣстѣ съ офицерами тщетно старался ихъ остановить.

Капитанъ Ординеръ, сынъ дубскаго префекта, капитанъ Багьино, будущій полковникъ моего полка, отважный Ріу, ведшій насъ въ Шатильонѣ,—всѣ пытаются бороться. Но всѣхъ ихъ опрокинули вмѣстѣ съ Менотти, который съ кулаками бросился въ самую гущу. Многіе изъ этихъ идіотовъ колятъ другъ друга, и навѣрно въ этой свалкѣ погибло больше народу, чѣмъ было нужно для побѣды.

Легіонъ Танары тщетно пытавшійся остановить панику, выстроился на откосѣ, чтобы не быть смятымъ.

Молодой Имбріани, офицеръ этого легіона, убитый потомъ подъ Дижономъ, иронически запѣлъ марсельезу. «Какъ», воскликнулъ другой съ проклятьемъ, «мы, иностранцы, держимся, а вы, сражающіеся за свою родину, вы даете тягу!»

Менотти, начальникъ мобилей, плакалъ отъ бѣшенства. Изъ-за нихъ мы въ пять минутъ теряли всѣ результаты этого труднаго дня. Мы, вѣдь, были уже у цѣли. Нашъ авангардъ дошелъ до послѣдняго креста у подножія Талана. Дорога до дижонской таможни была свободна. Нѣмецкій корпусъ въ Дижонѣ былъ охваченъ неописуемой паникой, и мы бы, несомнѣнно, вошли въ городъ по пятамъ фузилеровъ.

Позднѣе мы бѣсились отъ ярости, когда дижонцы разсказывали намъ про бѣгство нѣмцевъ...

Но вернемся къ Гарибальди.

Вокругъ его коляски собралось до 1000 волонтеровъ и больше ста офицеровъ, оставшихся безъ солдатъ. Правъ былъ Гарибальди, когда приказывалъ немедленно возобновить атаку; но мы почтительно не послушались его,—съ насъ было довольно! Итальянцы повернули его экипажъ и, не обращая вниманія на его упреки и палочные удары, потащили его къ Лантенэ. Гарибальди страшно волновался.

«Вы, значитъ, хотите», яростно кричалъ онъ, «чтобы пуля попала мнѣ въ спину».

Мы отступали медленно и нѣсколько разъ отдыхали. Отъ Шанжея до Лантенэ разложили около сотни костровъ. Нѣмцы съ высотъ Талана и Фонтенэ приняли эти мирные огни за вызовъ, но вмѣсто того, чтобы броситься на насъ, они только еще больше перепугались.

Многіе изъ нашихъ солдатъ переночевали въ Шанжеѣ, рядомъ съ госпиталемъ, гдѣ г-жа Маріо одинаково ухаживала какъ за нѣмцами, такъ и за французами. Другіе около девяти часовъ остановились въ Дарруа. Нѣкоторые около 10 ч. дошли до Пренуа, гдѣ попали на пожаръ. А главная часть колонны, въ ужасномъ видѣ, къ часу ночи дошла до Лантенэ. Уже три дня мы почти не спали и едва ѣли. Послѣ 15 часовъ перехода и битвы мы 4 часа отступали. А въ Лантенэ всѣ дома были переполнены, весь хлѣбъ съѣденъ и все выпито. Большинству пришлось только потуже затянуться и прикорнуть у одного изъ костровъ, глотая дымъ, который изъ-за дождя лѣзъ намъ прямо въ лицо. Нѣкоторымъ счастливцамъ, напримѣръ, Jacquelin'у, удалось какимъ-то образомъ отыскать кусокъ сырого мяса! Но хозяйка квартиры жалѣла дровъ, кастрюлю, охала и причитала: «Боже мой! изъ-за вольныхъ стрѣлковъ насъ сожгутъ пруссаки!..» Ея мужъ старался ее успокоить: «Замолчишь ли ты, старая корова!» кричалъ онъ ей нѣжно. «Куда же имъ дѣваться въ такую погоду?» Дѣйствительно, наружи рвалъ вѣтеръ и потоки дождя били въ окна, какъ въ барабанъ.

Здѣсь въ моихъ воспоминаніяхъ нѣкоторый пробѣлъ.

На разсвѣтѣ я очнулся на стулѣ съ опущенной на грудь головой и съ ногами, протянутыми къ огню. Отъ моей одежды шелъ паръ...

Утромъ оказалось, что мы отъ грязи сами на себя не были похожи.

Хозяйка охала, дождь хлесталъ въ окна, вѣтеръ завывалъ въ трубѣ, а многочисленные трубачи со всѣхъ сторонъ трубили сборъ.

Вечеръ 26 ноября остался легендарнымъ въ памяти баденцевъ. Они потеряли тутъ не больше 300—400 человѣкъ, но имъ пришлось биться холоднымъ оружіемъ. Штыковыя раны, ужасныя по размѣрамъ, почти всѣ оказались смертельными. Въ этотъ день ихъ презрѣніе смѣнилось ужасомъ передъ тѣмъ исключительнымъ фактомъ, что 1500 волонтеровъ безъ единаго выстрѣла осмѣлились броситься на цѣлый корпусъ. Любопытно, что это искреннее признаніе встрѣчается во всѣхъ баденскихъ журналахъ.

Вотъ что пишетъ въ письмѣ домой одинъ кавалерійскій офицеръ:

«...Эти гарибальдійцы, собранные, точно волшебствомъ, изъ всѣхъ народностей, очень выносливы. Они прекрасно бились.

Съ поразительнымъ презрѣніемъ къ смерти первыми шли они въ бой съ холоднымъ оружіемъ!» [1])

Другой безъ всякихъ обиняковъ признается въ бѣгствѣ фузилеровъ: «Фузилеры быстро отступили. Гарибальди по пятамъ гонится за нами! Таковъ вопль, вырвавшійся изъ сотенъ глотокъ» [2]). Эти сотни въ ужасѣ бѣжали до воротъ Дижона. И дижонцы хорошо помнятъ ихъ безпорядочное прибытіе. Вердеръ поставилъ за заставой драгунъ, которые преграждали дорогу бѣглецамъ и ударами сабель плашмя водворяли порядокъ среди этой сумятицы.

Еще одинъ баденскій корреспондентъ пишетъ:

«Вспышки залповъ освѣщали отборное гарибальдійское войско, зловѣще выступалъ яркій цвѣтъ ихъ одежды... Ожесточенные противники стоятъ лицомъ къ лицу. При свѣтѣ выстрѣловъ видны ихъ мужественныя, отважныя лица. «Побѣдить или умереть», таковъ приказъ съ обѣихъ сторонъ. Оттуда несутся возбужденные крики итальянцевъ и французовъ, здѣсь слышны только спокойно отдаваемые по-нѣмецки приказы. Тамъ старый, посѣдѣвшій въ бояхъ, кондотьеръ, здѣсь—молодой нѣмецкій солдатъ, увѣренный въ своихъ силахъ послѣ цѣлой вереницы побѣдъ. Три раза съ пѣніемъ марсельезы, плечомъ къ плечу, отважно шли гарибальдійцы въ атаку; и имъ нельзя отказать въ отвагѣ»... [3])

Въ самомъ Дижонѣ эта тревога, очевидно, превратилась въ настоящее поголовное бѣгство солдатъ и офицеровъ.

Вотъ что разсказываетъ Вальцъ, врачъ одного нѣмецкаго госпиталя:

«...Я игралъ въ кафе на бильярдѣ. Въ залѣ не было ни одного солдата. Хозяинъ удивлялся нашему спокойствію; снаружи доносился дьявольскій шумъ: экипажи, лошади солдаты носились во всѣ стороны. Какой-то французъ сказалъ, что нѣмцы эвакуируютъ: мы разсмѣялись ему въ лицо; вдругъ въ залу, запыхавшись, вбѣгаютъ наши вѣстовые: «Всѣ сейчасъ уходятъ, даже госпиталь!» Моментально мы были въ гостиницѣ, коекакъ уложились; вѣстовой потащилъ мой сундукъ, а я—чемоданъ; въ это время уѣзжалъ госпиталь; улицы уже опустѣли»...

Это пишетъ не вольный стрѣлокъ, не гасконецъ, а нѣмецкій офицеръ.

Дижонцы добавляютъ къ этому нѣсколько пикантныхъ подробностей.

---

[1]) «Karlsruher Zeitung». 7 Dezember. 1870.
[2]) Ib. 4 Dezember.
[3]) Ib. 9 Dezember.

Одинъ офицеръ-казначей забылъ въ гостиницѣ свою кассу. Другой—часы, бумаги и коллекцію грязныхъ фотографій. Третій потерялъ на темной лѣстницѣ саблю, такъ и уѣхалъ, не найдя ея. Простые солдаты выбрасывали свои сундуки въ окна. Кавалеристы, взваливъ сѣдла на головы, бѣжали въ перемежку съ пѣхотой. Цѣлыя толпы безсмысленно бросались изъ улицы въ улицу. Во многихъ домахъ баденцы переодѣвались въ штатское или прятались подъ постели, въ уборныя, за бочки въ погребахъ. Говорятъ, что Вердеръ чуть не погибъ.

Его слишкомъ быстро летѣвшая карета зацѣпилась за тумбу, опрокинулась и десять метровъ волоклась на боку. Вердеръ счастливо отдѣлался. выбравшись черезъ дверцу; до Варуа ему пришлось ѣхать верхомъ. Варуа, какъ извѣстно, находится въ разстояніи нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ Дижона.

Во всякомъ случаѣ, изъ двухъ враждебныхъ генераловъ Гарибальди «бѣжалъ» медленнѣе, такъ какъ его везли сами солдаты. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ столица Бургундіи пустовала между двумя, бѣжавшими другъ отъ друга, арміями.

Почему же дижонцы остались простыми зрителями этого бѣгства?

Просто потому, что городъ разсчитывалъ на насъ, а мы на него. Гонцы, конечно, скакали между нами и городомъ. Переодѣтый механикомъ капитанъ Бурсе едва не былъ разстрѣлянъ за попытку поднять возстаніе среди населенія. Надежда же, что при одномъ нашемъ появленіи горожане бросятся въ бой, была, конечно, однимъ самообманомъ. Вѣдь 30-го октября мы не пришли во-время на помощь осажденному городу. Кто же могъ гарантировать, что мы придемъ 26 ноября?

Къ мучительному воспоминанію объ этой, еще открытой ранѣ, присоединялся ужасъ возможнаго захвата.

Оцѣнивъ героизмъ защиты неукрѣпленнаго Дижона 30 октября, нѣмецкій вождь даровалъ имъ настолько почетную капитуляцію, что она сдѣлала бы честь многимъ крѣпостямъ. Но залогомъ спокойствія была контрибуція въ 500.000 франковъ. Нарушить теперь условія значило не только разорить городъ въ финансовомъ отношеніи, но и подвергнуть его ужасной мести. Разгромъ, пожары, экзекуціи послѣдовали бы за этимъ: жестокость Вердера была хорошо извѣстна.

«Въ эти дни», говоритъ его историкъ[1]), «Дижонъ представлялъ любопытное зрѣлище. Видно было, что жители ожидаютъ рѣшительнаго дѣла. Несмотря на строгіе приказы, здоровенные блузники собирались сотнями. Старыя стѣны были покрыты

[1]) Löhlein.

народомъ, люди разсматривали горизонтъ въ подзорныя трубы, а многочисленныя дижонскія красавицы, скромно опускавшія раньше глаза, теперь съ торжествомъ смотрѣли намъ прямо въ лицо».

Вердеръ принялъ мѣры предосторожности.

«...Противъ тысячъ блузниковъ были наготовѣ пушки и ружья, которыми обстрѣливались главныя улицы. Мэру города было заявлено, что, въ случаѣ возмущенія, городъ будетъ немедленно уничтоженъ».

Для примѣра, въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ и деревняхъ нѣмцы избили нѣсколько неповинныхъ людей.

Такъ адъюнктъ Симонъ изъ Сенъ-Аполинера былъ схваченъ, когда провожалъ домой двухъ молоденькихъ дѣвушекъ. Баденцы нещадно исколотили его саблями плашмя, потомъ окровавленнаго привязали къ колесу пушки, наконецъ, несмотря на лихорадку, заперли на 5 часовъ въ свинарникъ. Когда его выпустили, и онъ попытался уйти изъ деревни, они опять схватили его, избили и бросили полумертваго. Все тѣло его было сплошной раной. Онъ умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ черезъ 7 дней, при чемъ такъ никто никогда и не узналъ, въ чемъ его обвиняли.

Даже послѣ ночной эвакуаціи Вердеръ могъ еще разстрѣлять ужасныхъ дижонскихъ «блузниковъ», потому что нѣмецкіе посты остались въ Корселѣ, Фонтенѣ и Сенъ-Аполинерѣ. На разсвѣтѣ орудія оттуда могли бы бомбардировать городъ. Къ тому же, хорошо дисциплинированные баденцы не рѣшились разсѣяться по окрестностямъ, наводненнымъ вольными стрѣлками и нашими бѣглецами, которыхъ вездѣ встрѣчали, какъ сиротъ. Не дисциплина и батоги, не жестокость офицеровъ, рубившихъ бѣглецовъ безъ разбора и за одно слово раздроблявшихъ голову изъ револьвера, удерживали ихъ отъ побѣговъ, а ужасъ передъ рискомъ попасть живьемъ намъ въ руки.

Такъ наши видѣли, какъ одинъ ихъ батальонъ 19 часовъ неподвижно простоялъ подъ дождемъ. Этой-то суровой, но необходимой дисциплинѣ обязаны они своимъ спасеньемъ въ ту ночь и своимъ отмщеньемъ на завтра.

Въ Паскѣ.

Утромъ 27 ноября Вердеръ, устыдившись своего ночного бѣгства, вновь занялъ Дижонъ и возобновилъ по всей линіи наступленіе.

До 26 ноября онъ, несмотря на своихъ многочисленныхъ шпіоновъ и еще болѣе многочисленную кавалерію, не зналъ

мѣстонахожденія нашей главной квартиры. Онъ думалъ, что Гарибальди на Лангрской дорогѣ, но ошибся. Горсть людей разбила всѣ его планы. Однако утромъ 27 все уже выяснилось: наша главная квартира—Паскъ. Туда и обращаются всѣ его силы

Три бригады выходятъ изъ Дижона

Бригада принца Баденскаго подымается отъ Пломбьера лѣсами черезъ Комб-о-Эхо; бригада генерала Гольца, вмѣсто бригады Дегенфельда, идетъ за нами по пятамъ, по Парижской дорогѣ. И, наконецъ, бригада генерала Келлера, вызванная до зари съ Лангрской дороги, направляется на нашъ лѣвый флангъ черезъ Месиньи и Валь-Сюзонъ. Объединенные общей командой Вердера, эти три генерала наступали съ 35 пушками, 12 эскадронами и 15 батальонами. Благодаря концентрическому движенію, руководимому лично Вердеромъ, послѣдній считалъ уже, что «столь долго ускользавшій врагъ, наконецъ, попался; наступало время для сведенія всѣхъ старыхъ счетовъ».

Гарибальди же думалъ: «насъ еще хватитъ, чтобы кое-что сдѣлать».

На своемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, въ старой каменоломнѣ, къ юго-востоку отъ Паска, онъ сдѣлалъ засаду изъ тысячи марсельскихъ вольныхъ стрѣлковъ подъ начальствомъ храбраго Дельпеша. На крайнемъ правомъ, въ лѣсахъ Комб-о-Эхо, онъ устроилъ засаду изъ 800 «красныхъ рубашекъ» и вольныхъ стрѣлковъ. Между этими двумя крыльями онъ развернулъ налѣво Авейронскихъ мобилей, а направо—мобилей Прибрежныхъ Альпъ. Это былъ развернутый строй приблизительно въ 4000 человѣкъ, но у него не было ни артиллеріи, ни кавалеріи. Въ это время наши двѣ батареи съ обозомъ и госпиталями отступили къ Ансею. Около 11 часовъ загремѣла канонада, нѣмецкіе снаряды полетѣли надъ плоскогорьемъ, срывая верхушки деревьевъ и со свистомъ падая въ виноградникахъ Лантенэ. Печально было это воскресенье 27 ноября! Дождь лилъ, какъ изъ ведра, не видно было ни людей, ни предметовъ...

15,000 нѣмцевъ наводнили плоскогорье, когда Гарибальди съ горсточкой офицеровъ вышелъ изъ большого Лантенейскаго замка и еще разъ поднялся на вчерашнее поле сраженія. По общему волненію онъ видитъ, что только онъ одинъ хочетъ сражаться.

Онъ основательно говоритъ, что: «правильнаго сраженія еще не начинали». Центръ его фронта, состоявшій изъ мобилей и расположенный въ Прену, отступилъ при первыхъ же выстрѣлахъ.

Только оба крыла держались твердо и продолжали вчерашнюю тактику. Неподвижно стоя подъ снарядами, они начинали стрѣлять только въ разстояніи сорока шаговъ и бросались, при первой возможности, въ штыки на непріятельскій авангардъ. Но на обоихъ флангахъ атаки, столь удачныя наканунѣ, сегодня пропадали даромъ, тщетно ударяясь о плотныя массы нѣмецкой пѣхоты. Тутъ погибъ смертельно раненый передъ Пасской каменоломней храбрый командиръ Шапо. При атакѣ фланга гренадеровъ принца Вильгельма въ Комбъ-о-Эхо трупы «красныхъ рубашекъ», вольныхъ стрѣлковъ и ницскихъ мобилей покрыли всю опушку лѣса.

Они почти уже захватили двѣ нѣмецкихъ пушки, когда картечь остановила ихъ напоръ.

Менотти, Ричіотти, Канціо, Бордоне окружили тогда коляску генерала. Убѣжденный ихъ доводами, Гарибальди велитъ правому крылу отступать.

Къ чему скрывать истину? Едва коляска генерала отъѣхала, какъ мобили, побросавъ ранцы и ружья, цѣлымъ потокомъ хлынули на Лантенейскую дорогу и въ лѣса. Изъ всѣхъ разсѣлинъ въ скалахъ, со всѣхъ тропинокъ они стремглавъ кидаются въ Лантенейскіе виноградники. Только нѣсколько отрядовъ волонтеровъ держатся еще вокругъ генерала, и я до сихъ поръ помню, какъ въ пяти шагахъ отъ него нѣмецкій снарядъ сразилъ молодого офицера, оторвавъ ему обѣ ноги и убивъ наповалъ лошадь.

Такимъ образомъ къ часу только одно наше лѣвое крыло, да 1000 вольныхъ стрѣлковъ Дельпеша остались въ Паскѣ, лицомъ къ лицу съ тремя нѣмецкими бригадами.

Много смѣялись надъ толстымъ Дельпешемъ и его богатымъ воображеніемъ. Но подчасъ это бываетъ глупо. Торговецъ по профессіи, этотъ импровизированный капитанъ, конечно, не былъ подготовленъ къ боямъ. Но не только болтливостью отличался онъ: у него была прекрасная, большая душа. Южное воображеніе окрашивало для него все въ яркія краски, но онъ смотрѣлъ на вещи очень трезво. Капитанъ Жоливаль, опытный начальникъ главнаго штаба, поддерживалъ его своими совѣтами. И то, что я скажу сейчасъ—не легенда. Всѣ жители плоскогорья помнятъ это. Всѣ нѣмецкія донесенія подтверждаютъ это. Дельпешъ съ своею тысячею на нѣсколько часовъ остановили Вердера.

Также глупо смѣяться и надъ вольными стрѣлками, яко бы позировавшими въ качествѣ военныхъ.

Жаль, что всѣ насмѣшники не побывали въ воскресенье.

27 ноября, на Паскскомъ плоскогорьи. Нашимъ волонтерамъ было плохо: чтобы зарядить, каждый разъ они должны были вставать, и, по крайней мѣрѣ, пять выстрѣловъ невидимаго почти врага приходилось противъ одного нашего. А Вердеръ велъ противъ нихъ 12 эскадроновъ, т.-е. больше кавалеріи, чѣмъ у нихъ было пѣхоты. Какъ бы то ни было, но эти волонтеры, эти случайные солдаты такъ удачно прикрывались за стѣнами, возводили баррикады, рыли ямы и такъ стойко держались вокругъ своего начальника, такого же случайнаго, какъ и они, полковника, что и въ 3 ч. дня Вердеръ не былъ еще въ Паскѣ, несмотря на подавляющее численное превосходство...

Отступленіе къ Отену.

Въ теченіе всего дня 28 ноября нѣмцы отдыхали.

Генералъ Келлеръ, занявшій замокъ Лантенэ, очень удивился, что его предшественникомъ тамъ былъ Гарибальди. Онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, что такое ничтожное количество солдатъ могло остановить въ Паскѣ три четверти 14-го нѣмецкаго корпуса.

Онъ опросилъ всѣхъ, даже извозчиковъ, сторожей, учителей, мэровъ.

Чтобы извлечь побольше свѣдѣній, онъ очень галантно пригласилъ къ обѣду весь персоналъ одного изъ нашихъ госпиталей. Тутъ были двѣ молодыхъ итальянки, кокетливо одѣтыя сидѣлками, изящно обутыя, въ коротенькихъ юбкахъ, онѣ очень украсили его обѣдъ. Съ ними старый генералъ былъ вкрадчиво любезенъ. Вино лилось рѣкой, но все же онъ ничего другого не узналъ: вольныхъ стрѣлковъ была только 1000 и ихъ командиромъ былъ никогда не служившій купецъ.

29 ноября движеніе нѣмцевъ возобновилось по всей линіи.

Четыре колонны ушли изъ Дижона.

Три изъ нихъ двинулись противъ Гарибальди. Правая прусская бригада Гольца, съ 2-мя полками кавалеріи, гналась за 620 вольными стрѣлками Ричіотти въ направленіи Шатильона, покинутаго нами 10 дней тому назадъ.

Самой сильной была средняя колонна генерала Келлера. Подкрѣпивъ ее, Вердеръ поручилъ ей взять Отенъ и уничтожить наши запасы. Лѣвая, подъ начальствомъ Вехмара, должна была прикрывать первыя двѣ отъ возможнаго нападенія Кремера.

Въ эти 3 колонны, спеціально направленныя противъ насъ, входило 15 батальоновъ, 14 эскадроновъ и 48 пушекъ. А четвертая, дѣйствовавшая согласно съ ними и состоявшая

приблизительно изъ 1500 человѣкъ, направилась по Ліонской дорогѣ прямо на Кремера.

Печально возвращались мы черезъ тѣ же деревни, которыя такъ весело проходили третьяго дня! Уныло входили мы къ тѣмъ же хозяевамъ, и при видѣ насъ многіе изъ нихъ начинали рыдать.

Дорога отъ проливного дождя обратилась въ сплошной потокъ; мрачныя, какъ погода, мысли терзали насъ. Особенно тяжела была утрата послѣдней иллюзіи.

Я думалъ, что патріотизмъ можетъ каждаго сильнаго человѣка сдѣлать солдатомъ. Но взгляните на этихъ сильныхъ людей съ Пиринеевъ, съ Севенновъ и съ Альпъ. Вѣдь не мнѳъ же тѣ 14 армій, которыя, «какъ пушечный выстрѣлъ», бросила первая республика на Европу. Раньше чѣмъ побѣждать, надо подготовить побѣду. Военному дѣлу, какъ и всякому ремеслу, надо учиться. Безъ долгой подготовки не можетъ быть ни хорошей арміи, ни успѣха, и, пожалуй, привычка держать ружье для солдата важнѣе храбрости...

Все надо помнить. Развѣ исторія не хранилище человѣческаго опыта?

Ночь съ 27 на 28 вольные стрѣлки, по приказу Гарибальди, провели въ Сонбернонѣ, окрестности котораго были намъ извѣстны.

Я улегся спать въ маленькой задней комнатѣ. Растянувшись, я сейчасъ же погрузился въ тяжелый сонъ безъ сновидѣній,— вдругъ хозяинъ съ крикомъ ворвался ко мнѣ: «Проклятіе!.. Всѣ ваши товарищи удрали. Двадцать улановъ проѣхали здѣсь. Изъ-за васъ сожгутъ мой домъ»... Потокъ его словъ былъ прерванъ грохотомъ, похожимъ на землетрясеніе, стекла зазвенѣли. Это 20 драгуновъ Келлера возвращались съ саблями наголо. Скорѣе гетры, портупею, мою маленькую винтовку, которая такъ угостила меня въ щеку при Корселѣ! Хозяинъ потушилъ свѣчу и сунулъ мнѣ ключъ отъ задняго выхода.

Когда черезъ четыре часа я нашелъ своихъ товарищей, они удивились: «А мы думали уже, что ты погибъ!»

Одинъ, замѣшкавшійся въ Лабюсьерѣ, вольный стрѣлокъ весьма страннымъ образомъ спасся, — передаю съ его словъ.

При проѣздѣ драгуновъ, лѣнивая дочка его хозяевъ потягивалась еще въ постели. «Скорѣе въ постель!» закричали родители остолбенѣвшему вольному стрѣлку... Онъ легъ въ полной амуниціи. Отецъ бросилъ его оружіе въ колодезь и сунулъ мѣшокъ въ навозъ, а мать запихала шинель подъ тюфякъ. Когда

драгуны вошли, чтобы узнать, нѣтъ ли въ домѣ вольныхъ стрѣлковъ, они только улыбнулись при видѣ этихъ мнимыхъ супруговъ.

На слѣдующую ночь Ричіотти съ своими вольными стрѣлками замѣнилъ насъ въ арьергардѣ, и, признаюсь, мы вздохнули съ облегченіемъ.

Ни молодость, ни сила, ни закаленное самоотверженіе не могутъ выдержать напряженія постоянныхъ сраженій: въ авангардѣ при наступленіяхъ и въ арьергардѣ при отступленіяхъ.

30 утромъ, когда на большой дорогѣ появилась бригада Келлера, Ричіотти съ 335 вольными стрѣлками былъ еще въ Арней-ле-Дюкъ. Нѣмецкая кавалерія выдвинулась при первыхъ же выстрѣлахъ; ихъ пѣхота развернулась налѣво и направо; артиллерія загрохотала. Прошло четыре часа. За это время наши обозы были уведены; наши отсталые и повозки съ ранеными продвинулись достаточно впередъ, такъ что въ Арнеѣ баденцы взяли только незначительную добычу. Хотя ихъ кавалерія и превосходила нашихъ 335 вольныхъ стрѣлковъ и числомъ, и быстротой, и успѣхами, но ей все же не удалось ни захватить ихъ, ни даже разбить ихъ ряды.

Первые обезумѣвшіе бѣглецы разсказывали въ Отенѣ, что нѣмцы преслѣдуютъ съ такимъ ожесточеніемъ, какого на самомъ дѣлѣ вовсе не было.

29-го Келлеръ былъ еще въ Сомбернонѣ, 30—въ Руверъ-су-Мейль, только 1 декабря достигъ онъ Отена,—въ три дня онъ сдѣлалъ три перехода.

Штыки, которые они замѣтили при свѣтѣ залповъ вечеромъ 26 ноября, заставили ихъ остерегаться; они не приближались уже ближе, чѣмъ на 1000 метровъ. Поэтому за четыре дня они захватили у насъ только 120—150 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько маркитантовъ, докторовъ, сидѣлокъ, около 20-ти хромыхъ и 50-ти пьяницъ. Съ гордостью доставили они плѣнныхъ въ Диконъ, крича со страннымъ акцентомъ: «гарибальдійцы! гарибальдійцы!» Это вызвало тамъ взрывъ смѣха. Но не долго пришлось имъ радоваться. Уже 2 декабря, когда плѣнныхъ вели черезъ Франшъ-Конте, капитанъ Хюо, вольный стрѣлокъ легендарной отваги, поджидалъ ихъ около Фезнъ Сенъ-Маше. Нѣсколько осторожныхъ ружейныхъ выстрѣловъ, потомъ атака съ холоднымъ оружіемъ заставили конвой пуститься въ бѣгство, большинство нашихъ товарищей уже черезъ нѣсколько дней вернулось въ свои хаты, нѣмцы же, съ торжествомъ показывавшіе соотечественникамъ живыхъ вольныхъ стрѣлковъ, радовались теперь, если, избѣгнувъ смерти, попадали въ плѣнъ.

Вогезская армія успѣла въ три дня оправиться отъ своей паники.

Отступленіе шло черезъ Блиньи-Сюръ-Ушъ и черезъ Сомбернонъ, т.-е. низомъ долины и верхомъ плоскогорья.

Окруженный вѣрными легіонерами Равелли, ко всему привычный Гарибальди прикрывалъ безпорядочное отступленіе. Самъ онъ говоритъ объ этомъ такъ: «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ человѣкомъ скорѣе приходится обращаться, какъ съ рогатымъ скотомъ. Быкъ горячится... Пустите его бѣжать, мчаться съ опущенной головой... А сами старайтесь только держаться сбоку или сзади у хвоста»... И дѣйствительно, наше человѣческое стадо само собой превратилось опять въ войско. Каждому капитану удалось на ходу собрать своихъ вольныхъ стрѣлковъ. Съ 29-го всѣ роты волонтеровъ были возстановлены. Въ Отенѣ всѣ мобили вернулись въ свои полки.

Только немногіе глупцы бѣжали вплоть до Ліона, Марселя и до Тулузы. Но это уже были дезертиры.

30-го погода прояснилась, и мы повеселѣли. Въ общемъ мы потеряли не больше 400 человѣкъ. Всѣ роты были налицо. Новые волонтеры, собравшіеся въ Ліонѣ, замѣнили бѣглецовъ, которыхъ встрѣтили дорогой. Къ чему отчаяваться? Пользуясь новымъ настроеніемъ, Гарибальди повернулъ фронтъ и рѣшилъ защищать Отенъ. Что же дѣлать: изъ Дижона, бывшаго нашей цѣлью, мы принуждены были вернуться въ Отенъ, нашу главную квартиру. Намъ приказано запереть ущелье Морваны, и мы его запремъ...

Защита Отена.

Послѣднимъ пришелъ въ 10 часовъ утра, утомленный, но невредимый легіонъ Равелли.

Въ Отенѣ, и въ арміи и въ городѣ, было достаточно осторожныхъ стратеговъ, которые охотно подписали бы капитуляцію.

Въ утѣшеніе они говорили: «Отенъ, милыя дѣти, это тупикъ. Прекрасныя позиціи это Арней-ле-Дюкъ въ 20 километрахъ впереди Отена или Монъ-Сенисъ въ 20 километрахъ позади него: тамъ вы навѣрно уничтожите пруссаковъ. И зачѣмъ подвергать пожару бѣдный, старый, сжатый горами, Отенъ? Васъ тутъ, несомнѣнно, всѣхъ перерѣжутъ, какъ свиней». Все это насъ возмущало. «У этихъ гарибальдійцевъ», говорилъ другой, «нѣтъ ни гроша. Что имъ стоитъ сжечь городъ!» «Ни гроша»! горячо возражалъ умѣвшій за себя постоять партизанъ, супрефектъ Маре. «Ни гроша! Правда, что все мое богатство это жена и двое

дѣтей. Но неужели вы думаете, что я свою шкуру цѣню дешевле вашихъ лачугъ?» Этотъ ужасный человѣкъ назвалъ лачугами прекрасныя зданія Отена! Да, но онъ сражался потомъ за эти лачуги, какъ простой солдатъ.

Мы поставили свои 18 пушекъ на площади Маленькой Семинаріи,—она господствовала надъ всѣми дорогами. Потомъ сдѣлали траншеи, бойницы, баррикады. Возвышающійся противъ Отена холмъ св. Мартина, увѣнчанный монастыремъ, считался ключомъ всего поля битвы и былъ порученъ 450 вольнымъ стрѣлкамъ изъ восточно-испанскихъ партизановъ, прославившихся при защитѣ Паска. Поставленнымъ у всѣхъ воротъ карауламъ изъ запасныхъ приказано безжалостно стрѣлять въ бѣглецовъ.

Два легіона «красныхъ рубашекъ» стояли резервомъ у собора.

И вдругъ именно со св. Мартина около 2 часовъ пополудни прекраснаго зимняго дня 1 декабря насъ осыпалъ цѣлый дождь нѣмецкихъ снарядовъ.

Командовалъ тамъ полковникъ Шене, когда-то изгнанный изъ полка, ех-товарищъ Базена по Мексикѣ; онъ не сходился съ Гарибальди во взглядахъ на религію, политику и войну. Онъ ждалъ только удобнаго случая, чтобы дезертировать, какъ и другіе вожди. Надѣясь на наше пораженіе въ Отенѣ, онъ думалъ, что позоръ его дезертирства потонетъ въ шумѣ этого разгрома. Зная, что врагъ приближается и что холмъ св. Мартина считается ключомъ поля сраженія, онъ ушелъ на Крёзо, конечно, не предупредивъ объ этомъ главный штабъ. Онъ уже былъ за 12 километровъ, когда послышалась пушечная пальба. Вмѣсто того, чтобы вернуться намъ на помощь, онъ поспѣшилъ уйти еще на 12 километровъ.

Раздѣливъ надвое свою бригаду, генералъ Келлеръ главными силами занялъ дорогу изъ Арнея въ Отенъ, а лѣвое крыло двинулъ черезъ Маньенъ, Эшоле и Вареннъ на перерѣзъ эпинакской желѣзнодорожной линіи.

Велико было его изумленіе, когда холмъ св. Мартина, ключъ поля сраженія, оказался незанятымъ.

Около полудня его авангардъ безъ боя вступилъ туда. Тихо размѣстились тамъ 12 первыхъ пушекъ. Спокойно развернулась пѣхота между холмами св. Мартина и св. Петра, вверхъ по правому берегу Друсона. Только Друсонъ съ своими 4-мя мостами и отдѣлялъ его еще отъ разстилавшагося прямо передъ нимъ Отена. Когда все было готово, началась канонада разомъ изъ нѣсколькихъ пушекъ. Въ довершеніе несчастья Монъ-Жё, отражая звуки пальбы, удесятерилъ ея моральное воздѣйствіе:

всѣмъ казалось, что городъ окруженъ батареями со всѣхъ сторонъ. . . . . .

Окружены, преданы, погибли — таковъ былъ общій паническій, безсильный вопль.

А между тѣмъ насъ предупреждали.

Все утро велись развѣдки пѣшкомъ, верхомъ и на локомотивѣ. Было извѣстно, что баденцы идутъ; ждали столкновенія. Но что холмъ св. Мартина въ рукахъ пруссаковъ, какъ около часу дня передавалъ одинъ жандармъ—этому никто не вѣрилъ! Вѣдь тамъ же былъ Шене съ марсельцами, которые такъ отчаянно защищали Паскъ. Утромъ самъ Гарибальди дѣлалъ имъ смотръ. Онъ велѣлъ имъ пробить бойницы и онъ послалъ подкрѣпленіе изъ 300 человѣкъ всѣми оплакиваемаго Шапо. Высокій штабный офицеръ пригрозилъ жандарму, что арестуетъ его, какъ бунтовщика, если онъ скажетъ еще хоть слово.

Храбрый жандармъ! Едва кончился нагоняй, какъ свистъ снарядовъ подтвердилъ правоту его словъ.

Это былъ часъ всеобщей позорной слабости.

Члены комитета обороны, собравшись въ ратушѣ, раздавали всѣмъ ружья, а почетные граждане, не выдумавшіе пороха, но очень боявшіеся его, осмѣлились явиться туда же съ проектомъ капитуляціи. Паника среди населенія повлекла за собой панику среди солдатъ. «Красныя рубашки», вольные стрѣлки, мобили и граждане бросились въ Крезо, настигли дезертира Шене и стали вездѣ вопить, что вогезская армія, уничтоженная въ первый разъ въ Паскѣ, теперь уничтожена вторично на берегахъ Арру.

Даже нашъ госпиталь бѣжалъ.

Это было наше второе безпорядочное бѣгство за послѣдніе четыре дня.

При такихъ обстоятельствахъ даже регулярная армія можетъ совсѣмъ погибнуть. Подобная паника вызвала замѣшательство даже наполеоновскихъ ветерановъ при Ватерлоо. Другая паника только что погубила въ Седанѣ армію маршала Макъ-Магона. Съ нимъ былъ императоръ и много старыхъ генераловъ, 19 изъ нихъ, да и онъ самъ, были ранены или убиты. Несмотря на храбрость, всѣ 90.000 солдатъ этой регулярной арміи погибли тамъ.

Наша армія, состоявшая изъ случайныхъ элементовъ, въ первый моментъ казалась погибшей, но артиллерія спасла всѣхъ.

Около 12 ч., въ виду того, что все было спокойно, командиръ Оливье разрѣшилъ своимъ канонирамъ итти обѣдать. Внезапная канонада была для нихъ сборомъ. Они одинъ за другимъ

вернулись къ своимъ орудіямъ. И что же они увидали? Гарибальди, жившій поблизости, былъ уже тамъ. Канціо, зять генерала, и Бассо, его секретарь, навели одну пушку и на девятый нѣмецкій снарядъ отвѣтилъ первый французскій. Это взвинтило канонировъ.

Изъ 186 орудій шесть стрѣляли только на 2000 метровъ. Изъ двухъ другихъ батарей одна дѣйствовала въ первый разъ при Пренуа пять дней тому назадъ. Ея прислуга едва умѣла стрѣлять. Послѣ выстрѣла они забывали чистить орудіе, стрѣляли слишкомъ быстро, наводили слишкомъ высоко. Но подъемъ былъ великъ!

Наклонная къ непріятелю площадь не была огорожена: орудія надо было откатить къ старой стѣнѣ, и не взрывы зарядныхъ ящиковъ, ни подавляющее превосходство непріятельской стрѣльбы, ни вѣтви, которыя покрывали землю, ни рана капитана Попна, ни буквально отрываемыя руки и ноги—ничто не помѣшало этимъ стойкимъ людямъ выполнить планъ и поставить орудія по бокамъ мраморной статуи Богоматери; они разломали ящики, чтобы скорѣе доставать снаряды, и стали передавать ихъ изъ рукъ въ руки. Когда кто-нибудь изъ передававшихъ падалъ, видно было, какъ сквозь дымъ сейчасъ же пробивается высокая фигура его замѣстителя. Достойные потомки галловъ, они держались до ночи, до конца битвы.

Они потеряли 53 человѣка.

Видя, что всѣ исполняютъ свой долгъ, Гарибальди поднялся на скалу Гуаръ, единственное мѣсто, откуда дѣйствительно можно было всѣмъ распоряжаться.

На короткой дорожкѣ, подъ свистъ снарядовъ, мнѣ представился случай подойти къ генералу и поговорить съ нимъ нѣсколько минутъ.

Маріо очень вѣрно сказала: «по крайне суровому выраженію его лица ясно было видно, что вогезская армія въ Отенѣ должна отбить пруссаковъ или умереть». Онъ былъ блѣденъ, но не отъ волненія, а отъ физическаго страданія и, если онъ сжималъ зубы, то вовсе не для того, чтобы напрячься противъ опасности, а просто для того, чтобы подавить свои ревматическія боли. Своими бѣдными, обезображенными руками онъ высоко держалъ подзорную трубу. Его маленькіе глаза, переходя съ нашихъ батарей на нѣмецкія, сверкали гордостью. Онъ ничего не говорилъ, но я прекрасно видѣлъ, что онъ восхищается французскими артиллеристами, и это восхищеніе было такъ остро, что слова были излишни.

Его черты съ изумительной выразительностью передавали намъ всѣ перипетіи сраженія.

Постепенно вокругъ него образовалась группа живописно одѣтыхъ, очень молодыхъ офицеровъ. Тутъ были люди со всевозможнымъ оружіемъ, всѣхъ расъ и разнаго роста.

Вытянувъ шеи, переговариваясь шопотомъ, мы слушали, пораженные спокойной увѣренностью нашего вождя. Иногда его голосъ прерывалъ наше перешоптыванье. Сначала нѣсколько глухой, но мужественный и гибкій, онъ постепенно сталъ звученъ, какъ горнъ. Какъ только раздавался его приказъ: одинъ изъ офицеровъ тотчасъ же кричалъ: «Впередъ!» И солдаты, поднявшись изъ-за откосовъ, бѣжали черезъ поля, исчезали въ оврагахъ, вновь появлялись на гребняхъ и, въ концѣ-концовъ, погружались въ полосу бѣлаго дыма.

Надо сказать, что, заразившись примѣромъ артиллеристовъ, всѣ наши вожди не жалѣли себя: и представительный полковникъ Бордоне, и холодный резонеръ Менотти, и живой, какъ порохъ, Ричіотти, и морякъ Оливье, и супрефектъ Маре. Одинъ Босакъ отсутствовалъ на этомъ пиршествѣ... Подлые бѣгутъ! Тѣмъ лучше! Хорошо отъ нихъ совсѣмъ отдѣлались! Какъ раньше всѣхъ обуялъ страхъ, такъ теперь всѣ, и въ городѣ, и въ арміи, охвачены были героизмомъ. Всѣ оставшіеся, штатскіе и военные, въ черномъ платьѣ и въ красной формѣ, заключили, какъ говорилось въ Конвентѣ, *договоръ со смертью.*

Множество выбитыхъ дорогъ, откосовъ и ручьевъ парализовало движенія кавалеріи.

Но пѣхота съ обѣихъ сторонъ, найдя прекрасныя позиціи, ползла незамѣтно, устраивала засады и стрѣляла залпами почти въ упоръ.

Собрать всѣхъ было легко, несмотря на замѣшательство первыхъ минутъ. Снаряды ударялись о мостовую: черепицы дождемъ сыпались намъ на головы. Всѣ горны трубили. Цѣлый муравейникъ людей сразу высыпалъ изъ гостиницъ, кофеенъ и домовъ. Многіе отряды уже ушли; отставшіе отъ нихъ присоединялись къ первымъ попавшимся. Такимъ образомъ сначала битва раздробилась на отдѣльныя стычки.

Но разстоянія въ Отенѣ такъ малы, что черезъ 15 минутъ послѣ перваго снаряда всѣ четыре моста были заперты. Цѣпь огней освѣщала гребень старой романской стѣны. Вплоть до самаго вечера роль вождей сводилась къ урегулированію отдѣльныхъ усилій, къ заполненію неизбѣжныхъ пустотъ въ нашихъ рядахъ и, подъ конецъ, къ переходу въ наступленіе.

Келлеръ разсчитывалъ на неожиданность, но даже наши мобили держались твердо. Былъ моментъ, когда онъ обошелъ

наше правое крыло: но мы сами охватили его еще большимъ кольцомъ. Изъ осажденныхъ мы превратились въ нападающихъ.

Весь сіяя, спустился Гарибальди со скалы Гуаръ.

На лицѣ его, говоритъ г-жа Маріо. [1]) свѣтилась побѣдная улыбка. Они бѣгутъ сказалъ онъ. Они причинили намъ не много вреда. То, что казалось такимъ ужаснымъ, было сдѣлано: городъ спасли безъ серьезнаго ущерба. Несмотря на вдвое худшую организацію и вооруженіе, съ 6—7 тысячами сражающихся, мы отстояли свою позицію, не пустивъ въ ходъ нашихъ резервовъ. Ущелья Морвана остались закрытыми. Въ Крёзо, на мгновеніе отрѣзанномъ, вновь зажигались заводскіе горны. Ліонъ могъ спокойно спать.

---

[1]) Mario. Vita di Garibaldi. II, 204.

—[о]—

За кулисами печати [1]).

В. И. Немировичъ-Данченко о Скобелевѣ.

Война родитъ героевъ—гласитъ старая поговорка. Историкъ возгорѣвшейся нынѣ европейской войны занесетъ въ свою лѣтопись имена многихъ, нынѣ незамѣтныхъ героевъ ратнаго дѣла. А пока приходится часто слышать теперь имя знаменитаго героя русско-турецкой войны М. Д. Скобелева.

Существовало и существуетъ, повидимому, и теперь мнѣніе, что Скобелевъ своею огромною популярностью обязанъ былъ въ значительной мѣрѣ перу Вас. Ив. Немировича-Данченко. Говорили, что послѣдній попросту выдумалъ «народнаго героя» Скобелева.

У меня хранится любопытный документъ—письмо о Скобелевѣ и его отношеніяхъ къ дѣятелямъ печати, адресованное мнѣ В. И. Немировичемъ-Данченко тридцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Извлечь это письмо изъ архива тѣмъ болѣе своевременно, что о «народномъ героѣ», имя котораго теперь у всѣхъ на устахъ, вспоминалъ недавно въ «Голосѣ Минувшаго» въ своихъ «Очеркахъ прошлаго» Г. де-Волланъ, попутно повторившій старое обвиненіе противъ Немировича-Данченко, рекламировавшаго-де Скобелева.

Въ своихъ «Листкахъ изъ архива стараго журналиста» въ іюньской книгѣ «Голоса Минувшаго» за этотъ годъ я обошелъ молчаніемъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, серію писемъ ко мнѣ отъ нынѣ здравствующихъ писателей, которыя представляютъ значительный историко-литературный интересъ. Я не воспроизвелъ тогда, между прочимъ, и письма ко мнѣ Немировича-Данченко. Послѣдній любезно предоставилъ мнѣ нынѣ огласить этотъ, въ нѣкоторомъ родѣ историческій, документъ, пожелтѣвшія страницы котораго лежатъ теперь предо мною.

---

[1]) См. «Гол. Минувш.» № 6, 1914 г.

Подтверждая письменно свое согласіе, Немировичъ-Данченко отвѣчаетъ заодно г. де-Воллану, воспоминанія котораго и побудили меня порыться въ своемъ архивѣ и предать тисненію помѣщаемое ниже письмо.

Много воды утекло за послѣднія 30 лѣтъ, многое измѣнилось въ русской жизни за это время, измѣнились отношенія къ дѣятелямъ прошлаго, къ событіямъ минувшихъ дней, но Немировичъ-Данченко остался вѣренъ своимъ взглядамъ на своего героя, рѣшительно оспаривая мысль о какомъ-либо ублажаніи Скобелевымъ корреспондентовъ и рекламированіи его и его заслугъ.

Касается Немировичъ не одного Скобелева. Въ его письмѣ проходятъ передъ нами и силуэты нѣкоторыхъ другихъ выдающихся дѣятелей прошлаго, имена которыхъ произносятся многими съ уваженіемъ.

«Я получилъ Ваше милое письмо въ Симеизѣ,—писалъ мнѣ весною 1884 г. Немировичъ-Данченко,—гдѣ я гощу у одного изъ самыхъ интересныхъ людей въ Россіи, у С. И. Мальцева. Во всякой иной странѣ его поставили бы «во главѣ угла». Это какая-то головокружительная лабораторія никогда не успокаивающейся и незнающей усталости мысли, энергія, равную которой я наблюдалъ только на двухъ полюсахъ нашего государственнаго и общественнаго строительства: у игумена Валаамскаго монастыря о. Дамаскина и у Михаила Дмитріевича Скобелева. Хорошо было бы ихъ соединить въ одну семью богатырей-героевъ общаго романа [1]). Тутъ живетъ на покоѣ и четвертый богатырь и тоже созидатель, Д. А. Милютинъ, котораго слѣпая и глупая реакція, вмѣстѣ съ Лорисъ-Меликовымъ, выбросила прочь изъ русской жизни. На мѣстѣ одного сейчасъ стоитъ Ванновскій, хвастающійся тѣмъ, что онъ ничему не учился, а Лорисъ-Меликова, послѣ Игнатьева, смѣнилъ Д. Толстой, который еще покажетъ свои когти. Это ворона—въ роли орла. Ее тянетъ на мертвечину, и на кладбищѣ ей настоящее мѣсто. Впрочемъ, что же я вамъ пишу объ этомъ. Вѣроятно, у маркиза [2]) уже были пріятныя встрѣчи съ синодальнымъ Торквемадой, вѣнчаннымъ «володѣти и правити» внутренними дѣлами Россіи. Такое время пришло.

Тупость и ограниченность,—локти врозь и клыки навылетъ,—проталкиваются туда, гдѣ еще недавно Держиморды были не въ особенномъ фаворѣ... Правда, тоже и прежде бывало не сладко, были удавы и волки, но торжествующая свинья явилась едва ли

---

[1]) Авторъ это сдѣлалъ впослѣдствіи въ своемъ романѣ «Семья Богатырей».

[2]) О. К. Нотовича; его псевдонимъ былъ маркизъ О'Квичъ.

не впервые. Погодите, будетъ хуже. Мы такъ разбѣжались внизъ, что теперь голову сломать мы сломаемъ, но удержаться на этой крутизнѣ въ чортово болото едва ли сможемъ.

Я помню времена, когда цензоръ, вычеркивая картину бури въ моихъ очеркахъ дальняго Сѣвера, писалъ сбоку: «природа Лапландіи представлена въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ». А другой перекрестилъ всю мою повѣсть, оставилъ ея названіе и подпись мою подъ нею, помѣтивъ на поляхъ: «печатать позволяется», но это были просто попущеніемъ Божьимъ идіоты, гоголевскіе повытчики на литературныхъ хлѣбахъ. А вѣдь торжествующая свинья норовитъ что-то творить, насаждать. Хотя отъ ея созидательства только и останутся, что залежи гуано. Пожалуй, на всемірномъ рынкѣ, когда истощатся такія на Галапагоскихъ островахъ, мы займемъ по праву первое мѣсто.

Разболтался я очень, а на Ваши вопросы еще не отвѣтилъ. Очень вамъ благодаренъ за дружеское участіе».

Послѣ этого уклоненія въ сторону, Немировичъ-Данченко отвѣчаетъ на затронутый въ моемъ письмѣ вопросъ объ его отношеніяхъ къ Скобелеву и о циркулировавшихъ въ литературныхъ кружкахъ Петербурга толкахъ на этотъ счетъ.

«Вы мнѣ пишете о злостныхъ клеветахъ,—пишетъ онъ,—сейчасъ циркулирующихъ по стоячимъ водамъ Петербургскаго омута. Скажу вамъ одно: плевать мнѣ на этихъ завистливыхъ мандриловъ изъ петербургскихъ гостиныхъ. Вѣдь у нихъ красоты и радости хватило только на тѣ части, которыя обыкновенно прикрываются штанами, а на морды осталось такъ мало, что ужъ на что индюкъ—птица глупая, а вѣдь онъ—Ньютонъ рядомъ съ ними. Я другого и не ожидалъ отъ бездарныхъ людишекъ, швыряющихъ грязью. Слава Создателю: грязь высоко не летитъ, ну, а сапоги всегда почистить можно. Пройдетъ немного времени, утихнетъ завистливое хрюканье, и вы увидите, что тому же Скобелеву будутъ ставить памятники. Что касается до меня и моихъ отношеній къ нему, то—вотъ ужъ я и не подумаю купаться въ этихъ прокисшихъ разносолахъ петербургскихъ обиженныхъ карьеристовъ...

Мы (я въ хорошемъ обществѣ: Вас. Вас. Верещагинъ и его братъ Михаилъ, Макъ-Гаханъ, Н. В. Максимовъ, талантливый и скромный Россоловскій, А. Н. Масловъ-Бѣжецкій, тонкій поэтъ, точный наблюдатель и прекрасный военный) всѣ любили Скобелева, скажу больше: были къ нему привязаны сердечно, а почему—сему слѣдуютъ пункты. Во-первыхъ, это былъ большой талантъ, даже геній. Изъ такого тѣста Господь Богъ (Скульпторъ, никогда не ошибающійся въ качествѣ матеріала) лѣпитъ вели-

кихъ людей: Аннибаловъ, Юліевъ Цезарей, Кромвелей, Наполеоновъ, Суворовыхъ, Морицовъ Саксонскихъ, Гошей, Валенштейновъ, Гарибальди, Вашингтоновъ. А вы знаете, какъ я высоко надъ будничной протоплазмой ставлю всякія дарованія. Я прощаю таланту все, ибо генія могутъ судить только перы геніи, а обычная мѣрка, пожалуй, на нихъ нехватитъ; на сапоги еще—пожалуй, а выше пупа никакъ не сможешь! Черви въ навозѣ великолѣпно, должно быть, оцѣниваютъ всякія туки, только не спрашивайте у нихъ о звѣздахъ небесныхъ. Въ навозныхъ кучахъ такихъ нѣтъ. Маленькій человѣкъ можетъ стать на высокіе каблуки, но, вѣдь, они не сравняютъ его съ Монбланомъ? Намъ, дѣйствительно, было хорошо у Скобелева. Какъ всѣ большіе люди, онъ не былъ мелоченъ, подозрителенъ, придирчивъ. Въ немъ не оказывалось ни на каплю заносчивости. Это былъ первый между равными, онъ не прятался за ширмы отъ корреспондентовъ, не ставилъ намъ рогатокъ: сюда нельзя, а туда хоть и можно, да я боюсь: вдругъ вы увидите что-нибудь не весьма для меня лестное. Разумѣется, съ нимъ было иной разъ не особенно сладко и никогда—безопасно: Н. В. Максимовъ раненъ, Михаилъ Верещагинъ убитъ, Россоловскій контуженъ, Макъ-Гаханъ чуть не попалъ въ плѣнъ, да и вашъ покорнѣйшій слуга получилъ солдатскаго Георгія не даромъ. И вѣдь далъ мнѣ его не Скобелевъ, а главнокомандующій. Говорю объ этомъ такъ—къ слову. Вы знаете, что я его не ношу и не придаю этому значенія. Мы, бытописатели войны, у Скобелева могли все видѣть, и тѣ, кто были не трусливы, зарисовывали ее съ натуры.

Около него—дышалось легко. Желѣзная дисциплина въ бою, и истинно рыцарское товарищество внѣ боя. Молодой, отважный, красивый—онъ былъ обаятеленъ.

«Его выдумали корреспонденты!» Отчего же они не выдумали генерала Пузанова, или Левицкаго, или Святополка-Мирскаго? Подите-ка, выдумайте Скобелева. Солдата не надуешь, а посмотрите, какую легенду создадутъ въ народѣ вернувшіеся въ свои села его боевые товарищи—простые рядовые. Съ нимъ и у него было всегда интересно, увлекательно, но опасно и утомительно. Онъ не справлялся, голодны ли вы, устали? Не годитесь—и убирайтесь ко всѣмъ чертямъ...

Онъ ухаживалъ за корреспондентами!.. Посмотрѣли бы вы на это ухаживаніе! Отъ такого ухаживанія морозъ по спинѣ и гусиная кожа. Но людей, чуждыхъ увлеченію и слишкомъ нервныхъ Гавелона, Форбса, Бракенюбри, когда тѣ вздумали у него вмѣшиваться въ то, что до нихъ не касалось,—онъ, невзирая на вліяніе англійской печати,—безъ церемоніи прогналъ. Не лучше

онъ обошелся съ *** (не хочу называть его). Корреспондентамъ въ его отрядѣ жилось, какъ и его ординарцамъ, какъ всякому офицеру и солдату. Хочешь на общемъ положеніи—милости просимъ, а требуешь чего-то особеннаго—ищи его въ тылу у генераловъ, бѣгавшихъ отъ непріятельскаго огня, какъ черти отъ ладона. Его уваженіе надо было заслужить, а разъ это сдѣлано, онъ раскрывалъ и довѣріе, и дружбу до... боя, гдѣ вы въ его рукахъ были пѣшкой,—и только запрета не было: смотри, только что не всякій соглашался смотрѣть. Это вѣдь не издали, не изъ ложи, а пожалуйте въ передовую траншею, въ атакующую цѣпь, въ окопы, гдѣ онъ самъ былъ, на вылазку, на рекогносцировку подъ выстрѣлы почуявшаго васъ непріятеля.

Вы знаете, я воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. Въ Скобелевѣ я, именно, нашелъ того grand-capitaine, о которыхъ хотя и рѣдко, но увлекательно разсказываетъ намъ военная исторія, и вы увидите—еще пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и моя оцѣнка этого полководца окажется блѣдной.

Разсказываютъ, что онъ заискивалъ въ печати. Какая чепуха! И сколько въ этомъ «заискивалъ» нашего, чисто русскаго! Вѣдь мы такъ: или «въ морду», или «пожалуйте ручку». Скобелевъ не имѣлъ нужды ни въ комъ «заискивать», потому что мы всѣ его искренно и горячо любили. Но что онъ относился съ уваженіемъ къ таланту и дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ—это правда. Да вѣдь это вообще свойство культурныхъ людей и крупныхъ государственныхъ дѣятелей нашихъ вѣковъ. Навѣрно ни Тамерланы, ни Чингисханы, ни Атиллы древле, такъ же, какъ Димитріи Толстые къ общественному мнѣнію никакимъ уваженіемъ не одержимы.

И въ этомъ отношеніи Скобелевъ не былъ баскакомъ. Честь ему и слава! Мы писали о немъ, что видѣли, это возбуждало злобу и зависть. И ту, и другую прохвосты распространяли и на насъ.

Что жъ съ этимъ дѣлать?

Вѣдь вы помните разсказъ генерала*** (изъ выгнанныхъ Скобелевымъ за жестокость къ солдатамъ и трусость) о томъ, что мы пьянствовали съ Михаиломъ Дмитріевичемъ. И вы знаете, что я вина не люблю, а водки терпѣть не могу. Меня тошнитъ отъ одного ея запаха. А пьянство Скобелева въ военное время заключалось въ стаканѣ краснаго вина за обѣдомъ... когда былъ обѣдъ! Расписался я такъ, что я думаю у васъ, дорогой товарищъ не хватитъ времени и дочитать. Буду въ редакціи (вернусь скоро), раскажу вамъ много по этому поднятому вами вопросу. Сейчасъ не спится. За сквозными тополями Симеиза мѣсяцъ поднялся уже высоко надъ сонными берегами. Море дышитъ спокойно и нѣжно ласкается

къ серебрянымъ отмелямъ. Все кругомъ такъ ясно, чисто, мирно и кротко, что пережитыя были нашей войны кажутся такими безконечно далекими

Точно во снѣ этотъ кошмаръ—проснулся и нѣтъ его и не вѣрится, что за этимъ моремъ на поляхъ Болгаріи затеряно столько братскихъ могилъ со многими боевыми товарищами и сохнетъ и гніетъ въ кукурузѣ еще больше оставленныхъ безъ погребенія «безмолвныхъ свидѣтелей» передъ судомъ исторіи о недавнихъ ужасахъ».

Такимъ образомъ, Скобелевъ отнюдь не заискивалъ, по словамъ Немировича, у корреспондентовъ, не задабривалъ ихъ, а лишь относился къ нимъ такъ, какъ надлежитъ относиться къ представителямъ общественнаго мнѣнія.

Такъ писалъ Немировичъ-Данченко 30 лѣтъ тому назадъ, а теперь, т.-е. 30 лѣтъ спустя, онъ высказываетъ тѣ же мысли и соображенія, которые и являются его отвѣтомъ на замѣчаніе г. де-Воллана.

«Вы въ своихъ бездонныхъ кладезяхъ отыскали и хотите помѣстить въ вашихъ очеркахъ одно изъ моихъ писемъ о Скобелевѣ. Я уже не помню, когда писалъ его, должно быть этому листку отъ роду болѣе тридцати пяти лѣтъ. Вы говорите, что я въ немъ характеризую свои отношенія къ Скобелеву и отвѣчаю на извѣты его недруговъ. Правду сказать, я хорошо не помню. Но еже писахъ—писахъ! Разумѣется печатайте! Только что я прочелъ въ журналѣ «Голосъ Минувшаго»—интересныя воспоминанія уважаемаго де-Воллана, гдѣ онъ, между прочимъ, свысока и легко относясь къ такому геніальному полководцу, какъ покойный Михаилъ Дмитріевичъ («храбрый генералъ», «способный генералъ»), со словъ прекраснаго военнаго корреспондента кн. Шаховскаго, мало писавшаго, къ сожалѣнію, о войнѣ, а больше о ген. Гурко, говоритъ между прочимъ, что Скобелевъ «всячески ублажалъ Н-ча-Д-ко, а Гурко относился къ нему сурово». Вѣроятно *заочно?* за предѣлами моей досягаемости? Генералъ Гурко *ни сурово, ни мягко ко мнѣ относиться не могъ, потому что я съ его отрядами никогда не былъ.* Я всю турецкую войну сдѣлалъ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ, съ Радецкимъ, съ Драгомировымъ, со Скобелевымъ и со Струковымъ. Былъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, а на правый—къ Гурко—разъ попалъ проѣздомъ, знакомясь съ линіей обложенія Плевны. Отъ генерала Гурко даже не зависѣло разрѣшить мнѣ или запретить пребываніе въ его отрядѣ, потому что по личному приказанію главнокомандующаго мнѣ было выдано 2-го октября 1877 г. за № 327 удостовѣреніе, въ которомъ значилось: «въ видѣ единственнаго исключенія

разрѣшается В. И. Н-чу-Д-ко свободно посѣщать различные отряды дѣйствующей арміи, какъ единственному оставшемуся при арміи русскому корреспонденту»,

При чемъ же тутъ суровость генерала Гурко? Удивительно какъ люди привыкли судить о тѣхъ или другихъ отношеніяхъ съ точки зрѣнія «на чай». Я встрѣтилъ потомъ генерала Гурко въ конакѣ въ Адріанополѣ, и онъ былъ со мною не только болѣе чѣмъ любезенъ, но и предупредителенъ. Что касается до ублаженій меня Скобелевымъ, то могу сказать—имъ бы нѣкоторые господа не обрадовались. Эти ублаженія были въ траншеяхъ, на боевыхъ позиціяхъ, въ передовыхъ линіяхъ славныхъ битвъ подъ аккомпанементъ ружейныхъ залповъ и грохота турецкихъ батарей,—а ублаженіями этими я пользовался въ равной мѣрѣ съ самымъ скромнымъ изъ Скобелевскихъ ординарцевъ. Великую память русскаго генія и народнаго героя не помрачатъ, разумѣется, поджатыя губы и снисходительныя улыбки г.г. дипломатовъ».

А. Кауфманъ.

Новое о «Грозѣ» Островскаго.

(Изъ писемъ М. С. Щепкина и В. П. Боткина).

Появленіе «Грозы» А. Н. Островскаго въ 1859 г. въ печати и въ 1860 г. на сценѣ вызвало, какъ извѣстно, самые разнообразные толки, — отъ восторженныхъ похвалъ до рѣзкихъ порицаній. Многіе присяжные цѣнители и судьи были смущены и не знали, чего имъ держаться, — пока, наконецъ, знаменитая статья Добролюбова «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» не прекратила всей этой разноголосицы.

Изъ отзывовъ о «Грозѣ», до сихъ поръ не бывшихъ въ печати, намъ извѣстны сужденія двухъ замѣчательныхъ представителей своего времени: Мих. Сем. Щепкина и Вас. Петр. Боткина, друга Бѣлинскаго и Герцена.

Щепкинъ, человѣкъ «старой школы», просто вознегодовалъ на Островскаго, народничество котораго было ему не по нраву. Вотъ что писалъ знаменитый артистъ А. Д. Галахову, 15 ноября 1860 г., по поводу присужденія Островскому Уваровской награды:

«Вы очень тонко и осторожно выставили достоинства «Грозы». Не менѣе другихъ уважая г. автора, мнѣ было обидно читать указанныя достоинства этой пьесы, тогда какъ на лучшія мѣста вы не обратили вниманія. Напримѣръ, — какъ не удивляться этой сценѣ, гдѣ русская женщина выросла такъ высоко, что публично признаетъ, что она б—ь? Какъ вы не указали на эту юродивую барыню съ двумя лакеями, которая произноситъ свой судъ надъ чернымъ народомъ? Все это напоминаетъ древній хоръ, а здѣсь это именно принадлежитъ уже автору, потому что въ дѣйствительности этого нѣтъ. Наконецъ, какъ вы упустили изъ виду два дѣйствія, которыя происходятъ за кустами? Уже самою новостію они заслужили быть замѣченными. А что если бы это было на сценѣ? Вотъ бы эффектъ былъ небывалый!.. Позвольте мнѣ остаться при моемъ невѣжествѣ и смотрѣть на искусство своими старыми глазами».

Съ другой стороны, Боткинъ тогда же писалъ одному изъ своихъ друзей:

«Что касается «Грозы», то я au bout de mon latin. Это лучшее произведеніе Островскаго, и никогда онъ не достигалъ еще до такой силы поэтическаго впечатлѣнія. И какая обстановка: эта фантастическая барыня, эта полуразвалившаяся и заброшенная церковь, эта идиллія, озаренная зловѣщимъ предчувствіемъ неминуемаго и страшнаго горя, — все это превосходно, широко, сильно и мягко».

Самому Островскому Боткинъ писалъ изъ Парижа, 16 марта 1860 года:

«Не могу удержаться, любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, чтобы не написать вамъ нѣсколько словъ. Цѣль этихъ строкъ — благодарить васъ за глубокое наслажденіе, которое доставила мнѣ ваша «Гроза». Впечатлѣніе, которое сдѣлало на меня чтеніе этой пьесы, такъ сильно, что даже теперь, недѣлю спустя послѣ прочтенія ея, оно не только не проходитъ во мнѣ, а дѣлается все глубже и глубже. Никогда вы не раскрывали такъ своихъ поэтическихъ силъ, какъ въ этой пьесѣ. Конечно, во всѣхъ вашихъ произведеніяхъ поражаетъ удивительная яркость изобразительности, рельефная опредѣленность характеровъ, изумительная вѣрность дѣйствительности, глубочайшее знаніе среды людей, которыхъ вы изображаете. И тамъ, и во всемъ, разумѣется, была поэзія, ибо черезъ нее одну всѣ эти лица и событія живутъ. Но сюжеты всѣхъ этихъ пьесъ и вашъ удивительный художническій тактъ и тончайшее чувство дѣйствительности не давали, или лучше сказать, не представляли вамъ возможности и свободы отдаться всей внутренней силѣ вашего поэтическаго чувства. Оно пробивалось тамъ, такъ сказать, помимо вашего намѣренія, и просвѣчивало только для тѣхъ, которые видятъ дальше своего носа. Въ «Грозѣ», напротивъ, вы взяли такой сюжетъ, который насквозь исполненъ поэзіи, — сюжетъ невозможный для того, кто не обладаетъ поэтическимъ творчествомъ. Но, несмотря на всю внутреннюю поэтическую силу этого сюжета, его драматическое раскрытіе подвергалось величайшей опасности. Онъ такъ деликатенъ, такъ идеально-религіозенъ и такъ внутренно правдивъ самъ по себѣ, что каждое слово въ немъ надо было брать изъ самой скрытой глубины души, ибо малѣйшая непродуманная и непрочувствованная фраза могла разстроить впечатлѣніе всего характера и погубить его правдивость. Но этого не случилось, и «Гроза» всею своею стихійною силою ложится на душу читателя. Да, именно стихійною, ибо любовь Катерины принадлежитъ къ тѣмъ же явленіямъ нравственной природы, къ какимъ принадлежатъ міровые катаклизмы въ природѣ физической. Найдутся критики, которые скажутъ вамъ, что это неестественно; но, вѣдь, не всякій

человѣкъ можетъ подмѣтить и почувствовать истинно-трагическое въ жизни. Для нашей ежедневности трагическое всегда будетъ неестественнымъ. Простота, естественность и какой-то кроткій горизонтъ, облекающій всю эту драму, по которому время отъ времени проходятъ тяжкія и зловѣщія облака, еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе неминуемой катастрофы.

«Но помимо общаго впечатлѣнія, — сколько тутъ очаровательныхъ подробностей! Какая драгоцѣнность одна эта старая, мучимая страхомъ ада, «барыня». Я ужъ не говорю о Дикомъ и Кабанихѣ, столь живыхъ и яркихъ; да и смѣшно ставить вамъ въ достоинство вѣрность дѣйствительности. Въ «Грозѣ» есть нѣчто гораздо выше этого: есть творчество того, чего не представляетъ ежедневная дѣйствительность и что надо отыскать только на днѣ собственной души. Изъ такихъ Катеринъ, при другихъ условіяхъ и другой обстановкѣ, выходятъ святыя Терезы и поятъ міръ своею религіозно-страстною поэзіею.

«Я еще подъ такимъ сильнымъ впечатлѣніемъ «Грозы», что говоритъ о ней могу лишь отрывочными восклицаніями, а потому вы простите мое безпорядочное писаніе. Жму вамъ руку — и еще разъ спасибо, спасибо!»

Ю. П. Морозовъ.

Жанъ Жоресъ.

I. Жоресъ—политикъ.

18 іюля, т.-е. наканунѣ начала общеевропейской войны, пуля реакціонера-фанатика сразила величайшаго оратора Франціи и одного изъ самыхъ яркихъ и достойныхъ представителей современнаго человѣчества. И въ минуты, когда общая напряженность достигла высшаго предѣла, когда все вниманіе устремлено было на готовящійся общеевропейскій пожаръ, на предстоящія катастрофы, на предстоящую гибель милліоновъ жизней—даже въ этой атмосферѣ думъ и заботъ, направленныхъ на поднявшіяся міровыя проблемы, смерть Жореса не могла не остановить на себѣ вниманія, и, въ связи съ условіями момента, произвела какое-то особенно глубокое впечатлѣніе. Въ ней чувствовался символическій характеръ. Когда къ рѣшенію вопросовъ времени призывались кровь и желѣзо, погибъ человѣкъ, удѣлявшій въ своей многосторонней дѣятельности и пропагандѣ такое видное мѣсто проповѣди мира всего міра. Вѣдь этотъ человѣкъ искалъ самыхъ разнообразныхъ способовъ и средствъ, какими можно было бы прекратить навсегда такія міровыя бѣдствія. Послѣднее, что сообщалось о немъ, было участіе его въ брюссельской конференціи соціалистическаго международнаго бюро, созванной спѣшно для обсужденія способовъ не допустить до кровопролитія. И вотъ въ разгоряченной уже атмосферѣ эти усилія Жореса, а также предшествовавшая имъ борьба противъ увеличенія срока военной службы во Франціи побудили дотолѣ неизвѣстнаго Рауля Вилена поднять руку на Жореса, какъ на «измѣнника»... Конечно, останься Жоресъ въ живыхъ, онъ, какъ горячій французскій патріотъ, несомнѣнно находился бы теперь въ числѣ членовъ французскаго правительства національной обороны, представляющаго объединенную передъ лицомъ нашествія врага Францію и включающаго представителей всѣхъ республиканскихъ фракцій—отъ Рибо до Гэда.

Жоресъ родился въ 1859 г. на югѣ Франціи (въ департаментѣ Тарнъ) въ зажиточной буржуазной семьѣ; учился въ мѣстной гимназіи и закончилъ свое среднее образованіе въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ Высшую нормальную школу, гдѣ главнымъ образомъ занимался философіей. 21 года Жоресъ кончилъ курсъ нормальной школы и въ слѣдующіе годы занимался преподаваніемъ философіи, сначала въ гимназіи Альби, затѣмъ въ Тулузскомъ университетѣ. Но уже въ это время научная и преподавательская дѣятельность не удовлетворяетъ будущаго трибуна и агитатора; онъ чувствуетъ, что получилъ слишкомъ «книжное и одинокое образованіе» (выраженіе Жореса), все больше интересуется политикой и общественными вопросами, и становится замѣтной фигурой среди тарнскихъ республиканцевъ. Въ 1885 году, стало быть когда Жоресу было 26 лѣтъ, республиканскій комитетъ выставляетъ его кандидатуру въ парламентъ, и въ качествѣ «кандидата республиканскаго единенія и концентраціи» онъ впервые проходитъ въ палату депутатовъ. Видной роли въ палатѣ за это четырехлѣтіе (1885—1889) Жоресъ не играетъ; его общественно-политическое міросозерцаніе тогда еще не сложилось окончательно, и хотя впослѣдствіи онъ писалъ, что и въ концѣ 80-хъ годовъ онъ былъ уже «глубоко и систематически соціалистомъ-коллективистомъ», но ни въ одну изъ парламентскихъ фракцій онъ не записался, и его «коллективизмъ», во всякомъ случаѣ, не бросался въ глаза. Но и тогда отдѣльными своими выступленіями въ защиту соціальныхъ реформъ и противъ притязаній капиталистовъ Жоресъ привлекалъ къ себѣ вниманіе и симпатіи соціалистическихъ депутатовъ. Въ общемъ же этотъ періодъ былъ для Жореса скорѣе какъ бы продолженіемъ школы, пополненіемъ книжнаго воспитанія воспитаніемъ политическимъ и изученіемъ соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ.

На слѣдующихъ выборахъ Жоресъ былъ забаллотированъ и снова возвратился къ преподаванію философіи и занятію философскими проблемами. Плодомъ этихъ занятій является диссертація его «De la réalité du monde sensible». Вмѣстѣ съ тѣмъ Жоресъ выступаетъ въ это же время и съ своей первой работой, посвященной соціализму, именно съ латинскою диссертаціею «О первыхъ проявленіяхъ нѣмецкаго соціализма у Лютера, Канта, Фихте и Гегеля» («De primis socialismi germanici lineamentis apud Lutherum, Kant, Fichte et Hegel»). Въ этой послѣдней диссертаціи, какъ и въ предшествовавшихъ ей газетныхъ статьяхъ, Жоресъ безусловно высказывается за соціализмъ и свои соціалистическіе взгляды сливаетъ съ выработавшимся

уже у него философскимъ міровоззрѣніемъ, проникнутымъ идеализмомъ. На соціализмъ онъ смотритъ теперь, какъ на доктрину, осуществленіе которой принесетъ на землю радость и справедливость и дастъ людямъ возможность глубже чувствовать и понимать интимную жизнь вселенной.

«Когда соціализмъ восторжествуетъ,—пишетъ Жоресъ въ своей статьѣ «При лунномъ сіяніи», напечатанной имъ незадолго до выхода обѣихъ его диссертацій [1]),—когда періодъ согласія смѣнитъ періодъ борьбы, когда всѣ люди будутъ обладать своею долею собственности въ гигантскомъ капиталѣ человѣчества и своею долею иниціативы и воли въ гигантской дѣятельности его, тогда всѣ люди будутъ испытывать полноту гордости и радости; въ самомъ скромномъ ручномъ трудѣ они будутъ чувствовать себя сотрудниками всемірной цивилизаціи; и этотъ трудъ, ставшій болѣе благороднымъ и братскимъ, они регулируютъ такимъ образомъ, чтобы оставить себѣ нѣсколько часовъ отдыха для размышленія и ощущенія жизни...

Они скоро начнутъ чувствовать, что эта вселенная, изъ которой возникло человѣчество, не можетъ быть въ самомъ основаніи своемъ грубой и слѣпой, что повсюду присутствуетъ умъ, повсюду душа, и что само мірозданіе является лишь гигантскимъ и смутнымъ стремленіемъ къ порядку, красотѣ, свободѣ и добру. Да, другимъ взоромъ и другимъ сердцемъ они будутъ смотрѣть не только на людей—своихъ братьевъ, но и на землю, и небо, и скалы, на дерево, на животное, цвѣтокъ и звѣзду».

Итакъ, за этотъ періодъ перерыва только что начавшейся политической дѣятельности Жоресъ окончательно выработалъ свое общественное міровоззрѣніе и оставался вѣренъ его основнымъ принципамъ до конца дней. Въ своей латинской диссертаціи онъ подчеркиваетъ вліяніе, испытанное имъ отъ «интегральнаго соціализма» Бенуа Малона, и это вліяніе дѣйствительно гармонировало съ умственными навыками, пріобрѣтенными Жоресомъ во время его философскихъ занятій. Бенуа Малонъ признавалъ необходимость организаціи пролетаріата, какъ особаго класса, какъ особой партіи, признавалъ необходимость соціальной революціи, но, полемизируя съ марксистами, упрекаетъ ихъ, что они суживаютъ соціальный вопросъ, лишаютъ его характера вопроса человѣческаго. Великими революціями могутъ считаться, говоритъ Бенуа Малонъ [2]), только тѣ, которыя совершаются во имя идеи и чувства, благодаря могучимъ

---

[1]) Цит. по статьѣ Н. Е. Кудрина (Русанова) о Жоресѣ въ книгѣ «Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей».

[2]) См. изложеніе его идей у Анри Мишеля: «Идея государства».

мыслямъ, благодаря постоянному дѣйствію индивидуальнаго и коллективнаго самопожертвованія. Б. Малонъ во главу угла своихъ разсужденій ставилъ идею справедливости и моральнымъ силамъ придавалъ бо́льшее значеніе, чѣмъ матеріальнымъ интересамъ. Этотъ морализующій элементъ вошелъ полностью и въ жоресовское пониманіе соціализма; и идеи справедливости, гуманности всегда занимали въ представленіяхъ лидера французскихъ соціалистовъ первенствующее мѣсто, какъ бы ни мѣнялись его взгляды на вопросы тактики и очередныя задачи соціализма, куда бы ни обращался онъ въ поискахъ за союзниками—вправо ли, влѣво ли, или же одновременно (какъ въ послѣдніе мѣсяцы его жизни) и вправо, и влѣво.

«Нельзя говорить,—писалъ онъ уже въ началѣ 900-хъ годовъ,—что взывать къ справедливости смѣшно и безплодно, что понятіе ея—совершенно отвлеченное и допускаетъ самыя различныя толкованія и что въ этотъ опошленный пурпуръ кутались всѣ тираны. Нѣтъ, въ современномъ обществѣ понятіе справедливости мало-по-малу пріобрѣтаетъ опредѣленный и глубокій смыслъ. Оно означаетъ, что во всякомъ человѣкѣ, во всякой личности слѣдуетъ глубоко уважать и высоко ставить человѣческое достоинство. А послѣднее дѣйствительно имѣется только тамъ, гдѣ есть независимость, дѣятельная воля, свободное и охотное подчиненіе каждой личности всей совокупности таковыхъ. Гдѣ одни люди зависятъ отъ другихъ или находятся во власти ихъ, гдѣ воля каждаго не участвуетъ свободно въ общественномъ дѣлѣ, гдѣ насиліе и привычка, а не одинъ только разумъ, подчиняютъ людей велѣніямъ цѣлаго, ими составляемаго,—тамъ человѣческое достоинство унижено и изуродовано. Стало быть, оно можетъ быть возстановлено только упраздненіемъ капитализма и введеніемъ соціализма».

Таковы были основныя идеи, усвоенныя Жоресомъ за этотъ періодъ и согрѣтыя всѣмъ пламенемъ чувства, какое онъ находилъ въ своемъ могучемъ темпераментѣ. Теперь онъ, вернувшись въ началѣ 1893 года въ палату депутатовъ, выступаетъ въ ней, какъ яркая и вполнѣ опредѣленная величина, и его краснорѣчіе, отражавшее пылъ его убѣжденій, вскорѣ заставило говорить о себѣ всю Францію, а за ней и все культурное человѣчество. Выступая апологетомъ соціализма, защищая рабочихъ, громя со всею рѣзкостью допускавшійся правительствомъ во время стачекъ произволъ, Жоресъ не ограничивался интересами «рабочаго класса». Онъ защищалъ интересы справедливости и гуманности, откликаясь и на другія проявленія общественной жизни Франціи, а также и на событія за грани-

цей, поднимая, напр., агитацію по поводу рѣзни армянъ въ Турціи. За это время Жоресъ замѣтно двинулся влѣво, и въ его рѣчахъ и выступленіяхъ звучитъ часто опредѣленно-классовая точка зрѣнія; онъ стоитъ на непримиримой позиціи въ отношеніи къ существующему соціальному строю, и принципъ классовой борьбы постоянно выдвигается въ его рѣчахъ. Его общая философская и философско-историческая позиція не диктовала ему какихъ-нибудь опредѣленныхъ директивъ въ этомъ направленіи, и общее политическое положеніе и характеръ дѣйствій стоящаго у власти правительства вызываютъ въ немъ то болѣе примирительное, то болѣе непримиримое настроеніе.

За указанный періодъ стояли у власти консервативные кабинеты, не склонные вступить на путь соціальныхъ реформъ, доходившіе до заигрыванья съ клерикалами и не стѣснявшіеся въ столкновеніи рабочихъ съ предпринимателями рѣшительно становиться на сторону послѣднихъ, не жалѣя репрессій по отношенію къ первымъ. Здѣсь Жоресъ выступалъ рѣзкимъ критикомъ, и въ разгаръ полемики рѣчи его чаще принимали революціонный характеръ, выражая убѣжденіе, что подобная тактика, противорѣчащая справедливости и лишенная духа творчества, является какъ бы естественнымъ результатомъ потерпѣвшаго уже полное моральное банкротство буржуазнаго строя. Но когда у власти на короткое время стало радикальное министерство Буржуа, выдвинувшее, между прочимъ, проектъ подоходнаго налога, Жоресъ, какъ, впрочемъ, и другіе соціалисты, оказывалъ этому правительству серьезную поддержку.

Ко времени этой же легислатуры относится начало дрейфусовскаго дѣла. Роль Жореса въ агитаціи, поднявшейся для спасенія невиннаго и для разоблаченій интригъ генеральнаго штаба и противъ клерикаловъ и антисемитовъ, хорошо извѣстна. Онъ поднимаетъ запросъ въ палатѣ, выступаетъ съ горячими рѣчами на митингахъ, пишетъ каждый день статьи и принимаетъ энергичныя усилія, чтобы заинтересовать этимъ процессомъ рабочихъ. Здѣсь Жоресъ долженъ былъ вступать въ споръ съ другими вожаками соціализма (между прочимъ съ Гэдомъ). Гэдъ стоялъ на *классовой* позиціи, проповѣдывалъ, что пролетаріямъ нечего дѣлать въ этой битвѣ, которая отнюдь не ихъ. «Въ новомъ кризисѣ,—говорилъ Гэдъ,—который испытываютъ правящіе классы, намъ нечего быть ни эстергасистами, ни дрейфусистами, но мы должны остаться партіей класса, который знаетъ и ведетъ лишь классовую борьбу за освобожденіе труда и человѣчества».

Жоресъ рѣзко протестовалъ противъ такого индифферентизма

къ вопросамъ справедливости и противъ смѣшенія въ одну кучу «всего неотносящагося къ соціалистическому пролетаріату». Онъ выступилъ съ проповѣдью тѣхъ принциповъ, которые его самого привели къ соціализму, принциповъ гуманности и справедливости, уваженія къ правамъ человѣка, и заговорилъ тономъ, способнымъ вліять на разнообразнаго слушателя, на аудиторію, состоящую изъ всѣхъ элементовъ, которымъ дороги интересы культуры. Въ это время популярность Жореса доходила до высшей степени; онъ широко извѣстенъ не только Франціи, но и всему міру. Но реакціонные круги, конечно, причислили его за дрейфусовскую агитацію къ числу измѣнниковъ, продавшихся заграничному дрейфусовскому синдикату?

Вотъ еще когда пущенъ былъ въ ходъ эпитетъ измѣнника, съ которымъ надо покончить, и, вдохновляясь тѣми же чувствами, Рауль Виленъ черезъ 16 лѣтъ покончилъ съ нимъ...

Националистическое потемнѣніе коснулось тогда и избирателей Жореса, и на общихъ выборахъ 1898 года онъ оказался забаллотированнымъ. Это не останавливаетъ однако его энергіи, и онъ работаетъ и борется еще энергичнѣе, чѣмъ раньше. Онъ продолжаетъ свою защиту дѣла справедливости, раскрываетъ общечеловѣческое значеніе дрейфусовскаго дѣла, выдвигаетъ, какъ настоятельнѣйшую задачу ближайшихъ моментовъ, безпощадную борьбу съ отравляющими общественную жизнь Франціи клерикализмомъ и націонализмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Жоресъ работаетъ надъ историческимъ трудомъ, посвященнымъ исторіи Франціи, начиная съ эпохи революціи, и выпускаетъ первые два тома исторіи революціи. Занятія исторіей, богатый опытъ, пріобрѣтенный имъ за время дрейфусіады, появленіе на сценѣ правительства Вальдека-Руссо, обратившагося къ широкимъ кругамъ республиканцевъ для обороны республики,— все это вноситъ измѣненія въ политическіе взгляды Жореса. Онъ остается вѣрнымъ всѣмъ принципамъ, совмѣщавшимъ и общечеловѣческіе, и классовые элементы, но теперь онъ сильнѣе выдвигаетъ надклассовую точку зрѣнія и опредѣленно высказывается за эволюціонный методъ. Темпераментъ борца въ свою очередь толкаетъ его туда, гдѣ борьба ожесточеннѣе, и съ девизомъ «расширять, а не суживать» Жоресъ и самъ повелъ борьбу за оздоровленіе республики и звалъ къ тому же пролетаріатъ. Комбинація Вальдека-Руссо, введшаго въ свой кабинетъ Мильерана, нашла въ Жоресѣ живое одобреніе, и онъ горячо поддерживалъ своего товарища, на вступленіе котораго въ «буржуазный кабинетъ» косо смотрѣли Гэдъ и многіе другіе соціалисты.

«Соціалистическая партія,—говорилъ въ это время по разнымъ поводамъ Жоресъ,—должна нарисовать точную картину справедливой и мирной эволюціи къ ясно очерченному идеалу. Если она постарается произвести такое впечатлѣніе, что она и щедра, и разумна, и горяча въ бою, но стремится къ миру, твердо стоитъ противъ несправедливыхъ учрежденій и рѣшила систематически ихъ уничтожать, и въ то же время терпима къ отдѣльнымъ личностямъ,—тогда она на полвѣка ускоритъ истинную соціальную революцію, ту, которая коснется положенія вещей, законовъ и состоянія умовъ, а не будетъ заключаться въ общихъ фразахъ и словахъ; сверхъ того, партія этимъ избавитъ великіе дни пролетарской революціи отъ ужаснаго жестокаго запаха крови, отъ убійствъ и ненависти, отъ всего того, что осталось связаннымъ съ буржуазной революціей». Пролетаріатъ составляетъ часть націи, и чѣмъ лучше, чѣмъ справедливѣе и демократичнѣе организовано дѣло, тѣмъ больше выпадаетъ благъ на долю рабочихъ, тѣмъ болѣе удобная позиція создается и для дальнѣйшихъ завоеваній рабочаго класса. Демократія—предпосылка соціализма, и соціалисты имѣютъ и право, и обязанность активно направлять судьбы демократіи и очищать ее отъ пережитковъ старыхъ режимовъ.

Въ 1902 году Жоресъ вновь избранъ депутатомъ, и ближайшіе годы являются апогеемъ его политическаго вліянія. Онъ становится вице-президентомъ палаты, оказываетъ полную поддержку министерству Комба, зачастую былъ вдохновителемъ министерства, и, намекая на этотъ періодъ, Клемансо какъ-то выразился, что Жоресъ былъ тогда «почти президентомъ совѣта». Антиклерикальное законодательство Комба и проведеніе (уже въ министерство Рувье) закона объ отдѣленіи церкви отъ государства проходили при постоянномъ участіи въ преніяхъ Жореса, который видѣлъ въ этихъ мѣрахъ дальнѣйшіе шаги въ освобожденіи личности отъ гнета догмъ, что, въ свою очередь, является въ его глазахъ необходимымъ этапомъ къ высшей цѣли, чтобы «вся жизнь людей, вплоть до деталей промышленныхъ занятій, прониклась идеалами справедливости, науки и красоты. Но этотъ идеалъ долженъ быть безпрестанно обновляемъ и оживляемъ опытомъ тѣхъ, которые живутъ и дѣйствуютъ «свѣтскою» активностью, а не монополизируемъ и истолковываемъ какою-то духовною кастой».

Необходимо въ то же время, какъ характерную для Жореса черту, отмѣтить, что его тактика при защитѣ антиклерикальнаго законодательства отличалась не уступчивостью, конечно, но гораздо бóльшимъ стремленіемъ проявить терпимость и не

допускать антиклерикальнаго сектантства, чѣмъ у другихъ его товарищей по партіи, а также и у многихъ радикаловъ.

Такъ продолжается до 1904 года, амстердамскаго соціалистическаго конгресса.

Амстердамскій конгрессъ высказался противъ «министерскаго соціализма» и, несмотря на возраженія Жореса, призналъ невозможнымъ участіе соціалистовъ въ «буржуазныхъ» кабинетахъ. Жоресъ долженъ былъ подчиниться этому рѣшенію, не желая вызывать раскола между объединившимися французскими соціалистами, и вскорѣ занялъ опредѣленно-оппозиціонное отношеніе къ радикальнымъ кабинетамъ, тѣмъ болѣе, что въ рядахъ французскаго радикализма обозначился извѣстный поворотъ вправо. Съ одной стороны замѣтно было утомленіе боевымъ антиклерикализмомъ Комба; съ другой—въ рабочихъ кругахъ обозначалось все сильнѣе увлеченіе революціоннымъ синдикализмомъ, тактикой прямого дѣйствія, антимилитаризмомъ, вовлеченіемъ въ синдикальную борьбу служащихъ въ государственныхъ предпріятіяхъ и чиновниковъ (движеніе среди учителей, среди почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, среди служащихъ въ флотѣ и др.). Обострилось и стачечное движеніе. Это броженіе содѣйствовало общему направленію парламента и избирателей, и мы видимъ радикальные кабинеты Клемансо и Бріана занятыми серьезной борьбой съ революціоннымъ синдикализмомъ. Борьба эта вела къ отчужденію соціалистовъ отъ радикаловъ и среди самихъ радикаловъ вызвала кризисъ, образовавъ два теченія, изъ которыхъ одно пробовало возстановить старую идею лѣваго блока, т.-е. совмѣстной работы радикаловъ съ соціалистами, другое же пошло по теченію и вынуждено было искать себѣ союзниковъ въ болѣе умѣренныхъ кругахъ, что, въ свою очередь, замѣтно отразилось на пониженіи темпа преобразовательной дѣятельности и на ухудшеніи отношеній между пролетаріатомъ и передовыми элементами буржуазіи.

Часть прежнихъ товарищей Жореса—Мильеранъ, Бріанъ, Вивіани продолжали, однако, участвовать въ министерствахъ и поддерживали репрессивныя мѣры противъ стачекъ государственныхъ служащихъ и противъ антимилитаристской пропаганды. Гэдисты занимали свои прежнія позиціи, по прежнему враждебные министерскому соціализму, но вмѣстѣ съ тѣмъ недружелюбные и въ отношеніи новыхъ вѣяній среди рабочихъ, т.-е. революціоннаго синдикализма. Гэдъ не щадитъ своего сарказма, говоря о всеобщей стачкѣ, лозунгѣ революціонныхъ синдикалистовъ. Что же касается Жореса, то его новая позиція вызываетъ большой интересъ. Онъ, какъ уже сказано, отошелъ

отъ правительственныхъ группъ, ставъ снова къ нимъ въ оппозицію, но остался вѣренъ своему девизу «расширять, а не суживать». Въ сущности и въ палатѣ депутатовъ не прекращались его призывы къ болѣе здравой, болѣе рѣшительной, болѣе проникнутой реформаторскимъ духомъ республиканской политикѣ и, быть можетъ, запретъ амстердамскаго конгресса ему сначала нелегко было переварить [1]). Но во всякомъ случаѣ главныя точки приложенія дѣятельности Жореса послѣ Амстердамскаго конгресса не въ парламентской области. Онъ сочувственно смотритъ на дѣятельность синдикалистовъ, въ которой видитъ здоровое зерно и расширеніе самодѣятельности рабочихъ массъ. Въ противоположность Гэду Жоресъ не видитъ ничего непріемлимаго въ идеѣ всеобщей стачки и стремится сблизить соціалистовъ и синдикалистовъ, хотя съ той и другой стороны примирительныя попытки Жореса встрѣчаютъ часто скептицизмъ и иронію. Есть у него и точка соприкосновенія съ антимилитаристами. Онъ самъ ведетъ въ парламентѣ и въ прессѣ кампанію противъ увеличенія вооруженій, старается завязать болѣе тѣсныя сношенія съ соціалистами германскими [2]), проповѣдуетъ отреченіе отъ идеи реванша и сближеніе съ Германіей, все рѣшительнѣе говоритъ и пишетъ въ защиту идеи вооруженнаго народа, наконецъ, обсуждаетъ и пропагандировавшуюся въ послѣдніе годы (съ особеннымъ пыломъ выступилъ въ защиту этой идеи Эрве) мысль о возможности единовременной общей стачки пролетаріевъ вовлеченныхъ въ войну странъ. Этими вопросами занимался онъ и въ послѣдніе мѣсяцы, и послѣднимъ его актомъ было опять-таки обсужденіе средствъ предотвратить надвигавшуюся европейскую войну.

Немало противорѣчій можно найти въ дѣятельности и пропагандѣ Жореса за это послѣднее десятилѣтіе. Слишкомъ широкъ былъ кругъ, на который онъ старался теперь воздѣйствовать, слишкомъ разнообразны и враждебны между собой были входившія въ него группы и единицы. Парламентскіе республиканцы, съ которыми Жоресъ никогда до конца не разрывалъ, соціалисты разныхъ оттѣнковъ, вошедшіе въ партіи объединенныхъ соціалистовъ, синдикалисты, имѣющіе въ своихъ рядахъ

---

[1]) Клемансо, будучи министромъ вн. дѣлъ, полемизируя съ Жоресомъ, сказалъ однажды съ парламентской трибуны: «Вы, г. Жоресъ, на Амстердамскомъ конгрессѣ были побиты Бебелемъ и должны были сдаться ему на капитуляцію. Вы удалились на Авентинскій холмъ, но я знаю ваши сокровенныя чувства и надѣюсь, что въ недалекомъ будущемъ мы съ радостью будемъ привѣтствовать ваше возвращеніе».

[2]) Дѣятельное участіе принимаетъ Жоресъ и въ попыткахъ устройства междупарламентскихъ конференцій съ участіемъ германскихъ и французскихъ парламентаріевъ для улучшенія франко-германскихъ отношеній.

съ одной стороны людей, очень умѣренныхъ въ политическихъ требованіяхъ, интересующихся мирной профессіональной дѣятельностью, съ другой—настроенныхъ крайне враждебно къ государству, близкихъ къ анархистамъ, пропагандистовъ революціоннаго синдикализма среди солдатъ и враждебныхъ социалистамъ за ихъ близость къ буржуазіи,—и въ каждой изъ этихъ разнообразныхъ группъ Жоресъ стремился найти что-то жизненно-здоровое, что надо культивировать, что составляетъ общественную цѣнность. Помимо того, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе активныхъ дѣятелей по международному сближенію и старался поддерживать связи не только съ соціалистическими иностранными организаціями, но и съ болѣе широкими демократическими кругами другихъ партій, видя въ этомъ средство борьбы съ національнымъ и агитаціей шовинистами незримыхъ группъ. Мы указывали уже на его участіе во франко-германскихъ междупарламентскихъ конференціяхъ. Наконецъ, то какъ лидеръ соціалистовъ, то какъ членъ основанной Прессансэ лиги правъ человѣка, Жоресъ многократно выступаетъ на защиту, пользуясь, какъ онъ самъ говоритъ, выраженіемъ Достоевскаго, «униженныхъ и оскорбленныхъ» всего міра, страдающихъ отъ деспотизма властей, отъ фанатическихъ преслѣдованій со стороны отживающихъ силъ. «Искренніе демократы всего міра привыкли видѣть въ васъ самаго мощнаго и послѣдовательнаго выразителя лучшихъ стремленій великой французской демократіи»,—такъ обращались къ Жоресу представители демократическихъ теченій разныхъ странъ, часто далекіе отъ соціализма.

Конечно, на ряду съ ростомъ популярности Жоресъ подвергался и многочисленнымъ нападкамъ, шедшимъ не только изъ лагеря реакціонеровъ и враждебныхъ соціализму группъ. Слишкомъ ужъ широкъ былъ кругъ идей, симпатичныхъ Жоресу, и самъ онъ мирилъ ихъ довольно эклектически, въ разные моменты и при разныхъ условіяхъ выбирая и выдвигая тѣ или другіе тезисы. Поэтому парламентскіе республиканцы зачастую не прощали ему сближенія съ синдикалистами, отрицавшими парламентскую работу. Часть соціалистовъ порицала его то за снисходительное отношеніе къ синдикалистамъ, то за его желаніе не разрывать связь съ буржуазными партіями радикаловъ. Стремленіе расширить сношенія съ заграничными соціалистами и агитація за усиленіе международнаго пацифистскаго движенія вмѣстѣ съ проповѣдью необходимости отказаться отъ реванша навлекало на него особенно рѣзкія нападки.

Какъ же самъ Жоресъ мирилъ эти противорѣчивыя идеи? Вѣдь не могъ же онъ не видѣть слишкомъ большой широты

круга своихъ симпатій и полнаго несходства идей республиканскихъ съ близкими къ анархизму идеями революціоннаго синдикализма. Несомнѣнно, Жоресъ видѣлъ эти противорѣчія, но одновременно онъ видѣлъ, какъ мы уже говорили, и здоровыя сѣмена въ каждомъ изъ движеній, съ которыми онъ не хотѣлъ разрывать; онъ цѣнилъ во всѣхъ указанныхъ группахъ активное стремленіе впередъ, стремленіе къ дальнѣйшему расширенію человѣческой самодѣятельности и видѣлъ ясно одно: при обостреніи отношеній между ними теряетъ демократія, теряетъ прогрессъ, и усиливается сила реакціи. Отсюда его требованія отъ демократическихъ правительствъ, чтобы они скорѣе поспѣвали въ своихъ программахъ за потребностями рабочихъ массъ, расширяли программу реформаторской дѣятельности и не ставили репрессивныхъ преградъ организаторскому движенію трудящихся разныхъ категорій, въ томъ числѣ и чиновниковъ, состоящихъ на службѣ государству. Онъ видѣлъ, какъ и самъ признавалъ это въ парламентскихъ своихъ рѣчахъ, долю непримиримости и долю фанатизма въ соціалистическихъ рядахъ, но всегда доказывалъ, что одна соціалистическая партія не можетъ нести отвѣтственности за это, такъ какъ большинство парламентское все еще бываетъ тѣсно связано съ интересами капиталистовъ, интересами буржуазіи и не рѣшится проявить достаточно активности, чтобы пойти противъ этихъ силъ такъ же, какъ оно раньше побѣждало «силы прошлаго». Широкій союзъ прогрессивныхъ элементовъ казался Жоресу до конца дней его необходимостью и политической, и моральной. Передъ республикой стоитъ задача опять-таки расширенія своихъ политико-соціальныхъ задачъ, и только тогда она можетъ жить достойно и быть увѣренной въ прочности своего существованія, но республикѣ нужно для этого съ смѣлымъ призывомъ обратиться ко всему рабочему крестьянскому люду отъ пролетаріевъ до ремесленниковъ и мелкихъ буржуа.

Послѣдній годъ засталъ Жореса на томъ же боевомъ посту и на такой же широкой агитаціонной аренѣ. Онъ боролся и съ силами прошлаго, и съ темными силами настоящаго, боролся прежде всего, какъ республиканецъ. Когда въ связи съ травлей «Figaro», направленной противъ Кайо, всколыхнулась опять старая грязь, и темное дѣло Рошетта грозило запачкать цѣлый рядъ репутацій изъ очень разнообразныхъ группъ, французскій парламентъ рѣшилъ произвести всестороннюю анкету, и предсѣдателемъ комиссіи этого дѣла избралъ Жореса. Жоресъ добросовѣстно и въ высшей степени объективно провелъ свою роль судьи и слѣдователя нынѣшняго режима, и палата при-

няла вынесенный имъ приговоръ, что нынѣшній режимъ страдаетъ отъ близости къ капиталистическимъ интересамъ и долженъ освободиться отъ компрометирующей его связи съ міромъ дѣльцовъ. И какъ будто опять поднимался вопросъ о возвращеніи къ позиціи министерскаго соціализма, особенно послѣ весеннихъ общихъ выборовъ, увеличившихъ число соціалистическихъ депутатовъ до 100.

Правда, у Жореса оставалось немало разногласій съ вождями республиканскаго большинства въ парламентѣ и въ частности онъ съ крайнею непримиримостью относился къ сохраненію закона о трехлѣтней службѣ.

Послѣдніе дни своей жизни Жоресъ весь поглощенъ былъ заботами о предотвращеніи войны и присутствовалъ на брюссельской соціалистической конференціи, обсуждавшей средства предотвращенія. Но не въ его силахъ и не въ силахъ группъ, съ которыми думалъ онъ дѣйствовать, оказалось предотвращеніе европейской войны, и самъ онъ палъ первой ея жертвой, жертвой фанатизма и ненависти, которые послѣ того вспыхнули такимъ широкимъ потокомъ и въ ослѣпленіи своемъ набрасывались на слабыхъ и беззащитныхъ.

Имя Жореса останется дорогимъ для всего культурнаго человѣчества. Можно не раздѣлять его идей, можно критиковать его тактику... но никто не можетъ отрицать высокой одухотворенности его порывовъ, богатства его душевныхъ силъ и неустанной дѣятельности, направленной въ конечномъ итогѣ къ тому, чтобы приблизить время, когда всѣ люди получатъ возможность развивать всѣ свои лучшія силы, когда всѣ они «другимъ взоромъ, другимъ сердцемъ будутъ смотрѣть не только на людей—своихъ братьевъ, но и на землю, небо и скалы, на дерево, на животное, цвѣтокъ и звѣзду».

Н. Губскій.

II. Жоресъ—историкъ.

> ...Мы попытаемся понять и очертить какъ основную экономическую эволюцію, опредѣляющую общественный строй, такъ и пламенное стремленіе человѣческаго духа къ высшей истинѣ и благородное воодушевленіе индивидуальнаго сознанія, презирающаго страданія, тиранію и смерть...
>
> *Ж. Жоресъ.*

Безвременно сошедшій въ могилу великій ораторъ Франціи оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ и во французской исторіографіи. Уже первый его трудъ, посвященный анализу политиче-

ской и соціальной мысли Германіи XVIII вѣка, обратилъ вниманіе на молодого историка (впослѣдствіи онъ послужилъ матеріаломъ для третьяго тома «Исторіи Французской Революціи»). Но если историческіе этюды и способствовали созданію политическаго борца и искуснаго организатора, то обратно еще въ большей степени политическій вождь и ораторъ—ораторъ par excellence—наложилъ неизгладимую печать на всѣ послѣдующіе историческіе труды Жана-Леона Жореса, создавъ изъ него ярко опредѣленный типъ историка-публициста.

Главный историческій трудъ Жореса, давшій ему громкую извѣстность,—«Исторія Французской Революціи». Она составляетъ 4 первыхъ тома громаднаго коллективнаго труда въ XVI томахъ, предпринятаго подъ его же редакціей—«Соціалистическая исторія Франціи (1789—1900)». Время, въ которое слагался трудъ Жореса и его товарищей, ознаменовано ожесточенною борьбой съ правыми и умѣренными элементами третьей республики; борьба эта привела къ энергичной консолидаціи всѣхъ политическихъ партій. Поэтому «Соціалистическая исторія» ярко отразила и организаторскій талантъ Жореса, и могучій ростъ партіи, которая сумѣла выставить рядъ солидныхъ работниковъ въ области исторіографіи. Естественна опредѣленная тенденція этого труда: на нее достаточно указываетъ уже самое заглавіе.

По словамъ самого Жореса, цѣлью его и его товарищей было показать, «путемъ какихъ кризисовъ, какими усиліями людей, какою эволюціей доросъ пролетаріатъ до той рѣшающей роли, которую ему предстоитъ играть въ будущемъ» (т. I, стр. 4). Понятно поэтому, что отдѣльные томы коллективной работы зачастую превращаются въ «исторію французскаго рабочаго класса» въ тотъ или другой періодъ. Нуженъ живой талантъ автора «республики 1848 года» (Ж. Ренара), горячее воодушевленіе и эрудиція самого редактора, чтобы выдвинуть отдѣльные томы среди добросовѣстныхъ компиляцій партійныхъ работниковъ. Съ этой точки зрѣнія «Соціалистическая исторіи Франціи» представляетъ орудіе пропаганды, свидѣтельствующее въ то же время о политической зрѣлости французскаго пролетаріата.

Историческое міросозерцаніе Жореса въ этомъ трудѣ, по собственнымъ словамъ, приближаетъ его и къ Марксу и къ Мишле. «Наше истолкованіе исторіи будетъ одновременно и матеріалистическимъ согласно съ Марксомъ и мистическимъ—въ духѣ Мишле». Жоресъ отнюдь не экономическій матеріалистъ (Жоресъ. т. I). Признавая, что экономическія условія, формы производства и собственности составляютъ основу исторіи, Жоресъ

настаиваетъ на томъ, что одною «эволюціею экономическихъ формъ наивно и узко объяснять всѣ движенія человѣческаго разума» (т. I). По его мнѣнію, «индивидуальный разумъ и соціальная среда могутъ быть и въ единеніи и въ противорѣчіи другъ съ другомъ». Поэтому «мы постоянно будемъ отмѣчать величіе свободнаго духа, который, созерцая вѣчные законы міровой жизни, становится независимымъ отъ самого человѣчества». Такъ сказывается на Жоресѣ изслѣдованіе нѣмецкаго идеализма и вліяніе Мишле. Но, несмотря на это заявленіе Жореса, мы едва ли отыщемъ въ его трудѣ «созерцаніе вѣчныхъ законовъ міровой жизни»: мистическій элементъ вовсе исчезаетъ у практическаго политика, зато выдвигается въ особенности другой идеалистическій элементъ—признаніе выдающейся роли личности въ историческомъ процессѣ. «Соціальная революція вершится не одною только силою вещей, но и силою людей, энергіею воли и совѣсти» (т. I). Жоресъ поэтому подчеркиваетъ нравственное значеніе исторіи. Борецъ во имя опредѣленнаго общественнаго идеала становится строгимъ судьей дѣятелей далекаго прошлаго.

Предполагая сперва написать лишь исторію Конституціонныхъ актовъ и Законодательнаго собранія, Жоресъ, вслѣдствіе отказа Гэда, принужденъ былъ взять на себя и исторію Конвента. Глубокая эрудиція, тонкое пониманіе экономической эволюціи Франціи въ XVIII вѣкѣ, исключительное вниманіе, удѣляемое соціальной борьбѣ,—отличительныя черты этого громаднаго труда въ 3000 страницъ слишкомъ. Жоресъ съ неподражаемымъ искусствомъ слѣдитъ за борьбой политическихъ группъ, мѣтко характеризуетъ роль отдѣльныхъ политическихъ вождей, чрезвычайно удачно реабилитируетъ Марата, красочно и полно опредѣляетъ коммунистическія тенденціи «бѣшеныхъ» (Ру, Доливье, Ланжа). Часто изложеніе возвышается до неподдѣльнаго паѳоса и увлекательнаго краснорѣчія. Скажемъ больше: Жоресъ прежде всего является въ своемъ трудѣ великимъ ораторомъ, который взялся разсказать многочисленной аудиторіи исторію великой революціи. Отсюда вытекаетъ, къ сожалѣнію, большой внѣшній недостатокъ его труда: отсутствіе строгой планировки, часто утомляющее читателя,—изложеніе тянется блестящею, сверкающею нитью, безконечною нитью на протяженіи болѣе чѣмъ 3000 страницъ!.. Главъ, подраздѣленій—удивительно мало, примѣчаній вовсе не имѣется; цитаты, выдержки, анализъ, выводы, побочныя замѣчанія, полемическіе выводы—все включено въ одинъ текстъ.

Ораторъ восполняется политическимъ борцомъ, который прекрасно отмѣчаетъ промахи и недосмотры политическихъ группъ

Ж. Жорэсъ.

и отдѣльныхъ вождей и въ то же время не можетъ отказать себѣ въ томъ, чтобы заклеймить опредѣленнымъ моральнымъ осужденіемъ группу жирондистовъ за ихъ «близорукую» политику, попенять Робеспьеру и Марату, указать на вѣроятную правильную директиву политики.

Горячій, пылкій трибунъ и политическій агитаторъ прорывается на каждой почти страницѣ въ историкѣ, и трудъ его, въ концѣ концовъ, превращается въ краснорѣчивый, драматизированный политическій памфлетъ, ярко освѣщающій торжество и утвержденіе буржуазіи и безпрестанно въ цѣломъ рядѣ отступленій напоминающій о роли пролетаріата въ XIX и XX вв. Но одна идея проникаетъ весь трудъ,—идея, которая сплотила всѣхъ радикальныхъ и соціалистическихъ политиковъ Франціи начала XIX вѣка, создала нѣсколько разъ республиканскую «глыбу»—это мысль о необходимости и неизбѣжности союза лѣвыхъ группъ для защиты республики отъ ударовъ со стороны реакціонныхъ слоевъ и организацій и для коренной соціальной перестройки.

Исключительный ораторскій талантъ Жореса, громадная эрудиція, умѣнье ставить вопросы и оригинально освѣщать политическія компликаціи, присущее опытному парламентскому дѣятелю,—до сихъ поръ дѣлаютъ этотъ трудъ интереснымъ, несмотря на то, что послѣдніе труды о Парижской коммунѣ и новые матеріалы вносятъ много коррективъ въ положенія Жореса.

Но если ученый историкъ еще посильно борется съ ораторомъ и партійнымъ дѣятелемъ на страницахъ «Исторіи Революціи», то онъ отступаетъ предъ ними на страницахъ XI тома «Исторіи франко-прусской войны» — и окончательно превращается въ политическаго публициста въ XV томѣ: «Итоги XIX вѣка». Собственно, Жоресъ пишетъ и не исторію войны (ей посвящена первая маленькая главка въ 15 страницъ); онъ стремится отвѣтить на жгучій вопросъ, который до сихъ поръ рѣзко звучалъ въ атмосферѣ политической борьбы Франціи: «Кто виноватъ?» На двухстахъ слишкомъ страницахъ безпристрастно анализируется отношеніе французскаго общества къ Германіи, прослѣживается каждый шагъ иностранной политики цезаризма, вскрываются ошибки оппозиціи и изслѣдуются непосредственныя условія страшнаго пораженія, постигшаго Францію.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается потрясающе искренній и неумолимо-безпристрастный. Это отвѣтъ будущаго арбитра въ дѣлѣ Клію, отвѣтъ великаго сердца, сумѣвшаго подняться выше національныхъ предубѣжденій, далеко отмести шовинистическія искушенія, ратующаго за интересы правды.—Всѣ виноваты!

Виновата политическая близорукость всего французскаго общества, которое не знало, что дѣлается у другихъ. Оно не оцѣнило и не поняло всей глубины стремленій Германіи къ объединенію и проявило явно враждебное отношеніе къ назрѣвавшему съ стихійной необходимостью историческому событію. Яркій выразитель этой близорукой политической мысли Кине, увлекаясь революціонною миссіею Франціи, мечталъ о берегахъ Рейна, «билъ въ фанфары націонализма», но и онъ въ 1867 году уже предвидѣлъ неминуемое объединеніе Германіи и ея экономическій расцвѣтъ.

Виновата политическая политика Наполеона III, прикрывавшаяся фальшивыми демократическими фразами, раздражавшая своей половинчатостью Италію, вызывавшая недовѣріе и озлобленіе Пруссіи, то требуя за нейтралитетъ уступки Бельгіи или лѣваго берега Рейна и отступая послѣ рѣзкаго отпора Бисмарка, то привѣтствуя единеніе германскихъ государствъ,— она лишь демонстрировала свою слабость и беззастѣнчивый эгоизмъ.

Виновата и либеральная оппозиція: въ лицѣ Тьера она противилась объединенію Пруссіи и отказывала въ Римѣ Италіи.

А другіе вожди оппозиціи, Ж. Фавръ и Эмиль Оливье, если и стремились проводить идею мирныхъ отношеній къ объединенію Германіи и Италіи, то первый изъ нихъ вмѣстѣ со всей оппозиціей не выступилъ со всей энергіей противъ войны въ рѣшительный моментъ, второй, принявъ руководительство политикой Наполеона III, забылъ свое прежнее credo. Но главнымъ виновникомъ является руководитель внѣшней политики клерикалъ герцогъ де-Граммонъ, своею провокаторскою политикой раздражившій Вильгельма I и давшій удобный случай Бисмарку явиться въ качествѣ искуснаго «акушера».

Виноваты и другіе вожди оппозиціи: Гамбетта и даже крайняя лѣвая, увлеченные шовинизмомъ. Правда, Тьеръ и Гамбетта сдѣлали въ послѣднюю минуту безуспѣшную попытку выяснить положеніе.

Каковы же причины пораженія Франціи, спрашиваетъ себя Жоресъ въ послѣдней III главѣ: полное разложеніе правительства и слабость революціоннаго воодушевленія. Разлагающаяся имперія дала неспособныхъ, отсталыхъ и лишенныхъ иниціативы генераловъ и не могла сорганизовать народныя силы, республиканская идея не была настолько сильна, чтобы увлечь все населеніе, и правительство національной обороны не могло противопоставить наступающему врагу объединеннаго сопротивленія. Но борьба Гамбетты и Фрейсинэ въ провинціи, отчаян-

ная защита Парижа показала, заключаетъ Жоресъ: «что тотъ, кто покусится угрожать независимости или цѣлостности Франціи, долженъ будетъ считаться съ страшной силой, если французская энергія будетъ доведена до экзальтаціи великимъ идеаломъ» (XI т.).

Такъ историкъ окончательно уступаетъ перо политику и публицисту. Но забота о будущемъ человѣкѣ, пламенная вѣра въ несокрушимость и конечную побѣду идеала правды продолжаетъ до послѣдней минуты одушевлять славнаго сына Франціи XX вѣка.

А. Васютинскій.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

1. Передъ войной.

Явное преобладаніе современныхъ темъ надъ историческими и имѣющихъ отношеніе къ международной политикѣ надъ темами, посвященными внутреннимъ отношеніямъ,—вотъ что бросается въ глаза и невольно обращаетъ на себя вниманіе въ послѣднихъ книгахъ австрійскихъ и германскихъ журналовъ. Что это? Неясное предчувствіе надвигающейся общеевропейской катастрофы или сознательная подготовка общества къ приближающемуся съ фатальной неизбѣжностью военному кризису? Вѣроятно, ни то, ни другое. Просто въ международныхъ отношеніяхъ послѣдняго времени накопилось такъ много неразрѣшенныхъ, но тѣмъ не менѣе настоятельно требующихъ своего разрѣшенія вопросовъ, и дипломатическіе конфликты настолько обострились, что явилась потребность разсмотрѣть ихъ въ свѣтѣ исторіи и намѣтить возможныя линіи ихъ разрѣшенія прежде, чѣмъ они такъ или иначе разрѣшатся на практикѣ.

Если просмотрѣть одни заглавія статей за іюнь и іюль мѣсяцы (за болѣе близкіе къ намъ дни журналы уже не пришли къ намъ въ Россію), то ясно станетъ, какого обостренія достигли международныя отношенія въ послѣднее время. Отношенія Австріи и Испаніи въ албанскомъ вопросѣ (статья барона фонъ Iettel'я въ «Deutsche Revue» за іюль), международныя притязанія Италіи (статья Politicus'а «Die neue Renaissance Italiene» въ «Oesterreich. Rundschau» за іюль), взаимоотношенія балканскихъ государствъ, и отношенія къ нимъ Австріи и Россіи (статья барона фонъ-Mackay'я «Das Schattenspiel auf dem Balkan» въ «Die neue Rundschau» за іюль), положеніе дѣлъ въ Морокко («Deutsche Revue», іюнь), вопросы о нейтрализаціи Африки (тамъ же, іюнь), статьи о ближайшей къ намъ исторіи Румыніи (тамъ же, въ нѣсколькихъ номерахъ) и цѣлый рядъ другихъ статей, перечислять которыя было бы слишкомъ долго,—всѣ эти статьи не только освѣщаютъ положеніе дѣлъ съ исторической точки зрѣнія, но

и заключаютъ въ себѣ совѣты, какъ должны отнестись къ назрѣвшимъ вопросамъ германскія державы...

А рядомъ съ этими международными и дипломатическими темами мы видимъ уже рядъ темъ и чисто военныхъ. Въ академическомъ, всегда чуждомъ всякаго воинственнаго задора «Preussische Jahrbücher» (іюль) докторъ Карлъ Баллодъ съ статистическими таблицами въ рукахъ изслѣдуетъ вопросъ, какія мѣры нужно принять Германіи для пропитанія ея населенія въ случаѣ войны, какъ отразится на германскихъ подданныхъ почти полное прекращеніе ввоза и вывоза въ военное время, и въ противоположность начальнику германскаго генеральнаго штаба графу Мольтке приходитъ къ выходу, что рѣшающимъ моментомъ въ вопросѣ о побѣдѣ или пораженіи, даже о самомъ существованіи нѣмецкихъ государствъ и династій будетъ не военная, а хозяйственная подготовка Германіи, и что Германіи, нуждающейся въ привозномъ хлѣбѣ, надо прежде всего позаботиться о достаточныхъ хлѣбныхъ запасахъ. «Для насъ нѣтъ болѣе надежнаго средства защиты въ случаѣ войны,—восклицаетъ ученый авторъ въ концѣ статьи,—чѣмъ хлѣбные запасы, потому что хлѣбъ въ государствѣ хлѣбнаго ввоза будетъ цѣниться выше всего!»

Въ «Deutsche Revue» (іюнь) генералъ Госслеръ задается вопросомъ, можетъ ли въ наше время имѣть успѣхъ быстрое наступленіе, разсчитанное на неподготовленность противника, и разрѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что это было возможно только въ прежнія времена (примѣръ: Фридрихъ Великій въ обѣихъ его войнахъ), когда мобилизація не была столь сложной и не требовала столь долгаго времени, какъ въ наши дни. Теперь же застать противника неподготовленнымъ и ошеломить его быстрымъ натискомъ можно развѣ только на морѣ (примѣры: сраженіе при Наваринѣ 1827 г. и внезапное нападеніе японцевъ на русскій флотъ въ январѣ 1904 г.). Примѣнительно къ нашему отечеству Госслеръ говоритъ, что если въ Россіи вслѣдствіе ея разстояній мобилизація требуетъ и большаго времени, зато эта страна имѣетъ и большій просторъ для отступленія, во время котораго ей нетрудно произвести самую медлительную мобилизацію.

Другой военный, генералъ фонъ-Фалькенгаузенъ, пишетъ въ томъ же «Deutsche Revue» (іюль) небольшую статью о «силѣ денегъ и войнѣ» и съ жаромъ защищаетъ не новое мнѣніе, что избѣжанію военныхъ столкновеній будетъ способствовать не только сокращеніе вооруженій, но и ограниченіе власти денегъ, уменьшеніе капиталовъ, безъ которыхъ война невозможна. Нѣсколькими десятками страницъ ниже въ «Deutsche Revue» новая воен-

ная тема: «Психологія массъ и паника въ войнѣ». Авторъ (Sartorius) на основаніи многочисленныхъ примѣровъ изъ военной исторіи доказываетъ, что чѣмъ больше страха въ войскѣ, тѣмъ выше и его потери, и приводитъ рядъ примѣровъ, поучающихъ, какими средствами выдающіеся полководцы останавливали начинающуюся въ войскахъ панику. Еще одинъ генералъ (фонъ-Гёрцъ) разбираетъ, насколько законны для военныхъ занятія политикой (имѣя въ виду, очевидно, шовинистическія выступленія нѣмецкихъ офицеровъ), и приходитъ къ заключенію, что отставные и запасные военные не только имѣютъ право, но и обязаны выступать въ защиту войска и военныхъ цѣлей; что же касается до состоящихъ на дѣйствительной службѣ офицеровъ, то ихъ выступленія должны быть ограничены тѣсными рамками военныхъ круговъ, при чемъ имъ, конечно, должны быть запрещены всякія рѣчи въ духѣ гаагской конференціи. «Недостаетъ еще,—съ усмѣшкой замѣчаетъ авторъ,—чтобы мы подготовляли въ нашихъ солдатахъ апостоловъ мира!» («Deutsche Revue», мартъ). Офицеръ всегда и всюду долженъ объяснять своимъ солдатамъ, что цѣль всѣхъ военныхъ приготовленій и даже самой работы въ пользу мира (Friedensarbeit) только одна—именно война.

Среди длиннаго ряда этихъ дипломатическихъ, военныхъ и воинственныхъ статей, помѣщенныхъ въ послѣднихъ книгахъ нѣмецкихъ журналовъ, особенно показательны статьи нѣкоего «Politicus'а» въ іюньской и іюльской книгѣ австрійскаго журнала «Oesterreichische Rundschau». Эти статьи представляютъ изъ себя сплошной призывъ къ войнѣ. Въ первой изъ нихъ, озаглавленной «Imperialismus», авторъ упрекаетъ австрійскую дипломатію въ недостаткѣ рѣшительности, въ стремленіи поддерживать всесвѣтный миръ (!). Австрія слишкомъ мало до сихъ поръ, по мнѣнію Politicus'а, принимала участія въ дѣлежѣ мірового наслѣдства. Теперь она твердо должна заявить на это наслѣдство свое право и смѣло «бросить свой мечъ на вѣсы для осуществленія этого права». Къ завоевательной политикѣ Австрію толкаетъ недостатокъ собственнаго хлѣба въ странѣ, отсутствіе привилегированныхъ рынковъ для сбыта продуктовъ ея индустріи, наконецъ, все увеличивающееся народонаселеніе страны. «Австро-Венгрія,—говоритъ авторъ,—которая ежегодно высылаетъ сотни тысячъ людей за моря, потому что на родинѣ для нихъ нѣтъ уже достаточно вознаграждающей работы; монархія, которая уже теперь не можетъ покрыть собственными силами своей потребности въ пищевыхъ средствахъ, которая все болѣе нуждается въ привозномъ сыромъ матеріалѣ и дѣлается чрезъ это зависимой отъ заграницы; государство, которое должно отказывать тыся-

чамъ образованныхъ пролетаріевъ въ ихъ стремленіи къ общественнымъ должностямъ, потому что узкое поприще работы на родинѣ оставляетъ потребность въ интеллигентныхъ работникахъ далеко позади предложенія, такое государство должно задохнуться, если ему не будетъ открыто окно въ широкій міръ!» Имперіалистическая политика, продолжаетъ авторъ, должна найти себѣ одобреніе всѣхъ демократическихъ, даже соціалдемократическихъ элементовъ, потому что «она имѣетъ цѣлью обезпеченіе излишняго количества пролетаріевъ, улучшеніе условій жизни милліоновъ людей». Вообще авторъ склоненъ видѣть въ имперіализмѣ панацею отъ всѣхъ бѣдствій, которыми страдаетъ современная Австро-Венгрія,—даже отъ пессимизма, потому что онъ имѣетъ источникомъ сознаніе, что отечество погибнетъ, если не послѣдуетъ новый ростъ его внѣшняго могущества. Въ самомъ концѣ своей статьи авторъ даетъ понять, на чей счетъ должно произойти будущее расширеніе Австріи: поле дѣйствій для нея, это—Балканскій полуостровъ. 1913 годъ принесъ, говоритъ авторъ, для Австріи много разочарованій, по своимъ послѣдствіямъ дипломатическія неудачи Австріи въ этомъ году равносильны второму Кёниггрецу: Кёниггрецъ исключилъ Австрію изъ германскаго союза, неудачи 1913 г. изгнали ее съ Балканскаго полуострова. Но не пропало время для того, чтобы поправить эти неудачи: «ясный планъ, опредѣленная великая цѣль и сильная рука, которая поведетъ насъ черезъ всѣ препятствія къ этой цѣли,—вотъ что намъ нужно!» такъ заключаетъ авторъ свою статью.

Въ другой статьѣ («Österreich. Rund.», іюль 1914), озаглавленной «Kronprinz Wilhelm», авторъ беретъ подъ свою защиту воинственную политику наслѣдника германскаго престола. Германскій кронпринцъ вооружается всѣми силами своей души противъ призыва, раздающагося отъ времени до времени среди интеллигентныхъ круговъ Германіи: «поменьше Бисмарковъ и побольше Шиллеровъ!» И авторъ статьи съ большимъ сочувствіемъ цитируетъ воинственные призывы, которые заключены въ книгѣ кронпринца «Deutschland im Waffen»; онъ согласенъ съ нимъ, что «до конца свѣта мечъ останется рѣшающимъ факторомъ» во всѣхъ вопросахъ, касающихся жизни и счастія народовъ, и что по преимуществу на военномъ поприщѣ можно съ успѣхомъ служить величію и славѣ родины. Но авторъ солиднаго журнала долженъ искать и болѣе солидныхъ аргументовъ въ защиту своихъ воинственныхъ мнѣній; поэтому «Politicus» прежде всего ссылается на авторитеты—хозяйственные, политическіе и научные. Онъ разсказываетъ, что во время конфликта Германіи съ Франціей

изъ-за Марокко ему пришлось жить въ Гамбургѣ и Бременѣ и вести тамъ разговоры съ людьми, занимающими очень вліятельное положеніе въ хозяйственной жизни Германіи, и эти люди выражали свое искреннее негодованіе по поводу чрезмѣрной уступчивости имперскаго канцлера и говорили въ не менѣе воинственномъ духѣ, не менѣе потрясали оружіемъ, чѣмъ «самый юный лейтенантъ изъ гусарскаго полка кронпринца». Это—доказательство, съ чувствомъ удовлетворенія говоритъ нашъ «Политикъ», что «хозяйственная работа, направленная къ накопленію огромныхъ богатствъ, не оказываетъ того размягчающаго и разслабляющаго вліянія, какъ это думаютъ во многихъ мѣстахъ Германіи». Съ неменьшимъ удовольствіемъ цитируетъ авторъ слова Бассермана: «время континентальной политики прошло, міръ стоитъ подъ знакомъ имперіализма», Артура Дикса: «Мы имѣемъ только одинъ выборъ: расти или разориться», и Листа: «Государственные люди великихъ народовъ должны думать и заботиться не только о настоящемъ,—ихъ взоръ долженъ провидѣть въ самое отдаленное будущее, если они не хотятъ ограниченное стремленіе къ одобренію современниковъ искупить упреками потомковъ». Съ сочувствіемъ приводитъ авторъ и длинную цитату изъ книги д-ра Ziman'а, автора біографіи кронпринца, смыслъ которой слѣдующій: нужно спѣшить, потому что время, въ теченіе котораго Россія не готова къ войнѣ, уже проходитъ: «Силы гигантскаго государства скоро не только пробудятся до своихъ послѣднихъ глубинъ, но и сдѣлаются болѣе гибкими, легче приспособляемыми; онѣ теряютъ свою тяжеловѣсность, и если пробьетъ часъ мобилизаціи, то за нами едва ли уже останется преимущество».

Характерно то объясненіе, которое д-ръ Ziman даетъ ненависти, будто бы существующей въ Россіи противъ Германіи: она вытекаетъ не изъ какихъ-либо реальныхъ основаній, а изъ сознанія, «что единственно нѣмецкая культура дала Россіи и русскимъ силу и жизнь». И теперь «питомецъ возстаетъ противъ своего воспитателя, ученикъ противъ учителя». И нашъ авторъ также настаиваетъ на поспѣшности: нѣмцы должны предупредить Россію, потому что, если они этого не сдѣлаютъ, то надъ ихъ будущимъ, экономическимъ и политическимъ, придется поставить крестъ; стремленіе къ господству и расширенію, по мнѣнію автора, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ самосохраненію; надо спѣшить и не терять времени въ однѣхъ угрозахъ и дипломатическихъ препирательствахъ...

Событія не заставили себя ждать.

2. Бисмаркъ и балканскія государства.

Политика Бисмарка по отношенію къ балканскимъ государствамъ въ глазахъ русскаго общественнаго мнѣнія и русской прессы — даже и прогрессивной — обыкновенно представляется австро-фильской. Господствующій взглядъ таковъ: Бисмаркъ, съ цѣлью вознаградить Австрію за утрату ею вліянія на нѣмецкія государства, развязалъ ей руки по отношенію къ балканскимъ народностямъ и обѣщалъ ей въ этомъ свое полное содѣйствіе. Сохраненіе добрыхъ отношеній съ Россіей было только дипломатической хитростью со стороны Бисмарка, который хотѣлъ отвлечь вниманіе русскихъ дипломатовъ отъ угрожающаго положенія, занятаго австро-германскимъ (позднѣе тройственнымъ) союзомъ по отношенію къ Россіи. Съ этой точки зрѣнія австрійцы должны были быть вполнѣ довольны ролью, которую Бисмаркъ игралъ въ балканскомъ вопросѣ. На самомъ дѣлѣ это было не такъ, и у австрійцевъ также было много поводовъ жаловаться на балканскую политику Бисмарка. Политика Бисмарка была двуличной не только по отношенію къ Россіи, и за показно-открытымъ тономъ его дружественныхъ дипломатическихъ заявленій, за излюбленной имъ ролью «честнаго маклера» всегда скрывалось извѣстное дипломатическое «себѣ на умѣ», которое давало себя знать всѣмъ, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло Бисмарку, — въ томъ числѣ и Австріи. Въ этомъ отношеніи значительный интересъ представляетъ статья, напечатанная въ вѣнскомъ журналѣ «Oesterreichische Rundschau» (15. März, 1914, — Band XXXVIII, Heft 6) Theodor'омъ von Iosnosky и освѣщающая балканскую политику Бисмарка, на основаніи цѣлаго ряда сравнительно недавно опубликованныхъ и по большей части неизвѣстныхъ русской публикѣ документовъ, съ австрійской точки зрѣнія.

Авторъ прежде всего указываетъ, что Бисмаркъ всегда подчеркивалъ различіе интересовъ Германіи и Австро-Венгріи. Даже въ рѣчи, которую онъ произнесъ въ рейхстагѣ 11 января 1887 г., онъ прямо заявилъ, что изъ-за балканскихъ дѣлъ не станетъ ссориться съ Россіей. «Что такое для насъ Болгарія?»— воскликнулъ онъ пренебрежительно,—«для насъ совершенно безразлично, кто правитъ въ Болгаріи и что будетъ съ Болгаріей. Весь восточный вопросъ для насъ отнюдь не вопросъ войны. Мы не позволимъ никому держать насъ на привязи, чтобы поссорить насъ съ Россіей. Дружба Россіи для насъ гораздо важнѣе дружбы Болгаріи и всѣхъ болгарскихъ друзей, которые существуютъ у насъ въ странѣ».

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ Бисмаркъ заявилъ Криспи, итальян-

скому премьеру, что не нужно мѣшать русскимъ въ завладѣніи Константинополемъ, потому что обладаніе турецкой столицей можетъ только ослабить Россію. Криспи, однако, высказался противъ этого, потому что, по его мнѣнію, тогда Россіи будетъ обезпечено господство надъ всѣмъ Востокомъ и даже надъ Европой [1]). Вообще мысль о предоставленіи Россіи Константинополя довольно прочно засѣла въ головѣ Бисмарка; неизвѣстно, говорилъ ли онъ объ этомъ съ австрійскими министрами, но въ своихъ мемуарахъ [2]) онъ пишетъ объ этомъ планѣ довольно подробно. «Я думаю», говоритъ онъ тамъ, «что для Германіи могло бы быть полезно, если бы русскіе тѣмъ или инымъ путемъ, силой или дипломатическими переговорами, укрѣпились бы въ Константинополѣ и защитили бы его. Мы бы не были тогда болѣе въ положеніи гончей собаки, услугами которой пользуется Англія и, при случаѣ, также Австрія въ борьбѣ противъ русскихъ притязаній на Босфоръ... Также и для австрійской политики было бы правильнѣе быть свободной отъ воздѣйствій венгерскаго шовинизма до тѣхъ поръ [3]), пока Россія займетъ позицію на Босфорѣ и благодаря этому значительно усилятся ея нелады (Friktionen) съ государствами Средиземнаго моря, т.-е. съ Англіей, а также и съ Италіей и Франціей, и увеличится потребность полюбовнаго соглашенія съ Австріей. Если бы я былъ австрійскимъ министромъ, то я не мѣшалъ бы русскимъ идти въ Константинополь, но передъ ихъ выступленіемъ заключилъ бы съ ними соглашеніе. Участіе Австріи въ турецкомъ наслѣдствѣ будетъ урегулировано только въ согласіи съ Россіей, и австрійская часть окажется тѣмъ больше, чѣмъ больше сумѣютъ въ Вѣнѣ ждать и ободрять русскую политику къ дальнѣйшимъ аггрессивнымъ дѣйствіямъ». Въ дальнѣйшемъ Бисмаркъ пишетъ, что въ отношеніяхъ къ Россіи надо соблюдать очень большую осторожность. «Поле, на которое Россія могла бы распространить свои притязанія, очень широко и находится не только на Востокѣ — на счетъ Порты,—но и на Западѣ — на нашъ счетъ». Поэтому Германія должна дружить съ Россіей, но въ то же время и не допускать, чтобы Россія достигла полнаго соглашенія съ Австріей по всѣмъ вопросамъ, — иначе, при возможномъ измѣненіи отношенія Австріи къ Германіи, противъ послѣдней можетъ образоваться коалиція семилѣтней войны.

Какъ бы то ни было, изъ-за австрійскихъ интересовъ на

---

[1]) Разсказъ объ этомъ содержится въ мемуарахъ Криспи (F. Crispi, Memoiren, 223).

[2]) «Gedanken und Erinnerungen», Bd. II, 253 H.

[3]) Здѣсь имѣется въ виду застарѣлая вражда Венгріи къ славянамъ.

Балканскомъ полуостровѣ, Бисмаркъ отнюдь не желалъ ссориться съ Россіей, и въ этомъ смыслѣ мнѣніе объ австро-фильствѣ желѣзнаго канцлера должно быть ослаблено.

3. Изъ переписки Гогенцоллерновъ.

Въ майской книгѣ «Preussische Jahrbücher» помѣщена статья доктора Fritz'a Friedrich'a о принцессѣ прусской, позднѣе императрицѣ германской, Августѣ, супругѣ Вильгельма I.

Историкамъ былъ извѣстенъ далеко незаурядный обликъ этой нѣмецко-русской принцессы (она была дочерью великой княгини Маріи Павловны и великаго герцога саксенъ-веймарскаго), главнымъ образомъ, по «Мыслямъ и воспоминаніямъ» Бисмарка; но желѣзный канцлеръ далъ исключительно неблагопріятную характеристику супруги своего императора. Ихъ все раздѣляло: и политическое міровоззрѣніе, и чисто личныя симпатіи и антипатіи, и свойства характера. По словамъ Бисмарка, она всегда противилась самымъ полезнымъ и необходимымъ для блага Германіи его дѣйствіямъ: она выступала противъ его политики и въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ, и во всѣхъ трехъ войнахъ, приведшихъ къ объединенію Германіи, она была противъ его поведенія въ эпоху конфликта, противъ «культуркампфа», противъ исключительныхъ законовъ, касающихся соціалистовъ. Кромѣ того, она боролась съ нимъ по всѣмъ личнымъ вопросамъ, которыми такъ обильна была ихъ долголѣтняя жизнь. Въ мемуарахъ Бисмарка императрица Августа рисуется, какъ покровительница всего иностраннаго, лишенная національнаго чувства, съ явнымъ пристрастіемъ къ католицизму, какъ человѣкъ, не умѣвшій подчинить свои личныя чувства соображеніямъ государственнаго интереса; онъ ставитъ ей въ упрекъ и ея расплывчатый либерализмъ, и доктринерство въ вопросахъ реальной политики, и ея общенѣмецкій патріотизмъ въ ущербъ патріотизму прусскому. Отъ политическаго противника покойной императрицы и притомъ столь импульсивнаго, какъ Бисмаркъ, конечно, трудно было бы и ожидать безпристрастнаго приговора, но многія сужденія о ней и историковъ, и прессы, и даже біографовъ [1]) были основаны на мемуарахъ Бисмарка. Въ совсѣмъ недавнее время (1912 г.) появился новый источникъ для сужденій объ Августѣ— именно, ея письма къ матери и къ мужу, и отвѣты Вильгельма къ ней; и этотъ источникъ даетъ рядъ очень существенныхъ коррективовъ къ взглядамъ Бисмарка. Пока вышелъ первый

[1]) Біографія H. von Petersdorff'a.

томъ писемъ, касающійся первыхъ 21 года замужества Августы—вплоть до 1850 г., и авторъ статьи, на основаніи разбора этихъ писемъ, пытается дать безпристрастную характеристику ея личности.

Женитьба Вильгельма на саксенъ-веймарской принцессѣ Августѣ была дѣломъ не любви, а политическаго расчета; его сердце принадлежало княжнѣ Элизѣ Радзивиллъ, и къ своей женѣ онъ питалъ только уваженіе и дружескія чувства; въ письмахъ къ ней до свадьбы онъ неизмѣнно обращается къ ней на «вы»; письма послѣ свадьбы также дышатъ холодностью, что отражается также и на подписяхъ («dein treuster Freund W., dein treuester W. или просто dein W.). Совсѣмъ инымъ было первое время отношеніе молодой принцессы къ своему мужу; она вышла замужъ, когда ей еще не было полныхъ 18 лѣтъ, и любила Вильгельма со всей горячностью, на которую только былъ способенъ ея пылкій темпераментъ [1]). Обычное обращеніе ея къ нему—это «geliebter Wilhelm; себя она называетъ—«твоя маленькая», а въ подписяхъ—иногда даже патетически «на вѣки твоя Августа». Она постоянно его спрашиваетъ, попрежнему ли онъ хорошъ къ ней, горюетъ, что не можетъ провести вмѣстѣ съ нимъ вторую годовщину ихъ свадьбы; она пишетъ, что не можетъ переступить порога его комнаты, потому что ей слишкомъ тяжело видѣть ее пустой. Въ одномъ письмѣ (отъ 10 іюня 1831 г.) она говоритъ: «твое счастье и твое достоинство такъ же близки моему сердцу, какъ и потребность въ твоей любви. О, если бы я могла пріобрѣтать ее во все бо́льшей мѣрѣ и заложить основаніе въ этотъ вновь начинающійся годъ къ болѣе тѣсному отношенію, которое... связало бы и соединило наши души навѣки».

Лѣтъ черезъ десять это отношеніе къ мужу стало измѣняться, и уже въ началѣ 40-хъ годовъ въ ея письмахъ замѣтны другія ноты. Въ одномъ письмѣ (отъ 29 іюня 1842 г.) она проситъ у мужа уже не любви, а только уваженія и довѣрія, и тонъ письма звучитъ печальной покорностью судьбѣ. Нѣсколько позднѣе встрѣчаются уже и прямыя жалобы на его раздражительность и частое дурное расположеніе духа; она сознается, что домашняя жизнь приноситъ ей мало отрады, что ей тяжело и трудно жить. Въ письмѣ отъ 24 мая 1850 г. она пишетъ: «я неописуемо страдала и всѣ силы моей души были смертельно оскорблены». А тремя годами раньше она кончаетъ свое письмо къ мужу такими патетическими словами: «когда-нибудь—о, если бы это не было слиш-

---

[1]) Біографъ Августы, Петерсдорфъ, по мнѣнію автора нашей статьи, ошибочно считаетъ холодность молодыхъ супруговъ взаимной.

комъ поздно—ты убѣдишься въ истинѣ, и тогда ты простишь мнѣ, какъ я теперь прощаю тебѣ все, что перестрадала».

Причиной того, что семейный миръ между супругами все болѣе нарушался, помимо холодности Вильгельма, были и ихъ политическія несогласія. Августа довольно живо интересовалась политическими вопросами; природа не отказала ей въ умѣ и сообразительности, и даже Гёте и Вильгельмъ фонъ Гумбольдъ признавали въ ней довольно богато одаренную натуру. Ея интересъ къ политикѣ совпадаетъ съ вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV (1840 годъ), но особенно, конечно, онъ проявился въ «безумный» 1848 годъ. Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ утверждаетъ даже, что, когда въ мартѣ 1848 г. принцъ Вильгельмъ принужденъ былъ бѣжать, какъ представитель реакціонной партіи, изъ Пруссіи, она хлопотала о престолѣ для своего сына и о регентствѣ для себя, но въ письмахъ Августы это не находитъ рѣшительно никакого подтвержденія. Наоборотъ, самъ Вильгельмъ признаетъ, что во время его отсутствія она всѣми силами старалась помирить съ нимъ общественное мнѣніе Пруссіи и «работала» въ его пользу. О томъ же самомъ и она сама пишетъ своей матери, великой герцогинѣ Маріи Павловнѣ, съ которой она была вообще очень откровенна. Это, конечно, не исключаетъ возможности, что въ извѣстныхъ кругахъ (либеральныхъ) прусскаго придворнаго общества существовало стремленіе, въ случаѣ отреченія отъ престола Фридриха Вильгельма IV, объявить ее регентшей; но сама она едва ли относилась сочувственно къ этому плану.

Какъ бы то ни было, различіе въ политическихъ убѣжденіяхъ между Августой и Вильгельмомъ было велико. Въ вопросахъ внутренней политики Августа была либеральна. Въ одномъ письмѣ къ ней Вильгельма, написанномъ незадолго до мартовской революціи (2 іюля 1847 г.), есть такое любопытное мѣсто. Вильгельмъ узналъ, что французскій посланникъ Брессонъ въ депешѣ къ своему правительству писалъ: «если принцъ Вильгельмъ станетъ когда-нибудь во главѣ правленія, то принцесса будетъ стараться, чтобы Пруссія получила конституцію». Сообщая объ этомъ своей женѣ, Вильгельмъ прибавляетъ: «это достаточно доказываетъ, что ты уже года предана прогрессивному направленію, между тѣмъ какъ я принадлежу консервативному». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ, что считаетъ обязанностью короля «сохранить Пруссію отъ конституціи». По его мнѣнію, даже и ландтагъ долженъ находиться въ покорности королевской волѣ, и король имѣетъ право наказывать непокорныхъ депутатовъ. Августа, наоборотъ, всегда была противъ суровыхъ и рѣзкихъ

мѣръ по отношенію къ подданнымъ. Она писала (іюнь 1847 г.), что смѣлая защита честныхъ политическихъ убѣжденій болѣе полезна для отечества, чѣмъ вынужденное послушаніе правительству. Она вѣрила въ силу идей и говорила, что только тѣ могутъ совершать великія дѣла, кто умѣетъ подчинить свою дѣятельность идеальнымъ цѣлямъ и открыть каналы для разносторонняго проявленія идеальныхъ склонностей (10 мая 1849 г.). Но при всемъ томъ ея либерализмъ отличался крайней умѣренностью. Она не признавала парламентаризма и не допускала мысли, чтобы исполнительная власть могла подчиниться законодательной; о прерогативахъ королевской власти она была очень высокаго мнѣнія. «Укрѣпляй права короны,—писала она мужу,—на нерушимомъ базисѣ національной силы и содѣйствуй, насколько это можно сдѣлать безъ принужденія (freiwillig), благосостоянію дорогого отечества посредствомъ справедливаго исполненія общихъ желаній». Въ сущности это было повтореніемъ основной доктрины нѣмецкаго либерализма, съ которымъ Августа была, очевидно, хорошо знакома и по которому сущность конституціи заключается въ томъ, чтобы сильная государственная власть дѣйствовала въ согласіи съ легально выраженной волей народа. Но когда ей пришлось столкнуться съ революціоннымъ движеніемъ на практикѣ, ея умѣренность пошла еще дальше, и она въ значительной мѣрѣ приблизилась къ консервативнымъ кругамъ. По отношенію къ революціи 1848 года она не хотѣла слышать ни о какихъ уступкахъ и непосредственно вслѣдъ за революціей писала (октябрь 1848 г.), что теперь нуженъ «трезвый государственный дѣятель, который бы, охраняя на законномъ основаніи права короны, ускорилъ обсужденіе конституціи и не избѣгалъ серьезнаго конфликта съ демократической партіей...» Къ октроированной въ декабрѣ 1848 г. конституціи она отнеслась явно враждебно, находя ее архи-либеральной; по ея мнѣнію, по этой конституціи нельзя управлять страной, потому что она даетъ слишкомъ много правъ и свободы народу, что представляетъ очень большую опасность. Когда-же избирательный законъ былъ измѣненъ въ консервативномъ духѣ, и въ новой палатѣ, созванной на основѣ этого закона, получили перевѣсъ умѣренныя партіи, Августа выразила по этому поводу чувство глубокаго удовлетворенія. «Теперь,—писала она,—палата депутатовъ признала Пруссію такой, какой она есть и какой только и можетъ быть по своей природѣ, именно монархическимъ (хотя и конституціоннымъ) военнымъ государствомъ».

Характерно ея отношеніе къ имперской конституціи, выработанной франкфуртскимъ парламентомъ. У членовъ парламент-

ской депутаціи, представлявшейся прусскому королю въ апрѣлѣ 1849 года, осталось такое впечатлѣніе, что супруга наслѣднаго принца была крайне сочувственно расположена къ конституціи. Такого же мнѣнія держится и біографъ Августы фонъ Петерсдорфъ. На самомъ дѣлѣ, какъ это доказываютъ и разбираемыя теперь письма Августы и ранѣе опубликованная ея переписка съ либеральнымъ княземъ Карломъ Лепнингеномъ, это было совсѣмъ не такъ. Она не была согласна съ конституціей ни въ мелочахъ, ни по существу. По ея мнѣнію, широко демократическій избирательный законъ и признаніе за центральнымъ правительствомъ права лишь отсрочивающаго veto представляютъ изъ себя камни преткновенія, о которые разбиваются законныя прерогативы королевской власти. Стремленіе парламента присвоить себѣ суверенныя права вызываетъ въ ней самое горячее осужденіе. Она была даже недовольна титуломъ императора и предпочитала ему титулъ «защитника и охранителя» (Schutz und Schirmherr) или «наслѣдственнаго имперскаго намѣстника» (Erb-Reichsstaashalter). При этомъ характерно, что изъ ея устъ по адресу франкфуртской конституціи прозвучалъ тотъ же упрекъ, который позднѣе сдѣлался общимъ мѣстомъ и даже вошелъ въ учебники: «конституція была дѣломъ теоріи и, какъ таковая, не имѣла въ себѣ никакой жизненной силы. Она носитъ на себѣ печать политической незрѣлости и національнаго разъединенія»... Авторъ статьи справедливо заключаетъ, что если теперь такое сужденіе стало избитымъ, то въ то время высказать его—значило обладать довольно значительной политической прозорливостью.

Но тѣмъ не менѣе Августа не одобряла и отвѣтной рѣчи короля. Ей все-таки хотѣлось, чтобы изъ франкфуртскихъ засѣданій вышло что-нибудь положительное, и вмѣсто отрицательнаго отвѣта она предпочла бы услышать изъ устъ короля предложеніе новыхъ условій, которыя бы сдѣлали франкфуртскую конституцію, послѣ ряда измѣненій, пріемлемой для короля. При всей неудовлетворительности, съ ея точки зрѣнія, франкфуртской конституціи, она признавала, что «самое предпріятіе было величественнымъ, и моральный импульсъ дѣйствовалъ могущественнѣе, чѣмъ всѣ возраженія...»

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ упрековъ по адресу первой германской императрицы, который ей дѣлаютъ изъ лагеря прусскихъ патріотовъ, является упрекъ, что въ ея глазахъ величіе Германіи заслоняло величіе Пруссіи и что она предпочитала гегемонію Австріи надъ Германіей гегемоніи Пруссіи. Этотъ упрекъ въ отсутствіи прусскаго патріотизма, какъ выясняется изъ переписки Августы, рѣшительно несправедливъ, по крайней

мѣрѣ, постольку, поскольку онъ относится къ ней, какъ къ принцессѣ прусской. Не говоря уже о томъ, что она нигдѣ не говоритъ о всемірно-исторической миссіи Германіи, и что интересы Пруссіи она принимаетъ ближе къ сердцу, чѣмъ интересы Германіи, ея письма обнаруживаютъ въ ней самую горячую противницу Австріи. Она постоянно упрекаетъ Австрію въ ненѣмецкой политикѣ, называетъ ее исконнымъ врагомъ германскаго могущества и прусскихъ интересовъ и упрекаетъ короля въ «несчастномъ піэтетѣ Австріи». «Лучше всего,—пишетъ она,—относиться къ Австріи, какъ къ совершенно ненѣмецкому государству или, въ крайнемъ случаѣ, пользоваться ею только для цѣлей внѣшней политики». Поѣздка короля къ Францу-Іосифу въ Теплицъ вызываетъ въ ней самое горячее осужденіе, и даже Бисмарка она упрекаетъ въ томъ, что онъ ведетъ примирительную политику по отношенію къ Австріи (августъ 1849 г.). Она высказываетъ мнѣніе, что австрійская и прусская политика защищаютъ совершенно противоположные принципы (хотя и не выясняетъ, въ чемъ заключается ихъ противоположность), и думаетъ, что вопросъ о побѣдѣ того или другого принципа разрѣшится не мирно, а на полѣ брани. Біографъ Августы, объясняя ея разногласія съ Бисмаркомъ, полагаетъ, что она всегда была противъ политики «крови и желѣза», но какъ разъ по отношенію къ Австріи она думала, что ея споръ съ Пруссіей за гегемонію надъ Германіей разрѣшится именно кровью и желѣзомъ; это мнѣніе она высказывала за шесть лѣтъ до австро-прусской войны.

Таковы были политическіе взгляды принцессы Августы. Чѣмъ они стали, когда принцесса превратилась въ королеву прусскую, а затѣмъ и въ императрицу германскую,—покажутъ слѣдующіе томы ея переписки.

В. Перцевъ.

Францiя въ борьбѣ съ иноземнымъ нашествiемъ въ эпоху Великой революцiи. На зарѣ франко-русскаго союза.

Болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ манифестъ генералиссимуса прусской и австрійской армій, герцога Брауншвейгскаго, грозилъ смертью и разграбленіемъ всей революціонной Франціи за то, что она отказала въ повиновеніи королю Людовику XVI (25 іюля 1792). Населеніе Парижа отвѣтило на эти дерзкія угрозы штурмомъ и взятіемъ королевскаго дворца. Король былъ отрѣшенъ отъ власти и заключенъ въ Тампль. Началась война. Силы союзныхъ армій опредѣлялись всего въ 81.000 человѣкъ; съ такой арміей нельзя было завоевать Франціи: это сознавалъ

и самъ герцогъ Брауншвейгскій, но льстилъ себя надеждой, что населеніе Франціи встрѣтитъ пруссаковъ и австрійцевъ, какъ освободителей; такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрили его многочисленные французскіе эмигранты. Сперва военныя дѣйствія, какъ будто, и оправдывали радужныя надежды генералиссимуса союзныхъ войскъ: крѣпости Лонгви, Вердэнъ сдались послѣ слабаго сопротивленія; неспособный главнокомандующій французской арміей, старикъ Люкнеръ не могъ задержать наступленія враговъ. Пруссаки уже ускорили маршъ, желая проникнуть къ Шалону чрезъ Аргонскій лѣсъ. Новый главнокомандующій Дюмурье рѣшилъ сперва произвести диверсію въ Бельгію, чтобы отвлечь непріятельскія силы; но, повинуясь настойчивымъ указаніямъ изъ Парижа, предписывавшимъ прежде всего прикрыть Парижъ, онъ двинулся навстрѣчу вражеской арміи. Герцогъ Брауншвейгскій рѣшилъ обойти французовъ, и лишь находчивость Дюмурье спасла армію: онъ отступилъ за Энъ и ловкимъ маневромъ сталъ грозить тылу противника. Озадаченные этимъ маневромъ враги дали Дюмурье время стянуть подкрѣпленія. И вотъ тогда-то, 20 сентября, произошла знаменитая битва при Вальми (1792 г.), въ которой стойкость французской арміи заставила пруссаковъ отступить. Потери были невелики съ обѣихъ сторонъ: французы потеряли около 300, пруссаки менѣе 200 человѣкъ; но моральное значеніе битвы было велико: революціонная Франція заставляла съ собой считаться старыя монархіи. Во Франціи провозглашена была республика. Прусскія войска вступили въ переговоры: дизентерія опустошала ряды ихъ арміи, которая скоро отъ болѣзней и голода превратилась въ ходячій госпиталь. 22 октября 1792 года пруссаки обратно перешли границу. Республиканцы, въ свою очередь, заняли Ниццу, Савойю, двинулись на Рейнъ, завоевали Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ. Самъ Дюмурье двинулся въ Бельгію, гдѣ патріоты съ нетерпѣніемъ ждали республиканцевъ. Здѣсь, близъ Монса, Дюмурье съ 40.000 нанесъ жестокое пораженіе двадцатитысячному австрійскому корпусу—въ такъ называемомъ сраженіи при Жемаппѣ. Быстро были взяты Брюссель, Малинъ, Антверпенъ; вскорѣ вся Бельгія была въ рукахъ Дюмурье. Но казнь Людовика XVI привела къ образованію противъ Франціи коалиціи почти всѣхъ европейскихъ монарховъ. Дюмурье, разбитый въ Голландіи, измѣнилъ отечеству и передался австрійцамъ, но армію ему увлечь за собой не удалось. Вслѣдъ за тѣмъ потерпѣла пораженіе рейнская армія. Майнцъ сдался послѣ четырехмѣсячнаго геройскаго сопротивленія. Французскія крѣпости Кондэ и Валансьенъ были взяты австрійцами и вскорѣ пять непріятельскихъ

арміи въ разныхъ мѣстахъ перешли французскую границу. Но разногласія между державами и суровая энергія Конвента спасли молодую республику. Два военныхъ исполнительныхъ комитета, душой которыхъ сдѣлался неутомимый Карно, «организаторъ побѣды», совершили исполинскую работу: въ теченіе одного года (1793—1794) они организовали четырнадцать армій, общей численностью въ 1.200.000 человѣкъ, которыя не только освободили Францію, но и расширили границы ея до Рейна. Въ этой борьбѣ за родину родилась новая тактика, выросли новые побѣдоносные вожди—Массэна, Гошъ, Журданъ, Пишегрю, Моро выступили изъ мрака неизвѣстности. Невиданныя до тѣхъ поръ массы людей брошены были въ бой: съ 1792 по 1800 призвано во Франціи около 2.100.000 человѣкъ.

Для характеристики этого періода военной исторіи Франціи извѣстный военный ученый генералъ Пикаръ собралъ весьма интересный матеріалъ. Ранняя смерть помѣшала ему подвергнуть собранные документы тщательной критической разработкѣ, и лишь незначительная часть ихъ опубликована недавно въ журналѣ «Revue de Paris» («На службѣ народу». Письма волонтеровъ 1792—1798 гг. «Revue de Paris», 15 іюня 1914 г.).

Написанныя наскоро, подъ мокрымъ покровомъ солдатской палатки, между двумя стычками, при тускломъ свѣтѣ факела или догорающаго костра эти письма ярко рисуютъ душевное настроеніе молодого поколѣнія, вступившаго въ жизнь среди бурь гражданской войны и подъ угрозой непріятельскаго нашествія. Найти въ нихъ точныя даты и указанія, которыя позволили бы корректировать фактическую сторону извѣстныхъ историческихъ событій, положительно невозможно: написанныя на походѣ и наспѣхъ, письма перепутываютъ хронологическую послѣдовательность фактовъ, выдаютъ слухи за дѣйствительные факты, но при всей своей крайней субъективности, они даютъ возможность уяснить психологію французскаго солдата, доблестно отстоявшаго родную свободу и затѣмъ потрясшаго всю Европу. Большинство опубликованныхъ въ журналѣ писемъ принадлежитъ простымъ солдатамъ—волонтерамъ, одно—офицеру, одно—барабанщику; обращены они къ роднымъ: братьямъ, отцу, матери, женѣ,—и охватываютъ періодъ времени отъ сраженія при Жемаппѣ до 1794 года включительно.

Горячее вѣяніе революціи чувствуется въ приподнятомъ, иногда пышномъ и риторическомъ стилѣ, словно авторъ все еще чувствуетъ себя на трибунѣ революціоннаго клуба маленькаго родного городка: враги сплошь и рядомъ именуются «трусами», «слугами деспотизма», «рабами». Иногда письма прямо напра-

вляются къ мѣстнымъ революціоннымъ клубамъ. Такъ, два патріота изъ народнаго общества С.-Жанъ-де-Лона съ тяжелымъ чувствомъ отказываются отъ предполагавшейся пропаганды религіи разума въ Страсбургѣ и, сообщая товарищамъ, оставшимся на родинѣ, о побѣдахъ, не жалѣютъ суровыхъ выраженій при характеристикѣ «тирановъ», восхваляютъ спасительность гильотины. Но заботы о домѣ и домашнихъ неотступно преслѣдуютъ защитниковъ отечества: они безпокоятся о своевременномъ сборѣ урожая, стремятся подѣлиться съ родными скуднымъ остаткомъ своего солдатскаго содержанія и даже, описывая яркими красками свои лишенія, не рѣшаются просить матеріальной помощи.

Письма наглядно показываютъ, какъ формируется изъ молодого, неопытнаго волонтера солдатъ, умѣющій выносить испытанія съ бодрой вѣрой въ успѣхъ. Тѣмъ ярче рисуются тяжкія матеріальныя условія походной жизни: безпрерывные марши и стычки съ непріятелемъ, холодъ и голодъ. «Шесть мѣсяцевъ не раздѣваемся»,—пишетъ одинъ. «Ничего не беремъ съ собой, даже ранцевъ, кромѣ куска хлѣба, да и то не всегда». «Не о возлюбленной приходится жалѣть, а о хорошемъ глоткѣ вина». Изголодавшіеся солдаты не щадятъ чужого имущества: безъ церемоніи хозяйничаютъ и мародерствуютъ въ крестьянскихъ избушкахъ австрійской Фландріи (нынѣшняя Бельгія), утѣшая своихъ близкихъ тѣмъ, что императорскія войска вели еще хуже себя во Франціи. Но при всей выдержкѣ волонтеровъ тамъ и сямъ прорывается грустная нотка: усталый, измученный человѣкъ не прочь бы перемѣнить театръ военныхъ дѣйствій, съ жадностью подхватываетъ и торопливо сообщаетъ роднымъ слухъ о томъ, что «турки идутъ большой силой на императора и тогда наступитъ желанный миръ». Особенно велики бѣдствія солдатъ итальянской арміи (1794 годъ)—свирѣпствуетъ сильная дизентерія, и авторъ письма утѣшаетъ себя тѣмъ, что страдаетъ лишь легкой формой болѣзни. Не безъ зависти онъ упоминаетъ о товарищахъ, получившихъ выгодныя должности полковыхъ хлѣбопековъ: у нихъ двойной паекъ и порядочное жалованье.

Но отвѣтныя письма съ родины ободряютъ и поддерживаютъ устающихъ и больныхъ бойцовъ за отечество. Отецъ волонтера Р. Тиріона умудряется при полной безпорядочности почтоваго сообщенія послать сыну даже ассигнацію въ 50 франковъ, съ горячимъ призывомъ не унывать и храбро отстаивать семью и отечество отъ «сателлитовъ деспотизма».

Несмотря на всѣ лишенія, героическая стойкость молодыхъ волонтеровъ непоколебима; они сознаютъ всю важность современнаго политическаго положенія и не жалѣютъ своихъ силъ; опи-

саніе боевъ и стычекъ рисуетъ людей, твердо рѣшившихся исполнить свой долгъ до конца и убѣжденныхъ въ томъ, что они сражаются за великую идею свободы.

Такъ, 16 октября 1792 года «Гюрэ, республиканецъ-французъ и защитникъ отечества» (какъ говоритъ его подпись), съ жаромъ описываетъ нѣкоей кузинѣ знаменитое сраженіе подъ Монсомъ (собственно, при Жемаппѣ въ нынѣшней Бельгіи). Сильно укрѣпленныя позиціи не помѣшали лѣвому флангу Дюмурье сломить врага. Воодушевленіе сравняло генераловъ и солдатъ. И крикъ генерала Бернонвиля «Vive la république» кажется нашему волонтеру нѣжной музыкой. Около сраженія начинаетъ слагаться своеобразный эпосъ; нашъ волонтеръ съ увлеченіемъ разсказываетъ о товарищѣ, сраженномъ 15 ударами сабель, который умирая кричалъ: «да здравствуетъ народъ!» и все спрашивалъ: «свободны ли французы»?

Прошелъ ровно вѣкъ, и новой, третьей французской республикѣ пришлось послѣ несчастной войны съ Германіей искать союза съ Россійской имперіей.

Подготовкѣ этого союза посвящаетъ свою статью Вельшенжэ («Revue des Deux Mondes»), пользуясь для этого только что вышедшимъ вторымъ томомъ воспоминаній недавно скончавшагося извѣстнаго французскаго государственнаго дѣятеля де Фрейсинэ.

Инженеръ по образованію, уравновѣшенный, методичный математикъ, онъ еще на скамьѣ политехникума былъ застигнутъ бурными событіями 1848 года и сумѣлъ выказать ясный рѣшительный умъ и умѣнье быстро оріентироваться въ сложныхъ политическихъ компликаціяхъ. Примкнувъ къ умѣреннымъ республиканцамъ, онъ оставался вѣренъ имъ и всю послѣдующую жизнь. Слѣдомъ за второй республикой пришла вторая имперія; осторожный маленькій инженеръ устранился отъ политической жизни и посвятилъ себя спеціальной карьерѣ—скоро онъ занялъ видное мѣсто въ компаніи Южныхъ желѣзныхъ дорогъ и былъ оцѣненъ за свою дѣловитость высшей бюрократіей Луи-Наполеона III. Но грянула несчастная война 1870—71 года,—на развалинахъ монархіи выросла третья республика. Фрейсинэ примыкаетъ къ Гамбеттѣ и становится его вѣрнымъ пособникомъ и помощникомъ. Когда Гамбетта на воздушномъ шарѣ покинулъ осажденный Парижъ и спустился въ Турѣ, Фрейсинэ дѣлается правой рукой знаменитаго оратора въ организаціи національной обороны разоренной и разбитой нѣмцами Франціи. Но миновали тяжелые дни 1871 года, и Фрейсинэ снова въ ряду близкихъ сотрудниковъ Гамбетты. Попрежнему онъ остается уравновѣшеннымъ, не любящимъ крайностей человѣкомъ; по-

средственный ораторъ, но зато дѣловитый практикъ, искусный организаторъ, словомъ прекрасный политическій актеръ на вторыя роли. Скромнаго и умѣреннаго политика уважаютъ и монархисты, мечтающіе о новой реставраціи Бурбоновъ и республиканцы. Вскорѣ среди бурныхъ событій перваго періода молодой республики онъ выдвигается какъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ кандидатовъ въ многочисленныя и скоропреходящія коалиціонныя министерства. Слѣдомъ за тѣмъ приходитъ и премьерство. И Фрейсинэ долго, вплоть до девяностыхъ годовъ XIX вѣка, игралъ видную роль среди оппортунистическаго кабинета третьей республики. Во второмъ и послѣднемъ томѣ воспоминаній покойнаго оппортуниста особенно интересны тѣ страницы, которыя посвящены основанію франко-русскаго союза.

По мнѣнію Вельшенжэ, вмѣшательство императора Александра II, который вмѣстѣ съ англійской дипломатіей помѣшалъ Пруссіи снова раздавить Францію въ 1875, и жестокій ударъ, нанесенный русскому самолюбію Берлинскимъ конгрессомъ, способствовали политическому сближенію двухъ державъ.

Уже канцлеръ Горчаковъ дружественно относился къ Франціи, не переставая повторять французскимъ политикамъ: «будьте сильны, очень сильны!» Но отношенія налаживались довольно медленно, и въ 1884 году Бисмаркъ искусно сумѣлъ перебить дорогу французскимъ дипломатамъ, заключивши съ Россіей извѣстный перестраховочный трактатъ срокомъ на 6 лѣтъ. Французскіе займы 1888 — 1889 годовъ сблизили правящія сферы Франціи и Россіи. Министры Фрейсинэ, Рибо, Констанъ, французскіе посланники въ Россіи Лабулэ и Монтебелло направили тогда всѣ усилія, чтобы закрѣпить сближеніе двухъ государствъ.

Фрейсинэ прежде всего сумѣлъ снискать довѣріе и расположеніе русскаго посланника, барона Моренгейма, искусной поддержкой Россіи въ болгарскомъ и румелійскомъ вопросѣ. Опубликованіе текста оборонительнаго соглашенія, заключеннаго въ 1875 году между Германіей и Австро-Венгріей, подвинуло впередъ франко-русское сближеніе. Напрасны были всѣ усилія германскаго посланника, графа Мюнстера, большого руссофоба и убѣжденнаго франкофила. «Что васъ толкаетъ къ сближенію съ Россіей?», говаривалъ онъ, «вѣрьте мнѣ, ничего добраго не приходитъ съ востока». Фрейсинэ осторожно отвѣчалъ нѣмецкому дипломату, что Франція вполнѣ естественно ищетъ противовѣса тройственному союзу. Напрасно Мюнстеръ увѣрялъ, что тройственный союзъ не угрожаетъ Франціи: «Вы, воинственная нація, нападете на насъ, если сумѣете опереться на Россію».

Фрейсинэ настаивалъ на необходимыхъ мѣрахъ предосторожности, особенно въ виду вступленія на престолъ новаго императора, Вильгельма II. «Разувѣрьтесь же», вмѣшивалась въ разговоръ дочь Мюнстера, графиня Марія, «я знаю Вильгельма. Я часто играла съ нимъ въ дѣтствѣ. Онъ очень религіозный человѣкъ. Никогда онъ первый не начнетъ войны».

Но старый дѣятель 1871 года не сдавался. Онъ сообщилъ свои планы Рибо, который оцѣнилъ ихъ по достоинству. Нужно было перейти къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Русскій посолъ баронъ Моренгеймъ не скрывалъ, что явился во Францію съ цѣлью серьезнаго сближенія обѣихъ державъ. 11 марта 1891 года великій князь Николай Николаевичъ захотѣлъ самъ видѣть Фрейсинэ. Онъ высказалъ горячій интересъ къ французской арміи и заявилъ: «если у меня будетъ голосъ въ совѣтѣ, обѣ арміи будутъ дѣйствовать заодно въ военное время. И это, разъ оно будетъ хорошо извѣстно, помѣшаетъ войнѣ, ибо никто не посмѣетъ посягнуть на союзныя Францію и Россію. Вотъ что я повторяю въ своей семьѣ». Его послѣдними словами были: «Франція имѣетъ во мнѣ друга».

Суровыя мѣры французскаго правительства противъ русскихъ эмигрантовъ снискали ему расположеніе императора Александра III, который съ удовлетвореніемъ замѣтилъ однажды: «Во Франціи есть правительство».

Прибытіе въ Кронштадтъ эскадры адмирала Жервэ (25 іюля 1891 года) послужило поводомъ къ шумнымъ манифестаціямъ. Оставалось перевести все это на дипломатическій языкъ. 27 августа 1891 года, при ближайшемъ участіи Рибо, Фрейсинэ, русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Гирса, пословъ русскаго Моренгейма и французскаго Лабулэ, было заключено окончательное соглашеніе. Оно предписывало общее дѣйствіе двухъ державъ, но не регулировало способа и условій. Необходимо было дополнить его военной конвенціей. Всѣ усилія французскихъ политическихъ дѣятелей направились къ этой цѣли. Сперва они осторожно зондировали почву чрезъ датскаго публициста Юлія Ганзена, имѣвшаго доступъ въ Фреденсборгъ (Данія), гдѣ гостилъ императоръ Александръ III. Императоръ сочувственно отнесся къ докладной запискѣ Фрейсинэ, переданной ему чрезъ Ганзена и князя Оболенскаго. Конецъ 1891 года, 92 и 93 прошли въ оживленныхъ переговорахъ между Гирсомъ и Моренгеймомъ съ одной стороны, Фрейсинэ и Рибо съ другой. Несмотря на смѣну министерствъ во Франціи, Фрейсинэ, по настоянію президента Карно, сохранилъ портфель военнаго министра, тѣмъ болѣе, что русскій посланникъ въ разговорѣ съ

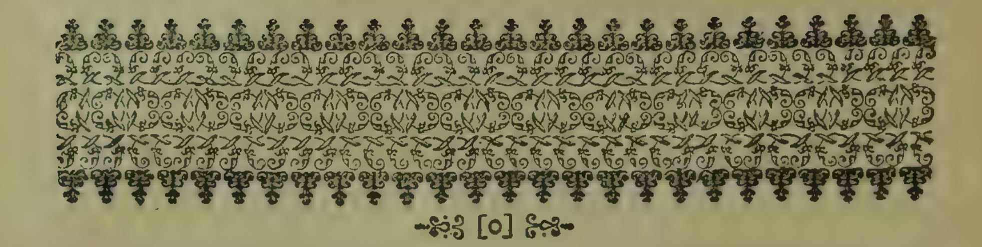
нимъ высказалъ: «Императоръ не любитъ новыхъ лицъ. Если вы уйдете, онъ отложитъ свое рѣшеніе на болѣе долгое время». Наконецъ генералъ Буадеффръ 1 августа 1892 года прибылъ въ С.-Петербургъ на лѣтніе маневры съ проектомъ военной конвенціи. Проектъ этотъ былъ одобренъ по существу императоромъ Александромъ III, который самъ сообщилъ объ этомъ генералу Буадеффру. Но выходъ изъ министерства Фрейсинэ и Рибо снова замедлилъ окончаніе дѣла. Прибытіе въ октябрѣ 1893 года въ Тулонъ русской эскадры адмирала Авеллана снова подало поводъ къ дружественнымъ манифестаціямъ. Адмиралъ увѣрилъ Фрейсинэ, что дѣло идетъ только о простыхъ формальностяхъ. Германскій посолъ графъ Мюнстеръ напряженно слѣдилъ за ходомъ франко-русскаго сближенія и продолжалъ предостерегать Фрейсинэ, увѣряя его, что франко-русское соглашеніе повлечетъ европейскую войну вслѣдствіе воинственнаго настроенія французовъ. Фрейсинэ всячески успокаивалъ встревоженнаго дипломата, завѣряя его, что соглашеніе съ Россіей—залогъ мира. Большіе маневры 1892 года во Франціи произвели глубокое впечатлѣніе на русскаго военнаго агента, который не замедлилъ сообщить о состояніи французской арміи своему правительству.

Наконецъ, въ концѣ 1893 г. подписана была давно подготовленная конвенція Франціи съ Россіей, въ министерство Казимира Перье, который принялъ портфель иностранныхъ дѣлъ.

А. Васютинскій.

Поправка: Въ обзорѣ г. Васютинскаго въ № 8 въ примѣчаніи на стр. 205 напечатано: «министры Генриха XIV», надо: «министръ Генриха IV».

[o]

1794 годъ.

Владиславъ Реймонтъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИНСУРРЕКЦІЯ.

ГЛАВА II.

Стояла чудная погода. Мягкая тишина нагрѣтаго солнцемъ угасающаго сентябрьскаго дня была напитана запахомъ увядающихъ цвѣтовъ. Поля, покрытыя прозрачной паутиной бабьяго лѣта, оглашались неумолчнымъ стрекотомъ кузнечиковъ. Съ пастбищъ доносились голоса возвращающагося домой скота. Въ голубой дымкѣ покрытыхъ кое-гдѣ бѣлыми облаками небесъ тянулись стаи журавлей. Ихъ прощальный крикъ порождалъ тихую грусть неосуществившихся желаній. Вся прелесть развертывавшейся передъ глазами картины цѣлебнымъ бальзамомъ переполняла человѣческое сердце и заставляла его самого низко склониться передъ величіемъ и щедростью природы.

На Кракусовицкомъ холмѣ, гдѣ, по преданію, схороненъ былъ прахъ сына Кракуса, убитаго роднымъ братомъ, подъ тѣнью высокаго дуба и раскидистыхъ липъ, гордо поднимавшихся своими пышными вершинами, сидѣлъ мужчина. Трудно было опредѣлить его возрастъ. Станъ его былъ еще строенъ, движенья быстры; черные волосы пышными кудрями ниспадали на воротникъ сюртука табачнаго цвѣта. Но худощавое лицо его было покрыто густыми бороздами морщинъ, слѣдовъ тяжело прожитыхъ годовъ. Въ очахъ его свѣтилась необыкновенная нѣжность и доброта.

Въ глаза бросались его короткій горбатый носъ и необыкновенно широкій ротъ, скрашенный постоянно доброй усмѣшкой.

На столѣ передъ незнакомцемъ разложена была карта, и онъ то здѣсь, то тамъ отмѣчалъ на ней мѣста булавками съ голубыми и красными головками. Но часто его, глубокій мудрый

взоръ обращался къ чудной, развертывавшейся передъ нимъ картинѣ.

Холмъ былъ высокъ, и съ него открывался широкій видъ на окрестности вплоть до далекихъ Татръ, которыя далеко толпились своими гранатнаго цвѣта вершинами, увѣнчанными вѣчными снѣгами. Но сидѣвшій не замѣчалъ ихъ, погрузясь въ глубокое раздумье. Вѣтерокъ зашелестѣлъ въ разложенныхъ передъ нимъ бумагахъ. Онъ очнулся, бросилъ взглядъ на садъ, расположенный по склону холма, и, какъ скатерть, расцвѣченный желтыми пятнами яблонь и фіолетовыми купами сливъ; перевелъ взоръ на долину, гдѣ, причудливо извиваясь, серебрились воды рѣчонки Равы, но, казалось, ничего не видѣлъ. Какія-то тѣни проходили по лицу его, то тревога бороздила чело, то неожиданный проблескъ надежды оживлялъ взглядъ, то внезапный гнѣвъ сверкалъ молніями изъ очей, и онъ хватался за саблю.

Неожиданно около него, какъ изъ земли, выросла маленькая дѣвочка и, поклонившись, рѣшительно сказала:

— Мамуся проситъ закусить.

— Какъ тебя, дѣтка, зовутъ?—Онъ добродушно взялъ дѣвочку за руку.

— Магдуся!—Голосокъ у ребенка былъ чистый, какъ стекло, глаза голубые, волоса, какъ ленъ. Дѣвочкѣ было лѣтъ восемь.

Они пошли къ усадьбѣ, расположенной въ концѣ сада среди громадныхъ лиственицъ и кленовъ, уже окрашенныхъ осеннимъ пурпуромъ.

Усадьба была старая, вросшая въ землю. Дворъ покрывала старая, позеленѣвшая отъ ветхости, деревянная, мѣстами заплатанная крыша. Туча бѣлыхъ голубей вилась надъ дворомъ.

— Рафаилъ!—закричалъ незнакомецъ въ одно изъ открытыхъ оконъ.

— Къ вашимъ услугамъ, генералъ!—отозвался изъ глубины комнаты низкій басъ.

— Здѣсь я Милевскій, и прошу пана поручика помнить это,—прошипѣлъ тотъ, подозрительно осматриваясь кругомъ.

Въ низкой огромной столовой, выбѣленной известкой и заставленной старинной мебелью, приготовленъ былъ кофе. Вошедшихъ встрѣтила старая, словно обросшая мохомъ, старуха, гурьба дѣтей съ гувернеромъ, застѣнчивымъ молодымъ человѣкомъ со взъерошенными волосами, и сама хозяйка, пани Яворская, дама въ расцвѣтѣ лѣтъ, пышная и болтливая. Она пригласила гостей къ столу, а сама стала отчитывать дѣтей, носившихся по комнатѣ. Досталось и гувернеру, а потомъ строгая пани обрушилась на отсутствующаго мужа.

— Сейчасъ послѣ обѣда взялъ ружье и ушелъ въ поле! Возвратится развѣ ночью!

— Онъ, очевидно, присматриваетъ за пахарями около лѣса!— вступился за хозяина Рафаилъ Коллонтай, товарищъ Костюшки.—Недавно оттуда слышны были выстрѣлы.

— Бражничаетъ себѣ съ сосѣдями въ Гдовѣ, а на разсвѣтѣ привезутъ!—воскликнула пани Яворская, какъ вдругъ на порогѣ, наперекоръ ея заявленію, легокъ на поминѣ, появился супругъ.

Панъ Яворскій, великолѣпный мужчина, былъ столь веселаго нрава, что, несмотря на свою воинственную наружность, тутъ же, на порогѣ разразился такимъ смѣхомъ, что его лохматые, какъ кудель, усы такъ и запрыгали. Сунувъ буфетчику сумку, наполненную куропатками, панъ вѣжливо поздоровался съ гостями и усѣлся на свое мѣсто. Отодвинувъ отъ себя кофе, онъ съ воодушевленіемъ протянулся за водкой и придвинулъ къ себѣ миску, наполненную кусками ветчины.

— Грѣшный человѣкъ не употребляю этой модной микстуры, Мать Пресвятая Богородица. Я, Анночка, задержался дольше, чѣмъ предполагалъ; простите мнѣ, господа; встрѣтился съ сыномъ чесника, Мацейовскимъ,—слово за слово не замѣтили, какъ и время пролетѣло. Мацейовскій разсказалъ мнѣ такія штуки про сына Подляскаго воеводы Гоздзскаго, что я чуть со смѣху не лопнулъ, Мать Пресвятая Богородица!—Тутъ онъ хлопнулъ третью рюмку водки и закусилъ изряднымъ кускомъ колбасы.

— Навѣрно что-нибудь непристойное,—стыдливо прошептала пани Яворская.

— Видишь ли, Гоздзскому понравилась гдѣ-то подъ Пшемыслемъ шляхтянка чудной красоты, а онъ, знаешь, бѣгаетъ за дѣвицами, какъ котъ за саломъ...

— Михась! Ихъ милость, я думаю, желаютъ знать что-нибудь объ общественныхъ дѣлахъ.—Пани Яворская процѣдила эту фразу такъ выразительно, что супругъ прикусилъ языкъ, выпилъ, для порядку, четвертую рюмку и промолвилъ:

— Ну, въ другой разъ докончу, но, я вамъ доложу, Мать Пресвятая Богородица, это такая прелесть, что можно лопнуть со смѣху.

— Съ удовольствіемъ послушаемъ, а теперь, пане, сообщи намъ, что новенькаго,—сказалъ Коллонтай.

— Не знаю, повѣрите ли, ваша милость, но по секрету говорятъ, что гдѣ-то подъ Краковымъ скрывается тотъ самый генералъ Костюшко, который воевалъ въ Америкѣ съ неграми, а потомъ прославился въ послѣдней войнѣ съ Москвой.

— Вотъ такъ штука,—захохоталъ Коллонтай, наклоняясь къ хозяину, чтобы заслонить поблѣднѣвшее лицо Милевскаго.—Эти басни я слыхалъ еще въ Радомѣ. Могли бы что-нибудь поновѣе выдумать...

— Боже Великій, Мать Пресвятая, я же не изъ пальца высосалъ, а повторяю то, что всѣ говорятъ. Что-нибудь тутъ да есть. Недѣлю тому назадъ я былъ въ Бохнѣ, и мнѣ одинъ знакомый говорилъ, что въ обозѣ генерала Видуйзкаго солдаты болтаютъ, что Костюшко поведетъ ихъ на пруссаковъ. А шпіоны Лыкошина шныряютъ за нимъ день и ночь въ окрестностяхъ Подгорья и Мыслинецъ... Я Костюшкѣ, Боже Святый, Мать Пречистая, зла не желаю, но если его поймаютъ и зададутъ ему перцу — я не заплачу...

— Онъ развѣ чѣмъ-нибудь обидѣлъ пана, что панъ его такъ ненавидитъ?—внезапно спросилъ Милевскій.

— Я никогда его и въ глаза-то не видалъ и видѣть не желаю, Боже великій, Мать единая... Это проклятый фармазонъ и безбожникъ! Слыхалъ я о немъ еще худшія вещи; самъ каштелянъ Бецкій-Зеленскій говорилъ мнѣ, что Костюшко готовится не къ войнѣ съ пруссаками, а собираетъ банды черни, возбуждаетъ хлоповъ противъ шляхты и собирается поднять во всемъ краѣ возстаніе...

— Іезусъ Марія!—возопила пани Яворская, заламывая руки.

— Все это басни, распущенныя по свѣту Лыкошинымъ,— вступился Коллонтай.

— Какъ бы не такъ! Среди крестьянства сильное волненіе; собираются по ночамъ на какія-то совѣщанія, читаютъ разные подметные листки, которые распространяются по селамъ. У меня былъ одинъ такой въ рукахъ: въ немъ говорилось о французской революціи, о правахъ человѣка, объ уничтоженіи крѣпостного права. Собственными глазами читалъ!

— У страха глаза велики, пане Яворскій,—успокаивалъ расходившагося шляхтича Коллонтай, посматривая на краснаго, какъ свекла, гувернера, который какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но сдерживался и отъ волненія грызъ ногти.

— Боже святый, Мать единая! Не дальше, какъ въ августѣ, по окрестностямъ шатался какой-то бродяга, выдававшій себя за солдата распущенной уже команды маіора Гордона изъ Опочни. Бродилъ онъ по ярмаркамъ, не скупился на обѣщанія и всюду напѣвалъ дуракамъ въ уши, что настала пора вольности и равенства. Онъ говорилъ это не отъ себя, а какъ посланецъ какой-то знатной особы. Мнѣ донесли, что онъ появился въ моей корчмѣ. Я велѣлъ его схватить, всыпалъ ему сто плетей и еще съ пылу

горячаго отправилъ къ цесарцамъ въ Тарновъ. Покажутъ ему тамъ равенство!—Панъ захохоталъ, протягивая руку за фляжкой, но заботливая рука великолѣпной супруги по дорогѣ перехватила водку. Разгнѣванный панъ Яворскій началъ стучать кулакомъ по столу и кричать.

— И если все это работа Костюшки, то, Боже великій, Мать Пресвятая, это crimen laesae patriae (измѣна отечеству). Кто поднимаетъ вооруженную руку на основные законы, кто думаетъ уничтожить шляхетскую вольность и собираетъ чернь съ цѣлью поднять сумятицу,—того трибуналъ долженъ объявить внѣ закона, лишить чести и присудить къ смерти!—панъ Яворскій гремѣлъ, сверкая глазами.

Коллонтай, раздраженный этой болтовней, барабанилъ по столу какой-то маршъ. Милевскій, уже привыкшій къ такимъ мнѣніямъ пановъ-шляхты, насмѣшливо улыбался и, обнявъ Магдусю, приглаживалъ ея взъерошенные волосы. Но вдругъ надъ столомъ выпрямился худой и длинный, какъ жердь, гувернеръ, съ маленькимъ, круглымъ лицомъ. Страшно возбужденный, бросая на Яворскаго вызывающіе взгляды, онъ быстро, быстро заговорилъ:

— Только враги народа могутъ распространять такую возмутительную клевету!

— Что, что ты сказалъ, милостивый государь?—воскликнулъ удивленный Яворскій.

— Генералъ Костюшко величайшій патріотъ, генералъ...— у юноши захватило дыханіе.

— Молчать и за двери!—проревѣлъ Яворскій, бросаясь на него съ кулаками.—Какъ ты смѣешь возвышать голосъ, болванъ! Вонъ изъ моего дома, хамъ! Ахъ, Боже великій, Мать единая, я пріютилъ его изъ милости, чтобы не издохъ съ голоду, а онъ смѣетъ мнѣ противорѣчить, возвышать противъ меня голосъ. Свинья съ пастухомъ за панибрата! За дѣтьми смотри, сморкачъ, нищій, падаль!—вопилъ Яворскій.

Къ счастью во дворѣ застучали колеса длиннаго краковскаго фургона, запряженнаго четверкой лошадей.

— Мои комиссары и арендаторы!—быстро сказалъ Милевскій.

Хозяинъ выбѣжалъ на крыльцо встрѣчать гостей, а тѣмъ временемъ Коллонтай успѣлъ шепнуть что-то на ухо юношѣ, выпроваживая его въ другія двери. Въ комнату вошли Баршъ, I. Павликовскій и капитанъ Качановскій, посланцы Варшавскаго комитета. Хозяйка пригласила ихъ къ столу. Яворскій предлагалъ имъ выпить по рюмкѣ, но они просили только позволенія отдохнуть послѣ долгой дороги. Рафаилъ Коллонтай

повелъ ихъ въ заднія комнаты. Милевскій тѣмъ временемъ вышелъ на крыльцо и, окруженный дѣтьми, началъ съ ними играть. Съ каждой минутой игра становилась все оживленнѣе. Присталъ къ нимъ черный, брюхатый песъ, любимецъ Магдуси, потомъ присоединился Заграй, любимецъ мальчиковъ, и, наконецъ, цѣлая свора дворняжекъ окружила играющихъ. Ученый дроздъ свистѣлъ надъ головами собакъ и съ крикомъ бросался на нихъ, дѣтвора хохотала, царило необыкновенное веселье. Дѣти совершенно освоились съ Милевскимъ. Магдуся потребовала сказку, и онъ разсказалъ дѣтямъ чудную сказку о жаръ птицѣ. Очарованныя дѣти такъ и затихли. Тереня поинтересовался узнать, что стучитъ въ карманныхъ часахъ. Милевскій терпѣливо показалъ. Маленькая Луня попросила, чтобы онъ поносилъ ее на спинѣ; пришлось исполнить настойчивое требованіе. Наконецъ, старшій Себастіанъ вызвалъ его на поединокъ на прутахъ. Милевскому пришлось признать себя побѣжденнымъ.

— Дѣти, не мучьте его милость,—раздавался иногда изъ окна голосъ матери, но сейчасъ же ея громкій, сердитый крикъ слышался въ другомъ концѣ дома, или гремѣлъ на дворѣ.

Уже тѣнь стала падать отъ дома. Все общество высыпало на крыльцо, посыпались шутки, зазвучалъ веселый смѣхъ. Было чудно тихо и тепло.

Дворъ раскинулся на холмѣ и передней частью былъ обращенъ на сѣверъ. Передъ глазами открывался широкій видъ: долина Вислы, необъятная Неполомицкая пуща, на ея фонѣ бѣлыя башни Станіонтскаго монастыря. А дальше виднѣлись неисчислимыя села, костелы, лѣса и поля, казавшіеся зеленовато-ржавымъ моремъ, то здѣсь, то тамъ посеребреннымъ лентами рѣчушекъ и прудовъ.

Иногда проносилось легкое дуновеніе пропитаннаго запахомъ увядшихъ листьевъ вѣтерка, доносившаго съ гуменъ глухіе удары цѣповъ; ритмически молотившихъ рожь, далекія понуканія пахарей и, Богъ вѣсть, откуда несшійся звонъ колокола.

Дѣти увлеклись игрой съ Милевскимъ: они ловили нити бабьяго лѣта и пускали эти нити летать, дуя на нихъ; неожиданно во дворъ въѣхала еще одна бричка. Изъ нея вылѣзъ Янъ Чижъ—майоръ народной кавалеріи, возвращавшійся изъ Сандоміра. Онъ сказалъ нѣсколько словъ Милевскому и прошелъ въ комнаты. Вскорѣ затѣмъ во дворъ на взмыленномъ конѣ влетѣлъ какой-то мужчина, въ высокихъ сапогахъ, полотняныхъ шароварахъ и полотняной чамаркѣ съ красными позументами. На немъ была соломенная шляпа; лицо у него было молодое, худощавое, обожженное солнцемъ, съ едва про-

бивающимися усиками. Это былъ поручикъ изъ бригады Мадалинскаго, Дземинскій. Милевскій подозвалъ его къ себѣ, несмотря на громкіе протесты дѣтей, не желавшихъ пропустить прибывшаго.

— Начальникъ, генералъ,—началъ поручикъ, подавая Милевскому толстый свертокъ бумагъ.

— Здѣсь я называюсь Милевскимъ. Я эмигрантъ, прячущійся въ цесарскихъ владѣніяхъ, а вы, панъ поручикъ, комиссаръ изъ моихъ имѣній...

— Слушаю!—поручикъ по привычкѣ отдалъ честь по военному.

Милевскій усмѣхнулся, приказалъ поручику сѣсть около себя и началъ его разспрашивать о положеніи бригады, о степени ея готовности и о настроеніи людей.

Поручикъ давалъ быстрые отвѣты и въ заключеніе горячо воскликнулъ:

— Бригада готова до послѣдняго человѣка и ждетъ только знака...

— Войска-то готовы итти на защиту родины... гораздо хуже дѣло обстоитъ со шляхтой: трудно ей все объяснить, да и не вѣрятъ...

— Кто не послушаетъ голоса долга — тотъ измѣнникъ! — гнѣвно вскричалъ поручикъ.

— Тише, тише, пане поручикъ,—успокаивалъ его начальникъ.

Онъ такъ погрузился въ полученныя реляціи, что не замѣтилъ даже, какъ дѣвка вынесла огонь.

Вышла хозяйка и пригласила всѣхъ ужинать. Милевскій отпустилъ поручика, вошелъ въ комнаты, попросилъ себѣ кофе, который онъ очень любилъ, и снова погрузился въ изученіе бумагъ и въ размышленія.

Въ столовой гулко разносился стукъ посуды. Необыкновенная веселость овладѣла всей компаніей. Первой скрипкой во всей этой кутерьмѣ былъ капитанъ Качановскій. Онъ сразу покумился со всѣмъ домомъ: въ Яворскомъ угадалъ достойнаго компаніона и хлопалъ съ нимъ рюмку за рюмкой; супругу его расположилъ къ себѣ, по всякому поводу прикладываясь къ ея пухлымъ, какъ булки, ручкамъ; бабушкѣ во время подставилъ скамеечку подъ ноги; дѣтямъ строилъ такія гримасы и продѣлывалъ съ ними такіе фокусы, что дѣтвора просто умирала со смѣха; не оставилъ онъ безъ вниманія даже прислуживающихъ дѣвокъ, такъ что и онѣ, какъ очарованныя, не спускали съ него глазъ. Все это панъ Качановскій продѣлывалъ главнымъ образомъ для того, чтобы отвлечь вниманіе отъ своихъ

товарищей, сидѣвшихъ у стола съ нахмуренными, взволнованными лицами.

Коллонтай понялъ его предусмотрительность и, уходя, шепнулъ ему на ухо:

— Забавляй ихъ подольше, хоть до утра!—а поднявшись съ мѣста, онъ громко заявилъ:— Мы позовемъ пана, когда придетъ его чередъ дать отчетъ.

Комната начальника, гдѣ всѣ собрались, была довольно обширнымъ помѣщеніемъ съ низкимъ потолкомъ, обставленная кое-какъ. На простомъ столѣ горѣло нѣсколько масляныхъ лампъ. Кромѣ того пылали огромныя, какъ факелы, восковыя свѣчи. Окна были открыты. Чистый, свѣжій, прохладный воздухъ наполнялъ комнату. Тихая сентябрьская ночь заглядывала въ окна тысячами звѣздъ.

Начальникъ самъ заперъ двери и окна, выходившія во дворъ, поставилъ Дземинскаго караулить около дома и усѣлся въ концѣ стола. Пріѣхавшіе сѣли рядомъ. Наступило долгое молчаніе; слышны были только подавленные вздохи, да потрескиванье свѣчей. Всѣ лица были глубоко серьезны: вѣдь они собрались судить и рѣшать судьбу народа.

— Мадалинскій присоединился,—объявилъ начальникъ.

— Выборная бригада полна патріотическаго духа, я видѣлъ ее дня два назадъ. Она можетъ сыграть большую роль въ возстаніи,—заявилъ Павликовскій.

— Гражданинъ-генералъ,—внезапно поднялся Баршъ,—чтобы ты былъ увѣренъ, я привожу тебѣ списокъ всѣхъ войскъ и свѣдѣнія о всѣхъ приготовленіяхъ.

— Назначай день начала возстанія,—добавилъ Чижъ.

— А болѣе удобнаго времени для начала не дождаться.

— Все общество ждетъ въ величайшемъ напряженіи.

— И санкюлоты готовы ударить на Игельстрома хоть сейчасъ.

— Дай знакъ, гражданинъ, и Варшава возстанетъ, какъ одинъ человѣкъ!—раздались голоса.

— Варшава еще не вся Польша,—холодно возразилъ начальникъ.

— Да, но такой доблестный примѣръ даже лѣнивыхъ побудитъ къ дѣятельности.

— Читай реестръ,—приказалъ начальникъ Павликовскому, котораго онъ очень цѣнилъ за его политическія письма, полныя патріотизма.

Павликовскій, по разнымъ карточкамъ, покрытымъ таинственными знаками, началъ бѣгло докладывать о количествѣ во-

оруженныхъ силъ и о степени готовности ихъ на всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой.

Реляція была изложена очень подробно: по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ. Всѣ слушали, затаивъ дыханіе. Словно сладкая музыка лилась въ ихъ сердца, оздоровляя души, зажигая перунами очи. Радостный побѣдный крикъ рвался изъ груди, кровь играла въ жилахъ, въ сердцахъ выростали крылья отъ гордой надежды на побѣду и уносили въ поднебесье. Съ маленькихъ листковъ, черезъ врата чудесъ, являлись полки за полками, гарцовали эскадроны, съ тяжелымъ грохотомъ катились пушки. Какъ могучая рѣка, неслись корпуса, дивизіи, создавалась цѣлая армія. Царственный орелъ несся впередъ, и могучая рать вступала въ кровавый бой.

— За отчизну! За отчизну!—рвался крикъ изъ тысячъ грудей и сулилъ побѣду и славу...

Позоръ неволи смытъ жертвенной кровью борцовъ.

Разбиты оковы. Побѣдно шествуетъ вѣчная воля. Счастье повсюду совьетъ себѣ прочныя гнѣзда. Доблесть торжествуетъ. Справедливость готовится взойти на тронъ.

Такія чувства родились въ ихъ печальныхъ душахъ. Такія надежды окрыляли ихъ. При чтеніи реестра Барша одна за другой текли радостныя слезы, Чижу казалось, что его берутъ на небо, Коллонтай, закрывъ глаза, представлялъ себѣ счастливые часы побѣды, и даже Павликовскій прерывалъ иногда чтеніе радостными возгласами:

— Что, жива еще наша доблесть!

— Читай, читай дальше,— подбодрялъ его начальникъ. Онъ сидѣлъ съ невозмутимымъ лицомъ, хмурый, углубившійся въ себя. На картѣ онъ отмѣчалъ мѣста, готовыя къ возстанью. Казалось, таинственная сѣть покрыла всю Рѣчь Посполитую; въ каждой петлѣ этой сѣти стоялъ избранникъ, поднимавшій въ округѣ духъ народа и слѣдившій за всѣми приготовленіями.

Именно объ этомъ и сообщали реляціи, радостно констатируя, что всѣ начинанія имѣли вполнѣ благопріятный исходъ. Войска были совершенно готовы для дѣла. Малопольская дивизія подъ Водзицкомъ первая вступила въ тайную конфедерацію на защиту отечества и двѣ ея бригады подъ начальствомъ Манжера и Валевскаго пододвинулись къ мѣстамъ расположенія непріятеля. Варшавскій гарнизонъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала дѣла.

Меньшія команды въ Любельскомъ и Подляскомъ воеводствахъ едва удавалось удержать отъ несвоевременнаго выступленія. Ясинскій въ Вильнѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сигнала. Литовскія войска также были совершенно готовы. Украинская

дивизія, расположенная въ воеводствахъ, недавно присоединенныхъ къ Россіи, хотя и была подъ строгимъ наблюденіемъ, но пылала горячей жаждой ударить на врага. Всѣ эти войска рѣшили возстать и возмущались происшедшими уже раздѣлами.

— Почему же Каменецъ не съ нами?—вздохнулъ Коллонтай.

— Чтобъ этого Злотницкаго собаки разорвали на площади!

— Положеніе Каменца очень трудное. Украинская дивизія готова принять на себя весь натискъ вражьихъ силъ, пока мы не дадимъ ей подмоги.

— Ей помогутъ казацкіе бунты въ тылу у непріятеля, партизанская война, которую начнетъ каштелянъ Морскій, а можетъ быть и турки. Есть извѣстіе, что въ этихъ провинціяхъ крестьянство возстаетъ противъ новыхъ пановъ, и все смѣлѣе уходитъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой.

— Убѣгаютъ отъ новыхъ строгихъ податей и отъ набора кантонистовъ. Никто не увѣренъ ни въ своей жизни, ни въ цѣлости имущества. Новыя власти отличаются жестокостью и мздоимствомъ, — объяснялъ Павликовскій. — Теперь настало время вернуть казачеству прежнія свободы, отмѣнить крѣпостное право и дать свободу городамъ; Богомъ клянусь, всѣ они пойдутъ съ нами на общаго врага. Если бы въ прилегающія губерніи послать эмиссаровъ съ золотыми грамотами о землѣ и волѣ — это было бы искрой, брошенной въ порохъ.

— Вопросъ этотъ ужъ обсуждался въ Лейпцигѣ—онъ встрѣтилъ много возраженій.

— Да, изъ этого могла бы возникнуть новая гайдамачина,—добавилъ Баршъ.

— Важныя соображенія велятъ намъ воспользоваться этимъ средствомъ. Зажечь такой пожаръ, чтобы непріятель долженъ былъ всѣ свои силы направить на его тушеніе, о, это было бы великолѣпно,—доказывалъ Павликовскій.

— Каштелянъ Морскій собираетъ волонтеровъ и обѣщаетъ начать въ тылу партизанскую войну.

— Казацкіе делегаты были на Онуфріевой ярмаркѣ въ Бердичевѣ. Съ ними бесѣдовалъ Дзялынскій, да ни до чего не договорились.

— Панове, возвратимся къ главному вопросу, къ назначенію дня начала возстанья,—Баршъ поднялся съ мѣста.—Окончательное рѣшеніе зависитъ отъ тебя, гражданинъ-диктаторъ. Въ твоихъ рукахъ судьба родины.

— Все готово, какъ ты сейчасъ слышалъ, — добавилъ Павликовскій.

— Скажи только слово, вся Польша ждетъ твоего рѣшенія,—воскликнулъ майоръ Чижъ.

— Веди насъ, диктаторъ!—воскликнулъ Коллонтай, сверкая глазами.

Начальникъ поднялъ на нихъ глаза, полные тоски и сомнѣній, какъ будто онъ возвращался съ Голгоѳы. Видъ у него былъ страдальческій, мертвенная блѣдность, блѣдность истощеннаго испытаніями жизни мученика, покрывала лицо его. Съ нихъ онъ перевелъ взоръ на карты, скользнулъ по листкамъ, на которыхъ отмѣчено было количество войскъ, остановился на нихъ на мгновеніе, а затѣмъ погрузился въ провѣрку всего, что сдѣлано, стараясь разгадать тайну каменнаго загадочнаго лика вѣчнаго предопредѣленія. Въ страшной борьбѣ съ собственными сомнѣніями стремился онъ подняться надъ землей, окутанной мрачнымъ покровомъ ночи, и стремился пробудить въ сердцѣ своемъ надежду, что часъ разсвѣта близокъ! Мертвящая грусть сжала сердце, и казалось ему, что голосъ его звучалъ въ пустомъ погребѣ и глухое молчаніе было отвѣтомъ.

Неужели ни одна душа не откликнется на голосъ долга?

Неужели не насталъ еще часъ воскресенія изъ мертвыхъ?

Какъ орелъ, подстрѣленный подъ облаками, безсильно падалъ онъ на мрачную землю.

Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ онъ принять рѣшенія, котораго отъ него требуютъ.

Вокругъ царятъ безмѣрное несчастье, нищета и неправда. Не встать ли на борьбу съ ними?

Не взять ли оружіемъ противъ нихъ одну доблесть. А бросить край въ страшную бурю. Развѣ это не рѣшеніе судьбы народа, судьбы милліоновъ, судьбы будущихъ поколѣній!

Пораженіе недопустимо, побѣда сомнительна!

Все сгніетъ и погибнетъ подъ обломками страшныхъ развалинъ.

Нѣтъ. Воля человѣческая родитъ героевъ. Надо побѣдить самого себя.

Надо начать крестовый походъ за самыя святыя блага человѣчества, хотя бы пришлось пасть въ неравной борьбѣ и смертью своей доказать правду, давъ лозунгъ будущимъ поколѣніямъ. Пусть встаютъ они одно за другимъ, пусть борются, пока душа народа, выкованная въ испытаніяхъ, не дастъ, наконецъ, высшаго образца доблести и мужества.

Борьба укрѣпляетъ человѣка и дѣлаетъ народы достойными свободы.

Итакъ, впередъ до конца.

Въ душѣ его бушевала буря святыхъ порывовъ, а въ мозгу сверкало ясное, какъ молніе, прозрѣніе будущаго: гекатомбы жертвъ. ужасныя страданія, море слезъ и крови, безконечныя испытанія цѣлыхъ поколѣній.

Волосы отъ ужаса становились дыбомъ, сердце чуть не разрывалось отъ боли, но онъ не смутился—тамъ гдѣ-то далеко впереди изъ потоковъ крови вставала грядущая побѣда, всеобщее счастье, благословенная эра свободы.

Слава рыцарямъ человѣчества. На ихъ прахѣ, какъ на жертвенномъ алтарѣ, зарождаются безсмертные очаги возрожденія и жизни. Онъ молился, благословляя будущихъ богатырей, въ душу его снизошло успокоеніе, и онъ ужъ зналъ, что ему дѣлать.

Себя перваго онъ приносилъ въ жертву и, радостно поднявъ крестъ свой, возвратился въ отчизну.

Когда начальникъ обратился, наконецъ, къ своимъ товарищамъ, онъ былъ похожъ на Моисея, который, спускаясь съ Синая, несъ скрижали закона. Онъ былъ полонъ огня, величія и святости.

Теперь предъ ними стоялъ вождь, который дастъ знакъ и поведетъ къ побѣдѣ.

Они чувствовали это и готовы были повиноваться всѣмъ его рѣшеніямъ.

Старые часы пробили полночь.

Чей-то скрипучій голосъ считалъ удары, падавшіе медленно и тяжело, какъ куски земли на крышку гроба. Невыразимое безпокойство охватило ихъ сердца, и съ нетерпѣніемъ ждали они конца ударовъ.

— Полночь! Наконецъ-то!—съ облегченіемъ вздохнулъ Баршъ.

Начальникъ заговорилъ.

— Возстаніе нужно отложить,—рѣшительно заявилъ онъ.

Не вѣря собственнымъ ушамъ, съ удивленіемъ смотрѣли они другъ на друга.

— Отложить до болѣе удобнаго времени. Я не могу рѣшиться такъ легкомысленно ввергнуть родину въ еще большую пучину бѣдъ.

Пораженные неожиданнымъ рѣшеніемъ, они не нашлись даже, что возразить, ихъ подавила мощь представленныхъ объясненій.

Начальникъ въ короткихъ, какъ удары сабли, словахъ, яркими штрихами обрисовалъ предъ ними недостаточность подготовки и неудобство теперешнихъ условій для начала возстанія.

— Войска,—сказалъ Милевскій,—готовы, но командный составъ, особенно высшее офицерство, никуда не годится. Нѣ-

сколько дней тому назадъ въ Тынцѣ на это же самое обратилъ вниманіе и генералъ Водунскій, который всей душей преданъ родинѣ, но, принимая во вниманіе политическія условія, находитъ, что сейчасъ не время начинать революцію. Зайончекъ изъ Варшавы пишетъ буквально то же самое и еще добавляетъ, что крестьяне повсюду очень холодно настроены, а шляхта совершенно равнодушна. Ельскій, уѣхавшій только вчера, завѣрялъ, что Литва совсѣмъ не готова къ возстанію. Нигдѣ нѣтъ достаточнаго подъема, умы не возбуждены, приготовленія только въ зачаткѣ. Отвагой немногихъ и благими пожеланіями врага не побѣдишь. Начинать возстаніе при настоящихъ условіяхъ просто немыслимо.

Возстаніе должно не только привлечь всѣ силы края, но и пользоваться полнымъ сочувствіемъ общества. Да и политическая конъюнктура неблагопріятна. Сообщенія патріотовъ изъ Дрездена и Лейпцига не оставляютъ никакихъ сомнѣній, что разсчитывать теперь на помощь расположенныхъ къ Польшѣ державъ невозможно: Турція не рѣшится на войну съ Россіей вплоть до весны. Шведы обновляютъ флотъ, дѣлаютъ новый рекрутскій наборъ и на нихъ нечего надѣяться. Вѣна, какъ будто, обѣщаетъ нейтралитетъ, пожалуй, даже нѣкоторую помощь, но, несомнѣнно, при первой же неудачѣ не упуститъ своего. А единственная вѣрная союзница Франція, готовая щедро поддержать деньгами, сама теперь находится въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Шансы прусскаго короля сильно подымаются.

Разсчитывать на активное содѣйствіе извнѣ—значило бы противорѣчить здравому разсудку. А степень подготовленности повстанцевъ и расположеніе непріятельскихъ войскъ по всему краю уничтожаютъ надежду на какой-нибудь успѣхъ. Остается только терпѣть, готовиться и работать надъ поднятіемъ патріотическаго духа.

— А тѣмъ временемъ сеймъ сдѣлаетъ постановленіе объ уменьшеніи количества войскъ, о чемъ такъ хлопочетъ Сиверсъ, войска будутъ распущены и все погибнетъ,—угрюмо пробурчалъ Чижъ.

— Возмущенные солдаты могутъ взбунтоваться, не ожидая нашего сигнала.

— Лучше пусть погибнутъ тысячи, чѣмъ весь народъ. Мое рѣшеніе твердо. Вы отвезете его въ Варшаву вмѣстѣ съ распоряженіями о дальнѣйшей дѣятельности по воеводствамъ. Самъ я пока уѣду за границу, такъ какъ Солтыко предостерегаетъ, что дальнѣйшее пребываніе мое здѣсь становится опаснымъ, когда же настанетъ время, я буду на мѣстѣ.

Всѣ начали горячо настаивать на измѣненіи рѣшенія, мо-

гущаго погубить дѣло. Если списокъ заговорщиковъ откроется, они будутъ отданы на потѣху врагамъ. Майоръ Чижъ указывалъ на полную невозможность ждать дольше. Даже Коллонтай высказывался за скорѣйшее начало возстанія. Павликовскій, одинъ изъ организаторовъ заговора, ярый якобинецъ и горячій патріотъ, всей душой преданный благу человѣчества, мрачными красками рисовалъ картину результатовъ отсрочки возстанія.

Но начальника не сломили ни ихъ горячность, ни ихъ доводы.

— Зачѣмъ ждать иного времени, когда именно теперь надо начинать,—восклицалъ Павликовскій въ величайшемъ возбужденіи.—Все готово, всѣ ждутъ только твоего сигнала, диктаторъ. Войска присягали драться и побѣдить только подъ твоимъ начальствомъ. Подъ сѣнью твоего генія всякій солдатъ станетъ богатыремъ. Твое мужество и доблесть горятъ, какъ солнце, они поведутъ насъ къ славѣ. Неужели намъ ждать помощи извнѣ. Правота нашего дѣла и любовь наша къ родинѣ дадутъ намъ побѣду. Неужели намъ бояться изъ-за того, что подлые эгоисты не стоятъ въ нашихъ рядахъ. Неужели намъ спрашивать у каждаго пана-благодѣтеля разрѣшенія спасать отчизну. Всякаго, у кого нѣтъ въ сердцѣ любви къ родинѣ, надо объявить внѣ закона и врагомъ народа. Какими же мѣрами внушить имъ сознаніе, что нужно изгнать изъ края вражьи войска...

— Конечно, кто не съ нами, тотъ противъ отчизны!—изрекъ начальникъ.

— Слова, достойныя преклоненія, —воскликнулъ въ восхищеніи Павликовскій. —Такъ, именно такъ, кто не съ нами, тотъ врагъ народа, сама природа заклеймитъ его этимъ именемъ. Пусть эти слова будутъ нашимъ лозунгомъ. Но еще разъ умоляю тебя, гражданинъ-диктаторъ, не откладывай начала возстанія,—началъ снова убѣждать начальника Павликовскій.—Народъ ждетъ тебя, какъ Мессію. Невольникъ живетъ только сладкой надеждой разбить свои оковы и сразиться съ тираномъ. Оскверненная насильниками земля ждетъ отъ тебя спасенія, на ней, на этой несчастной землѣ, торжествуютъ подлость, эгоизмъ, измѣна и тиранія. Не откладывай же дальше дня страшнаго суда и расправы. Сердца остываютъ подъ гнетомъ неволи, и отсрочки послужатъ только оружіемъ въ рукахъ враговъ народа. Одно твое имя наведетъ ужасъ на тирановъ. Доблесть твоя стоитъ цѣлой арміи. Не откладывай дня избавленія —завтра, можетъ быть, будетъ ужъ поздно. Гнету и ничтожеству надо дать быстрый урокъ. Милліоны униженныхъ, милліоны крестьянъ, обращенныхъ во вьючный скотъ, протягиваютъ къ тебѣ, нашъ вождь и

избавитель, руки съ мольбой о спасеніи!—Павликовскій говорилъ горячо, и слезы истиннаго воодушевленія, святой вѣры и жаркой любви катились по щекамъ его. Онъ вѣрилъ въ начальника, какъ въ единаго воскресителя отчизны, и всю душу свою вкладывалъ въ слова, которыя текли огненной рѣкой жаркихъ моленій. Этотъ голосъ наболѣвшей души трогалъ до слезъ, и даже начальникъ отвернулся отъ него, не желая показывать свое раскраснѣвшееся лицо. Картина мукъ родного края острой болью рѣзала его душу.

— Принятаго рѣшенія я не измѣню,— черезъ секунду промолвилъ онъ съ такой твердостью, что никто не посмѣлъ ему возражать. Но онъ пожалѣлъ грустнаго и разочарованнаго Павликовскаго и быстро сказалъ:—Я преклоняюсь передъ твоими горячими чувствами. Но мнѣ всего дороже судьба родины, изъ-за нея-то я ничего не смѣю начинать.

— Если бы ты зналъ, гражданинъ, всю горькую участь крестьянства, ты бы не откладывалъ дѣла ни на минуту. Наша обязанность дать имъ человѣческія права. Въ этихъ милліонахъ вся основа возстанія.

Начальникъ немного подумалъ.—За одну шляхту я драться не стану,— сказалъ онъ.— Я желаю воли всему народу и за нее только отдаю свою жизнь.

— Свобода на основѣ равенства и братства,—добавилъ Баршъ.

— Эти принципы уже распространяются по всему краю.

— Это надо объявить универсаломъ по всей странѣ,—горячо настаивалъ Павликовскій.

— Теперь не время для универсаловъ: шляхта запротестуетъ.

— Чтобы право было прочно, его нужно защищать мечомъ,— заявилъ Коллонтай.

— Оно должно стать сознаніемъ большинства,—закончилъ начальникъ, взглянувъ на часы.

Было уже поздно. Съ полночи прошло два часа; у всѣхъ были усталыя лица. Начальникъ отправилъ всѣхъ спать, такъ какъ выѣзжать нужно было на разсвѣтѣ. Самъ онъ отворилъ окна и двери, выпилъ холоднаго кофе и сѣлъ писать инструкціи агентамъ по воеводствамъ и письма въ Варшавскій комитетъ.

Долго въ комнатѣ ничего не было слышно, кромѣ скрипа его пера и монотоннаго тиканья часовъ; со двора доносилось пѣніе пѣтуховъ и слабые отголоски далекихъ пьяныхъ пѣсенъ.

Внезапно заскрипѣли двери и на порогѣ показалась какая-то фигура.

— Кто тамъ?—спросилъ Милевскій, хватаясь за пистолетъ.

Вошедшій повалился ему въ ноги. Онъ узналъ гувернера дѣтей Яворскаго.

— Что ты дѣлаешь? Да встань же.—Милевскій не любилъ такого униженія по отношенію къ себѣ.

— Жажду поклониться герою стараго и новаго свѣта. Жажду облобызать стопы сокрушителя тирановъ,—громко воскликнулъ гувернеръ въ экстазѣ.

— Что же тебѣ нужно?

Юноша взглянулъ на Милевскаго съ восхищеніемъ, потомъ отъ волненія разрыдался, наконецъ поднялся и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Скажи только, и я пронжу грудь свою холодной сталью. Скажи, и я брошусь въ бездну. Прикажи, и я одинъ кинусь на врага и погибну за тебя, диктаторъ!

— Откуда ты меня знаешь?—спросилъ Милевскій, заинтересованный этимъ энтузіастомъ.

— Ты и отечество для меня одно и то же!—снова началъ гувернеръ. Начальникъ, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, довольно сурово прервалъ его вопросомъ, какъ его зовутъ и зачѣмъ онъ явился.

— Яцекъ Буякъ,—отрекомендовался тотъ. Обласканный затѣмъ мягкими вопросами начальника о его жизни, онъ подробно разсказалъ, какъ Янушевичъ, секретарь Краковской академіи, послалъ его подымать духъ народа и распространять вѣсть о грядущей вольности. Съ весны онъ уже бродитъ по краю и на мѣсто гувернера дѣтей Яворскаго поступилъ исключительно въ цѣляхъ пропаганды. Въ Краковѣ онъ былъ студентомъ философіи и права, но, познавши свѣтъ системы Руссо, посвятилъ себя дѣлу проповѣди правды, борьбы съ тиранами и работѣ на благо рода человѣческаго.

— А откуда ты меня знаешь?—спросилъ начальникъ, тронутый его искренностью.

Юноша вынулъ изъ-за пазухи черный силуэтъ, наклеенный на голубоватую бумагу и показалъ Милевскому.

— Вотъ это я купилъ въ Краковѣ въ книжномъ магазинѣ Мая и ношу на груди вмѣсто креста!

Потомъ онъ началъ разсказывать бурные инциденты изъ своей жизни скромно, но со скучными подробностями. Онъ былъ горячій патріотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ярый почитатель Ж.-Ж. Руссо, изъ сочиненій котораго онъ съ молитвеннымъ благоговѣніемъ цитировалъ цѣлыя страницы. Онъ бѣгло говорилъ по-французски и имѣлъ широкія свѣдѣнія въ области общественныхъ вопросовъ, а также и исторіи. Революція была его религіей, угне-

тенный народъ его богомъ, каждый тиранъ—личнымъ врагомъ. Онъ горѣлъ, какъ спичка, но въ рѣчахъ его чувствовалась стойкость и горячая вѣра въ систему. Говорилъ онъ выспреннимъ языкомъ, любуясь цвѣтистыми оборотами, цѣликомъ позаимствованными изъ революціонныхъ сочиненій.

Трогательная наивность такъ и свѣтилась въ его порывистой рѣчи. Наружность его была комична. Худой и длинный, какъ жердь, онъ не зналъ, куда дѣвать руки. Его дѣтски-наивное лицо съ острымъ носомъ непрерывно обливалось потомъ. Доброта начальника такъ растрогала его, что нѣсколько разъ слезы начинали катиться изъ его голубыхъ, какъ цвѣты льна, глазъ. Онъ не умѣлъ даже выразить, какъ слѣдуетъ, своей безграничной преданности и казался счастливцемъ, умирающимъ отъ полноты счастья.

Начальникъ приказалъ ему придти завтра утромъ. Юноша направился было къ дверямъ, какъ вдругъ со двора донеслась пьяная пѣсня.

— Это мой хозяинъ бражничаетъ съ компаніей,—прошепталъ онъ и поспѣшно вышелъ. Но онъ не ушелъ, а, осмотрѣвшись кругомъ, движимый чувствомъ благоговѣнія къ начальнику, вынулъ изъ-за пазухи длинный кинжалъ и сталъ на стражу подъ окномъ, взирая, какъ на образъ, на склоненную надъ бумагами голову Милевскаго.

И, какъ вѣрный песъ, онъ стоялъ на часахъ вплоть до свѣта.

Лишь только появились первые проблески зарождающейся зари, а звѣзды поблѣднѣли, и мракъ ночи началъ уступать мѣсто грядущему дню, начальникъ вышелъ во дворъ.

Буякъ вытянулся передъ нимъ во фронтъ.

— Ты еще не спишь?—удивился Милевскій.

— Я ждалъ твоихъ приказаній, гражданинъ!

— Сходи на конюшню, пусть запрягаютъ,—приказалъ ему Милевскій и, обойдя домъ, заглянулъ въ открытое окно столовой, гдѣ при догорающихъ свѣчахъ шла еще молодецкая попойка. Первую роль игралъ въ ней Качановскій; онъ громче другихъ кричалъ и чаще подливалъ всѣмъ. Сидѣвшій рядомъ съ нимъ Яворскій непрерывно смѣялся и выдумывалъ все новыя здравицы. Напротивъ помѣстился какой-то монахъ съ головой, лысой какъ колѣно, со вздернутымъ носомъ и съ брюхомъ, подпиравшимъ подъ самый подбородокъ; рядомъ съ нимъ возсѣдалъ шляхтичъ въ кунтушѣ маковаго цвѣта, блѣдный, какъ полотно, съ всклокоченнымъ чубомъ и жесткими отвисшими усами. На

столѣ стояли пузатыя фляжки и гарнцы съ медомъ, а у стѣны на козлахъ были въ порядкѣ разставлены засмоленные боченки съ венгерскимъ виномъ. Босые казачки дожидали около нихъ приказа господъ.

Какъ разъ въ эту минуту Качановскій поднялся съ мѣста, оперся животомъ на столъ и замогильнымъ голосомъ затянулъ молебствіе пьяницъ.

— Начнемъ-ка, братья, звонить посудой!

— Пиво, пиво, пиво,— вторили ему товарищи, чокаясь пустыми чарками.

— Тихаго житья, короткая утѣха!

— Водка, водка, водка!—трижды проревѣли собутыльники.

— Единая причина истиннаго счастья!

— Вино, вино, вино!

— И да минуютъ насъ всякія бѣды!

— Меды, меды, меды!

Начальникъ дальше не слушалъ, онъ пошелъ въ комнаты будить спящихъ.

А пьяницы тѣмъ временемъ продолжали ревѣть безконечное молебствіе, но все тише и неразборчивѣе. Языки заплетались, сонъ клонилъ ихъ.

— Качановскій!—вдругъ прогремѣлъ въ окно голосъ майора Чижа.

Пьяный капитанъ моментально вскочилъ съ мѣста, осушилъ послѣдній стаканъ и мѣрнымъ, хоть и неровнымъ шагомъ вышелъ на крыльцо, здѣсь, увидавъ начальника со спутниками, онъ бросился къ колодцу и, скинувъ мундиръ, закричалъ паробкамъ:

— Воды мнѣ на голову! Лейте, сколько влѣзетъ!

Послѣ двухъ ведеръ онъ совершенно очухался, и черезъ нѣсколько минутъ готовъ былъ ужe въ дорогу, живой, веселый и болтливый, какъ всегда.

— Гвардейская голова больше выдержитъ, чѣмъ твой эскадронъ, майоръ!—шутилъ онъ съ Чижомъ, который ему за что-то выговаривалъ.

Начальникъ направился, было, въ свою комнату, экипажъ уже подали, какъ вдругъ на порогѣ появился Яворскій со всей своей компаніей, за нимъ шелъ казачокъ, несшій изрядную флягу меду.

— Не отпущу пановъ безъ разъѣзжей чарки!—кричалъ Яворскій, давясь отъ смѣху. Никакъ не удалось отъ него отвязаться. Онъ падалъ на колѣни, монахъ ревѣлъ, какъ теленокъ, блѣд-

ный шляхтичъ хватался за саблю; волей-неволей пришлось выпить разъѣзжую чарку. Потомъ пришлось выпить за здоровье хозяевъ и ихъ потомства, далѣе въ честь достойныхъ товарищей и сосѣдей, затѣмъ въ честь присутствующаго представителя духовенства, тамъ «kochajmysie» (возлюбимъ другъ друга) по старому дѣдовскому обычаю, а въ концѣ-концовъ, когда разгоряченный Яворскій, поднявъ бокалъ, проревѣлъ: «За общественное благо!»—неловко ужъ было отказаться.

Наконецъ, въ моментъ восхода солнца, гости уѣхали.

Пер. *В. В. Волкъ-Карачевскаго.*

Критика и библіографія.

В. И. Герье. Зодчіе и подвижники «Божьяго царства». Часть II. *Западное монашество и папство.* 334 стр. Ц. 2 р.

Исторіи средневѣковаго католицизма посвящена огромная, можно сказать, необъятная литература—и тѣмъ не менѣе основные моменты этой исторіи до сихъ поръ представляютъ проблемы, привлекающія живой интересъ и трудъ изслѣдователя. Дѣло здѣсь не только въ появленіи новаго матеріала источниковъ (столь важнаго, напримѣръ, для исторіи средневѣковыхъ ересей и религіозныхъ движеній, отчасти совершавшихся въ предѣлахъ церковной организаціи, отчасти за нихъ выходившихъ); дѣло и въ новомъ истолкованіи стараго матеріала. Какъ много еще здѣсь можетъ быть сдѣлано въ смыслѣ освобожденія отъ традиціонно-протестантскихъ оцѣнокъ, показываетъ намъ хотя бы Трельчъ.

Книга В. И. Герье, въ которую вошли дополненныя и пересмотрѣнныя его старыя статьи, представляетъ какъ бы продолженіе монографіи объ Августинѣ. При этомъ онъ, однако, настаиваетъ, что «нельзя средневѣковью приписывать августиновскаго понятія Божьяго царства (стр. 142). Грегорьянская публицистика, какъ и самъ Григорій VII, весьма мало воспользовалась Августиномъ, и концепцію послѣдняго скорѣе можно найти у противника папскихъ притязаній Вальрама Наумбургскаго; и перейти отъ чтенія писемъ Августина къ Регистру Григорія VII—все равно, что перенестись изъ одного пояса земли въ другой; языкъ ихъ, правда, одинъ и тотъ же, латинскій, но на самомъ дѣлѣ это—два языка; только звуки тѣ же, но мысли, образы и чувства иныя» (стр. 147). И если «Божье царство Августина есть образъ церкви въ ея неземномъ спиритуалистическомъ представленіи — царство, являющееся лишь странникомъ на землѣ», то «Божье царство Григорія VII—царство земной церкви, которая крѣпко владычествуетъ на землѣ, и само небо обратила въ одну изъ своихъ провинцій» (стр. 155). Это безспорно, и тѣмъ не менѣе можно ли отрицать сродство между теоріей, такъ сказать, средневѣковой теократіи и идеями Августина? Если ма-

теріализировалось представленіе о Божьемъ царствѣ, то матеріализировалась вся церковная жизнь и самый аскетизмъ. Въ исторіи мы имѣемъ дѣло не съ отвлеченными принципами, а съ ихъ конкретными воплощеніями; это подчеркиваетъ самъ В. И. Герье, доказывая невозможность видѣть въ спорѣ Бернарда Клервосскаго и Абеляра столкновенія вѣры и разума (65—6). Противорѣчіе религіознаго самоопредѣленія и іерократическаго порядка присуще уже Августину, но раскрывается во всей исторіи средневѣковаго католицизма: оно разрѣшается тѣмъ, что эта воля къ самоопредѣленію, свободная личная религіозность ставится на служенье правящей церкви.

Во вступительной статьѣ В. И. Герье беретъ монашество и папство, «какъ столпы Божьяго царства». Программа «духовнаго правленія» (cura animarum) не могла быть осуществляема средствами епископальной феодализованной церкви. Какъ представитель монашества взятъ Бернардъ Клервосскій, какъ выразитель теократической программы папства—Иннокентій III. Характеристика перваго болѣе полная и законченная: она охватываетъ и личность Бернарда и всѣ главныя стороны его церковно-общественной дѣятельности; образъ его остается у читателя яркій и пластическій. Такой полнотой не обладаетъ изображеніе Иннокентія: разсматривается лишь его отношеніе къ церкви—ея строю, праву, епископству, монашеству и т. п.; борьба со схизмой, съ ересью и столь характерная политическая дѣятельность папы остаются до слѣдующей части. Такимъ образомъ, здѣсь еще не опредѣляется мѣсто, которое занималъ Иннокентій III на пути, пройденномъ римской куріей отъ Григорія VII къ Бонифацію VIII. Будемъ надѣяться, что эта слѣдующая часть не заставитъ себя долго ждать. Въ главахъ, посвященныхъ Иннокентію III, не совсѣмъ яснымъ остается, что въ этой разнообразной дѣятельности, отразившейся въ регестахъ, представляетъ проявленіе личности Иннокентія, и что должно быть отнесено на долю традиціонной куріальной политики. Въ исторіи папства есть всегдашняя опасность принять родовое за индивидуальное. Въ вопросѣ объ отношеніи папства къ епископскимъ выборамъ В. И. Герье склоняется скорѣе къ Гауку (стр. 287), чѣмъ къ Лютеру (стр. 284) съ его крайнимъ убѣжденіемъ, будто стремленіе куріи этой эпохи заключалось въ томъ, чтобы сдѣлать изъ папы «le grand électeur des évêques de la chrétienté entière».

Нѣтъ надобности говорить ни о достоинствахъ литературной формы, ни о ея соотвѣтствіи содержанію. Очень цѣнны выдержки изъ произведеній Бернарда и Иннокентія (стр. 72, 91, 138, 158, 248, 282 и пр.). Онѣ чрезвычайно передаютъ колоритъ эпохи.

Книга, написанная съ исторической объективностью, далекой отъ вѣроисповѣдныхъ пристрастій и споровъ, и въ то же время съ нескрытой симпатіей къ идеалистическимъ элементамъ средневѣковой церковности, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать у насъ и болѣе справедливой оцѣнкѣ западнаго католицизма, важность которой В. И. Герье отмѣчаетъ въ предисловіи.

С. Котляревскій.

Дж. Бруно. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексѣя Золотарева. Спб. 1914. 224 стр. Ц. 1 р. 50 к. Издательство «Огни».

Знаменитый философъ-пантеистъ XVI столѣтія, погибшій на кострѣ въ Римѣ въ 1600 году, извѣстенъ широкой публикѣ больше по имени, чѣмъ по своимъ произведеніямъ, хотя ему посвящено было у насъ нѣсколько популярныхъ очерковъ, этюдовъ и статей. Страдальческіе послѣдніе годы, проведенные Бруно въ каменномъ мѣшкѣ римской инквизиціи, его страшная смерть — все это приковывало вниманіе въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ его книги, чѣмъ содержаніе его доктрины. Между тѣмъ, въ хаотической, часто капризной, произвольной формѣ, иногда въ тонкихъ, а иногда въ очень аляповатыхъ аллегоріяхъ, безъ тѣни какой бы то ни было систематики — Бруно бросалъ тамъ и сямъ новыя, нерѣдко очень глубокія мысли, геніальныя догадки, которымъ суждено было большое будущее. Виндельбандъ давно уже отмѣтилъ, какъ характернѣйшую черту Бруно, способность къ «геніальному предвидѣнію» всего развитія новѣйшей мысли. Русскій критикъ философіи Бруно, Н. Я. Гротъ склоненъ считать его «колоссальною фигурою»: «Бруно не зналъ конечно, что послѣ него будутъ жить на свѣтѣ и прославляться въ исторіи философіи дальнѣйшимъ развитіемъ его взглядовъ и различныхъ сторонъ его міросозерцанія: Декартъ. Спиноза, Лейбницъ, Кантъ, Шеллингъ. Шопенгауэръ. И всетаки этимъ сила его вліянія на этихъ мыслителей, хотя бы и косвеннаго, черезъ посредство другихъ, нисколько не умаляется». Въ области философско-религіознаго мышленія Бруно далъ рядъ своеобразныхъ аргументовъ и въ пользу пантеистическаго міросозерцанія, выдвинувъ на видное мѣсто проблему объ обязательности двухъ критеріевъ познанія объективнаго (внѣшняго) и субъективнаго (внутренняго); въ области космологическихъ представленій — онъ нанесъ рѣшительный ударъ традиціонному геоцентризму, еще властвовавшему несмотря на открытія Коперника, и въ этомъ отношеніи онъ былъ болѣе, нежели популяризаторомъ, ибо до него никто не дѣлалъ философскихъ выводовъ изъ теоріи Коперника (а съ другой стороны самъ Бруно ослабилъ значеніе которое могла бы имѣть для науки его космологія, допустивши рядъ необузданно-фантастическихъ утвержденій о вселенной, какъ о Богѣ, міровомъ сознаніи, — о небесныхъ тѣлахъ, какъ о живыхъ существахъ и т. д.); въ области этики онъ смотритъ на борьбу человѣка со своими эгоистическими, сенсуальными устремленіями, борьбу, облеченную въ нормативныя формы, какъ на основное содержаніе морали и на выраженіе *справедливости*. Вообще же, справедливость и «Софія» *мудрость*, — для Бруно совпадаютъ въ существѣ своемъ. Цѣлый рядъ отдѣльныхъ предложеній и утвержденій Бруно (взять хотя бы его ученіе о монадахъ, его соображенія теоретико-познавательнаго характера и т. п.) всегда будутъ привлекать вниманіе историковъ философіи, которые могутъ какъ угодно относиться къ степени обстоятельности и обоснованности аргументовъ Бруно, но отводятъ ему опредѣленное мѣсто въ ряду философовъ періода, предшествовавшаго Декарту, Спинозѣ, Лейбницу. Поэтъ и фантастъ по природѣ, Бруно часто

вѣщалъ, декретировалъ тамъ, гдѣ Декартъ, Спиноза, Лейбницъ впослѣдствіи доказывали или старались доказать; говорилъ онъ и такое, отъ чего съ недоумѣніемъ и пренебреженіемъ отшатнулись и позднѣйшая философія, и позднѣйшая наука. Но и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ онъ былъ *часто* оригиналенъ по существу и *всегда* индивидуаленъ въ способѣ подхода къ темѣ и разработкѣ ея.

Для историка умственнаго движенія въ Европѣ въ самую мрачную годичу католической реакціи сочиненія Бруно не менѣе, если не болѣе интересны, нежели для историка философіи. И однимъ изъ интереснѣйшихъ именно въ *этомъ* смыслѣ трактатовъ Бруно является «Изгнаніе торжествующаго звѣря». Г. А. Золотаревъ не даетъ (да и не можетъ дать) на пяти разгонистыхъ страницахъ предисловія характеристику этого трактата; не даетъ ея и въ своихъ слишкомъ скупыхъ и бѣглыхъ примѣчаніяхъ, а это слѣдовало бы сдѣлать. Собственно въ формѣ (довольно растянутой и мѣстами прямо вымученной и весьма тяжеловѣсной) аллегорической сатиры въ трактатѣ описывается, какъ «Юпитеръ» изгоняетъ съ неба разныя миѳическія божества и силы (именами коихъ астрономія окрестила небесныя тѣла) и замѣняетъ ихъ персонификаціями различныхъ добродѣтелей. Обо всемъ этомъ повѣствуется въ діалогахъ между «Софіею», олицетворяющею мудрость и ея почтительнымъ слушателемъ «Соулиномъ». Интересны и тонки, мѣстами, характеристики различныхъ страстей, пороковъ, добродѣтелей; весьма любопытны и исторически-важны вкропленныя тамъ и сямъ, и болѣе или менѣе замаскированныя рѣзко-отрицательныя выходки Бруно какъ относительно самыхъ основъ религіозной догматики, такъ и по адресу новыхъ реформаціонныхъ исповѣданій, которыя были ему ненавистны не меньше, чѣмъ римскій католицизмъ. Свободный мыслитель, врагъ религіознаго догматизма въ любой его формѣ, превозносившій суверенныя права философіи и того, что онъ считалъ наукою, сказывается въ этомъ трактатѣ вполнѣ опредѣленно. Г. Золотаревъ сильно увлекается, когда говоритъ, что именно въ *этомъ* произведеніи «наиболѣе богато, ярко и живо отразился духовный обликъ Джордано Бруно»: почему же не въ Candelaio? или не въ Eroici furori? И то, и другое произведенія написаны гораздо болѣе живо, ярко и интересно. Почему не въ De l'infinito universo e mondi, которое гораздо глубже и оригинальнѣе?

Во всякомъ случаѣ «Изгнаніе торжествующаго звѣря» стоило перевести; это — не самый значительный, но одинъ изъ наиболѣе значительныхъ трактатовъ Бруно. И нужно признать, что г. Золотаревъ хорошо выполнилъ свою задачу, — съ большимъ знаніемъ, съ большою любовью. Тѣмъ больше хотѣлось бы, чтобы онъ, въ случаѣ новаго изданія (котораго отъ души можно пожелать ему дождаться), внесъ кое-какія поправки.

На стр. 7 читаемъ: «вы... возбуждаете удивленіе всѣхъ, постоянно проявляя свою природную благосклонность, поистинѣ героическую». Эта фраза оказалась на русскомъ языкѣ лишенною смысла, вслѣдствіе того, что переводчикъ перевелъ имѣющееся въ подлинникѣ слово inclinazione «благосклонностью», тогда какъ нужно перевести «наклонность», «склонность». На стр. 10

читаемъ: «...за свою великую любовь къ міру — онъ гражданинъ и слуга міра». Заглядываемъ въ подлинникъ — и видимъ: (come cittadiono e domestico del mondo). Слово domestico еще и теперь означаетъ по-итальянски не только» слугу, но и «своего», «домашняго человѣка», а въ XVI столѣтіи этотъ второй смыслъ былъ очень употребителенъ. Да и по смыслу: «слуга» — здѣсь не при чемъ [1]). На той же страницѣ (и притомъ нѣсколько разъ) scioli переведено «*молокососы*», а нужно перевести *хвастуны, нахалы.* На стр. 51 читаемъ: «стрѣлу *развлеченія*», что совершенно невѣрно и искажаетъ до неузнаваемости смыслъ подлинника, гдѣ мы находимъ la detrazione, что значитъ клевета, злословіе, а вовсе не «развлеченіе»,—которое соотвѣтствовало бы слову distrazione (или distraimento). На стр. 53: «Такъ... отецъ Юпитеръ нагремѣлъ въ уши»... Въ подлинникѣ: tocco l'orecchio т.-е. *овладѣлъ* вниманіемъ, слова его *поглотили* вниманіе. На стр. 55: «отсѣкается доза прегрѣшеній» тогда какъ въ подлинникѣ «il ceppo degli errori», т.-е. *сукъ*, иногда *стволъ*, но никакъ не «доза». На стр. 60 въ одномъ изъ самыхъ исторически-интересныхъ и глубокихъ мѣстъ трактата Джордано Бруно, гдѣ рѣчь идетъ намеками о реформаціи, читаемъ: «...живутъ дѣлами тѣхъ, кто работалъ вовсе не для нихъ, кто для другихъ основывалъ храмы, часовни, *гостиницы*, госпитали, коллегіи и университеты». Если ужъ переводчикъ рѣшился перевести подлинное слово *xeni* мало подходящимъ здѣсь выраженіемъ *гостиницы*, то онъ обязанъ былъ пояснить въ чемъ дѣло: вѣдь, однимъ изъ популярнѣйшихъ въ XVI вѣкѣ аргументовъ полемической анти-реформаціонной литературы было указаніе на то, что при конфискаціи монастырской земли и уничтоженіи монастырей—уничтожаются также *страннопріимные дома*, гдѣ прежде бѣдняки получали хотя бы временный пріютъ и пропитаніе. А иначе — неосвѣдомленный читатель будетъ въ недоумѣніи: при чемъ тутъ «гостиницы»? Вѣдь, весь этотъ абзацъ трактата состоитъ изъ намековъ, и тѣмъ щедрѣе надо быть въ комментаріяхъ. На стр. 79 совершенно пропущено нѣсколько важныхъ строкъ. При этомъ самый пропускъ ничѣмъ не мотивируется. На стр. 110 читаемъ: «*не твори судъ*, если не можешь доблестью и силой разрушить *махину* несправедливости». Въ первой половинѣ этой фразы — есть неточность, а во второй неправильность: 1) въ подлинникѣ сказано: *non* ti far giudice, т.-е. не дѣлайся судьею; 2) le macchine вовсе не значитъ «махина»,— а означаетъ *ковы, происки, интриги*, — или, если ужъ сохранить корень подлинника, — *махинаціи* (le macchine — множ. число отъ la macchina). На стр. 123: «какая постыдная вещь — *увлекаться обезпеченіемъ*»... въ подлинникѣ esser solecito de la sicurtà, «заботиться о безопасности» (только при такомъ переводѣ фраза получаетъ смыслъ.) На стр. 124 imperatore переведено «императоръ», — а слѣдуетъ перевести полководецъ; на стр. 141 читаемъ о *конюхѣ*, тогда какъ рѣчь идетъ, просто, о *слугѣ* (un famiglio);

[1]) и *именно* Бруно (даже въ этомъ самомъ трактатѣ) употребляетъ слово domestico въ указываемомъ мною смыслѣ:... sapienti... erano potenti a farsi familiari, affabili e domestici li dei, а г. Золотаревъ на тотъ разъ почему то переводитъ слово domestici—«кроткіе», что также здѣсь неумѣстно (ср. 163 стран. рус. перев.).

на стр. 159 читаемъ о «глупой жестокости», тогда какъ въ подлинникѣ рѣчь идетъ о «глупомъ *легковѣріи*» (la stolta credulitade). Есть и еще кое-какія даже не ошибки, а не совсѣмъ подходящія выраженія. Напр., пусть читатель обратитъ вниманіе на страницы 183—184: вѣдь это и есть одно изъ тѣхъ смертельно-опасныхъ для автора XVI столѣтія мѣстъ его сочиненій, которыя привели его на костеръ; вѣдь подъ видомъ Оріона или, вѣрнѣе, по поводу Оріона говорится въ прозрачныхъ намекахъ совсѣмъ объ *иномъ* лицѣ, — и не кажется ли переводчику, что мысль автора тоньше и *точнѣе* была бы передана, если бы въ фразѣ «невѣжество поставивъ на мѣсто науки, *благородство* отдавъ презрѣнію и *подлость* увѣнчавъ славою», слова «благородство» и «подлость» были замѣнены иными? Вѣдь слово nobilita означаетъ не только (и даже не столько) «благородство» какъ «*благородное происхожденіе*» и нѣкоторые итальянско-французскіе словари справедливо приравниваютъ это слово къ французскимъ «grandeur», «splendeur» и т. п. (а слово *благородство* въ точности было бы la generosita); съ другой стороны la villania тоже не только «подлость» но и «подлое» (въ старинно-русскомъ смыслѣ слова), «простое» происхожденіе, грубость, «мужичество», простота, съ охуждающимъ оттѣнкомъ слова («подлость», въ точности, было бы скорѣе bassezza, viltà). И если бы переводчикъ выбралъ эти другіе оттѣнки вмѣсто тѣхъ, какіе онъ предпочелъ, насколько выиграло бы въ яркости все это мѣсто! Какой поучительный *реальный комментарій* къ неистребимому аристократизму самыхъ послѣднихъ эпизодовъ поздняго Ренессанса! Какой интересный мотивъ (среди массы другихъ) вражды этихъ эпигоновъ къ религіи, обѣщающей первое мѣсто тѣмъ, кто были послѣдними! Именно въ подобные аллегорическіе, замаскированные эпизоды трактата Бруно и необходимо вглядываться особенно пристально, считаясь съ малѣйшими оттѣнками словъ, если желательно добраться до ихъ истиннаго смысла.

Въ краткой замѣткѣ неумѣстно было бы давать исчерпывающую критику перевода; я надѣюсь еще при случаѣ къ этой книгѣ вернуться. Скажу въ заключеніе, что моя замѣтка оказалась бы гораздо длиннѣе, если бы я вздумалъ отмѣчать не ошибки и недосмотры, а тѣ мѣста, гдѣ переводчикъ блестяще одолѣлъ громадныя трудности текста. Искусственно загроможденная, претенціозно-изысканная во многихъ мѣстахъ, туманно-аллегорическая, часто запутанная и намѣренно-неясная проза Джордано Бруно дѣлаетъ его однимъ изъ труднѣйшихъ авторовъ XVI столѣтія. Г. Золотаревъ, въ общемъ, удачно справился со своею весьма нелегкою задачею. Онъ умудрился дать не только, существенно-вѣрный въ главномъ, но и легко читаемый, литературный переводъ. Критика можетъ дѣлать (и еще сдѣлаетъ) г. Золотареву немало указаній, отмѣтитъ немало погрѣшностей, и все-таки должна будетъ поблагодарить его за его работу. Русскому читателю, интересующемуся судьбами западно-европейскаго философскаго свободомыслія въ эпоху католической реакціи, дано въ руки цѣнное орудіе для ознакомленія съ этою темою; сдѣланъ болѣе доступнымъ одинъ изъ важныхъ первоисточниковъ, безъ которыхъ трудно основательно изучать умственное движеніе конца XVI столѣтія.

Проф. Е. Тарле.

Гр. Ф. де Ла-Бартъ. Литературное движеніе на Западѣ въ первой трети XIX столѣтія. I. Люди сумеречной породы. II. Романтическій синтезъ (1780—1830). Лекціи. Москва. 1914.

Гр. Ф. де Ла-Бартъ принадлежитъ у насъ къ лучшимъ знатокамъ эпохи романтизма. Онъ болѣе десяти лѣтъ спеціально занимается этой эпохой, и его диссертаціи о Шатобріанѣ и романтической поэтикѣ во Франціи представляютъ собою крупныя работы въ этой области. Несмотря на то, что новой его книгѣ дано общее заглавіе, въ ней главное вниманіе сосредоточено на романтическомъ литературномъ движеніи. Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что цѣль его книги — 1) прослѣдить зарожденіе и развитіе тѣхъ литературныхъ теченій, которыя вошли въ общее русло романтизма, и 2) изучить исторію возникновенія и развитія романтической доктрины. Такимъ образомъ, на эту книгу гр. де Ла-Барта можно смотрѣть, какъ на итогъ изученія очень сложнаго литературнаго явленія, именуемаго словомъ «романтизмъ». Изъ предисловія, кромѣ того, видно, что книга образовалась изъ лекцій, которыя профессоръ де Ла-Бартъ читалъ въ кіевскомъ университетѣ и на московскихъ высшихъ женскихъ и историко-филологическихъ курсахъ. Слѣдовательно, книгу можно разбирать, какъ учебное пособіе для преподавателей и преподавательницъ русской литературы, для которыхъ всегда очень трудно объяснять ученикамъ и ученицамъ сущность западно-европейскаго романтизма.

Займемся сначала книгой гр. де Ла-Барта, какъ итогомъ научнаго изученія романтизма. Авторъ очень внимательно и подробно останавливается на выясненіи тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложился западно-европейскій романтизмъ начала XIX вѣка. Мы знаемъ изъ его диссертацій, что онъ былъ склоненъ французскій романтизмъ опредѣлять словомъ «универсализмъ», вслѣдствіе многочисленности и разнообразія его стремленій. Теперь гр. де Ла-Бартъ совершенно основательно отказывается дать краткую общую форму романтизма. Теперь его широкое опредѣленіе романтизма представляетъ собою перечень множества отдѣльныхъ чертъ романтической натуры и романтической доктрины (стр. 139—142). Подготовительныхъ элементовъ для такого широко понимаемаго романтизма оказывается бездна, и разсмотрѣніе предтечей романтизма занимаетъ всю первую половину книги. Можно сказать, что это обширное введеніе, раздѣленное на короткія главы, есть сжатое изложеніе почти всей исторіи западно-европейской литературы во вторую половину XVIII в. Здѣсь говорится не только о реакціи противъ раціонализма, о сентиментализмѣ и меланхоліи, объ изученіи народной поэзіи и старины, о возрожденіи интереса къ Шекспиру, объ увлеченіи фантастическимъ и демоническимъ, но также выясняется характеръ эллинизма, неоклассицизма и литературнаго космополитизма въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія.

Мы думаемъ, что, въ виду общаго размѣра книги (245 страницъ), ея первую вступительную половину слѣдовало бы сжать по крайней мѣрѣ вдвое. Отъ этого выиграла бы вторая, главная половина. Въ ней авторъ даетъ характеристики писателей нѣмецкаго ро-

мантизма (ранняго и поздняго) и англійскаго романтизма; что же касается романтизма французскаго, то онъ останавливается лишь на его переходныхъ звеньяхъ (г-жа Сталь и Шатобріанъ) и отсылаетъ читателей къ своей диссертаціи для ознакомленія съ поэтикой французскихъ романтиковъ — Ламартина, А. де-Виньи, А. де-Мюссе и Виктора Гюго. Это вызываетъ серьезныя возраженія. Правда, авторъ въ заглавіи ставитъ хронологическія вѣхи своей книги (1780—1830 гг.) и указываетъ на то, что романтическая доктрина сложилась во Франціи и Италіи значительно позднѣе, чѣмъ въ Англіи и Германіи. Однако, на самомъ дѣлѣ онъ не ограничиваетъ себя указанными вѣхами, говоритъ о многихъ литературныхъ явленіяхъ до 1780 г. и послѣ 1830 г., характеризуетъ многихъ писателей, конецъ дѣятельности которыхъ относится къ 1850—60 гг. Поэтому мы не можемъ согласиться съ оправданіями гр. де Ла-Барта и должны признать незаконченной его книгу, разсматриваемую нами, какъ научный итогъ изученія романтизма.

Большую научную цѣнность придаетъ книгѣ подробная библіографія по общимъ вопросамъ и отдѣльнымъ писателямъ, которая указывается въ примѣчаніяхъ къ соотвѣтствующимъ главамъ. Жаль только, что авторъ не успѣлъ составить списокъ переводовъ на русскій языкъ тѣхъ произведеній, которыхъ онъ касается въ своихъ лекціяхъ. Для этого не нужно было дѣлать особое приложеніе, какъ ему хотѣлось. Въ своихъ примѣчаніяхъ гр. де Ла-Бартъ уже указываетъ значительное количество переводовъ разбираемыхъ имъ романовъ, драмъ, стихотвореній, поэмъ и т. д. Нужно было только оставаться послѣдовательнымъ въ отношеніи всѣхъ писателей и поэтовъ. Между тѣмъ совершенно отсутствуютъ указанія на существующіе русскіе переводы изъ Макферсона, Бёрнса, Новалиса, Тика, Т. Мура, Саути, В. Скотта и др. Нельзя также назвать исчерпывающими указанія существующихъ русскихъ работъ по данной эпохѣ. Не указаны, напримѣръ, статья С. Вайнштейнъ и книга Р. Когана о г-жѣ Сталь. Въ отдѣлѣ объ англійской романтической лирикѣ почему-то рекомендовано лишь по одному сочиненію о Кольриджѣ, Т. Мурѣ, Саути, и пропущено очень важное изслѣдованіе A. Brandle «S. T. Coleridge und die englische Romantik» (1886), переведенное на англійскій языкъ (by Lady Eastlake, 1887).

Такъ какъ лекціи гр. де Ла-Барта предназначались для студентовъ и курсистокъ, и такъ какъ его книгой будутъ, несомнѣнно, пользоваться учителя и учительницы, то при оцѣнкѣ ея слѣдуетъ имѣть въ виду и педагогическую точку зрѣнія. Методъ изложенія у автора таковъ. Покончивъ съ предтечами романтизма, онъ начинаетъ вторую половину своей книги общей главой, въ которой говоритъ о новѣйшемъ романтизмѣ, какъ міросозерцаніи и міропониманіи, и о поэтикѣ романтиковъ. Потомъ онъ переходитъ къ разсмотрѣнію романтизма нѣмецкаго и англійскаго. Такой педагогическій пріемъ перехода отъ общаго къ частному, часто употребляемый въ учебной литературѣ, по нашему мнѣнію, не годится въ обзорѣ исторіи романтизма. Самъ авторъ на стр. 137 совершенно справедливо говоритъ, что терминъ «романтизмъ» — самый неопредѣленный изъ всѣхъ терминовъ, употребляемыхъ

историками литературы. Извѣстно, что представители, такъ называемой, старшей нѣмецкой романтической школы и члены, такъ называемой, группы англійскихъ лэкистовъ, во многомъ соотвѣтствующихъ нѣмецкимъ романтикамъ, не успѣли или не сумѣли сформировать свои литературныя мнѣнія. Тѣмъ меньше единогласія было среди разныхъ европейскихъ писателей, которые сами себя называли романтиками или получали эту кличку отъ другихъ.

Слѣдовательно, въ историческомъ сочиненіи по романтизму нельзя начинать съ догматическаго опредѣленія, что такое романтизмъ? Нужно сначала изложить исторію романтизма англійскаго, нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго, — и тогда вывести общую слагающую формулу. Только при такомъ методѣ изложенія для слушателей и читателей будетъ вполнѣ ясно, почему мы не можемъ теперь довольствоваться тѣми краткими и однобокими формулами романтизма, какія давали намъ въ учебникахъ прежняго времени. Только тогда будетъ понятно, почему гр. де Ла-Бартъ даетъ такое растяжимое опредѣленіе романтизма, при которомъ перечень *нѣкоторыхъ признаковъ* писателя-романтика и *сжатое изложеніе* особенностей романтической поэтики занимаютъ въ его книгѣ болѣе двухъ страницъ.

Изъ мелочей намъ бросилась въ глаза странная передача нѣкоторыхъ англійскихъ именъ и названій (стр. 194, 195, 207); Гогерсъ — вмѣсто установившагося у насъ и болѣе правильнаго Гогартъ (Hogarth), Эльсонъ — вмѣсто Алисонъ (Alison), Пайнъ— вмѣсто Пэйнъ (пишется Payne), Этонъ — вмѣсто Итонъ (пишется Eton).

Руководящее сочиненіе по романтической эпохѣ, построенное при помощи сравнительнаго метода, необходимо въ нашей педагогической литературѣ, и гр. де Ла-Бартъ имѣетъ всѣ преимущества для удачнаго выполненія этой задачи, какъ по своему знанію этой эпохи, такъ и по таланту литературнаго изложенія.

В. Лазурскій.

П. Борецкій-Бергфельдъ (*Колоніальная исторія западно-европейскихъ континентальныхъ странъ*). Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ (Серія «Исторія Западной Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время». Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго). Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Въ предисловіи авторъ опредѣленно отмежевываетъ свою задачу: предметъ книги не исторія европейскихъ колоній, въ смыслѣ описанія жизни «заморскихъ» земель до и послѣ завоеванія ихъ европейцами, и даже не исторія международно-колоніальной политики крупнѣйшихъ континентальныхъ державъ, а только *исторія колоніальнаго развитія* отдѣльныхъ странъ, *подробное* изложеніе которой доведено лишь до XIX вѣка, когда колоніальная политика уже тѣсно сплетается съ международной. XIX вѣку посвящена лишь краткая послѣдняя глава и надо надѣяться, что тотъ же авторъ или та же редакція еще позаботятся о составленіи особой книжки о XIX вѣкѣ, являющейся какъ бы продолженіемъ даннаго труда. Цѣлью автора было составленіе компи-

лятивно-популярной книжки для преподавателей, самообразованія и широкой читающей публики. Составленіе подобной хорошей книжки задача очень трудная и надо отдать справедливость г. Борецкому-Бергфельдъ: за его книжкой чувствуется большая и тщательная работа надъ литературой вопроса (кончая самой новѣйшей, авторъ даже нѣсколько грѣшитъ подчеркиваньемъ своего «модернизма» въ этомъ смыслѣ) и нѣкоторыми необходимыми первоисточниками. Обзоръ колоніальной исторіи по странамъ задача довольно неблагодарная, надо уложить въ книжку массу чисто фактическихъ свѣдѣній и трудно избѣжать утомительныхъ повтореній. Авторомъ руководила опредѣленная идея, вокругъ которой группируется матеріалъ, при томъ идея не навязываемая читателю, а естественно изъ этого же матеріала вытекающая. Вся книга г. Борецкаго-Бергфельдъ есть исторія эфемернаго расцвѣта и трагическаго краха колоніальнаго могущества, основаннаго на хищнической эксплоатаціи покоренныхъ странъ. Въ разныхъ формахъ претерпѣваютъ этотъ «урокъ исторіи» и жадно роскошествовавшая Португалія, и религіозно фанатическая Испанія, и упорно добивающаяся вѣрной прибыли (сохранившая таки свой доходный кусочекъ) Голландія и полная головокружительныхъ мечтаній о міровомъ господствѣ, законченныхъ смертельнымъ ударомъ отъ Англіи и трагедіей революціонныхъ лѣтъ, Франція эпохи «стараго порядка». Съ точки зрѣнія этой идеи составляетъ съ книгой органическое цѣлое и послѣдняя глава (доведенная вплоть до событій въ Марокко и Триполи), рисующая подобныя же авантюры новаго времени, но уже въ новой гораздо болѣе размашистой и *чисто-капиталистической* формѣ. Въ книгѣ много интересныхъ страницъ, цѣнныхъ свѣдѣній (напр. по вопросу о географическихъ познаніяхъ Колумба и цѣли его путешествія, о процессѣ гибели американской цивилизаціи, объ особенностяхъ политики отдѣльныхъ государствъ). Заполняя существенный пробѣлъ въ русской исторической литературѣ, книга эта будетъ очень полезна. Приложена статистика современныхъ колоній и списокъ литературы вопроса. Хорошо было бы прибавить карту, краткую хронологію и указатель хотя бы важнѣйшихъ собственныхъ именъ.

А. Гизетти.

В. Боголюбовъ. Экономическій бытъ крестьянъ Сѣвернаго края по крестьянскимъ наказамъ въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 года. Каз. 1913. 120 стр.

Книга г. Боголюбова напомнила мнѣ то отдаленное время, когда мнѣ первому пришлось ознакомиться со всѣми крестьянскими наказами сѣверной части Европейской Россіи и Сибири. Это было еще во второй половинѣ 1870-хъ годовъ, когда наказы эти хранились въ архивѣ II Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. Они не только не были тогда изданы, но для детальнаго изученія ихъ существовало одно весьма неблагопріятное условіе: начальство этого, тогда почти совсѣмъ неиспользованнаго, архива почему-то не разрѣшало приглашать переписчика, и вотъ изъ всего, очень большого, количества наказовъ приходилось дѣлать выписки безъ чьей-либо помощи, а между тѣмъ

одно собраніе наказовъ крестьянъ «архангелогородской» провинціи представляло, благодаря отсутствію своднаго наказа, очень толстую связку. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, весьма затрудняющемъ работу изслѣдователя, потому, что нелѣпый порядокъ недопущенія помощниковъ-копіистовъ для изслѣдователей до сихъ поръ существуетъ въ нѣкоторыхъ, къ счастью немногихъ, архивахъ. Изученными мною въ то время наказами крестьянъ сѣвера Европейской Россіи и Сибири я отчасти воспользовался во II т. своей книги «Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II», отлагая полное изслѣдованіе ихъ до III тома этого труда, посвященнаго изученію экономическаго и домашняго быта крестьянъ, изъ котораго успѣлъ пока напечатать лишь очеркъ «Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII в.» (въ журналѣ «Устои» 1882 г. №№ 1 и 2) и статью объ отношеніи крестьянъ къ священнику («Рус. Стар.», 1877 г. № 8).

Послѣ напечатанія крестьянскихъ наказовъ Сѣверной Россіи до г. Боголюбова сдѣлалъ попытку ихъ изученія г. Бочкаревъ въ сборникѣ статей въ честь В. О. Ключевскаго, но сдѣлалъ это поверхностно и неполно. Напротивъ, трудъ г. Боголюбова исполненъ съ большою обстоятельностью, трудолюбіемъ и любовью. Привѣтствуя этотъ, повидимому, первый трудъ начинающаго историка, я считаю необходимымъ указать и на серіозные недостатки его изслѣдованія.

Нельзя не замѣтить прежде всего нѣкоторую неопредѣленность темы. Что такое «Сѣверный край», о которомъ говорится въ заглавіи? Входитъ ли въ это понятіе Сибирь, отъ крестьянъ которой также были наказы въ екатерининскую законодательную Комиссію? Оказывается, что не входитъ, по крайней мѣрѣ авторъ о Сибири ничего не говоритъ и даже не упоминаетъ о существованіи работы покойнаго П. М. Головачева «Сибирь въ Екатерининской комиссіи» (1889), гдѣ идетъ рѣчь и о сибирскихъ крестьянскихъ наказахъ. Значитъ работа г. Боголюбова посвящена не крестьянамъ «Сѣвернаго края» вообще, а крестьянамъ сѣвера Европейской Россіи,—и соотвѣтственно этому слѣдовало измѣнить заглавіе. Затѣмъ среди крестьянскихъ наказовъ (они напечатаны въ разныхъ томахъ «Сборника Историч. Общества») есть наказы черносошныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ, экономическое положеніе которыхъ было чрезвычайно ухудшено припискою ихъ къ заводамъ. Но объ этомъ въ книгѣ г. Боголюбова вовсе ничего не сказано, вѣроятно, потому, что эти наказы, въ связи съ иными матеріалами, использованы другимъ изслѣдователемъ, но это слѣдовало бы оговорить. Наконецъ, еще одна маленькая поправка къ заглавію: почему въ немъ говорится о законодательной комиссіи только 1767 года? Вѣдь она дѣйствовала и въ 1768 году.

Авторъ старается дать не только сводъ данныхъ, которыя онъ нашелъ въ крестьянскихъ наказахъ сѣвера европейской Россіи, но и по возможности отнестись къ нимъ критически, но тутъ-то мы и встрѣчаемся съ главнымъ недостаткомъ его труда: г. Боголюбовъ почти совершенно незнакомъ съ другими источниками, въ которыхъ можно найти данныя для критической оцѣнки наказовъ. Правда, авторъ пользуется Полнымъ Собраніемъ Законовъ,

ему извѣстно пять-шесть пособій, спеціально посвященныхъ быту крестьянъ этой части Россіи или мимоходомъ его задѣвающихъ, онъ указываетъ также нѣсколько книгъ и статей по вопросу объ общинѣ-волости, но онъ совершенно игнорируетъ *печатные* труды второй половины XVIII и самыхъ первыхъ годовъ XIX вѣка о сѣверѣ Европейской Россіи,—говорю *печатные* потому, что быть можетъ было бы нѣсколько жестоко требовать отъ начинающаго молодого историка знакомства съ очень обширнымъ кругомъ источниковъ рукописныхъ, разсѣянныхъ по очень многимъ архивамъ Петербурга и Москвы. Таковы, напр., печатные труды по сѣверу Европейской Россіи уроженца архангельскаго края Крестинина, путевыя записки Озерецковскаго и Лепехина, описаніе Вологодскаго намѣстничества 1780-хъ годовъ, описанія Архангельской губ. Пошмана и Молчанова, трехтомное описаніе Пермской губ. Попова (послѣднія три сочиненія относятся къ началу XIX вѣка, но они сообщаютъ множество очень важныхъ данныхъ о народной жизни, которая мало измѣнилась за 40 лѣтъ послѣ екатерининской законодательной комиссіи). Можно было бы указать и пособія, неиспользованныя авторомъ, но и сказаннаго довольно, чтобы видѣть, что онъ весьма недостаточно вооруженъ для критики крестьянскихъ наказовъ.

Размѣръ рецензіи не позволяетъ мнѣ остановиться на всѣхъ тѣхъ страницахъ труда г. Боголюбова, гдѣ на основаніи *печатныхъ* источниковъ и пособій можно было бы сдѣлать поправки или дополненія. Ограничусь лишь немногими указаніями. Такъ напр., на стр. 17—18 г. Боголюбовъ указываетъ на неотмѣченныя въ болѣе раннихъ трудахъ жалобы крестьянъ Архангельской провинціи на недостатокъ земли и дѣлаетъ отсюда выводъ, что «*на всемъ сѣверѣ*» (количество?) «пахотной земли крайне незначительно; также мало и сѣнныхъ угодій», а между тѣмъ, приведя на стр. 18—19 данныя изъ наказовъ Усольскаго, Тотемскаго и Яренскаго уѣздовъ, авторъ на основаніи ихъ заключаетъ, что «количество сѣнныхъ угодій у крестьянъ колебалось отъ 2 до 3 десятинъ» на (ревизскую) душу. Развѣ это мало? А вотъ и неиспользованное авторомъ свидѣтельство мѣстнаго жителя, Крестинина, который говоритъ, что въ Холмогорскомъ уѣздѣ въ волостяхъ Ровдогорской и Куростровской у крестьянъ *всего чаще* было столько пашни, что сѣялось отъ 5 до 15 мѣръ, или получетвертей, жита (т.-е. ячменя), а съ полей собиралось отъ 75 до 300 кучъ сѣна. Такъ какъ въ Архангельской провинціи сѣялось на десятинѣ отъ 1 до 2 четвертей ячменя или въ среднемъ $1^1/_2$ четверти, то выйдетъ на основаніи свидѣтельства Крестинина, что у крестьянъ было пашни отъ $3^1/_3$ до 10 десятинъ на дворъ. Если же подъ словомъ «жито» Крестининъ разумѣетъ и рожь, то размѣръ запашки окажется еще больше, такъ какъ ея сѣяли въ Архангельской губ. отъ $1—1^1/_2$ четверти на десятину, слѣд. въ среднемъ $1^1/_4$ четв. Были крестьяне, владѣющіе и гораздо большимъ количествомъ земли, а именно, у нѣкоторыхъ, по указанному расчету, на основаніи данныхъ Крестинина было 14—16 дес. пашни. а съ поженъ собиралось отъ 600 до 800 копенъ сѣна [1]).

---

[1]) *Крестининъ*. «Историч. опытъ о сельскомъ домостроительствѣ Двинскаго народа». Спб. 1785 г. стр. 39—40.

Слишкомъ поспѣшенъ выводъ автора о системѣ земледѣлія крестьянъ на Сѣверѣ. На основаніи многихъ указаній наказовъ относительно удобренія онъ утверждаетъ, «что система земледѣлія на сѣверѣ отнюдь не была подсѣчная», хотя и признаетъ, что расчистки все-таки приходилось дѣлать (стр. 14—15). Онъ находитъ подтвержденіе этого вывода и въ томъ, что уже въ XVII в. г-жа Ефименко встрѣчала въ частновладѣльческихъ актахъ трехпольную систему хозяйства. Между тѣмъ, даже столѣтіемъ позже, по сельско-хозяйственному атласу, изданному въ 1857 г. департаментомъ сельскаго хозяйства, *сѣверная* граница трехпольной системы земледѣлія начиналась около 61° сѣв. широты въ южной Финляндіи, далѣе шла къ берегамъ озера Ладожскаго и Бѣлоозера, затѣмъ по юго-западной части Вологодской губ. и наконецъ проходила по Вятской и Пермской губ. до Уральскаго хребта[1]). Къ сѣверу отъ этой черты *господствовала* огневая или подсѣчная система хозяйства, относительно которой можно привести множество свидѣтельствъ для второй половины XVIII и начала XIX вѣка, что не исключаетъ, конечно, во многихъ мѣстахъ существованія и трехполья въ этомъ сѣверномъ районѣ Россіи.

Какъ примѣръ того, на сколько подробнѣе и обстоятельнѣе можно было бы обрисовать экономическое положеніе народа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, укажемъ на морскіе промыслы сѣвера Россіи, скудныя свѣдѣнія о которыхъ въ наказахъ (стр. 32—34) авторъ могъ бы дополнить подробными показаніями въ путевыхъ запискахъ Лепехина и въ трудѣ Ефименко объ артеляхъ на Сѣверѣ Россіи.

Сказаннаго достаточно, чтобы указать на серьезные недостатки труда г. Боголюбова. Судя по тому, что этотъ трудъ напечатанъ съ разрѣшенія историко-филологическаго факультета казанскаго университета, можно предположить, что это работа молодого, начинающаго историка. Если это такъ, то часть отвѣтственности за ея недостатки падаетъ и на его руководителей, недавшихъ автору необходимыхъ указаній. Но каковы бы ни были отрицательныя стороны работы г. Боголюбова, я повторяю: это трудъ, исполненный съ большимъ стараніемъ и любовью къ научному изслѣдованію прошлой жизни русскаго народа, и я могу только искренно пожелать, чтобы авторъ продолжалъ работать надъ изученіемъ нашего прошлаго.

В. Семевскій.

Pierre Rain. Un tsar idéologue. Alexandre I-er. Paris 1913 г. Pr. 5 fr.

Всегда съ особымъ интересомъ относишься къ книгѣ по русской исторіи, написанной иностранцемъ. Если русскіе ученые дарятъ Западной Европѣ первоклассные труды по всеобщей исторіи, то русская исторія на Западѣ все еще въ состояніи младенчества. Правда, съ каждымъ годомъ интересъ къ исторіи Россіи выростаетъ на Западѣ, и появляются уже работы, безъ которыхъ русскій историкъ не можетъ обойтись въ своихъ изслѣдованіяхъ. Приве-

---

[1]) *Совѣтовъ*, «Системы Земледѣлія», стр. 137.

денная въ заголовкѣ книга производитъ двойственное впечатлѣніе. Авторъ привелъ очень большую библіографію. Многое онъ использовалъ въ своей работѣ, дающей въ сущности краткую исторію царствованія Александра I, многіе вопросы онъ освѣщаетъ въ соотвѣтствіи съ тѣми данными, которыя можно считать уже установившимися въ русской исторической наукѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ главѣ, посвященной декабристамъ, авторъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ предметомъ, не говоря уже о томъ, что дѣятельности тайныхъ обществъ при Александрѣ дается совершенно ложное освѣщеніе: будущіе декабристы пожелали играть ту роль, которую играли офицеры во Франціи въ періодъ Директоріи и Имперіи. Авторъ громоздитъ одну ошибку надъ другой. Ошибки курьезные: напр. М. И. Муравьевъ-Апостомъ является составителемъ «Русской Правды», Батенковъ вмѣстѣ съ Якубовичемъ вызывается быть цареубійцемъ и т. д. Это случайные примѣры — вся глава ниже всякой критики. И это тѣмъ болѣе странно, что въ другихъ отдѣлахъ авторъ далеко не обнаруживаетъ такой исторической безграмотности. Правда, и въ другихъ отдѣлахъ встрѣчаются недоразумѣнія и своеобразныя точки зрѣнія. Такъ, напр., авторъ какъ-бы считаетъ существованіе Аракчеева необходимымъ для Россіи — надо было сдерживать дикія крестьянскія массы. Rain въ восторгѣ отъ геніальной идеи Аракчеева(?)—учрежденія военныхъ поселеній и не можетъ удержаться отъ патетическаго возгласа: что бы сдѣлалъ изъ этой идеи Наполеонъ! Для русскаго читателя работа французскаго историка ничего новаго не даетъ, но она могла бы представить извѣстный интересъ какъ сравнительно краткая характеристика эпохи въ связи съ личностью Александра I, если бы не грубѣйшія ошибки, обезцѣнивающія весь трудъ. Для насъ весь интересъ работъ Rain заключается во взглядѣ французскаго историка на личность Александра I. Изъ новѣйшихъ работъ авторъ знаетъ только труды вел. кн. Николая Михайловича, оказавшіе на него несомнѣнное вліяніе... но авторъ всетаки идеализируетъ Александра: это показываетъ само уже заглавіе. А послѣ прочтенія книги заглавіе становится непонятнымъ, ибо идеологія въ концѣ-концовъ отсутствуетъ. Александръ представленъ человѣкомъ благихъ порывовъ, но человѣкомъ слабовольнымъ, вѣчно находящимся подъ тѣмъ или инымъ вліяніемъ. И въ концѣ-концовъ, Меттернихъ разбилъ идеологію Александра. Авторъ плохо понялъ Александра, а такъ какъ онъ знаетъ факты, совершенно не подходящіе къ идеализаціи этого лица, то онъ останавливается передъ этими фактами въ недоумѣніи и ставитъ знаки вопроса: это тайна,—къ таковымъ относятся всѣ рѣзкія противорѣчія въ дѣятельности Александра, напр., участіе его въ событіи 11 марта 1801 г. и т. д. Если бы французскій историкъ болѣе вдумчиво отнесся даже къ тому матеріалу, который былъ въ его распоряженіи, многое таинственное стало бы болѣе яснымъ. А если бы онъ лучше познакомился съ литературой, можетъ быть, измѣнилась бы и точка зрѣнія, — во всякомъ случаѣ не лежало бы на книгѣ отпечатка той двойственности, которая ее отличаетъ теперь.

С. Мельгуновъ.

Записки кн. Маріи Николаевны Волконской. Перев. съ франц. оригинала А. Н. Кудрявцевой. Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева. К-во «Прометей». Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Это — извѣстныя воспоминанія кн. М. Н. Волконской, жены декабриста, переизданы къ 50-лѣтію со дня ея смерти (въ августѣ прошлаго года). Издательство совершенно право, заявляя, что воспоминанія Волконской, изданныя въ 1904 г. за дорогую цѣну, заслуживаютъ самаго широкаго распространенія (тѣмъ болѣе, что изданія 1904 г. нѣтъ уже въ продажѣ). Трогательная судьба Волконской, ея безхитростный разсказъ всегда будутъ читаться съ захватывающимъ вниманіемъ. Равнымъ образомъ читатель съ волненіемъ будетъ читать и вступительную статью П. Е. Щеголева, дающую яркій образъ «одной изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ», поэтическій образъ которой запечатлѣнъ Некрасовымъ. Однако, имѣя въ виду общедоступность, врядъ ли надо было воспроизводить на ряду съ русскимъ переводомъ французскій текстъ, какъ это было сдѣлано въ предшествующемъ дорогомъ изданіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ не всегда понятны многочисленныя примѣчанія г. Щеголева, помѣщенныя въ концѣ книги, вмѣстѣ съ французскимъ текстомъ занимающія половину книги. Г. Щеголевъ говоритъ, что для этихъ примѣчаній имъ использованы преимущественно неизданные документы и дѣла Государственнаго и др. архивовъ (впрочемъ большинство примѣчаній новаго ничего въ себѣ не заключаютъ). Конечно, это очень цѣнно само по себѣ, но не для общедоступнаго изданія, гдѣ эти новые описанные г. Щеголевымъ отдѣльные штрихи для характеристики декабристовъ пропадаютъ. Нѣкоторыя примѣчанія, часто не связанныя съ текстомъ, производятъ впечатлѣніе, что они введены редакторомъ исключительно съ цѣлью провести ту или иную поправку, которую ему удалось сдѣлать. Но тогда слѣдовало бы снабдить текстъ гораздо большими примѣчаніями. А то получаются какія-то случайныя комментаріи: почему объ одномъ лицѣ дѣлаются поясненія, о другомъ нѣтъ? Примѣчанія важны для читателя въ томъ случаѣ, если они дѣлаютъ поправки къ мемуарамъ. У г. Щеголева по большей части это не такъ: напр. при разсказѣ Волконской о гибели Сухинова.

С. Мельгуновъ.

Біографическій очеркъ генералъ-фельдмаршала свѣтл. кн. П. М. Волконскаго. 1776—1852. Спб. 1914. Ц. 2 р. (не обозначена).

Изученіе нашего прошлаго въ значительной степени связано съ разработкой частныхъ дворянскихъ архивовъ. Послѣдніе однако въ значительномъ своемъ большинствѣ находятся въ такомъ небреженіи (несмотря на моду на дворянскую старину), что надо лишь привѣтствовать всякое проявленіе любви потомковъ къ своимъ предкамъ въ надеждѣ, что изъ нея можетъ выйти какой-либо прокъ для исторіи. Къ сожалѣнію, эта любовь къ предкамъ проявляется у насъ часто только въ комическихъ формахъ, каковы, напр., съѣздъ родичей и образованіе особыхъ обществъ (напр., дворянъ Лихаревыхъ), исключительно занимающихся славословіемъ подвиговъ предковъ. Если бы эти дворян-

скія общества публиковали документы семейныхъ архивовъ, то нѣсколько оправдывалось бы ихъ существованіе. Въ дѣйствительности же отъ всякаго рода обществъ, въ родѣ «Общества потомковъ 1812 года», никакой пользы нѣтъ. Одна шумиха. Прошедшій юбилей отечественной войны показалъ, какую малую цѣнность имѣютъ изданія, выпускаемыя исключительно въ цѣляхъ прославленія заслугъ предковъ. Ихъ была такая масса,—и почти ничего заслуживающаго вниманія. Къ такого рода изданіямъ, не имѣющимъ рѣшительно никакой цѣны, принадлежитъ и выписанная въ заголовкѣ книга, посвященная кн. П. М. Волконскому—извѣстному другу Александра I, и изданная потомками свѣтлѣйшаго князя. Здѣсь нѣтъ не только ничего новаго, но и все то извѣстное, что почему-либо не нравится потомкамъ, замолчено. Весьма заурядной человѣкъ, кн. П. М. Волконскій превращенъ, конечно, въ великаго русскаго дѣятеля. Это было бы еще полбѣды, если бы потомки постарались собрать хотя бы интересный матеріалъ. Въ дѣйствительности, это—сухія офиціальныя выписки, приправленныя тѣмъ славословіемъ, которымъ потомки восхищаются у перваго біографа кн. П. М. Волконскаго—пресловутаго историка или, вѣрнѣе, «баснописца» 1812 года Михайловскаго-Данилевскаго.

С. Мельгуновъ.

Мое время. Записки Г. С. Винскаго. Редакція и вступительная статья П. Е. Щеголева. Изд-во «Огни». Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Историки Екатерининскаго царствованія, а тѣмъ болѣе просто любители историческаго чтенія не часто прибѣгаютъ къ запискамъ Винскаго, опубликованнымъ уже давно и выходящимъ теперь отдѣльнымъ изданіемъ. Человѣкъ совсѣмъ не выдающійся, Винскій провелъ свою жизнь частью безшабашно, частью совсѣмъ заурядно, и потому мы никакъ не можемъ согласиться съ редакторомъ изданія г. Щеголевымъ, что «записки Винскаго ближе всего напоминаютъ одинъ литературный родъ—романъ приключеній и читаются съ такимъ же неослабѣвающимъ интересомъ, какъ хорошій, добрый романъ XVIII вѣка, напримѣръ, Смолетта» (стр. VI). «Приключеній» въ жизни Винскаго было дѣйствительно не мало, но среди нихъ много такого будничнаго, повседневнаго, что *захватить* читателя чтеніе записокъ Винскаго едва ли можетъ.

Г. Щеголевъ находитъ у Винскаго и «картины быта, притомъ написанныя замѣчательно ярко и сочно». По нашему мнѣнію, въ автобіографіи Винскаго встрѣчаются лишь отдѣльные штрихи и небольшіе незаконченные экскурсы бытового характера,

Все это, однако, вовсе не означаетъ, что записки Винскаго не имѣютъ цѣны ни съ научной, ни съ чисто литературной точекъ зрѣнія; кое-чѣмъ воспользуется изъ нихъ и спеціалистъ-историкъ: имѣютъ, напримѣръ, значеніе главы о воспитаніи и обученіи Винскаго; главы: «Привилегіи дворянству и городамъ», «Въ тюрьмѣ заключеніе», «Вина перевода комиссіи», «Жизнь русская домашняя» (начало); кое-что—по преимуществу изъ только что указаннаго—не безъ интереса прочтетъ и обыкновенный чита-

тель, но всего этого мало, чтобы ставить записки Винскаго въ первомъ ряду нашей мемуарной литературы XVIII в., какъ то склоненъ дѣлать г. Щеголевъ.

Записки Винскаго изданы г. Щеголевымъ по тексту «Русскаго Архива» (гдѣ онѣ были напечатаны въ 1877 году) безъ всякихъ перемѣнъ; въ приложеніи перепечатанъ изъ «Русскаго Архива» написанный Винскимъ «проектъ о усиленіи россійской съ Верхнеіі Азіей торговли чрезъ Хиву и Бухарію». Вся редакторская работа г. Щеголева свелась, такимъ образомъ, къ составленію небольшого предисловія, $1^1/_2$ страницъ примѣчаній (изъ нихъ одну страницу занимаетъ выдержка изъ Стерна) и указателя собственныхъ именъ.

При такихъ условіяхъ цѣну этой книги—1 р. 25 к. за 150 стр. небольшого формата—нельзя не признать весьма высокой: вѣдь это въ сущности обыкновенная перепечатка ранѣе опубликованнаго матеріала.

К. Сивковъ

Сочиненія Мих. Дм. Чулкова. Изд. Отдѣл. рус. языка и слов. Императорской Академіи Наукъ. Т. I. Собраніе разныхъ пѣсенъ. Спб. 1913.

Потребность въ этомъ изданіи давно уже назрѣла. Всѣмъ занимающимся и интересующимся нашей литературой Екатерининской эпохи постоянно приходилось считаться съ крайнею рѣдкостью большинства изданій Чулкова (полнаго подбора ихъ не имѣетъ ни одно наше публичное собраніе; нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, исчезли безъ слѣда). Между тѣмъ Чулковъ былъ однимъ изъ наиболѣе характерныхъ представителей «народническаго» теченія Екатерининской эпохи, большинство его изданій въ свое время пользовалось исключительнымъ успѣхомъ. Безъ внимательнаго изученія ихъ не можетъ быть полной характеристики современной ему литературы.

Академическое изданіе (подъ наблюденіемъ акад. А. И. Соболевскаго, редакція П. К. Симони) даетъ въ I томѣ 3 части «Собранія разныхъ пѣсенъ» съ «Прибавленіемъ» 1770—1773 г.г.

Насколько можно судить по этому тому, въ изданіи нѣтъ опредѣленнаго плана. Оно начато *съ середины* литературной дѣятельности Чулкова; ея начало и конецъ будутъ даны въ другихъ томахъ; нѣтъ примѣчаній, которыхъ можно было бы ожидать отъ Академическаго изданія. Почему *«Сочиненія»* Чулкова, а не *«Сочиненія и изданія»* разъ онъ былъ, главнымъ образомъ, издателемъ? Его изданія были гораздо значительнѣе собственныхъ сочиненій.

Отсутствіе примѣчаній (предисловіе ихъ не обѣщаетъ и въ дальнѣйшихъ томахъ) особенно странно. Легко было указать источники и авторовъ многихъ пѣсенъ, пущенныхъ въ широкій оборотъ чулковскимъ пѣсенникомъ (Сумароковъ, «Трудолюбивая Пчела»; пѣсня Ѳ. Г. Волкова: «Станемъ братцы, пѣть старую пѣсню» и пр.). Искусственная литература, которою могъ воспользоваться Чулковъ въ своемъ пѣсенникѣ, настолько не велика, что сдѣлать это было очень легко. То же можно сказать и о народ-

ныхъ и солдатскихъ пѣсняхъ. Чулковъ даетъ ихъ, обыкновенно, въ хорошей записи. По отношенію ко многимъ изъ нихъ его пѣсенникъ даетъ наиболѣе ранній (слѣдовательно, и наиболѣе близкій къ первоначальной редакціи) текстъ. Почему не указать было позднѣйшія записи и публикаціи, что еще болѣе подчеркнуло бы цѣнность Чулковскаго пѣсенника?

Въ цѣломъ онъ является драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для изученія взаимодѣйствія народной и искусственной поэзіи во-вторую половину XVIII вѣка. Особенно онъ богатъ солдатскими пѣснями, которыя были записаны въ XIX вѣкѣ въ изуродованномъ, за рѣдкими исключеніями, видѣ. Записи Чулкова (или его сотрудниковъ) близки къ моменту возникновенія этихъ пѣсенъ; во многихъ изъ нихъ есть рядъ намековъ, отдѣльныхъ штриховъ, которые позднѣе сгладились, въ настоящемъ же своемъ видѣ живо рисуютъ среду и моментъ своего возникновенія. Большой интересъ представляютъ *полународныя* пѣсни, исправленія народныхъ пѣсенъ или поддѣлки подъ нихъ, то болѣе, то менѣе удачныя, иногда очень слабыя. За ними чувствуется растущій въ обществѣ культъ народной пѣсни, въ нихъ—первыя попытки сближенія искусственной поэзіи съ народной. Обычныя представленія о полной *простонародности* нашей народной поэзіи въ XVIII вѣкѣ, по существу, невѣрны. Не говоря о среднихъ классахъ, и высшіе увлекались тогда народною пѣсней. Отъ XVIII вѣка дошло громадное количество печатныхъ и рукописныхъ пѣсенниковъ, свидѣтельствъ объ интересѣ къ народной пѣснѣ при дворѣ, у аристократіи, столичнаго и провинціальнаго дворянства. То же указываетъ и исключительный успѣхъ пѣсенниковъ Чулковскаго, Новиковскаго и др.

Именно поэтому и нужно было освѣтить ихъ переизданіе возможно большимъ количествомъ объяснительныхъ примѣчаній.

Не имѣя возможности исчерпать весь богатый матеріалъ въ короткой замѣткѣ, укажемъ нѣсколько болѣе интересныхъ фактовъ.

Пѣсня объ Иванѣ Грозномъ начинается характерною фразой, исчезнувшей въ позднѣе записанныхъ варіантахъ (стр. 167, № 125):

Вы, *молодые ребята,* послушайте,
Что мы, *стары старики,* будемъ сказывать
Про Грознаго царя Ивана про Васильевича и пр.

Въ пѣснѣ № 129 первой части (стр. 171) старинное слово «ладушка»-жена; въ № 189 «Жидовинъ» (стр. 226) въ необычномъ смыслѣ, не имѣетъ ни этническаго, ни браннаго, повидимому, значенія; въ пѣснѣ № 124 второй части (стр. 411): «еще что *у насъ въ Москвѣ,* братцы, за кручины»; въ пѣснѣ № 126, стр. 414: «На разсвѣтѣ было въ середу, *на дорогѣ на Трояновой*»; (Срв. «Тропа Трояна» «Слово о полку Игоревѣ»; пѣсня—полународная—относится къ Турецкой войнѣ); въ № 164 (стр. 450): «проявился удалой молодецъ что *у насъ ли во Покровскомъ во селѣ*»; въ пѣснѣ № 168 (стр. 454) старинное «насадъ»-судно; № 179 (стр. 462): «во Архангельскомъ во градѣ... ахъ, *у насъ было на звозѣ, на буяновой горѣ*»; «чежелешенько» (№ 180, стр. 464); «Какъ у насъ было во прошломъ во году» (№ 189, стр. 471); «*Чурилово* подворье»

(№ 197, стр. 479); «Какъ *у насъ ли* въ каменной Москвѣ» (стр. 581); въ солдатской пѣснѣ (№ 73 третьей части, стр. 589): «третьяго числа было надесять, что іюля лѣтня мѣсяца, семьдесять ли во первомъ году»; «какъ во прошломъ во году пріѣзжали мы въ Москву» (№ 77, стр. 594); «Мы на легкой были пашенькѣ, на рукопашномъ на сраженьицѣ» (стр. 612); «Мимо *нашего* Покровскаго села пролегала матка Яуза рѣка» (стр. 614, № 96); старинное «жировать» (№ 114, стр. 531); старинныя «бажить», «лада», «ладо» (№№ 125 и 126, 159, 170, стр. 642—645, 689, 691); старинное «шелепъ» (№ 150, стр. 670); «Къ Долгорукову двору» (№ 154, стр. 673); старинное: «быстры рѣки *залелѣяли*» (стр. 687, № 167); № 197, стр. 720: «ажно нашу Параню къ погребенію несутъ, Водопьяновъ Васильюшка догадливъ былъ»; № 198, стр. 722: «Какъ провѣдалъ Яшка Свиньинъ»; старинное «ратиться»-клясться («рота»)—№ 199, стр. 723 и пр.

Уже однѣ эти бѣглыя справки показываютъ, какъ много даетъ Чулковскій пѣсенникъ для исторіи поэзіи, языка и пр.

Не все благополучно обстоитъ въ Академическомъ изданіи и съ текстомъ. Мѣстами онъ вызываетъ большія недоразумѣнія: «всеелочки» вм. «веселочки» (стр. 180), «за незаровню» вм. «за неровню» (стр. 191), «хорошеньно» вм. «хорошенько» (стр. 229); часто текстъ почему-то въ скобкахъ (стр. 324, 325, 326, 407); «корости» вм. «корысти» (стр. 419); «имрака» (?? стр. 422); «Курбоновичи» вм. «Курбановичъ» (стр. 482); «неможно» вм. «немного» (стр. 614), «за Невою за рѣкою. Что живетъ мужикъ бобыль» (стр. 629—точка внутри предложенія); «разебьемте» (стр. 723), «тто» вм. «что» (стр. 742) и пр., и пр.

Если это опечатки оригинала, ихъ нужно было оговорить—и исправить; если это ошибки воспроизведенія—онѣ непростительны въ Академическомъ изданіи...

Чѣмъ объясняются вставки въ скобкахъ въ отдѣльныхъ частяхъ словъ? Вѣроятно, г. Симони пользовался экземпляромъ съ прорванными страницами и восполнялъ пропуски предположительно. Если такъ, это тоже нужно было оговорить. Трудно предположить, чтобы Чулковъ не допечатывалъ словъ или вводилъ въ текстъ ненужныя скобки...

Въ I томѣ редакторъ отъ себя почти ничего не даетъ, если не считать такихъ странныхъ по построенію и *повторенію* фразъ о Чулковѣ, какъ «писатель, другъ Новикова, *ученикъ* актера Волкова и *рано обратившій на себя вниманіе Екатерины II*» (стр. IV) и «писатель, журналистъ, драматургъ, публицистъ, вышедшій еще(?) изъ петербургскаго кружка Н. И. Новикова и близкій къ нему въ то время человѣкъ, ранѣе бывшій актеромъ и ученикомъ извѣстнаго основоположника(?) Русскаго Театра (большія буквы!) Ѳ. Г. Волкова».. Къ чему все это?

При всѣхъ своихъ очевидныхъ недостаткахъ Академическое изданіе все же является цѣннымъ вкладомъ въ нашу научную литературу—прежде всего потому, что опять возвращаетъ въ широкій научный обиходъ совсѣмъ почти забытаго и никому почти недоступнаго Чулкова. Съ большимъ трудомъ собиралъ г. Симони разбросанные по разнымъ книжнымъ хранилищамъ отдѣльные выпуски сочиненій и изданій Чулкова—и объединилъ

ихъ въ изданіи хотя и не совершенномъ, но для всѣхъ теперь доступномъ.

Къ I тому приложено нѣсколько снимковъ съ рѣдкихъ портретовъ Чулкова и отдѣльныхъ страницъ его пѣсенника.

В. Каллашъ.

Вадимъ Новгородскій. Трагедія Я. Княжнина. Съ предисловіемъ В. Саводника. М. 1914.

Напечатанная въ 1793 г., въ самый разгаръ французской революціи, трагедія Княжнина обратила на себя неблагосклонное вниманіе императрицы Екатерины II, «нашедшей въ ней отголосокъ республиканскихъ идей и политическаго вольномыслія», подверглась преслѣдованію и уничтоженію; Екатерина хотѣла даже велѣть сжечь трагедію рукою палача, и только въ 1871 г. она была перепечатана П. А. Ефремовымъ въ «Русской Старинѣ», съ пропускомъ однако четырехъ строкъ («Самодержавіе повсюду бѣдъ содѣтель».. и пр.). Въ такомъ же видѣ перепечатана была трагедія Бурцевымъ въ его изданіи: «Библіографическое описаніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ» (т. I, стр. 88—108). Только теперь, въ настоящемъ изданіи, «Вадимъ» перепечатывается цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ, хотя и съ нѣкоторыми отличіями въ текстѣ сравнительно съ изданіемъ 1793 года.

Трагедіи предпослано интересное предисловіе В. Саводника, которое вызываетъ однако нѣкоторыя замѣчанія. Не останавливаясь на печальной участи трагедіи, многократно разсказанной и потому уже извѣстной, авторъ въ общихъ чертахъ касается исторіи литературной обработки преданія о мятежѣ, поднятомъ новгородцемъ Вадимомъ противъ князя Рюрика, записаннаго въ Никоновской лѣтописи подъ 6371 годомъ (863) и сообщающаго вкратцѣ о недовольствѣ новгородцевъ правленіемъ Рюрика, о гибели какого-то Вадима «храбраго» съ «иными многими новгородцами, совѣтниками его».

Первая попытка литературной обработки этого преданія принадлежитъ самой Екатеринѣ въ ея «Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика» (1786). Ссылаясь на слова сына трагика, сообщавшаго, что «Вадимъ» написанъ еще до начала французской революціи, В. Саводникъ считаетъ возможнымъ, что именно упомянутое «Историческое представленіе» и навело Княжнина на мысль написать свою злополучную трагедію, которая, по словамъ предисловія, «хронологически почти примыкаетъ къ произведенію императрицы». Не возражая по существу противъ такого предположенія, я замѣчу лишь, что оно нуждается въ провѣркѣ и подтвержденіи: сообщеніе сына Княжнина все-таки слишкомъ обще, чтобы на немъ можно было построить указанную хронологическую послѣдовательность двухъ пьесъ.

Въ трагедіи Княжнина, по справедливымъ словамъ В. Саводника, «мы видимъ не только столкновеніе двухъ лицъ, но и столкновеніе двухъ политическихъ системъ, двухъ идеологій»: республиканской, выразителемъ которой является Вадимъ, и монархической, въ лицѣ Рюрика. Также правъ В. Саводникъ, утверждая, «что республиканскія» тирады Вадима, съ ихъ восхваленіемъ

свободы и рѣзкими выпадами противъ неограниченной власти, вовсе не стоятъ особнякомъ въ русской драматической литературѣ того времени,—и если выраженіе этихъ идей и чувствъ въ трагедіи Княжнина вызвало цензурныя преслѣдованія, между тѣмъ какъ Николевъ за свою трагедію «Сорена и Замиръ» удостоился благоволенія государыни, то это, по вѣрному замѣчанію акад. Сухомлинова, объясняется только тѣмъ, что произведеніе Николева появилось до революціи, а «Вадимъ» былъ напечатанъ послѣ нея. Вѣрно замѣчаніе и объ идейной зависимости вообще всей русской псевдоклассической трагедіи отъ ея французскихъ образцовъ и въ частности Княжнина, для котораго въ данномъ случаѣ образцами служили Корнелевскій «Цинна» и такъ называемыя «римскія» трагедіи Вольтера («Брутъ», «Смерть Цезаря»), въ особенности—послѣдняя.

Что же касается безусловно отрицательнаго вывода, къ которому мы, по мнѣнію В. Саводника, должны прійти, касаясь вопроса о томъ, насколько справедливы были выставленныя противъ Княжнина обвиненія въ проповѣди республиканскихъ идей, то безусловность эта, на мой взглядъ, сомнительна, и не всѣ придутъ къ этому отрицательному выводу. «Хотя несомнѣнно,—говоритъ В. Саводникъ,—что Княжнинъ до извѣстной степени усвоилъ себѣ многія воззрѣнія французской просвѣтительной философіи XVIII вѣка, отразившіяся и въ его произведеніяхъ, однако у насъ нѣтъ данныхъ предполагать, чтобы онъ былъ склоненъ къ какимъ-либо крайнимъ выводамъ, особенно въ области политическихъ идей. Конечно, его Вадимъ, подобно Бруту Вольтера и Циннѣ Корнеля, на протяженіи всей пьесы восхваляетъ свободу и громитъ «тирановъ»,—однако это естественно вытекало изъ всего замысла его характера и изъ его положенія въ качествѣ политическаго заговорщика, и мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, что авторъ вкладывалъ ему въ уста свои собственныя идеи и чувства. Напротивъ того, если мы будемъ сравнивать то общее впечатлѣніе, которое производятъ оба противника—Вадимъ и Рюрикъ, то не можемъ не замѣтить, что послѣдній изображенъ Княжнинымъ гораздо болѣе симпатичными чертами, чѣмъ Вадимъ, проповѣдывающій свободу—и въ то же время являющійся настоящимъ тираномъ по отношенію къ собственной дочери, которую онъ, не спрашивая ея согласія, предназначаетъ въ награду тому, кто освободитъ отечество отъ власти Рюрика». Проповѣдь республиканскихъ идей въ трагедіи «Вадимъ», на мой взглядъ, нужно отдѣлять отъ вопроса о томъ, свои ли собственныя идеи и чувства вкладывалъ Княжнинъ въ уста Вадима. Этого послѣдняго вопроса мы разрѣшить не можемъ, ибо у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для сужденія о томъ, какихъ политическихъ воззрѣній придерживался авторъ настоящей трагедіи, но никто не станетъ отрицать, что Вадимъ высказываетъ республиканскія воззрѣнія, и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія Екатерины II эта проповѣдь налицо. Пускай, съ нашей точки зрѣнія, всѣ эти рѣчи Вадима—реторика, но вѣдь не такъ смотрѣли въ XVIII вѣкѣ, когда какъ разъ эту реторику особенно и цѣнили, и слѣдовательно республиканскія тирады Вадима могли производить впечатлѣніе на зрителей. Что касается общаго впечатлѣ-

нія, производимаго, двумя главными персонажами, то это пріемъ очень субъективный, и, напримѣръ, мое впечатлѣніе иное, чѣмъ автора предисловія, и я не могу согласиться съ его словами, что «Рюрикъ, а вовсе не Вадимъ, является настоящимъ героемъ трагедіи,—и что вся она, взятая въ цѣломъ, производитъ впечатлѣніе апоѳеоза монархической власти». Пусть Рюрикъ изображенъ авторомъ гораздо болѣе симпатичными чертами, все-таки героемъ можетъ считаться не онъ, а Вадимъ, который не можетъ жить среди общества, члену котораго «гнусные рабы, оковъ себѣ просящи», и предпочитаетъ смерть, ибо «смерть благо, ежели жизнь должно ненавидѣть». Самоубійство окружаетъ Вадима извѣстнымъ ореоломъ, и его не можетъ затмить послѣднее рѣшеніе Рюрика, который въ заключеніе говоритъ:

«...должности моей стенающій блюститель,
Чтобъ быть невольникомъ, быть долженъ я властитель!..
Я буду, и себя съ пути не совращу,
Гдѣ вамъ подобенъ ставъ, вамъ, боги, отомщу!»

Пусть онъ рѣшилъ стать «подобенъ» богамъ, но все-таки онъ признается:

«Величіе мое лишь только въ тягость мнѣ!
Страдая, жертвой я быть долженъ сей странѣ».

Я не остановился еще на одномъ обвиненіи по адресу Вадима, именно, что онъ проповѣдуетъ свободу и въ то же время является «настоящимъ тираномъ по отношенію къ собственной дочери, которую онъ, не спрашивая ея согласія, предназначаетъ въ награду тому, кто освободитъ отечество отъ власти Рюрика». Но такая тиранія Вадима вытекаетъ, на мой взглядъ, изъ основнаго требованія теоріи ложно-классической драмы, согласно которой непремѣннымъ элементомъ въ трагедіи должна быть борьба чувства и долга. Обратите вниманіе на то, что вѣдь Рамида, дочь Вадима, нисколько не протестуетъ, по существу, противъ повиновенія родительской власти: въ ней сильно чувство долга.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе еще и на то, что Вадимъ не можетъ повѣрить слуху, будто его дочь страстію пылаетъ «къ носящу здѣсь вѣнецъ»; для него это преступленіе, и нисколько не удивительны въ его устахъ слѣдующія слова:

«Отцеубійца ты, меня во гробъ вселяя;
Измѣнница! твое отечество предавъ,
И вольность согражданъ, и святость нашихъ правъ
О ты, сообщница коварнаго тирана,
Которымъ съ кротостью дана намъ смертна рана».

Его дочь можетъ быть достойной его и подобной ему тѣмъ, чтобы

«Изъ сердца истребя жаръ гнусныя отравы,
Со мною шествуя ко храму вѣчной славы,
Къ тирану въ ненависть любовь преобразить».

Вѣдь онъ только тогда можетъ дочь свою «во всемъ познать и міру безъ стыда Рамиду показать», когда она поклянется, что, «одолѣвъ душъ рабскихъ страстну муку», изъ согражданъ тому отдастъ свою руку,

«За вольность общества кто паче всѣхъ герой
Покажетъ, что владѣть достоинъ онъ тобой».

Здѣсь такимъ образомъ виновата идеологія Вадима, а не просто его тиранія. Пусть подобнаго рода идеологія не права, но въ жизни всегда она будетъ имѣть свое вліяніе. При печатаніи трагедіи В. Саводникъ пользовался не только изданіемъ 1793 года, но и одной старой рукописью, принадлежащей теперь Н. П. Сидорову и когда-то составлявшей собственность извѣстнаго московскаго собирателя книгъ Н. П. Носова. Текстъ трагедіи по этому списку значительно разнится отъ печатнаго текста изданія 1793 года. Почти всѣ отступленія рукописнаго текста отъ печатнаго «свидѣтельствуютъ, по словамъ В. Саводника, о явномъ и сознательномъ стремленіи внести въ текстъ трагедіи различныя исправленія, замѣнить неудачные выраженія и обороты болѣе удачными, придать стиху большую легкость и правильность: такимъ образомъ, измѣненія эти касаются не столько смысла и содержанія текста трагедіи, сколько ея внѣшней формы,—языка и стиля, которые въ «Вадимѣ» значительно слабѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ того же автора». Исходя изъ предположенія, что Княжнинъ, если бы самъ печаталъ свою трагедію, внесъ бы поправки, а также потому, что рукописные варіанты не искажаютъ смысла тѣхъ фразъ, въ которыхъ они встрѣчаются, В. Саводникъ рѣшился внести «значительную часть этихъ измѣненій въ самый текстъ трагедіи». Является вопросъ, почему же не всѣ, или почему эти, а не другія. Чѣмъ руководился редакторъ при выборѣ варіантовъ. Вѣдь нужно имѣть въ виду, что рукопись Носова не единственная: встрѣчаются рукописные тексты трагедіи и въ другихъ собраніяхъ. Такъ въ Чертковской библіотекѣ имѣется списокъ «Вадима» тоже, повидимому, довольно старый и очень неисправный (№ $1^3/_{60}$), занимающій какъ бы средину между печатнымъ текстомъ 1793 г. и рукописью Носова: онъ почти сходенъ съ печатнымъ текстомъ, но въ немъ встрѣчаются варіанты, какъ разъ характерные для рукописи Носова. Въ виду такихъ обстоятельствъ редакторъ долженъ избрать основной текстъ, а изъ другихъ списковъ привести варіанты. Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ рукописные тексты трагедіи болѣе поздніе сравнительно съ печатнымъ изданіемъ 1793 г., то само собой слѣдуетъ, что текстъ этого изданія и должно было бы признать основнымъ.

Съ внѣшней стороны изданіе очень изящно, и оно, конечно, будетъ имѣть успѣхъ, хотя разсчитано, повидимому, только на любителей и спеціалистовъ: отпечатано всего лишь 325 экземпляровъ.

Н. Кашинъ.

К. К. Истоминъ. «Старая манера» Тургенева (1834—1855 гг.). Опытъ психологіи творчества. Спб., 1913. 128 стр.

За послѣдніе годы появились нѣкоторыя работы, посвященныя художественной манерѣ И. С. Тургенева въ начальный періодъ его творчества.

Онѣ немногочисленны: статья г. Грузинскаго о «Запискахъ охотника» и очерки г. Гершензона (важнѣйшій изъ нихъ касается поэмъ Тургенева). Теперь къ нимъ прибавилось еще новое изслѣ-

дованіе. Г. Истоминъ поставилъ цѣлью дать анализъ художественнаго стиля Тургенева за весь первый періодъ его творчества—отъ полудѣтскихъ литературныхъ опытовъ до «Рудина». Совокупность особенностей поэтическаго стиля Тургенева за это время изслѣдователь называетъ «старой манерой», пользуясь выраженіемъ самого Тургенева. Авторъ исходитъ изъ того основного положенія, что Тургеневъ принадлежитъ къ числу писателей, надъ творчествомъ которыхъ очень долго сохраняетъ свою силу обаяніе чужихъ литературныхъ образовъ: молодой Тургеневъ «весь сложный міръ человѣческой души, типовъ и характеровъ возводилъ къ знакомымъ образамъ родной и чужой поэзіи», беря свои краски еще не изъ жизни, а изъ своего богатаго литературнаго запаса. Тургеневъ очень долго искалъ себя,—по мнѣнію г. Истомина, до 1855 года. Всю эту, какъ бы предварительную, стадію г. Истоминъ дѣлитъ на 4 періода. Самый ранній періодъ обнимаетъ собою, приблизительно, время отъ 1834 по 1842 годъ. Въ этотъ первый періодъ «старой манеры», о которомъ наши свѣдѣнія очень скудны, Тургеневъ былъ «типичнымъ романтикомъ скорѣе западно-европейскаго покроя, чѣмъ русскаго»; идеалы западно-европейской поэзіи дѣйствовали на него въ эту пору гораздо сильнѣе, чѣмъ образы русской литературы. Типичнѣйшее произведеніе Тургенева въ 30-е годы—поэма «Стéно» (см. «Голосъ Минувшаго» 1913, № 8). Второй періодъ длился съ 1842 по 1846 годъ; это—періодъ смѣшанныхъ стилей: пушкинскаго, лермонтовскаго и «натуральнаго». Въ произведеніяхъ Тургенева этой поры нѣтъ еще ничего специфически тургеневскаго: его поэмы и повѣсти—какъ бы геніальныя упражненія въ разныхъ стиляхъ, имѣющія для автора прежде всего методологическое значеніе. Въ поэмѣ «Параша» (а также «Андрей», «Разговоръ») можно выдѣлить элементы всѣхъ трехъ стилей. Иначе сказать, эти поэмы были для Тургенева «повѣркой пушкинскаго и лермонтовскаго стиля въ условіяхъ натуральной школы». Къ концу періода Тургеневъ, боясь «разсыпаться» и совершенно растворить себя въ чужихъ стиляхъ, умышленно углубляетъ и расширяетъ каждый стиль въ отдѣльности: повѣсть «Андрей Колосовъ» написана въ пушкинскомъ, объективномъ стилѣ, «Три портрета»—упражненіе въ лермонтовскомъ стилѣ, поэма «Помѣщикъ» и особенно повѣсть «Бреттёръ» созданы въ стилѣ чистаго «натурализма». Границы слѣдующаго періода въ творчествѣ Тургенева г. Истоминъ опредѣляетъ отъ 1849 до 1852 г. Этотъ періодъ проходитъ для Тургенева всецѣло подъ знакомъ гоголевскаго вліянія. За это время Тургеневымъ былъ написанъ рядъ комедій, «Записки охотника» и нѣсколько повѣстей. «Слѣдуя гоголевскому стилю, Тургеневъ теперь отъ легкихъ набѣговъ на русскій бытъ переходитъ къ серьезному и вдумчивому его изученію». Повѣсть «Пѣтушковъ» наиболѣе рѣзко отразила на себѣ гоголевское вліяніе: она написана въ тонѣ мягкаго юмора Гоголя. Въ «Запискахъ охотника» Тургеневъ сдѣлалъ попытку расширить сферу гоголевскаго юмора. Охватить этимъ юморомъ крестьянскую среду, а также и некультурное дворянство ему было очень легко; но дворянскій образованный слой еще не давалъ автору для изображенія объективнаго и спокойнаго тона. Наконецъ, въ періодъ отъ 1852 по 1855 годъ

Тургеневъ въ своемъ творчествѣ примиряетъ пушкинскій и гоголевскій стили и въ результатѣ находитъ свой собственный обаятельный стиль—тургеневскій. Повѣсть «Два пріятеля» написана еще въ гоголевскихъ рамкахъ и тонахъ; «Затишье» является предвѣстникомъ новой манеры писателя; наконецъ, въ «Фаустѣ» Тургеневъ впервые заговорилъ своимъ языкомъ: это произведеніе завершаетъ тотъ путь, по которому шелъ Тургеневъ, постепенно уклоняясь отъ Гоголя и приближаясь къ Пушкину. Тургеневъ нашелъ свой языкъ и лучшую часть самого себя въ мягкой и тоскующей по идеалу душѣ русской женщины; въ зрѣлую пору своего творчества онъ выдѣляетъ своихъ идеальныхъ героинь изъ сферы юмора и обвѣваетъ ихъ ароматомъ пушкинской поэзіи, а гоголевскіе тоны сохраняетъ лишь для изображенія пошлой среды, второстепенныхъ лицъ своихъ романовъ.

Такова въ очень сокращенномъ видѣ основная схема изслѣдованія г. Истомина. Въ общемъ, изслѣдованіе это нужно признать заслуживающимъ вниманіе всѣхъ, интересующихся творчествомъ Тургенева. И спеціалисты, и читатели изъ широкой публики найдутъ въ этой книгѣ много дѣльныхъ и любопытныхъ соображеній. Очень цѣнно, что для освѣщенія отдѣльныхъ художественныхъ произведеній Тургенева авторъ привлекаетъ критическія статьи романиста и его письма за соотвѣтственный періодъ; такимъ путемъ ему иногда удается хорошо выяснить творческіе замыслы автора. Для примѣра можно указать, какъ г. Истоминъ выясняетъ психологическій смыслъ появленія «Записокъ охотника» въ связи съ основными душевными настроеніями Тургенева въ концѣ 1846 и въ 1847 г.г. (стр. 56—63).

Но нужно сказать, что въ книгѣ г. Истомина на ряду съ очень цѣнными и вдумчивыми обобщеніями находятся и утвержденія спорныя или вызывающія недоумѣніе. Желаніе автора построить стройную схему заставляетъ его иногда слишкомъ односторонне относиться къ фактамъ, и потому принять цѣликомъ предлагаемое имъ дѣленіе трудно. Такъ, весьма сомнительно, чтобы «однозвучность» произведеній Тургенева за 3-й періодъ (стр. 54) была такъ ужъ велика. Вліяніе Гоголя на Тургенева въ 1846—1852 г.г. несомнѣнно, но намъ представляется натяжкой, когда г. Истоминъ подводитъ цѣликомъ, напр., «Записки охотника» подъ формулу гоголевскаго вліянія. Далѣе, г. Истоминъ указываетъ, что разсматриваемый нами періодъ творчества Тургенева «справедливо считается періодомъ комедій». Именно съ точки зрѣнія общей схемы г. Истомина чрезвычайно важно было бы дать анализъ стиля комедій Тургенева и показать на нихъ силу гоголевскаго вліянія. (Въ частности, любопытенъ былъ бы анализъ комедіи «Безденежье»—совершенно гоголевской: близость ея героя къ Хлестакову прямо поразительна). Однако, о комедіяхъ Тургенева г. Истоминъ не говоритъ ни слова. Какъ видно (стр. 104) онъ намѣревается дать отдѣльное изслѣдованіе объ этихъ комедіяхъ; тѣмъ не менѣе въ планѣ настоящей работы отъ пропуска комедій получается существенный пробѣлъ. Какъ мы видѣли, по схемѣ г. Истомина выходитъ, что Тургеневъ настоящимъ образомъ нашелъ себя только къ 1855-му году. Такимъ образомъ, при-

ходится признать, что такая, напр.. вещь, какъ «Переписка» (1850) написана еще не «настоящимъ» тургеневскимъ стилемъ,—трудно съ этимъ согласиться. Еще труднѣе согласиться съ тѣмъ, что послѣ 1855 г. Тургеневъ «навсегда отвернулся отъ мужской половины рода человѣческаго и всѣ свои надежды и чаянія возложилъ на русскую женщину» (стр. 105),—въ этомъ чувствуется преувеличеніе, и не малое. На стр. 105-й читаемъ: «Если сбавить поэтическое чутье «лишнихъ людей», выставить на первый планъ ихъ привязанность къ жизни... то передъ нами предстанутъ Гамлеты и Чулкатурины въ подлинномъ своемъ видѣ. Тургеневъ такъ и поступилъ въ двухъ своихъ разсказахъ: «Два пріятеля» и «Затишье». Когда же на стр. 109—111 авторъ обращается къ болѣе подробному анализу «Затишья»,—о Гамлетахъ въ подлинномъ видѣ не упоминается, да и дѣйствительно трудно понять, какъ связать эту тему съ «Затишьемъ»? Г. Истомину случается противорѣчить себѣ: напр., на стр. 103-й то, что Чулкатуринъ пишетъ въ своемъ дневникѣ о природѣ, опредѣляется, какъ «мягкіе звуки пушкинской поэзіи, нѣжныя строки о природѣ», а на стр. 99-й говорится: «На прощаніе съ природой у него еще хватило нѣсколько водянистыхъ и шаблонныхъ фразъ». Вообще о «Дневникѣ лишняго человѣка» можно сказать, что психологическое толкованіе этого произведенія принадлежитъ къ числу наименѣе удачныхъ частей книги г. Истомина,—авторъ здѣсь, что называется, перемудрилъ. Какъ извѣстно, дневникъ Чулкатурина оканчивается знаменитымъ автографомъ «Пѣтра Зудотѣшина»; г. Истоминъ обращаетъ вниманіе на то, что тутъ же «находится *профиль головы съ большимъ хохломъ и усами*» и ставитъ вопросъ: «Чей это профиль? Кому онъ принадлежитъ?»—«Въ виду несомнѣнной психологической связи между «Гамлетомъ» и «Дневникомъ» можно думать, что профиль этотъ принадлежитъ остряку Лупихину, который также былъ *съ высокимъ хохломъ и усами»* (курсивъ автора). И вотъ на почвѣ этого по меньшей мѣрѣ страннаго сближенія г. Истоминъ строитъ цѣлый рядъ соображеній—довольно сложныхъ, но не довольно вразумительныхъ...

Изъ болѣе мелкихъ недосмотровъ можно отмѣтить слѣдующее. На стр. 10-й, говоря о томъ, какъ сильно сказывалось въ первыхъ литературныхъ опытахъ молодого Тургенева воспріятіе чужихъ образовъ, изслѣдователь, между прочимъ, ссылается на нѣкоторыя литературныя реминисценціи въ «Степномъ королѣ Лирѣ» и «Казни Тропмана» — произведеніяхъ совсѣмъ не раннихъ. Дважды г. Истоминъ упоминаетъ, что Гамлетъ Щигровскаго уѣзда говоритъ о своей «лысой» женѣ,—это недоразумѣніе. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что комедія «Холостякъ» въ собраніи сочиненій Тургенева называется «Нахлѣбникъ»,—странное смѣшеніе двухъ разныхъ комедій. Въ заключеніе хочется еще спросить у автора, зачѣмъ онъ такъ распространительно понимаетъ типъ Печорина? «Нѣкоторой разновидностью печоринскаго типа» онъ называетъ охотника Владимира изъ «Львова», и даже нелѣпая Эмеренція Калимоновна изъ «Двухъ пріятелей» оказывается «Печоринымъ въ юбкѣ». Что общаго у этихъ комическихъ персонажей Тургенева съ Печоринымъ?

Всѣ отмѣченные недостатки не мѣшаютъ работѣ г. Истомина

быть полезнымъ пріобрѣтеніемъ въ литературѣ о Тургеневѣ. Авторъ правъ, что въ этой литературѣ господствуетъ до сихъ поръ по преимуществу біографическій матеріалъ и что пора заняться болѣе пристальнымъ изученіемъ стиля великаго писателя. Что біографическій матеріалъ при этомъ изученіи долженъ играть очень важную роль,—это вполнѣ признаетъ и г. Истоминъ.

М. Клевенскій.

«Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца». Книга 24-я. Выпускъ I. Издана подъ ред. Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 2 руб.

Расцвѣтъ историческаго общества Нестора Лѣтописца, одного изъ старѣйшихъ провинціальныхъ историческихъ обществъ, совпадаетъ съ дѣятельностью въ немъ сначала А. Котляревскаго, потомъ Н. Дашкевича. Начавъ занятія въ 1873 г., общество это насчитываетъ за собой солидный срокъ 41-лѣтняго существованія, въ теченіе котораго состоялось свыше полутысячи засѣданій, изъ коихъ юбилейное пятисотое ознаменовалось рѣчью проф. Лободы, подводившаго итогъ его работамъ. Имѣется и печатный очеркъ исторіи общества, составленный еще въ 1899 г. покойнымъ Дашкевичемъ. Съ средины минувшаго десятилѣтія дѣятельность Общества нѣкоторое время проявилась менѣе интенсивно, чѣмъ въ былые годы, но затѣмъ вновь начала усиливаться, что отразилось и на издаваемыхъ Обществомъ «Чтеніяхъ», гдѣ помѣщаются офиціальные отчеты о составѣ и дѣятельности Общества и научныя статьи и матеріалы. Въ настоящее время Общество ежегодно выпускаетъ по одной книгѣ своихъ чтеній въ 2 выпускахъ, около 15 печ. листовъ каждый.

Въ рецензируемой книжкѣ, въ отдѣлѣ статей, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе обстоятельный очеркъ Н. К. Гудзія: «Гоголь — критикъ Пушкина». Затрагивая вопросъ, почти совершенно новый въ научной литературѣ, авторъ подчеркиваетъ значительную, по его мнѣнію, роль Гоголя въ дѣлѣ истолкованія Пушкина: «Въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть поставленъ почти на ряду съ Бѣлинскимъ съ тою только оговоркой, что право почина все же остается за Гоголемъ». Не чуждый нѣкоторой доли преувеличенія въ опредѣленіи критическихъ способностей Гоголя, который иногда въ своихъ статьяхъ ограничивался лирическимъ экстазомъ тамъ, гдѣ хотѣлось бы встрѣтить точныя доказательства,— очеркъ Н. Гудзія производитъ, однако, вполнѣ благопріятное впечатлѣніе (особую рецензію о немъ мы помѣстили во 2-мъ выпускѣ «Филолог. Записокъ»).

Любопытна также замѣтка П. П. Филипповича: «Два неизвѣстныхъ стихотворенія Е. А. Боратынскаго». Авторъ съ несомнѣнной достовѣрностью доказываетъ принадлежность Боратынскому двухъ стихотвореній, напечатанныхъ въ старыхъ журналахъ безъ подписи. Догадки свои авторъ основываетъ, главнѣйшимъ образомъ, на біографическихъ намекахъ, встрѣчающихся въ самихъ пьескахъ. Значительно слабѣе его стилистическія параллели, которыми онъ пытается доказать, что и формальныя особенности публикуемыхъ произведеній свойственны именно Боратынскому.

Внимательный анализъ показалъ бы ему, что нѣкоторыя изъ тѣхъ особенностей, которыя онъ приписываетъ изучаемому имъ поэту, свойственны далеко не только ему. Такъ, повтореніе слова въ строкѣ въ родѣ «Шуми, шуми съ крутой вершины»—имѣется и у Пушкина («Погасло дневное свѣтило» и др.), и у Лермонтова («Баллада» — «Берегись! берегись! Надъ бургасскимъ путемъ», и т. д.). Каково бы ни было происхожденіе этого пріема, но онъ вовсе не является характерной чертой именно Баратынскаго.

Къ области же литературы относятся ст. Огіенко «Легендарно-апокрифическій элементъ въ «Небѣ Новомъ» Іоникія Галятовскаго» и замѣтки В. И. Маслова — «Энциклопедическій словарь С. Селивановскаго» и «Къ біографіи О. М. Сомова».

О первой изъ этихъ замѣтокъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Какъ извѣстно, московскій типографщикъ Селивановскій въ 1822—1825 г. г. напечаталъ три тома «Энциклопедическаго словаря», хотя и не пустилъ ихъ въ продажу, ожидая, когда будутъ готовы остальные. Однако изданіе на этомъ прекратилось, причины чего до сихъ поръ были отчасти неизвѣстны. В. Н. Масловъ выясняетъ, что это находится въ связи съ дѣломъ декабристовъ, такъ какъ одинъ изъ участниковъ заговора, бар. Штейнгель, показывалъ, что Селивановскій, «желая способствовать къ развитію просвѣщенія и свободомыслія изданіемъ книгъ, занимается изданіемъ Энциклоп. словаря». Результатомъ этого былъ арестъ бумагъ Селивановскаго, въ нихъ не оказалось ничего предосудительнаго, но, видимо, пережитыя волненія отбили у Селивановскаго охоту «разливать просвѣщеніе».

Меньшее количество статей посвящено исторіи. Укажемъ на начало работы Г. Е. Аѳанасьева «1812 г. въ его дѣятеляхъ». Судя по началу (63 стран.), статья должна быть довольно обширной.

Здѣсь помѣщено окончаніе любопытнѣйшей статьи О. Левицкаго «Юзефъ Дунаевскій, помѣщикъ Сквирскаго уѣзда 2-й четверти XIX ст.». Въ статьѣ, полной интереснѣйшихъ бытовыхъ подробностей, авторъ разсказываетъ о назначеніи опеки надъ помѣщикомъ Дунаевскимъ за истязаніе крестьянъ, и о тѣхъ препятствіяхъ въ проведеніи этого предписанія, которыя ставила губернская дворянская опека, защищая своего собрата по сословію.

Б. В. Нейманъ.

Н. Н. Кашкинъ. Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе съ портретами. Подъ редакціею Б. Л. Модзалевскаго. Томъ II. Спб. 1913 г. 698 стр.

Этимъ томомъ завершается собраніе статей по генеалогіи рано скончавшагося трудолюбиваго изслѣдователя Н. Н. Кашкина, сына «послѣдняго петрашевца», нынѣ здравствующаго Н. С. Кашкина. Въ первомъ томѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1912 г., наиболѣе крупными изслѣдованіями являются «Родъ Вандомскихъ» и «Жизнеописаніе нѣкоторыхъ членовъ рода Ртищевыхъ—Аслановичей», а во второмъ — «О родѣ Кашкиныхъ». Для болѣе широкой публики интересна здѣсь гл. XV, составленная Б. Л. Модзалевскимъ частію по матеріаламъ, собраннымъ Н. Н. Кашкинымъ,

частію по разсказамъ Н. С. Кашкина, въ которой находимъ біографіи декабриста Сергѣя Николаевича и петрашевца Николая Сергѣевича Кашкиныхъ. «Родословныя развѣдки» изданы роскошно, съ массою портретовъ, и стоятъ баснословно дешево: оба тома 3 р. Этимъ изданіемъ Н. С. Кашкинъ воздвигъ прекрасный памятникъ своему сыну. *В. С.*

Императорское Общество Любителей древней письменности. Библіографическая лѣтопись. I. Спб. 1914. VII+147 стр. Ц. 1 р.

Это новое критико-библіографическое изданіе имѣетъ цѣлью «обозрѣніе вновь появляющихся трудовъ, относящихся къ изданію древне-русской письменности и искусства (до XVIII в. включительно) въ связи съ исторіей просвѣщенія и современной имъ жизни». Первый выпускъ, изданный подъ ред. Н. Никольскаго, содержитъ въ себѣ три отдѣла: 1) «Критика и библіографія», т.-е. рецензіи о вновь появившихся трудахъ; 2) «статьи и сообщенія», трактующія, главнымъ образомъ, о древнихъ литературныхъ памятникахъ, и 3) «научная хроника» текущей жизни въ области архивовѣдѣнія и археологіи. Кромѣ того, въ концѣ книги приложенъ перечень новыхъ книгъ и статей по предметамъ, составляющимъ область этого изданія. Русская библіографическая литература очень небогата, и предпринятое Обществомъ Любителей древней письменности изданіе заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что редакція ставитъ довольно широкія рамки въ смыслѣ обозрѣнія литературныхъ матеріаловъ, представляющихъ интересъ и для историка, и для историка литературы. Очень кстати приложенъ къ книгѣ перечень новыхъ книгъ и статей: можно бы только пожелать, чтобы въ немъ подробно перечислялось содержаніе трудовъ ученыхъ архивныхъ комиссій, гдѣ часто встрѣчаются интересные матеріалы. Участіе въ «Лѣтописи» такихъ спеціалистовъ, какъ И. Бычковъ, Н. Никольскій, Д. Айналовъ, П. Шляпкинъ, М. Н. Сперанскій, достаточно говоритъ о научной солидности изданія.

А. Калишевскій.

Изъ текущей литературы.

Первенство въ міровой литературѣ.

О міровой литературѣ впервые заговорилъ Гете въ 1827 г. «Вездѣ слышишь и читаешь, писалъ онъ, о прогрессѣ человѣческаго рода, о будущихъ перспективахъ міровыхъ и человѣческихъ отношеній. Какъ бы то ни было относительно этого вопроса, что изслѣдовать и точнѣе опредѣлить, въ цѣломъ не входитъ въ мои намѣренія, но съ своей стороны я хотѣлъ бы обратить вниманіе моихъ друзей на то, что, по моему убѣжденію, зарождается всеобщая міровая литература, въ которой и намъ, нѣмцамъ, предоставлено почетное мѣсто».

Не прошло и столѣтія послѣ этого скромнаго, но вполнѣ достойнаго утвержденія Гете, какъ профессоръ берлинскаго универ-

ситета Рихардъ М. Мейеръ въ своей книгѣ, посвященной міровой литературѣ XX вѣка [1]), заявляетъ: «Я не могу скрыть и до сихъ поръ не скрывалъ, что въ настоящую минуту мнѣ ни одна національная литература не кажется столь важной для развитія міровой литературы, какъ наша. Пусть назоветъ это шовинизмомъ тотъ, кто упускаетъ изъ виду, какъ охотно и убѣжденно мы для предыдущихъ періодовъ признавали первенство французской, русской и скандинавскихъ литературъ. И сколь мало мы оцѣниваемъ литературу по политическому могуществу, доказываетъ наша высокая оцѣнка бельгійскихъ поэтовъ» (217). Бѣда теперешнихъ нѣмецкихъ ученыхъ заключается въ томъ, что, когда они высказываются по общимъ вопросамъ, перо ихъ, помимо ихъ сознанія и воли, выводитъ такія слова и сужденія, какъ будто за спиной ихъ стоитъ грозная фигура имп. Вильгельма со своимъ знаменитымъ изреченіемъ: «Мрачно смотрящихъ на будущее я не потерплю!» (Schwarzseher dulde ich nicht!).

Какъ же почтенный профессоръ доказываетъ первенство нѣмецкой литературы? «Вся современная литература демократична, и какъ разъ въ этомъ отношеніи нѣмецкая литература самая современная, кромѣ, правда (прибавляетъ авторъ не безъ гримасы), русской» (220). Довольно странно, что авторъ не нашелъ другой отличительной черты нѣмецкой литературы, кромѣ ея демократичности, которая тоже можетъ быть подвержена сомнѣнію, но дѣло въ томъ, что ему важно доказать ея превосходство надъ англійской литературой, и эту задачу онъ выполняетъ, подчеркнувъ демократичность нѣмецкой въ выборѣ темъ, въ формахъ и во взаимоотношеніи поэта и публики, въ противоположность англійской литературѣ, построенной на старинныхъ традиціяхъ и являющейся поэтому аристократичной. Другія національныя литературы не кажутся автору опасными конкурентами для нѣмецкой, съ ними поэтому и считаться не стоитъ, но какъ быть съ русской, которая по демократичности даже выше нѣмецкой? Вмѣсто прямого отвѣта, авторъ даетъ со свойственнымъ ему остроуміемъ справедливую въ общемъ характеристику трехъ великихъ писателей земли русской — Тургенева, Достоевскаго и Льва Толстого (228—36). Но косвенный отвѣтъ мы находимъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ авторъ опредѣляетъ районъ культурнаго міра. Его ядро составляютъ Германія, Франція, Англія и Италія. Какъ бы «колоніями въ отношеніи литературы» названы нѣмецкія Швейцарія и Прибалтійскія губерніи въ Россіи. Нѣмецкая часть Австріи въ смыслѣ культурномъ и литературномъ (чего тутъ стѣсняться!) просто принадлежатъ Германіи... Для настоящаго времени Россію и «три сѣверныхъ германскихъ народа» (какъ тонко!) слѣдуетъ признать «культурными націями перваго ранга именно съ точки зрѣнія литературнаго творчества» (69). Какъ же обстоитъ теперь вопросъ о литературномъ творчествѣ въ Германіи? «Иностранцы допустили бы (въ инвентарь міровой литературы) одно только имя и то въ крайнемъ случаѣ — имя Герхарта Хауптмана...» Но какъ ни въ чемъ не бывало авторъ продолжаетъ свое: «Мы же назвали бы не мало именъ, потому что

---

[1]) Richard M. Meyer, Die Weltliteratur im zwanzigsten Jahrhundert, 1913.

въ нѣмецкой литературѣ настоящаго времени мы находимъ, какъ намъ кажется, больше завершеній уже начатыхъ направленій и больше зачатковъ новыхъ развитій, чѣмъ въ какой бы то ни было литературѣ нашихъ дней» (212; ср. 72). Тутъ и вскрывается непреоборимая бездна между иностраннымъ читателемъ, съ одной стороны, и берлинскимъ профессоромъ, съ другой.

Кромѣ этой шовинистической ноты данной книги, нельзя согласиться и съ ея общей структурой. Читая главу о предшественникахъ міровой литературы, думаешь, что авторъ и дальше будетъ придерживаться эволюціоннаго принципа. Но перейдя къ характеристикѣ міровой литературы въ настоящемъ, ея формы, типовъ, мотивовъ и дѣятелей, авторъ сбрасываетъ съ себя сдерживающія удила и пускается въ карьеръ по обширному полю словеснаго творчества нашихъ дней. Говоря, напримѣръ, о романѣ, авторъ отмѣчаетъ психологическій его характеръ и очень хорошо указываетъ, что «легкіе, живые ритмы придаютъ ему видъ стихотворенія». Откуда взялся этотъ романъ, цѣль котораго «само-изображеніе поэта»? Очевидно, авторъ надъ этимъ не задумывался, потому, что въ двухъ разныхъ мѣстахъ даетъ и разные отвѣты, и оба одинаково спорны. Одинъ отвѣтъ: «Поскольку романъ современенъ, постольку онъ зависитъ отъ «Новой Элоизы» (64); другой: «Этотъ лирическій романъ навѣянъ съ сѣвера, гдѣ Кнутъ Хамсунъ сталъ его мастеромъ, особенно благодаря «Пану», Іенсъ Петеръ Якобсенъ же развилъ лирическую новеллу» (147). Первый отвѣтъ не удовлетворяетъ, потому что должны же быть посредствующія звенья между романомъ Руссо и современнымъ писателемъ, который, конечно, пропитанъ руссоизмомъ, не зная самого Руссо. Второй отвѣтъ указываетъ на такое звено, на Якобсена и Хамсуна, но игнорируетъ ихъ учителей — Тургенева и Достоевскаго. Въ предисловіи къ роману «Les trois coeurs» Эдуардъ Родъ въ 1890 г. заявилъ, что благодаря русскимъ писателямъ интуитивизмъ побѣдилъ натурализмъ. Въ тѣхъ же 90-хъ годахъ въ Германіи возникъ цѣлый культъ Достоевскаго, и главнымъ его провозвѣстникомъ былъ Херманъ Баръ. Вліяніе Достоевскаго на Кнута Хамсуна еще не изслѣдовано, но считается въ Норвегіи аксіомой. К. Нерутъ писалъ о Хамсунѣ въ 1905 г.: «онъ постоянно колеблется между Достоевскимъ и Маркомъ Твэномъ». Х. Кристенсенъ въ своей книгѣ «*Unge Normaend*» (1893, стр. 133) писалъ: «эту новую психологію Хамсунъ «открылъ», при одной изъ своихъ литературныхъ экскурсій, у Достоевскаго». О несомнѣнномъ вліяніи Тургенева на Якобсена я уже высказался въ своихъ «Датско-русскихъ изслѣдованіяхъ» (II вып.), но роль Тургенева въ созданіи психологическаго романа была уже отмѣчена Полемъ Буржэ въ его «*Nouveaux essais de psychologie contemporaine*» (1886). Такимъ образомъ, эволюція психологическаго романа беретъ свое начало въ столь несимпатичной автору Англіи, гдѣ его создателями являются Ричардсонъ, Гольдсмитъ, Стернъ, Джекъ Оустенъ, Мэри Эджуэрсъ, Бульверъ и др.; потомъ его начинаютъ разрабатывать и во Франціи, особенно Жоржъ Зандъ; подъ вліяніемъ французской, но также и англійской литературы зарождается русскій романъ и, изощривши психологическій анализъ, возвращается вспять на Западъ. Въ Германіи начинателемъ психологическаго романа явился Гете,

подъ вліяніемъ Ричардсона, Стерна и Гольдсмита, съ одной стороны, и Руссо, съ другой, но его «Вертеръ» и «Родственныя души» не создали школы, зато «Вильгельмъ Мейстеръ» вызвалъ въ жизнь спеціальный видъ романа о художникѣ (Künstlerroman), въ области котораго подвизались и романтики, и Келлеръ, и Мерике и др. Во всѣхъ другихъ видахъ психологическаго романа нѣмцы отстали и, начиная съ середины прошлаго вѣка, стали ему учиться, сперва у французовъ и англичанъ, потомъ (съ 90-хъ годовъ) у скандинавовъ и русскихъ.

Переходя къ типамъ, авторъ отмѣчаетъ преобладаніе «проблематическихъ натуръ» и утверждаетъ, что: «сильные, неподкошенные образы создавало только предыдущее поколѣніе» (163). Напротивъ, именно теперь намѣчается поворотъ къ дѣйственнымъ типамъ, во-первыхъ, вслѣдствіе демократическаго характера современной литературы, вѣрнѣе, ея стремленія къ землѣ, во-вторыхъ, изъ-за милитаристическаго духа нашего времени. Сельма Лагерлевъ, Іоханнесъ Іенсенъ, Редьяръ Киплингъ, Джекъ Лондонъ, Конанъ Дойль и др. знаютъ только героя, приспособленнаго къ жизни. Въ другомъ мѣстѣ авторъ опредѣляетъ соціальное положеніе героя — и перечисляетъ художника, актера, аристократа по духу, мудреца-мыслителя (197). «Одинокій художникъ», обобщаетъ онъ свое мнѣніе, почти сплошь тайный герой современной литературы (164). «Герой погибаетъ, потому что его дарованія мѣшаютъ ему броситься въ водовортъ жизни; онъ умираетъ отъ жажды, потому что анализируетъ воду, прежде чѣмъ ее проглотить». (198). Тутъ авторъ характеризуетъ намъ хорошо извѣстный типъ лишняго человѣка, изъѣденнаго рефлексіей. Помимо своихъ политическихъ и соціальныхъ основаній, этотъ типъ связанъ съ идеологіей романтизма. Именно тѣ поколѣнія, которыя воспитывались въ грезахъ о чудодѣйственной силѣ «синяго цвѣта» и о мистическихъ горизонтахъ художественной мечты, должны были терпѣть крушеніе въ жизненной борьбѣ. Но теперешнія поколѣнія, слава Богу, не воспитываются на романтизмѣ, и поэтому ихъ герой не «одинокій художникъ», а культурный піонеръ, свободный землепашецъ, смѣлый рыбакъ, золотоискатель, авіаторъ, пинкертонъ и пр. Если этотъ герой и одинокъ, то въ томъ смыслѣ, какъ докторъ Стокманъ у Ибсена, который чувствуетъ себя сильнѣе всего, когда онъ одинокъ. Это развитіе отъ «проблематическихъ натуръ» къ новому типу наблюдается и въ нѣмецкой литературѣ, гдѣ, напримѣръ, Клара Фибихъ начала съ «дилетантовъ жизни», а перешла къ прусскому жандарму (Die Wacht am Rhein) и къ нѣмецкому колонисту въ восточной Пруссіи (Das schlafende Heer).

Тщетно мы ищемъ въ книгѣ Рихарда Мейера отвѣта на вопросъ объ отношеніи символизма къ реализму. Что авторъ не связываетъ символизма съ мистицизмомъ, можно заключить изъ того, что онъ считаетъ его послѣдователемъ уже Гете. Разница между послѣднимъ и современными символистами, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что Гете пропускалъ свои идеи черезъ фильтръ 80-лѣтняго опыта. Ключъ къ пониманію символизма, по мнѣнію автора, заключается «въ измѣненномъ отношеніи къ переживанію», т.-е. въ новомъ жизнеотношеніи, хотя о мистическомъ характерѣ послѣдняго нигдѣ не говорится (86 и 266).

Странно въ книгѣ, посвященной литературѣ XX вѣка, не встрѣтить ни одного упоминанія о новыхъ исканіяхъ въ области театра. Вѣдь зрѣлище (діалогическое или нѣмое) самый популярный посредникъ литературы. Не всякій, кто пьетъ пиво и кричитъ хохъ, читаетъ Стефана Георге, символическую лирику котораго авторъ ставитъ наравнѣ съ драмами Герхарта Хауптмана, но 99% всѣхъ сыновей и дочерей великаго фатерланда ходятъ смотрѣть «свѣтовыя игры» (Lichtspiele). И режиссерскія затѣи Макса Рейнхарта тоже волнуютъ больше, чѣмъ новый романъ Хермана Хессе. О театрѣ на лонѣ природы, безъ сцены и декорацій, тоже нѣтъ ни слова, хотя эта идея уже неоднократно и съ большимъ успѣхомъ примѣнялась и въ Германіи.

Несмотря на эти явные недочеты, книга Рихарда Мейера содержитъ въ себѣ и много цѣннаго. Лучшія страницы посвящены характеристикѣ отдѣльныхъ поэтовъ (230—64), вѣрны замѣчанія автора о критикѣ и читателяхъ нашихъ дней (104—09), интересны его наблюденія надъ соціалистической лирикой (113—15), и отдѣльныя остроумныя замѣчанія разсѣяны чуть ли не на каждой страницѣ. И эта книга обнаруживаетъ въ лицѣ автора того ученаго, перу котораго принадлежитъ лучшая до сихъ поръ, несмотря на свою сжатость, біографія Гете и котораго покойный Эрихъ Шмидтъ называлъ «mein belesener Herr Kollege». Но слава обязываетъ. Выпуская книгу, основанную на субъективныхъ отзывахъ, рискуешь попасть въ линію огня иностранной критики, не всегда вызванной только «скороспѣлой культурой гордостью народовъ, периферическое положеніе которыхъ зависитъ не только отъ географическихъ, но и отъ историческихъ условій» (70). Если бы авторъ меньше думалъ о «скороспѣлой культурной гордости» и больше объ историко-литературныхъ методахъ, которыми онъ, конечно, прекрасно владѣетъ, то первый опытъ концепціи міровой литературы XX вѣка, при дѣйствительно огромной начитанности автора, открылъ бы намъ и новое горизонты, закрытые пока слишкомъ близкими намъ событіями текущаго дня.

К. Тіандеръ.

«Народы и Области».

Едва ли широкой публикѣ извѣстно про существованіе въ Москвѣ общества, ставящаго своей задачей: «единеніе народностей». А между тѣмъ уставъ общества утвержденъ еще въ 1909 году...

Можно пожалѣть, что только теперь, съ изданіемъ обществомъ своего журнала, начинаетъ популяризироваться программа общества, преслѣдующаго такую важную цѣль, какъ «единеніе народностей» Россіи.

Напечатанный въ первомъ № журнала «Народы и Области» уставъ общества предусматриваетъ весьма разнообразныя формы этого «единенія». Оно должно заключаться въ изученіи «исторіи, быта и нуждъ всѣхъ народностей, населяющихъ Россійскую имперію, въ цѣляхъ взаимнаго ихъ культурнаго сближенія,

экономическаго и правового преуспѣянія, а также въ цѣляхъ развитія общегосударственнаго сознанія при полномъ уваженіи къ индивидуальнымъ особенностямъ каждой національности». Въ духѣ этой программы написана передовая статья журнала «Народы и Области», которая очень осторожно говоритъ о своемъ желаніи познакомить русское общество со «стремленіями къ самоуправленію» народовъ и областей Россіи. Мы не знаемъ, какова позиція журнала по вопросу о формахъ осуществленія этихъ стремленій. Повидимому, редакція умышленно оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ, ограничиваясь однимъ «ознакомленіемъ». Пожалуй, можно было бы пожелать, чтобы журналъ въ такомъ важномъ вопросѣ пошелъ дальше простого «ознакомленія». Во всякомъ случаѣ и простое «ознакомленіе» имѣетъ для насъ большую цѣнность, такъ какъ русская историческая и публицистическая литература не можетъ похвалиться обиліемъ матеріаловъ по національному движенію разныхъ народовъ Россіи.

Уставъ общества «единеніе народностей» и журналъ «Народы и Области» неоднократно подчеркиваютъ свою государственную «благонадежность». Они говорятъ о необходимости развитія «общегосударственнаго сознанія» и сплоченія русскихъ областей «въ одно мощное цѣлое». Кажется, послѣ этого трудно заподозрить журналъ въ стремленіи къ «расчлененію» Россіи, федерализму и т. п.

А между тѣмъ выходъ журнала былъ встрѣченъ весьма враждебно не Меньшиковымъ и Дубровинымъ, а печатавшимъ свои статьи въ прогрессивныхъ журналахъ профессоромъ Погодинымъ, и не на страницахъ «Новаго Времени» или «Русскаго Знамени», а въ прогрессивномъ московскомъ «Утрѣ Россіи». Въ новомъ журналѣ Погодинъ увидалъ «государственную опасность». Вотъ что пишетъ профессоръ по поводу выхода этого, по существу, весьма невиннаго журнала: «какъ выраженіе *федералистическаго* (курсивъ мой) направленія русской политической мысли этотъ органъ заслуживаетъ особаго вниманія. Надо отдать справедливость его составителямъ, они внесли много воодушевленія въ свою идею, и ихъ попытка гальванизировать мертворожденную мысль о превращеніи Россіи въ федералистическую монархію не лишена интереса». Профессоръ Погодинъ навязываетъ редакціи не болѣе и не менѣе, какъ роль продолжательницы федералистическихъ идей Никиты Муравьева. Все остальное, кромѣ проповѣди федерализма (кстати нигдѣ въ журналѣ не упоминаемаго) Погодинъ считаетъ смѣшнымъ, несерьезнымъ и «прекраснодушнымъ». Ни русское общество, ни сами народности не нуждаются, по мнѣнію Погодина, ни въ какомъ «ознакомленіи». «Сильная власть» сама разрѣшитъ всѣ національные конфликты, не прибѣгая ни къ какому «ознакомленію».

Мы думаемъ какъ разъ наоборотъ, что взаимное ознакомленіе принесло бы большую пользу для рѣшенія національной проблемы. Оно необходимо въ одинаковой степени, какъ для широкихъ круговъ русскаго общества, дѣйствительно мало знакомыхъ съ исторіей, культурой и стремленіями народовъ Россіи, такъ и для тѣхъ представителей этихъ народностей, которые въ пылу увлеченія національнымъ движеніемъ своего народа, готовы

отожествлять официальный націонализмъ съ идеалами русскаго народа и интеллигенціи. Такъ напримѣръ, профес. Грушевскій, извѣстный украинскій историкъ, въ статьѣ «Очередной вопросъ», помѣщенной въ разсматриваемомъ нами журналѣ, обвиняетъ «великорусское прогрессивное общество» въ томъ, что оно «готово было такъ же ревниво охранять созданное принудительными мѣрами централистической политики единство государственной русской культуры, языка, школы, принудительное участіе въ этой культурѣ и ея поддержкѣ, какъ это дѣлало и государство».

По нашему мнѣнію, предварительное «ознакомленіе» съ отношеніемъ передовой русской интеллигенціи къ національному вопросу было бы весьма полезно, при произнесеніи подобнаго суроваго приговора «русскому прогрессивному обществу». Профес. Грушевскому не могло быть неизвѣстнымъ, что полвѣка тому назадъ представителемъ «русскаго прогрессивнаго общества» былъ Герценъ, котораго трудно обвинить не только въ официальномъ націонализмѣ, но и вообще въ невнимательномъ отношеніи къ народамъ Россіи, въ томъ числѣ и къ украинскому, отъ имени котораго говоритъ профес. Грушевскій. Какъ извѣстно, Герценъ былъ горячій защитникъ польскаго освобожденія, но тѣмъ не менѣе онъ выступилъ противъ польскихъ націоналистовъ, когда они пожелали включить Украйну въ составъ будущаго польскаго государства. Вотъ какъ аргументируетъ свое отношеніе къ украинцамъ Герценъ въ своемъ обращеніи къ полякамъ: «развяжемъ имъ (украинцамъ) руки, развяжемъ имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнутъ ли черезъ кнутъ къ намъ, черезъ папежъ къ вамъ, или, если они умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и независимость отъ обоихъ». («Колоколъ», № 34 за 1859 г.) Гдѣ же тутъ принудительное навязываніе не только русской культуры, но даже и государственнаго союза съ Россіей!

Таково отношеніе къ національной проблемѣ одного властителя думъ русской интеллигенціи—Герцена. Но не онъ только одинъ чутко прислушивался къ національному движенію украинцевъ. Извѣстно восторженное отношеніе къ національному литературному пробужденію украинцевъ Добролюбова и Чернышевскаго. Даже Лавровъ въ своемъ принципіальномъ отрицаніи національнаго движенія все-таки выступалъ на защиту украинскаго языка и культуры («Впередъ», № 38 за 1876 г.). Народовольцевъ украинскіе писатели, въ томъ числѣ Драгомановъ, обыкновенно обвиняли въ централизмѣ. Но, между тѣмъ, одинъ изъ видныхъ народовольцевъ—Желябовъ въ письмѣ къ Драгоманову высказывался за автономію и федерацію. (См. «Былое» за 1906 г., кн. 3, стр. 71).

Особенно недоволенъ проф. Грушевскій отношеніемъ русскаго общества къ національному вопросу въ 1905 году. Онъ ссылается на одного кадетскаго публициста, который, по его словамъ, откровенно призналея въ желательности для прогрессивной Россіи обрусѣнія народныхъ областей. Почему же этотъ публицистъ долженъ выражать мнѣніе всего прогрессивнаго общества. Вѣдь проф. Грушевскій прекрасно знаетъ, что отъ точки зрѣнія этого публициста не только далеко стояла въ 1905—1906 г.г. болѣе

лѣвая партія, но даже многіе изъ среды кадетовъ, какъ напримѣръ, проф. Лучицкій, Кокошкинъ, проф. Вернадскій и друг., которые выступали въ защиту національно-областныхъ автономій на земскихъ съѣздахъ въ 1905 году (см. «Право» за 1905 г.). Програма же кадетовъ, принятая въ 1905 г., какъ и резолюціи земскихъ съѣздовъ, говорятъ о правѣ націй на культурное самоопредѣленіе, о свободѣ языка и культурныхъ учрежденій. Что же касается до крайнихъ лѣвыхъ партій, то ни одна изъ нихъ не отрицаетъ національнаго самоопредѣленія, а с.-р. въ разрѣшеніи національнаго вопроса идутъ, пожалуй, дальше самого проф. Грушевскаго.

Лучшимъ отвѣтомъ Грушевскому на обвиненіе русской демократіи въ игнорированіи національнаго вопроса въ 1905 г. служитъ *единство русскаго освободительнаго движенія*, въ которомъ мы не найдемъ междунаціональныхъ конфликтовъ. По мнѣнію проф. Грушевскаго, только послѣ революціи наступило «отрезвленіе» и болѣе чуткое отношеніе къ національному вопросу. Это мнѣніе, какъ мы видѣли, несправедливо, по крайней мѣрѣ по отношенію къ передовой русской интеллигенціи. Но несомнѣнно, что въ настоящее время національный вопросъ особенно осложнился и обострился. Съ одной стороны наступаетъ воинствующій національзмъ, ставшій офиціальною политикою, стремящеюся разжечь въ коренномъ господствующемъ населеніи вражду къ инородцу, съ другой—крайне болѣзненно обостряется національное чувство угнетаемыхъ народностей. Въ такой моментъ призывъ къ единенію народностей особенно умѣстенъ.

Намъ думается, что журналъ, посвященный такому большому дѣлу, какъ «единеніе народностей», долженъ стремиться скорѣе углублять, а не расширять свое содержаніе. Совершенно излишня, по нашему мнѣнію, хроника общаго характера, помѣщенная въ первомъ № журнала (наприм., перепеч. изъ газ. о состояніи винной монополіи въ Россіи, о депутатской неприкосновенности), не имѣющая прямого отношенія къ національному и областному вопросу. Въ то же время весьма недостаточна хроника, которая преслѣдовала бы основную задачу журнала: ознакомленіе со стремленіями народностей Россіи.

Остается пожелать, чтобы слѣдующіе выпуски журнала были ближе къ его основной программѣ.

Р. Выдринъ.

Французская книга о Вильгельмѣ II.

Едва ли какой-нибудь изъ современныхъ западно-европейскихъ монарховъ вызывалъ къ себѣ за послѣдніе годы такой интересъ, какъ Вильгельмъ II. Не говоря уже о чрезвычайно обширной нѣмецкой литературѣ, посвященной третьему германскому императору, книги и статьи о немъ имѣются, кажется, на всѣхъ безъ исключенія европейскихъ языкахъ. Есть среди этой литературы панегирики, есть и рѣзко-отрицательные памфлеты; но есть и книги, стремящіяся дать Вильгельму II по воз-

можности объективную оцѣнку. Одна изъ лучшихъ книгъ этого рода принадлежитъ, какъ это ни странно, перу французскаго автора—Jules Arren. Объективизмъ Аррана достаточно засвидѣтельствованъ тѣмъ фактомъ, что его работа,—французская работа о германскомъ императорѣ,—удостоилась перевода на нѣмецкій языкъ.

Вильгельма II оцѣнивали самымъ различнымъ образомъ. Одни утверждали, что онъ—полное ничтожество, актеръ, личность дюжинная и неинтеллигентная. Другіе сравнивали его съ Лоэнгриномъ, считали его мечтателемъ изъ временъ рыцарства и крестовыхъ походовъ, совершенно неподходящимъ къ нашему вѣку. Третьи, наоборотъ, находили, что онъ самый современный изъ современныхъ монарховъ, король-купецъ. Онъ ѣздитъ на востокъ, чтобы получить тамъ желѣзнодорожныя концессіи, и пользуется своимъ королевскимъ нимбомъ, чтобы пріобрѣсти для нѣмецкихъ торговли и индустріи новые рынки сбыта. Одни говорили, что онъ—прусскій юнкеръ, кавалерійскій офицеръ со всѣми предразсудками и заблужденіями этой касты; поэтому, онъ—величайшая, а, можетъ быть, и единственная опасность для европейскаго мира. Онъ боится войны, заявляли другіе,—онъ пропустилъ не мало удобныхъ для нападенія на Францію моментовъ къ величайшему неудовольствію своихъ совѣтниковъ.

Чтобы достигнуть своей цѣли,—дать соотвѣтствующій дѣйствительности образъ императора,—Арранъ рѣшилъ не считаться со всѣми противорѣчивыми о немъ отзывами, отбросить всѣ сомнительные источники и обратиться къ заявленіямъ и фактамъ, офиціально завѣреннымъ. Этотъ матеріалъ оказывается достаточно богатымъ. Въ теченіе двадцати съ лишнимъ лѣтъ своего царствованія Вильгельмъ II имѣлъ случай высказаться, кажется, по всѣмъ вопросамъ, какіе могутъ заинтересовать его біографа, и характеристика, основанная исключительно на его рѣчахъ, телеграммахъ и т. п., оказалась очень интересной и почти исчерпывающей.

I.

Для оцѣнки характера и роли Вильгельма II прежде всего важно знать, что думаетъ онъ о своемъ «королевскомъ ремеслѣ». Какъ король прусскій, Вильгельмъ—конституціонный монархъ, и онъ всегда заявлялъ о своей вѣрности конституціи. 27-го іюня 1888 г. юный король принесъ конституціонную присягу и затѣмъ отъ себя уже сказалъ слѣдующее: «Какъ и Вильгельмъ I, я буду, согласно моей присягѣ, уважать и охранять законы и права народныхъ представителей. Съ той же добросовѣстностью я буду охранять и проявлять тѣ права, какія конституція предоставляетъ коронѣ, дабы впослѣдствіи имѣть возможность спокойно передать ихъ моимъ преемникамъ на тронѣ. Мнѣ какъ нельзя болѣе чужда мысль расширять прерогативы короны и тѣмъ колебать довѣріе народа къ устойчивости нашего правового порядка. Наличныхъ моихъ правъ, поскольку ихъ не оспариваютъ, вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить государству ту сумму монархиче-

скаго вліянія, въ какой нуждается Пруссія по своему историческому развитію, по чувствамъ и привычкамъ ея народа. Я держусь того мнѣнія, что наша конституція представляетъ собою справедливое и полезное раздѣленіе труда между различными общественными силами... Поэтому, а не только въ силу моей присяги, я буду ее соблюдать и защищать».

Оставался ли Вильгельмъ II всегда вѣренъ этому обѣщанію? Въ Германіи многіе держатся противоположнаго мнѣнія. Дѣло въ томъ, что при всемъ его формальномъ уваженіи къ конституціи, при всей формальной вѣрности ей, онъ находится всецѣло во власти весьма своеобразнаго представленія о королевской власти. Чтобы понять Вильгельма, познакомиться съ этимъ представленіемъ необходимо.

Говоря о своихъ правахъ и обязанностяхъ, какъ главы государства, Вильгельмъ никогда не отдѣляетъ себя отъ своихъ предковъ. Онъ—Гогенцоллернъ, его миссія—миссія его дома. Его честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы оставаться вѣрнымъ традиціямъ предковъ. Власть же Гогенцоллерновъ исходитъ отъ Бога, ихъ полномочія даны имъ Всевышнимъ. Эта идея постоянно вращается въ рѣчахъ Вильгельма. «Если мои предки,—говорилъ онъ 24-го февраля 1894 г.,—оказались способны сдѣлать такъ много для блага своей страны... то это произошло потому, что домъ Гогенцоллерновъ обладаетъ сознаніемъ своего долга,—сознаніемъ, вытекающимъ изъ увѣренности, что Богъ поставилъ ихъ на этотъ постъ». Въ другой разъ, при закладкѣ памятника Вильгельму I въ Бременѣ, онъ высказался еще опредѣленнѣе: «Если мы смогли достичь того, чего мы достигли, то это объясняется прежде всего той традиціей нашего дома, что мы считаемъ себя призванными Богомъ къ управленію данными намъ народами, къ руководству ими на путяхъ развитія ихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ».

Получая свои полномочія отъ Бога, Гогенцоллерны предъ нимъ и отвѣтственны за способъ выполненія своей миссіи: «Мой дѣдъ смотрѣлъ на функцію короля, какъ на задачу, указанную ему Богомъ. Какъ думалъ онъ, такъ думаю и я. Въ переданномъ мнѣ народѣ и странѣ я вижу талантъ, данный мнѣ Богомъ. Умножить его,—какъ сказано въ Библіи,—мой долгъ. За него я долженъ буду въ свое время отвѣтить. Я думаю такъ управлять имъ, чтобы прибавить къ нему еще много. Тѣхъ, кто хочетъ мнѣ помогать въ этой задачѣ, я отъ всего сердца привѣтствую, кто бы они ни были. Тѣхъ, кто захочетъ помѣшать мнѣ въ моей работѣ,—я размозжу». Ясно, какая пропасть лежитъ между концепціями конституціонной монархіи и идеями Вильгельма II. Религіозное сознаніе имъ своей миссіи необходимо всегда твердо помнить. Въ немъ,—по мнѣнію Аррана,—ключъ ко всѣмъ мыслямъ и поступкамъ императора. И само собою разумѣется, что контроль парламента и фикція министерской отвѣтственности кажутся ему такими ничтожными по сравненію съ тѣмъ страшнымъ отчетомъ, который онъ долженъ отдать въ примѣненіи своей власти Высшему Судьѣ.

«Онъ былъ орудіе, избранное Богомъ, и онъ это зналъ,—говоритъ Вильгельмъ II о своемъ дѣдѣ.—Онъ придалъ вели-

чайшій блескъ тому драгоцѣнному камню, который мы должны почитать и считать священнымъ. Этотъ камень—королевская власть Божіей милостью, королевская власть съ ея суровымъ долгомъ, ея трудомъ, ея тяготами, которыя никогда не кончаются, съ ея страшной отвѣтственностью передъ Творцомъ. Отъ этой отвѣтственности не можетъ освободить ни министръ, ни представительство, ни народъ». Итакъ, король—только орудіе въ рукахъ Господа. Въ этой мысли—неизмѣримая гордость, но и значительная доля самоуничиженія. Во всякомъ случаѣ эта роль возвышаетъ государя надъ прочими людьми. Когда король послѣ размышленія, послѣ внутренняго самоуглубленія пришелъ къ сознанію того, что Богъ хочетъ отъ него такого-то дѣйствія,—конечно, никакое человѣческое вмѣшательство не можетъ отклонить его отъ выполненія воли Божіей. Это—естественный выводъ изъ идеи власти Божіей милостью. И Вильгельмъ предъ такимъ выводомъ не останавливается: «Во мнѣ, какъ и въ моихъ предкахъ, есть твердая воля; несмотря на все сопротивленіе я буду неуклонно слѣдовать по тому пути, который я однажды призналъ добрымъ».

Идея королевской власти Божіей милостью наложила свой отпечатокъ и на историческіе взгляды Вильгельма. Исторія Германіи и всего міра состоитъ для него въ сущности изъ біографій государей. Судьбы народовъ—въ рукахъ князей. Отъ нихъ зависитъ счастье и бѣдствія, прогрессъ и упадокъ государствъ. Узы, связывающія князей, связываютъ и народы,—эта мысль проходитъ красной нитью черезъ всѣ тосты, произнесенные имъ по случаю встрѣчъ съ тѣми или иными лицами какой-либо изъ правящихъ династій. И въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, онъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ господствующихъ идей современности.

Среди князей, дѣятельность которыхъ составляетъ сущность исторіи, есть такіе, роль которыхъ особенно велика. Это—орудія воли Божіей. Таковъ для Вильгельма великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ, но въ особенности эта оцѣнка подходитъ, въ его глазахъ, къ Вильгельму I. Онъ настойчиво требуетъ, чтобы его дѣда называли Вильгельмомъ Великимъ, онъ явнымъ образомъ несправедливъ по отношенію къ Бисмарку и Мольтке, въ которыхъ онъ видитъ только исполнителей предначертаній Вильгельма I. Въ дѣйствительности соотношеніе между Вильгельмомъ I и его сотрудниками было какъ разъ обратное. Но фантастическая и реакціонная теорія королевской власти заставляетъ Вильгельма II закрывать глаза на дѣйствительность. Возможно, что эта несправедливая оцѣнка была однимъ изъ условій, сдѣлавшихъ неизбѣжнымъ разрывъ императора съ желѣзнымъ канцлеромъ.

II.

Естественно, что при такомъ представленіи о смыслѣ и задачахъ королевской власти идеальныя отношенія между королемъ и народомъ рисуются Вильгельму II совсѣмъ не такими, какими они формулированы въ законахъ или въ парламентской

практикѣ. Для него государь—отецъ своихъ подданныхъ. Онъ долженъ быть добрымъ и нѣжнымъ, но въ то же время твердымъ, справедливымъ и непартійнымъ. Онъ долженъ дни и ночи работать въ интересахъ своихъ дѣтей. Но, съ другой стороны, у него имѣется и отцовская власть: въ случаѣ нужды онъ имѣетъ право дѣлать то, что нужно для счастья дѣтей, даже противъ ихъ воли. Отцовская власть имѣетъ только одинъ предѣлъ—волю Бога. Это патріархальное представленіе о своей власти Вильгельмъ II высказалъ еще въ день своего вступленія на престолъ въ посланіи къ народу: «Призванный на тронъ моихъ предковъ, я взялъ на себя управленіе предъ лицемъ Царя царей и далъ обѣтъ Господу быть добрымъ и справедливымъ государемъ для моего народа, заботиться о благочестіи и страхѣ Божіемъ, соблюдать миръ, споспѣшествовать благосостоянію страны, помогать бѣднымъ и угнетеннымъ, наблюдать за уваженіемъ къ законамъ».

Понятно, что существованіе политическихъ партій Вильгельмъ не можетъ считать благомъ. Народъ—семья, государь—отецъ. Можетъ ли быть что-либо болѣе печальное, чѣмъ раздоръ между дѣтьми одной и той же семьи? Они вѣдь должны, тѣсно сплотившись, работать надъ общимъ дѣломъ. Но если уже раздоры возникли, отецъ долженъ стараться устранить ихъ и во всякомъ случаѣ никогда не долженъ выступать какъ сторонникъ одной партіи противъ другой. Такъ Гогенцоллерны всегда понимали свою роль. Они стоятъ надъ партіями. Это заявляетъ Вильгельмъ въ своей рѣчи 20 февраля 1891 г.: «Одна изъ высшихъ заслугъ моихъ предковъ, что они никогда не принадлежали къ какой-либо партіи, что они всегда стояли надъ партіями. Имъ удалось поэтому объединить всѣ партіи во имя общей работы на благо цѣлаго». Подданные должны въ свою очередь довѣрять безпартійности и справедливости государя. Они должны всего ждать отъ него и не полагаться на политиковъ: «Не безпокойтесь, господа! Если вамъ иногда и кажется, что проявляется мало симпатіи или вниманія къ вашимъ интересамъ, то знайте твердо: король прусскій стоитъ высоко надъ партіями; онъ не дастъ себя въ обманъ; онъ не оставляетъ безъ вниманія ни одного изъ своихъ подданныхъ и работаетъ для блага каждаго индивидуума и каждой провинціи».

Среди подданныхъ есть категорія, особенно близкая къ королю; это—дворянство. Оно больше всѣхъ прочихъ должно раздѣлять его идеи о патріархальномъ управленіи и воздерживаться отъ оппозиціи. Его неповиновеніе—почти безбожно. «Я замѣтилъ къ глубокому моему прискорбію, что въ близкихъ ко мнѣ кругахъ дворянства не понимаютъ моихъ лучшихъ намѣреній, отчасти даже борются съ ними. Говорятъ даже объ оппозиціи... Господа! Оппозиція прусскихъ дворянъ противъ ихъ короля—безсмыслица. Только съ королемъ во главѣ дворянство имѣетъ свое значеніе; этому учитъ вся исторія нашего дома». Ясно, что для Вильгельма уже измѣна, если люди думаютъ иначе, чѣмъ онъ, если они стараются дать побѣду тому мнѣнію, которое не является его мнѣніемъ. Эта измѣна особенно отвратительна, когда она проявляется въ дворянской средѣ. Но она раздражаетъ и огорчаетъ его въ любомъ изъ подданныхъ.

Нападки, которымъ подвергается Вильгельмъ II со стороны подданныхъ, причиняютъ ему большую боль. Онъ, вѣдь, смотритъ на подданныхъ, какъ на своихъ дѣтей, онъ имѣетъ въ виду только ихъ интересы, онъ работаетъ для нихъ дни и ночи, онъ дѣлаетъ для нихъ все, что считаетъ передъ Богомъ и передъ своей совѣстью благомъ для нихъ,... и все-таки на него нападаютъ? Можно относиться по разному къ старомоднымъ взглядамъ императора, къ его религіозной мечтательности, но у него нельзя во всякомъ случаѣ отнять искренности. И онъ, конечно, долженъ считать величайшей несправедливостью, когда къ нему относятся такъ, какъ многіе въ Германіи относятся къ Вильгельму II. Горечь еще усиливается тѣмъ, что всю оппозицію по складу своего міросозерцанія онъ считаетъ направленной *лично* противъ себя.

Оппозиція для него—«духъ неповиновенія», онъ говоритъ о подданныхъ, какъ отецъ о непослушныхъ дѣтяхъ. Неблагодарные не вѣрятъ, что онъ избралъ лучшій путь къ ихъ благу. Они не довѣряютъ тому, кому Богъ вручилъ выполненіе задачи вести народъ. Такъ думаетъ Вильгельмъ. Между тѣмъ съ первыхъ же дней царствованія на него сыпятся насмѣшки, обвиненія, даже оскорбленія. Въ результатѣ у него складывается убѣжденіе, что въ народѣ имѣется партія, меньшинство неисправимыхъ недовольныхъ. Онъ не можетъ признать права на оппозицію, не можетъ признать допустимымъ желаніе оказать на него давленіе путемъ воздѣйствія общественнаго мнѣнія. Онъ вѣритъ поэтому, что его преслѣдуетъ кучка ворчуновъ, желающихъ возбудить противъ него массы путемъ извращенія фактовъ. Это представленіе Вильгельма еще углубляетъ пропасть между его религіозно-мистической и патріархальной концепціей власти и такими современными идеями, какъ свобода мысли и слова, парламентскій контроль, отвѣтственность министровъ и т. д.

«Къ сожалѣнію вошло въ привычку критиковать все, что дѣлаетъ правительство,—говорилъ Вильгельмъ еще въ 1892 г.— Не лучше ли было бы, если бы всѣ ворчуны и недовольные отрясли нѣмецкій прахъ отъ своихъ ногъ и какъ можно скорѣе покинули нашу страну, состояніе которой столь плачевно и жалко. И имъ было бы лучше, и намъ они доставили бы большое удовольствіе». Это—излюбленная идея императора. Относясь такъ къ недовольнымъ, онъ не можетъ, конечно, быть терпимымъ къ партіи, какъ бы олицетворяющей недовольство,—къ соціалъ-демократіи. Соціалъ-демократъ для Вильгельма—то же, что антихристъ для отца церкви. Это—предметъ ужаса и отвращенія. Дѣйствительно, трудно представить себѣ бóльшій контрастъ, чѣмъ тотъ, какой существуетъ между феодальными, мистическими, патріархальными идеями императора,—и взглядами Бебеля, Либкнехта и др.

Вильгельмъ неустанно призываетъ здоровые элементы общества къ борьбѣ противъ соціалъ-демократовъ. «Наша общая задача—борьба противъ революціи всѣми доступными средствами. Партія, которая осмѣливается нападать на самыя основы государства, которая возстаетъ противъ религіи, которая не останавливается даже предъ Всемогущимъ, должна быть обезсилена.

Мы не раньше оставимъ борьбу, чѣмъ освободивши страну отъ этой болѣзни». Въ то, что соціализмъ пустилъ въ Германіи прочные корни, Вильгельмъ II несклоненъ вѣрить: «Я смотрю на соціализмъ, какъ на явленіе преходящее; надѣлавъ достаточно шума, онъ исчезнетъ».

Партійнымъ раздорамъ, критикѣ недовольныхъ, нападкамъ соціалистовъ Вильгельмъ II неустанно противопоставляетъ свой идеалъ: объединеніе народа вокругъ своего государя. Объединенный народъ долженъ радостно работать для величія родины. Въ этой совмѣстной съ государемъ дѣятельности онъ долженъ находить наслажденіе, преображающее жизнь, дѣлающее ее благородной, чистой и радостной. Вильгельмъ II—оптимистъ, у него есть мощное чувство, которое можно назвать «радостью творчества». На этомъ пути творчества онъ и зоветъ народъ за собою слѣдовать. И эта радость творчества связана у него съ непоколебимой вѣрой въ будущее Германіи: «У насъ великое будущее,—говоритъ онъ,—и я веду васъ навстрѣчу днямъ славы. Не позволяйте ворчанью недовольныхъ омрачать нашу вѣру въ будущее и нашу радость совмѣстной работы». Или еще: «Каковы обязанности молодежи? Работать, избѣгать распрь, ненависти, зависти; радоваться своему нѣмецкому отечеству, такому, каково оно есть; не мечтать о невозможномъ; жить въ твердомъ убѣжденіи, что Богъ не повелъ бы нашу родину и нашъ народъ столь труднымъ путемъ, если бы онъ не предназначилъ насъ къ выполненію великихъ задачъ. *Мы—соль земли*. Но мы должны показать себя достойными своей миссіи». Германскій народъ для него своего рода искупитель человѣчества, избранный Богомъ народъ, которому предназначено морально завоевать землю и установить на ней царство добродѣтели. Вести народъ по этому пути призваны Гогенцоллерны, и народъ долженъ за ними слѣдовать.

Заканчивая свое изслѣдованіе представленій Вильгельма II о сущности власти, о ея задачахъ и объ отношеніи къ ней подданныхъ, Арранъ приводитъ рядъ его любимыхъ афоризмовъ, вызвавшихъ въ свое время сенсацію. Въ 1890 г. онъ посылаетъ свой портретъ фонъ-Гослеру съ надписью: «Sic volo, sic jubeo». Въ 1891 г. онъ пишетъ въ городской книгѣ посѣтителей Мюнхена: «Suprema lex regis voluntas». Наконецъ, въ 1893 г. онъ пишетъ на портретѣ, посылаемомъ Фридбергу: «Nemo me impune lacessit».

III.

Соціальная политика императора вытекаетъ изъ тѣхъ основныхъ положеній, которыя намъ уже извѣстны. При патріархальномъ режимѣ, о которомъ мечтаетъ Вильгельмъ, государь работаетъ для блага всѣхъ и не оставляетъ безъ вниманія ни одного класса. Конечно, онъ долженъ отечески заботиться и о рабочихъ. Но они въ свою очередь должны питать довѣріе къ его отеческому сердцу, отказываться отъ политической агитаціи, не пытаться насильственно осуществлять то, что представляется имъ благомъ. Такимъ поведеніемъ они могутъ только лишить себя симпатіи государя. Больше всего они должны остерегаться

партіи измѣнниковъ—соціалъ-демократовъ. Если рабочіе остаются добрыми и лоіяльными подданными, то императоръ и король ихъ охраняетъ, дѣлаетъ все возможное для улучшенія ихъ положенія и въ случаѣ нужды выступаетъ даже на ихъ защиту противъ работодателей.

Таковы основы соціальной политики Вильгельма II. Но мѣры, принимаемыя имъ для достиженія этихъ цѣлей, часто представлялись внутренно-противорѣчивыми. Въ началѣ царствованія молодой, довѣрчивый императоръ думаетъ, что споры между рабочими и работодателями легко уладить, что соціальный вопросъ легко разрѣшить. Онъ думаетъ, что достаточно сказать слово расположенія, и пролетаріи отвернутся отъ соціализма и сплотятся вокругъ государя. На этой почвѣ произошелъ разрывъ съ реалистомъ и скептикомъ Бисмаркомъ. Въ это время созывается международная конференція, Вильгельмъ II заявляетъ рабочимъ, что онъ взялъ ихъ дѣло въ свои руки.

Затѣмъ Вильгельмъ замѣчаетъ, что его дѣятельность остается безрезультатной. Надъ его патріархальными идеями смѣются, соціализмъ же все усиливается. Тутъ тонъ императора становится угрожающимъ, его выступленія противъ революціонной партіи учащаются, онъ склоняется постепенно къ репрессивной политикѣ Бисмарка. Но его идеалъ все тотъ же: объединеніе всѣхъ гражданъ вокругъ государя. Онъ попрежнему относится съ полной симпатіей къ патріотическому, лояльному, религіозному рабочему населенію. Неуспѣхъ своей политики онъ приписываетъ только проискамъ соціалистовъ и еще больше ненавидитъ за это партію «недовольныхъ».

Во время одной забастовки въ 1889 г. Вильгельмъ II выступилъ въ роли посредника между рабочими и предпринимателями и произнесъ въ связи съ этимъ двѣ интересныя рѣчи: «Я отношусь къ рабочимъ съ живѣйшимъ интересомъ,—заявилъ онъ рабочимъ,—я совѣтую горнорабочимъ беречься сближенія съ политическими партіями, особенно же съ соціалъ-демократами. Ибо, когда я замѣчу, что ихъ движеніе стремится къ соціализму, я приму строгія мѣры для его подавленія. И такъ какъ правительство обладаетъ значительной силой, то зачинщики малѣйшаго движенія противъ властей будутъ безжалостно разстрѣляны. Если же горнорабочіе, наоборотъ, останутся спокойными, то они могутъ положиться на мою защиту».

«Совершенно естественно,—заявилъ онъ черезъ день предпринимателямъ,—что каждый старается добыть себѣ по возможности благопріятныя жизненныя условія. Рабочіе читаютъ газеты. Они знаютъ, въ какомъ отношеніи стоитъ ихъ заработная плата къ прибыли компаній. Понятно, что они желаютъ въ томъ или иномъ размѣрѣ пользоваться долей этой прибыли. Я просилъ бы васъ, господа, серьезно подумать о положеніи вещей и по возможности предупредить повтореніе такихъ случаевъ въ будущемъ. Я считаю своимъ королевскимъ долгомъ притти на помощь въ случаѣ разногласій какъ къ работодателямъ, такъ и къ рабочимъ, но на одномъ условіи: они въ свою очередь должны въ общемъ интересѣ позаботиться о соглашеніи, они

должны защитить своихъ согражданъ отъ потрясеній, подобныхъ настоящему».

Религія играетъ значительную роль въ соціальныхъ построеніяхъ Вильгельма. Христіанская мораль, любовь къ ближнему—объ этомъ онъ постоянно упоминаетъ. Онъ пишетъ въ 1890 г. объ «улучшеніи положенія менѣе обезпеченныхъ, болѣе слабыхъ классовъ въ духѣ христіанской морали». Уже при вступленіи на престолъ онъ говоритъ: «Я не обольщаю себя надеждой законами изгнать изъ міра бѣдность. Но я считаю долгомъ государства всѣми силами стремиться смягчать соціальныя страданія, проистекающія изъ современнаго хозяйственнаго порядка. Органическимъ законодательствомъ всѣ должны быть подвинуты къ тому, чтобы признать какъ общій долгъ, проявленіе любви къ ближнимъ, проповѣдуемой намъ христіанствомъ».

Вильгельмъ вѣрилъ, что соціальное законодательство удовлетворитъ рабочихъ и приведетъ съ собою соціальный миръ. Но даже когда онъ понялъ, что рабочіе законы не могутъ обезоружить соціализмъ, онъ остался попрежнему ихъ вѣрнымъ защитникомъ и сторонникомъ ихъ дальнѣйшаго развитія. Какъ мы видѣли, и въ этой области взгляды Вильгельма II очень далеки отъ современныхъ представленій о соціальномъ вопросѣ. Соціальный миръ, о которомъ онъ мечтаетъ, тѣсно связанъ съ его религіозными настроеніями и съ его концепціей патріархальной, неограниченной власти монарха.

IV.

Вильгельмъ II знаетъ, что его представленія о королевской власти, о соціальной политикѣ—не совпадаютъ съ современными, не совпадаютъ въ частности съ представленіями значительнаго числа его подданныхъ. Уже и тонъ его рѣчей свидѣтельствуетъ о желаніи убѣдить; онѣ почти всегда—проповѣди. Онъ заклинаетъ народъ вѣрить ему, слѣдовать за нимъ. Онъ видитъ, такимъ образомъ, что его патріархальное королевство, его божественная миссія еще не признаны. Слѣдовательно, онъ не можетъ опираться на общественное мнѣніе. На что же онъ надѣется опереться, чтобы поднять Германію на ту высоту, о которой онъ мечтаетъ? Его точка опоры—это армія.

При вступленіи на престолъ Вильгельмъ II обратился съ воззваніемъ прежде всего къ арміи, затѣмъ—къ флоту, и только черезъ два дня къ народу. «Мы принадлежимъ другъ другу,—говорилъ онъ въ этомъ воззваніи,—мы родились другъ для друга и будемъ твердо держаться вмѣстѣ, будетъ ли миръ или военная непогода». И позже онъ всегда прочувствованно вспоминаетъ, что его первое обращеніе было къ арміи. Она довѣряла ему и онъ довѣрялъ ей; она всегда показывала народу примѣръ вѣрности монарху. Въ десятилѣтіе своего вступленія на престолъ Вильгельмъ говорилъ: «Главное наслѣдство, оставленное мнѣ дѣдомъ и отцомъ,—наслѣдство, которое я принялъ съ гордостью и радостью,—это армія. Къ ней обратился я прежде всего, вступивъ на престолъ. Къ ней обращаюсь я теперь снова. Подъ гнетомъ тяжелыхъ заботъ принялъ я корону. Повсюду во мнѣ со-

мнѣвались, повсюду я встрѣчался съ ложными сужденіями. Только армія питала ко мнѣ довѣріе, только армія въ меня вѣрила. И опираясь на нее, вѣря въ нашего стараго Бога, я взялъ на себя бремя правленія, зная твердо, что въ арміи главная защита нашей страны, главная опора прусскаго трона, на который я призванъ Богомъ»...

Вильгельмъ опредѣленно противопоставляетъ вѣрность арміи политической агитаціи, и заявляетъ, что онъ относится равнодушно къ недовольству, пока офицерство остается вѣрнымъ. «Чѣмъ большее значеніе получаютъ партійныя направленія, тѣмъ тверже разсчитываю я на свою армію, тѣмъ опредѣленнѣе надѣюсь я, что моя армія будетъ повиноваться моимъ желаніямъ какъ во внѣ, такъ и внутри. Я вспоминаю слова моего дѣда, сказанныя въ тяжелыя времена 1848 г. при торжественномъ пріемѣ офицерскаго корпуса: «вотъ тѣ, на кого я полагаюсь». Естественно, что императоръ увѣренъ также въ томъ, что въ случаѣ нужды онъ при помощи своихъ солдатъ раздавитъ недовольныхъ и уничтожитъ грозящую общественному порядку революціонную партію. И это онъ заявляетъ открыто, не боясь возбужденія, вызываемаго такими словами. «Вѣрные вашей присягѣ, вы должны защищать уваженіе къ закону и религіи, любовь къ королевскому дому, вы должны бороться съ тенденціями, ведущими къ перевороту, вы должны стоять сплоченно вокругъ короля. Такова ваша задача».

«Какъ я,—говорилъ онъ въ другой разъ,—въ качествѣ монарха и государя, отдаю всѣ свои помыслы и труды отечеству, такъ и вы обязаны отдать за меня всю свою жизнь». Это уже воззрѣнія совершенно архаическаго характера, воззрѣнія, напоминающія о временахъ древнихъ германцевъ. Солдатъ принадлежитъ душою и тѣломъ тому, кому на вѣрность онъ присягалъ. Вильгельмъ говоритъ, не смущаясь, даже о гражданской войнѣ и о томъ, что въ случаѣ революціи солдаты должны стрѣлять въ собственныхъ родныхъ. «Болѣе, чѣмъ когда-либо, подымаютъ голову недовольство и недовѣріе; можетъ случиться—Богъ да сохранитъ насъ отъ этого!—что вамъ придется стрѣлять въ вашихъ родныхъ и братьевъ. Запечатлѣйте же тогда вашу вѣрность кровью вашего сердца». Понятно возбужденіе, вызванное этими словами въ Германіи.

Для императора солдатъ долженъ обладать добродѣтелями, скорѣе напоминающими о средневѣковомъ рыцарѣ. Въ арміи долженъ осуществиться его идеалъ христіански-настроеннаго, послушнаго, вѣрнаго, патріотичнаго, храбраго нѣмца. Здѣсь мечтательный христіанскій идеализмъ Вильгельма проявляется въ полной мѣрѣ. «Только добрый христіанинъ можетъ быть храбрымъ человѣкомъ и прусскимъ солдатомъ. Не-христіанинъ никакъ не можетъ выполнять, что требуютъ отъ солдата въ прусской арміи. Ихъ долгъ не легкій: онъ требуетъ отъ нихъ самоотреченія и безкорыстія, двухъ высшихъ добродѣтелей христіанина, затѣмъ безусловнаго повиновенія и покорности приказаніямъ начальства». На это, конечно, было тотчасъ же указано, что хорошимъ солдатомъ, очевидно, не могъ бы быть и Фридрихъ II, ибо онъ былъ сомнительный христіанинъ. Но

Вильгельмъ, не смущаясь возраженіями, высказывалъ эту мысль неоднократно. Само собою разумѣется, «христіанство» германскаго солдата, о которомъ мечтаетъ Вильгельмъ, носитъ весьма односторонній характеръ. Христіанскія добродѣтели необходимы, такъ сказать, для внутренняго употребленія. По отношенію-то къ врагу—«плѣнныхъ не брать, пощады не давать». Эта сторона «христіанства» Вильгельма мало освѣщена въ книгѣ Аррана. Между тѣмъ сейчасъ, въ разгаръ войны, жестокость по отношенію къ врагамъ, даже по отношенію къ мирнымъ жителямъ непріятельскихъ странъ представляется чертой, гораздо болѣе характерной для германской арміи, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе ощутительной для другихъ, чѣмъ ея весьма проблематичныя христіанскія добродѣтели.

Вильгельмъ полагается на армію въ дѣлѣ поддержанія порядка. Она образуетъ силу королевской власти и дѣлаетъ возможнымъ выполненіе ея божественной миссіи. И въ прошломъ прусское королевство сдѣлало свое величайшее дѣло при ея помощи. Это дѣло—единство Германіи и ея независимость. Армія, вѣрный солдатъ, хорошій нѣмецъ, а не усилія политической работы многихъ лѣтъ, не парламентскія рѣшенія создали германскую имперію. Даже за солидарность различныхъ союзныхъ государствъ служитъ порукой ни что иное, какъ ихъ братство по оружію. «Братство по оружію германскаго войска, скрѣпленное потоками геройской крови, пролитой на поляхъ Франціи, было краеугольнымъ камнемъ новой имперіи, узами, связавшими навѣки князей и народъ Германіи. Не различныя учрежденія, не конституція, не общественное мнѣніе связываютъ различныя части имперіи и создаютъ ея силу, а армія».

Такъ какъ, по мнѣнію Вильгельма, мощь германской имперіи служитъ порукой за сохраненіе мира въ Европѣ, то войско, слѣдовательно, обезпечиваетъ странѣ благословеніе мира. Никто не сомнѣвается въ искренности императора, когда онъ говоритъ о своей любви къ арміи; но къ его заявленіямъ о мирѣ всегда относились скептически. Источникъ этого скептицизма, съ одной стороны, въ любви Вильгельма къ военному аппарату, съ другой—въ его частыхъ воинственныхъ фразахъ, рѣзко противорѣчащихъ его миролюбію. По мнѣнію Аррана, скептики не совсѣмъ правы. Вѣдь остается все же фактомъ, что этотъ «воинственный» императоръ ни разу за первыя 25 лѣтъ своего правленія не извлекъ мечъ изъ ноженъ, чѣмъ неоднократно возбуждалъ противъ себя неудовольствіе именно въ военныхъ сферахъ. Нѣкоторые офицеры обвиняли его прямо въ страхѣ предъ войною.

Съ самаго дня вступленія на престолъ Вильгельмъ утверждаетъ, что онъ желаетъ обезпечить народу пользованіе благами мира, столь необходимаго для хозяйственнаго преуспѣянія Германіи. При всѣхъ своихъ мистическихъ и феодальныхъ представленіяхъ о королевской власти, Вильгельмъ, дѣйствительно, относится съ большимъ интересомъ и вниманіемъ къ торгово-промышленному развитію страны. Его называли даже королемъ-вояжеромъ за его старанія расширить рынки нѣмецкой индустріи. А это дѣло расширенія рынковъ требовало мира.

«Всѣ народы,—говорилъ императоръ въ 1895 г.,—хотятъ мира, мечтаютъ о мирѣ. Только въ мирныя времена можетъ расширяться міровая торговля. Мы хотимъ сохранить миръ и сохранимъ его. Германія нуждается въ мирѣ, чтобы Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ могли продавать за границей продукты національной индустріи... Намъ не нужны ни завоеванія, ни военная слава».

«Я намѣренъ,—говоритъ онъ въ тронной рѣчи 1888 г.,—поскольку это отъ меня зависитъ, жить въ мирѣ со всѣми народами. Моя любовь къ арміи, мѣсто, которое я въ ней занимаю, никогда не заставитъ меня лишить мой народъ благъ мира». Но для сохраненія мира есть, по его мнѣнію, только одно средство—военный перевѣсъ силъ имперіи, и этимъ объясняются всѣ кажущіяся противорѣчія между его мирными и его воинственными заявленіями. Недостаточно желать мира, надо еще заставить другихъ его соблюдать. «Прусскій король можетъ сохранять миръ: тѣ, кто его пожелаетъ нарушить, получатъ урокъ, о которомъ они будутъ помнить столѣтія». Поэтому во всякой возможности перевѣса другихъ европейскихъ армій надъ германской онъ видитъ угрозу миру. Съ этой точки зрѣнія повторное усиленіе контингента германской арміи—только новыя ручательства за миръ. И въ этой увѣренности Вильгельмъ черпаетъ свою готовность «раздавить оппозиціи» военнымъ законамъ. «Я убѣжденъ, что это необходимо для сохраненія мира». Конечно, по существу можно считать его неправымъ; но въ его искренности, какъ думаетъ Арранъ, нѣтъ основаній сомнѣваться.

Какъ Гогенцоллерны получили полномочія отъ Бога сдѣлать нѣмецкій народъ счастливымъ, такъ Германія призвана Богомъ не только поддерживать миръ на землѣ, но и спасать человѣчество. Перевѣсъ Германіи покоится, такимъ образомъ, не только на ея военномъ могуществѣ; онъ морально оправданъ, онъ соотвѣтствуетъ божественному порядку. «Въ своемъ новомъ вооруженіи стоитъ нѣмецкій народъ на своемъ посту, охраняя миръ на землѣ, какъ бы у вратъ храма мира. Пусть нѣмецкій народъ никогда не откажется отъ своей высокой цивилизаторской миссіи, данной ему Богомъ и предуказанной моимъ дѣдомъ». Чтобы быть достойнымъ выполненія этой высокой миссіи, германскій народъ долженъ оставаться народомъ Божіимъ. Мы уже видѣли, что нѣмцы—соль земли. Но чтобы сохранить свой перевѣсъ надъ другими, они должны быть проникнуты добродѣтелью, благочестіемъ, уваженіемъ къ порядку и дисциплинѣ, должны быть вѣрны христіанству и королевской власти. Ихъ военная мощь имѣетъ своимъ источникомъ моральную мощь.

«Я никогда не стремился къ міровому господству. Ибо что вышло изъ такъ называемыхъ великихъ міровыхъ имперій? Александръ Великій, Наполеонъ I, всѣ великіе военные герои плавали въ крови и оставили послѣ себя порабощенные народы, которые затѣмъ вновь возставали и разбивали имперію. Міровая власть, о которой я мечтаю, должна состоять въ томъ, что вновь созданная германская имперія завоюетъ общее довѣріе и будетъ считаться всѣми спокойнымъ, честнымъ и мирнымъ

сосѣдомъ. Если въ будущемъ, можетъ быть, скажутъ о міровомъ господствѣ Германіи или міровомъ господствѣ Гогенцоллерновъ, то оно будетъ основано не на завоеваніяхъ меча, а на взаимномъ довѣріи стремящихся къ единой цѣли народовъ».

Арранъ твердо вѣритъ въ полную искренность даже этихъ словъ. Вообще, самымъ существеннымъ недостаткомъ книги Аррана является то, что онъ не считается съ несомнѣнной театральностью императора, съ его склонностью къ позерству. Между тѣмъ въ только что цитированныхъ фразахъ этотъ элементъ безспорно сказывается. Можно согласится съ Арраномъ, что Вильгельмъ мечтаетъ о господствѣ Германіи, основанномъ не только на силѣ меча, но и на силѣ духа. Но мы уже видѣли выше, что онъ всегда готовъ «дать урокъ» оружіемъ тѣмъ, кто стремится «нарушить миръ». Несомнѣнно,—и это показываютъ послѣднія событія,—что нарушителя мира онъ склоненъ видѣть во всякомъ, кто не признаетъ гегемоніи Германіи, въ необходимость которой онъ твердо вѣритъ. И эта оцѣнка международныхъ отношеній съ исключительной точки зрѣнія германской гегемоніи дѣлали Вильгельма II, вопреки мнѣнію Аррана и собственнымъ словомъ императора, дѣйствительно, самой страшной угрозой столь «дорогому» ему дѣлу мира.

V.

Гогенцоллерны всегда понимали свое время,—говоритъ Вильгельмъ II.—Они всегда требовали отъ подданныхъ слѣдовать за ними по избраннымъ ими путямъ. Но они никогда не были реакціонерами, тормозящими прогрессъ цивилизаціи. Наоборотъ, со своей возвышенной позиціи они видѣли дальше другихъ и выводили народъ на новые пути. Такъ и самъ Вильгельмъ, при всей реакціонности своего политическаго идеала, является во многихъ отношеніяхъ слугою потребностей новаго времени. нуждъ новой Германіи.

Вильгельмъ II вѣритъ, что Германія должна направить всѣ свои силы къ хозяйственному расширенію и къ мирному завоеванію міровыхъ рынковъ для своихъ торговли и индустріи. Несомнѣнно, что въ этомъ онъ обнаруживаетъ большую дальновидность. По историческимъ традиціямъ Гогенцоллерновъ онъ долженъ былъ бы стоять духовно очень близко къ образующему силу его монархіи и его арміи прусскому юнкерству. Между тѣмъ въ юнкерской средѣ царитъ презрѣніе къ торгово-промышленнымъ занятіямъ. Вильгельмъ часто высказывалъ свое довѣріе къ своему дворянству и арміи; на нихъ, какъ на rocher de bronze, покоится его тронъ. Но когда интересы прусскихъ консерваторовъ столкнулись съ интересами торгово-промышленными, то императоръ сталъ на сторону послѣднихъ. Онъ даже заявилъ (въ вопросѣ о проведеніи среднегерманскаго канала), что онъ безжалостно сломитъ сопротивленіе дворянъ.

Вильгельмъ всячески старался пробудить въ своемъ народѣ сознаніе, что весь міръ долженъ быть ареной его хозяйственной дѣятельности, внушить народу идеалъ «Grösseres Deutsches Reich», соотвѣтствующій англійскому «Greater Britain». Еще въ 1891 г.

онъ пишетъ: «Въ концѣ XIX столѣтія міръ живетъ въ вѣкѣ обмѣна. Обмѣнъ ломаетъ рамки, раздѣляющія народы, и завязываетъ между ними новыя связи». Въ 1896 г. онъ высказывается болѣе опредѣленно: «Германская имперія стала міровой имперіей. Вездѣ, въ отдаленнѣйшихъ частяхъ земли живутъ наши соплеменники. Нѣмецкіе продукты, нѣмецкая наука, нѣмецкая промышленность идутъ за океанъ. Тысячами милліоновъ оцѣниваются товары, отправляемые Германіей за океанъ. На васъ лежитъ обязанность помочь мнѣ связать эту «великую Германію» съ европейской Германіей».

Для защиты европейскихъ владѣній было достаточно арміи; для охраны міровой имперіи нуженъ флотъ. Такъ интересъ къ хозяйственному развитію Германіи приводитъ къ сознанію необходимости сильнаго военнаго флота. Имперіалистическіе взгляды высказывались Вильгельмомъ неоднократно. Одна изъ самыхъ ясныхъ формулировокъ—рѣчь при спускѣ броненосца «Karl der Grosse» въ 1899 г. «Здѣсь, въ Гамбургѣ,—говорилъ императоръ,—лучше всего сознаютъ, какъ необходима мощная защита нашихъ морскихъ силъ для нашихъ внѣшнихъ интересовъ. Но это сознаніе лишь медленно проникаетъ въ массы нѣмецкаго народа. Интересъ и политическое пониманіе великихъ, движущихъ міръ вопросовъ лишь медленно прогрессируетъ среди нѣмцевъ. Но посмотримъ же вокругъ себя: какъ измѣнился обликъ міра за нѣсколько лѣтъ. Старыя имперіи рушатся, новыя зарождаются; на поприще мірового соревнованья выступаютъ новыя націи, о которыхъ профанъ раньше мало и слышалъ. Изобрѣтенія человѣческаго ума, производящія перевороты и въ международныхъ отношеніяхъ, и въ экономической жизни отдѣльныхъ народовъ, и требовавшія раньше для своего созрѣванія столѣтій, возникаютъ теперь въ теченіе мѣсяцевъ. Въ связи съ этимъ задачи германской имперіи и народа значительно усложнились. Онѣ требуютъ отъ меня и отъ моего правительства напряженія, которое только тогда может увѣнчаться успѣхомъ, когда нѣмцы, отказавшись отъ партій, сплотятся со мною. Наши старые политическіе грѣхи сказываются теперь тяжело на нашихъ морскихъ интересахъ и на нашемъ флотѣ. Если бы въ первые годы моего правленія моему правительству не отказывали въ его усиленіи, то мы могли бы теперь оказать не такую поддержку нашей цвѣтущей торговлѣ и нашимъ заморскимъ интересамъ».

«Политика мира» Вильгельма II требуетъ для Германіи сильной арміи, которая могла бы принуждать къ миру другихъ. Мы уже видѣли, что онъ мечтаетъ о своеобразной моральной гегемоніи, о верховенствѣ, признанномъ и принятомъ другими народами. Съ этой мечтой тѣсно связана и его идея «Великой Германіи». Война 1870—71 гг. создала положеніе Германіи въ Европѣ. Эту задачу можно теперь считать выполненной. Но первая побѣда должна быть дополнена второй, которая обезпечитъ положеніе Германіи въ мірѣ. Какъ 1870 г. былъ невозможенъ безъ арміи, такъ дальнѣйшее движеніе впередъ невозможно безъ флота. Эту новую задачу предстоитъ разрѣшить Вильгельму II. «Какъ мощно бьютъ въ ворота нашего народа

волны океана. Онѣ вынуждаютъ его занять въ мірѣ мѣсто, подобающее великому народу, вести міровую политику. Океанъ необходимъ для величія Германіи. На его волнахъ и за океаномъ ничего не должно рѣшаться безъ Германіи и безъ германскаго императора. Нашъ нѣмецкій народъ не для того побѣждалъ и проливалъ свою кровь тридцать лѣтъ тому назадъ, чтобы позволить отодвинуть себя при рѣшеніи великихъ международныхъ задачъ».

Такимъ образомъ два мотива, неразрывно связанные: хозяйственное расширеніе Германіи и ея политическая гегемонія,—одинаково толкаютъ Вильгельма II въ сторону созданія боевого флота. Въ рѣчахъ императора обѣ мысли развиваются параллельно. Идея «господства на морѣ» кажется теперь уже почти общимъ мѣстомъ, а аргументація Вильгельма—почти банальной. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что, начиная свою агитацію, Вильгельмъ былъ очень одинокъ. Его флотскія увлеченія считали тогда авантюризмомъ, ибо силу Германіи всѣ привыкли видѣть исключительно въ сухопутной арміи. Необходимъ былъ настоящій походъ на общественное мнѣніе, и Вильгельмъ взялся за него и добился успѣха. Вильгельмъ самъ говоритъ объ этомъ такъ: «Сознаніе важности моря, флота и судоходства только медленно распространялось среди нашихъ земляковъ; теперь это сознаніе пробудилось, а если искра какой-либо идеи проникла въ нѣмца, она вскорѣ разгорится въ яркое пламя».

Конечно, Вильгельмъ особенно старался привлечь на свою сторону торгово-промышленные классы, доказывая имъ, что траты денегъ на флотъ—производительныя траты. «Вы понимаете,—говорилъ онъ въ Крефельдѣ,—что намъ необходимъ флотъ. Для васъ необходимо, чтобы сильный, мощный флотъ защищалъ торговый флагъ, дабы вы могли вездѣ сбывать спокойно свои продукты. Прилагая всѣ усилія къ развитію нашей мощи на морѣ, я думаю, что оказываю наилучшую услугу всѣмъ торгово-промышленнымъ городамъ. Я твердо убѣжденъ, что каждый спущенный на воду военный корабль является новой порукой за миръ и за безопасность вашей работы».

Всѣмъ извѣстно, какими блестящими результатами увѣнчалась агитація Вильгельма. Германіи, дѣйствительно, удалось за время его правленія создать сильный флотъ. Но это вызвало только соотвѣтственное усиленіе англійскаго флота. Крупныя затраты на флотъ въ Германіи, еще болѣе крупныя въ Англіи—такова вкратцѣ исторія ихъ соревнованія въ этой области. Въ итогѣ мощный германскій флотъ оказывается безсильнымъ въ охранѣ заморской торговли Германіи и укрывается въ своихъ портахъ, предоставивъ океанъ въ почти безраздѣльную власть Великобританіи, ея флота, ея торговли.

VI.

Какъ относится Вильгельмъ II къ своимъ западнымъ сосѣдямъ: къ Англіи и Франціи?—Связанный родственными узами съ англійскимъ королевскимъ домомъ, въ началѣ своего цар-

ствованія онъ поддерживалъ съ королевой Викторіей самыя сердечныя отношенія. Но затѣмъ вопросъ о военномъ флотѣ долженъ былъ неизбѣжно омрачить отношенія между странами. Безопасность Англіи обусловлена исключительно мощью ея флота. Безъ арміи, которая могла бы выдержать борьбу съ арміей какой-либо изъ континентальныхъ великихъ державъ. обладая имперіей, части которой разбросаны по всей земной поверхности, Англія стремится обладать безусловнымъ превосходствомъ морскихъ силъ не только по сравненію съ одной изъ державъ, но и по сравненію съ любой коалиціей державъ. Для Англіи господство на морѣ—не мечта, не отдаленный идеалъ, а жизненная необходимость. Этимъ диктуется вся англійская политика.

Легко поэтому понять, какое возбужденіе должны были вызывать въ Англіи заявленія Вильгельма о томъ, что «*будущее Германіи—на водѣ*». Достиженіе Вильгельмомъ его цѣли—созданіе мощнаго флота,—явнымъ образомъ должно было нарушить то равновѣсіе силъ, какое Англія считала необходимымъ для своего существованія. А между тѣмъ одновременно съ ростомъ германскаго флота шло быстрое развитіе германскихъ портовъ. германскаго торговаго судоходства, германской индустріи, которая начала уже вытѣснять англійскую съ мірового рынка. Въ Англіи неуклонно наростало глубокое раздраженіе противъ Германіи.

Въ первые годы своего правленія Вильгельмъ представляетъ себѣ отношенія съ Англіей такъ: Англія и Германія должны извѣстнымъ образомъ подѣлить между собою задачу сохраненія мира. Англійскій флотъ поддерживаетъ миръ на морѣ, а германская армія дѣлаетъ то же на сушѣ. Вмѣстѣ они являются достаточной порукой за миръ. «Германія обладаетъ соотвѣтственной своимъ нуждамъ арміей, и если Британія будетъ обладать соотвѣтственнымъ своимъ нуждамъ флотомъ, то Европа въ цѣломъ будетъ видѣть въ этомъ важный факторъ поддержанія мира». Въ этотъ періодъ Вильгельмъ пріобрѣтаетъ Гельголандъ, часто посѣщаетъ Англію. Идетъ рѣчь даже о возможности выступленія Англіи и Германіи «плечомъ къ плечу противъ общаго врага», слѣдовательно, уже о прямомъ союзѣ.

Но мысль о созданіи собственнаго флота быстро крѣпнетъ въ умѣ Вильгельма. Онъ выражаетъ ее въ формѣ, возможно болѣе пріемлемой для Англіи. Онъ—ученикъ; нѣмецкій флотъ считаетъ англійскій, рядомъ съ которымъ ему придется быть можетъ сражаться, образцомъ для себя. Всѣ эти сердечныя и дружественныя заявленія не могли, конечно, скрыть отъ Англіи истину: желаніе Вильгельма «сдѣлать для флота то, что его дѣдъ сдѣлалъ для сухопутной арміи». Англія и Германія явно расходятся, ихъ отношенія портятся. Въ 1895 г. пріѣздъ Вильгельма въ Англію вызвалъ уже рядъ откровенно-враждебныхъ статей въ періодической прессѣ; германская пресса въ свою очередь отвѣтила не менѣе рѣзко. Съ этого момента англофильскія выступленія императора становятся болѣе рѣдкими, а 3 января 1896 г. онъ посылаетъ даже свою нашумѣвшую поздравительную телеграмму Крюгеру (по поводу удачнаго отраженія набѣга Джемсона). Но все же и далѣе, почти до самыхъ послѣднихъ

лѣтъ, онъ высказываетъ изрѣдка свои глубокія симпатіи къ англійскому народу.

Арранъ считаетъ, повидимому, эти симпатіи искренними. Но гораздо удивительнѣе для него, какъ для француза, что онъ вѣритъ въ искренность желанія Вильгельма достигнуть прочнаго соглашенія съ Франціей. Онъ напоминаетъ о стараніяхъ императора привлечь французскихъ художниковъ на выставку 1891 г. въ Берлинѣ, о спеціальной миссіи съ этой цѣлью въ Парижъ матери императора и объ ея неудачѣ; затѣмъ о сочувственныхъ телеграммахъ императора вдовѣ Макъ-Магона въ 1893 г., вдовѣ Карно—въ 1894 г. Во всемъ этомъ Арранъ видитъ желаніе установить съ Франціей болѣе корректныя отношенія, чѣмъ тѣ, какія существовали съ войны 1871 г. до его вступленія на престолъ. Это желаніе—одно изъ проявленій общей политики императора,—политики общаго мира подъ покровительствомъ Германіи и ея мощной арміи.

Но на какихъ условіяхъ считаетъ Вильгельмъ возможнымъ сближеніе съ Франціей? Это высказано имъ съ ясностью, не допускающей никакихъ сомнѣній. Ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы отдать Франціи хотя бы часть Эльзасъ-Лотарингіи. Сближеніе необходимо, но только на основѣ status quo. «Скорѣе мы бросимъ на поле битвы всѣ наши восемнадцать корпусовъ, всѣ сорокъ два милліона нашего населенія,—говоритъ онъ,—чѣмъ уступимъ хоть одинъ единственный камень изъ того, что завоевано моимъ отцомъ и принцемъ Фридрихомъ-Карломъ». «Они нѣмцы,—говоритъ онъ о лотарингцахъ,—и съ помощью Бога и нѣмецкаго меча останутся нѣмцами».

При всемъ своемъ нѣсколько показномъ и во всякомъ случаѣ не вполнѣ послѣдовательномъ миролюбіи Вильгельмъ II заявляетъ прямо, что во имя неприкосновенности германской имперіи онъ обнажитъ мечъ не колеблясь, и что армія не позволитъ никакихъ нарушеній франкфуртскаго договора. Онъ неустанно напоминаетъ эльзасъ-лотарингцамъ о ненарушимости узъ, связывающихъ ихъ съ имперіей. Въ общемъ его политика по отношенію къ Франціи имѣетъ цѣлью устраненіе возможности войны, реванша безъ какихъ-либо уступокъ со стороны Германіи. Войны же съ Франціей онъ не хочетъ, ибо видитъ насущную задачу имперіи не въ территоріальномъ расширеніи въ Европѣ, но въ хозяйственномъ расширеніи за океанами. На этомъ поприщѣ онъ не боится французской конкуренціи.

Соображенія Аррана объ отношеніяхъ Вильгельма II къ Англіи и къ Франціи въ настоящій моментъ, конечно, значительно устарѣли. Зато громадный интересъ представляютъ именно сейчасъ его заключительныя замѣчанія о степени популярности Вильгельма. Арранъ рѣшительно предостерегаетъ отъ преувеличенныхъ, хотя и распространенныхъ представленій о размѣрахъ общественнаго недовольства императоромъ. Онъ напоминаетъ о томъ, что и Вильгельмъ I при жизни встрѣчалъ, казалось, сильнѣйшую оппозицію, что многое изъ совершоннаго имъ совершено не въ согласіи, а вопреки волѣ общества; и тѣмъ не

менѣе нѣтъ спора, что Вильгельмъ I теперь идолъ Германіи. Оппозиція Вильгельму II исходитъ изъ опредѣленныхъ круговъ, прогрессивныхъ и соціалистическихъ. Они сильны, конечно, но они составляютъ все-таки меньшинство германскаго народа. Большинство боготворитъ монарха. Было бы очень опасно,—говоритъ Арранъ,—если бы во Франціи распространилось убѣжденіе, что народъ не пойдетъ за Вильгельмомъ II въ случаѣ международнаго кризиса. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго. Популярность Вильгельма громадна и массы пойдутъ за нимъ безропотно въ минуту опасности. *Наихудшая изъ ошибокъ—самообманъ относительно силы противника...*

Событія послѣднихъ мѣсяцевъ, воинственный энтузіазмъ, проявленный самыми различными кругами германскаго общества,—свидѣтельствуютъ неопровержимо въ пользу справедливости этихъ указаній Аррана.

В. Волгинъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Я. Берлинъ. Изъ свѣтлыхъ дней Эллады. Очерки древне-греческой культуры. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Москва. Ц. 60 к. **Сергѣй Бертенсонъ.** Къ библіографіи матеріаловъ о Гоголѣ. 1911—1913. Спб. **И. Галантъ.** Арендовали ли евреи церкви на Украйнѣ? Съ письмомъ И. М. Каманина. Кіевъ. **Годовой отчетъ** комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года, за шестой 1913—14 годъ. **Д. С. Дарскій.** «Чудесные вымыслы». О космическомъ сознаніи въ лирикѣ Тютчева. Москва. Ц. 1 р. 50 к. **Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея.** Годъ 20. 1912. **И. И. Замотинъ.** М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава 1914. **Исторія Западной литературы.** Подъ редакціей проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Кн. 7. Изд. «Міръ». **М. Ливеровская.** Объ Окассенѣ и Никалетѣ. Старо-французская сказка-пѣснь. Москва. Ц. 50 к. **Б. Личковъ.** Границы познанія въ естественныхъ наукахъ. Книгоизд. И. И. Самоненко. Кіевъ. Ц. 1 р. 25 к. **А. Лихтенберже.** Современная Германія. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. **Н. М. Карамзинъ.** Записка о древней и новой Россіи. Спб. Изданіе гр. М. Н. Толстой. **Кн. К. В. Кекуатовъ.** Кооперація и право. Сборникъ заключеній Юрисконсульта Московскаго Народнаго Банка. Ц. 1 р. 50 к. **Мельгунова П. Е., Сивковъ К. К. и Н. П. Сидоровъ.** Русскій бытъ по мемуарамъ. XVIII в. ч. I. Изд. «Задруга». Москва. Ц. 1 р. 25 к. **Е. В. Молоствова.** Іеговисты. Жизнь и сочиненія кап. Н. С. Ильина. Возникновеніе секты и ея развитіе. Спб. 1914. **Зап. И. Р. Геогр. Общ. по этнографіи т. XXXVIII.** Подъ редакціей А. С. Пругавина. **Б. В. Нейманъ.** Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. Кіевъ. **Новалисъ.** Фрагментъ въ пер. Гр. Петникова. Изд. Лірень. Москва. **Н. Новомбергскій.** Очерки внутренняго управленія въ Московской Руси XVII стол. Продовольственное строеніе. Т. I. Томскъ. Ц. 3 р. **Н. К. Пиксановъ.** Хронологія русской литературы для учащихся. **Родзевичъ С. И.** Лермонтовъ, какъ романистъ. Съ пред. проф. Лободы. Изд. Оглоблина. Кіевъ. **Леонидъ Семеновъ.** О «Хаджи Муратѣ» Л. Толстого. Харьковъ. **Труды Юридическаго общества** при императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ т. VIII. **Труды Полтавской ученой архивной комиссіи.** Вып. II. Полтава. **У Троицы въ Академіи.** 1814—1914 г. Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ. Изд. бывшихъ воспитанниковъ Московской духовной академіи. Москва. Цѣна 3 руб. **С. Фарфоровскій.** Лабораторный методъ преподаванія исторіи. Варшава.

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

Отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

ГРАЖДАНЕ!

Страшное испытаніе пало на Россію. Водоворотомъ міровой войны захвачена наша родина, и только во всенародномъ воодушевленіи найдетъ она силу преодолѣть грозное бѣдствіе.

Велики страданія проливающихъ кровь на поляхъ сраженій, неизбывно горе тысячъ осиротѣвшихъ и обездоленныхъ семей, и мы всѣ съ любовнымъ порывомъ идемъ исполнять долгъ нашъ—залѣчить раны сражающихся, дать хлѣбъ, и кровъ, и работу ихъ семьямъ, пріютить оторванныхъ военными дѣйствіями отъ разоренныхъ очаговъ своихъ.

Но разразившееся тяжкое бѣдствіе не только разрушитъ благополучіе тысячъ семействъ, оно потрясетъ весь хозяйственный бытъ нашего государства.

Неубранными и невспаханными останутся осенью многія крестьянскія поля и незасѣянными встрѣтятъ они зиму, если не придетъ во время мірская помощь. А во многихъ мѣстахъ помощь будетъ нужна и всему населенію, застигнутому неурожаемъ. Ослабѣетъ кооперативное строительство, многие фабрики и заводы остановятся.

Вѣдь разорвались всѣ связи, неразрывно спаявшія наше народное хозяйство съ внѣшнимъ міромъ. Внезапно закрылись огромные рынки для сбыта нашего сырья, остановился привозъ нужныхъ намъ товаровъ, иссякъ притокъ денежныхъ средствъ, питавшій и поддерживавшій нашу промышленность, разстроено движеніе на путяхъ сообщенія—разрушенъ товарообмѣнъ страны.

Огненнымъ поясомъ охватилъ міровой пожаръ наши границы, и остались мы одинъ на одинъ въ борьбѣ съ опаснѣйшимъ врагомъ—хозяйственной разрухой. И въ этой борьбѣ у насъ не будетъ союзниковъ! Только геній свободнаго строительства народнаго можетъ провести благополучно государство черезъ всѣ грядущія испытанія.

Граждане! Необходима напряженная работа всѣхъ силъ страны, необходима широкая самодѣятельность населенія, необходимъ дѣйственный союзъ земства и городовъ со всѣми общественными организаціями. Нужна вся сила свободной мысли и свободнаго творчества населенія.

Сомкнутыми рядами должны пойти мы на борьбу съ голодомъ, нищетой и разореніемъ страны.

Императорское Вольное Экономическое Общество въ годины испытаній всегда отдавало свои силы и средства на борьбу съ народными бѣдствіями.

И нынѣ, исполняя долгъ помощи жертвамъ войны, общество одновременно приступаетъ къ выполненію задачи—поддержанія въ странѣ хозяйственнаго благополучія—и призываетъ всѣхъ къ этой работѣ.

Императорское Вольное Экономическое Общество вѣритъ, что его призывъ найдетъ откликъ во всѣхъ слояхъ населенія. Граждане! Примите личное участіе въ работахъ общества, шлите ему матеріальныя пожертвованія, создавайте на мѣстахъ всяческія организаціи помощи населенію и разрушающемуся хозяйству: изучайте всѣ мѣстныя нужды и добивайтесь ихъ скорѣйшаго удовлетворенія.

Императорское Вольное Экономическое Общество въ полномъ сознаніи исключительной трудности и отвѣтственности предстоящей работы, съ бодростью смотритъ впередъ всей силой своего разумѣнія, раздѣляя всенародную увѣренность, что нынѣшнія великія испытанія принесутъ всѣмъ народамъ Россіи полное возрожденіе для общей жизни во имя права, свободы и справедливости.

Императорское Вольное Экономическое Общество открываетъ сборъ пожертвованій на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ и ихъ семьямъ, тѣмъ нашимъ соотечественникамъ, которые, не находясь на полѣ брани, являются, тѣмъ не менѣе, жертвами внесеннаго войною въ хозяйственную жизнь страны экономическаго потрясенія, а также на помощь населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Сами жертвователи, если пожелаютъ, могутъ опредѣлить ту спеціальную цѣль, на которую сдѣлаютъ они свои пожертвованія.

Пожертвованія принимаются въ помѣщеніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества—СПБ., Забалканскій пр., 33; Центральный банкъ обществъ взаимнаго кредита: Невскій пр., 59.

СОВѢТЪ
Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Грозный часъ испытанія насталъ.

Германія, вѣковой врагъ славянства, объявила Россіи войну, и, въ союзѣ съ Австріей, желаетъ посягнуть на могущество нашей дорогой родины.

По слову своего Державнаго Вождя, русскій народъ, какъ одинъ человѣкъ, всталъ на защиту своего отечества.

Высочайше учрежденный Особый Комитетъ по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія, давшій флоту и арміи, за десятилѣтнее свое существованіе, 23 боевыхъ судна и подготовившій значительное количество военныхъ летчиковъ, несущихъ въ настоящее время боевую службу, направилъ нынѣ всѣ свои средства на постройку самолетовъ и на непрерывную подготовку летчиковъ и авіаціонныхъ мотористовъ какъ изъ чиновъ арміи и флота, такъ и изъ числа частныхъ лицъ, желающихъ служить, на правахъ охотниковъ, въ военно-авіаціонныхъ отрядахъ.

Ко всѣмъ, кому дорого благо великой Россіи, обращаюсь съ горячимъ призывомъ оказать состоящему подъ Моимъ предсѣдательствомъ Особому Комитету посильную помощь пожертвованіями на воздушный флотъ—могучее оружіе современной войны.

2 августа 1914 г.
Петроградъ.

Великій Князь **Александръ Михайловичъ.**

1. Прошенія принимаются въ Канцеляріи Высочайше учрежденнаго Особаго Комитета—Петроградъ, Офицерская улица, д. № 35.

2. Къ прошенію должны быть приложены документы, указанные въ перечнѣ требованій, предъявляемыхъ къ желающимъ обучаться искусству летать на аэропланахъ или подготовляться къ обязанностямъ авіаціонныхъ мотористовъ.

3. Пожертвованія принимаются: въ Конторѣ Двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича, Петрогр.,Офицер., 35; въ мѣстныхъ комитетахъ, казначействахъ, конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка, въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ, въ Волжско-Камскомъ коммерческомъ банкѣ и отдѣленіяхъ его, въ Московскомъ купеческомъ банкѣ и его отдѣленіяхъ и въ конторѣ газеты «Новое Время», Петрогр., Невскій, 40.

Состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

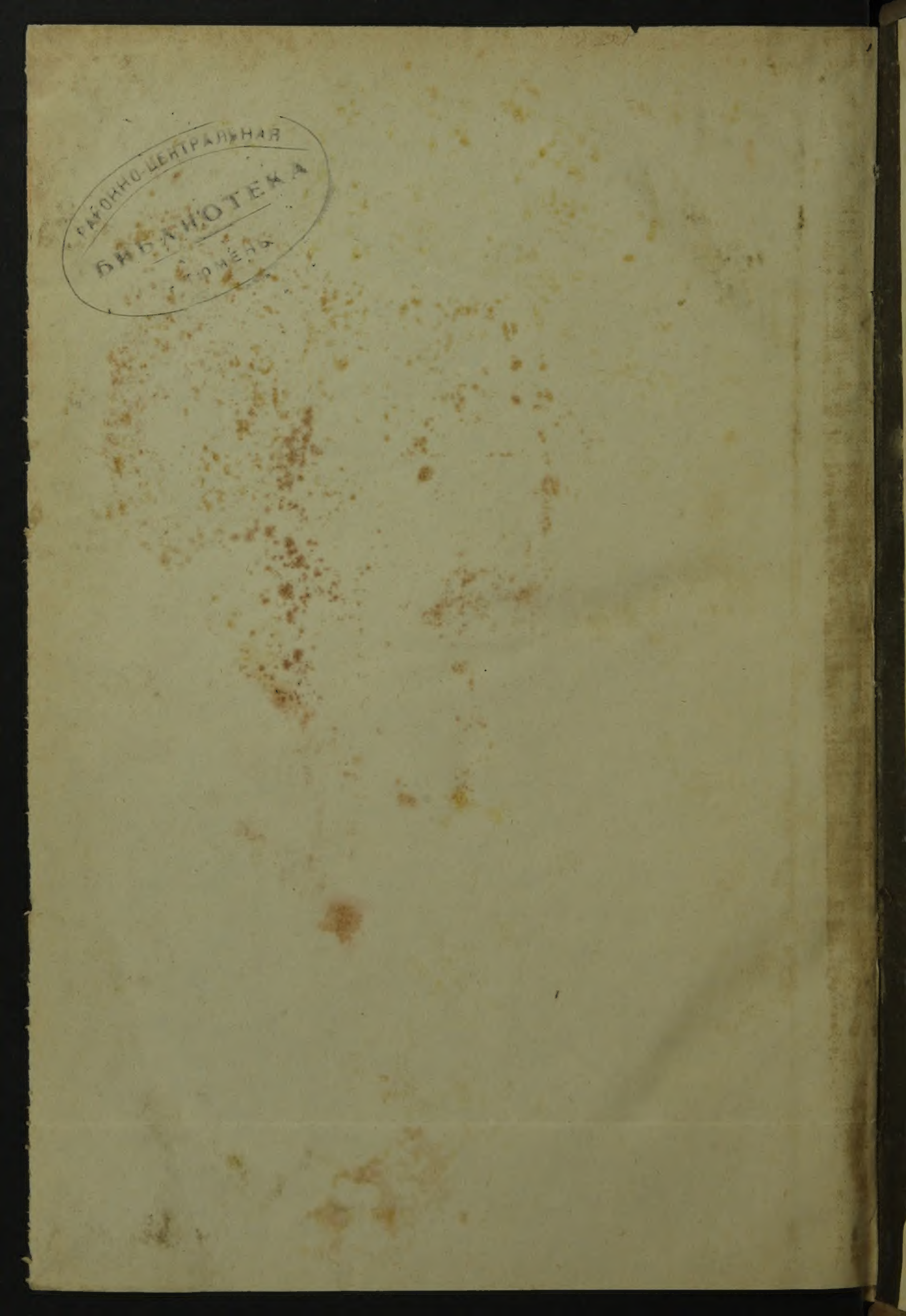
Скобелевскій комитетъ,

открывая госпитали-санаторіи для лѣченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины, призываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей **внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ,** кого такъ горячо любилъ незабвенный Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго **просятъ не стѣсняться,** такъ какъ всякое пожертвованіе какъ вещами, такъ и деньгами будетъ принято съ глубокой благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета, Петроградъ, Пески. Мытнинская улица, № 27.

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ТЮМЕНЬ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ОТЕКА

